

А. Е. ВАН ВОГТ

МИР НУЛЬ-А

ГОРДОН Р. ДИКСОН

ИНОЙ ПУТЬ

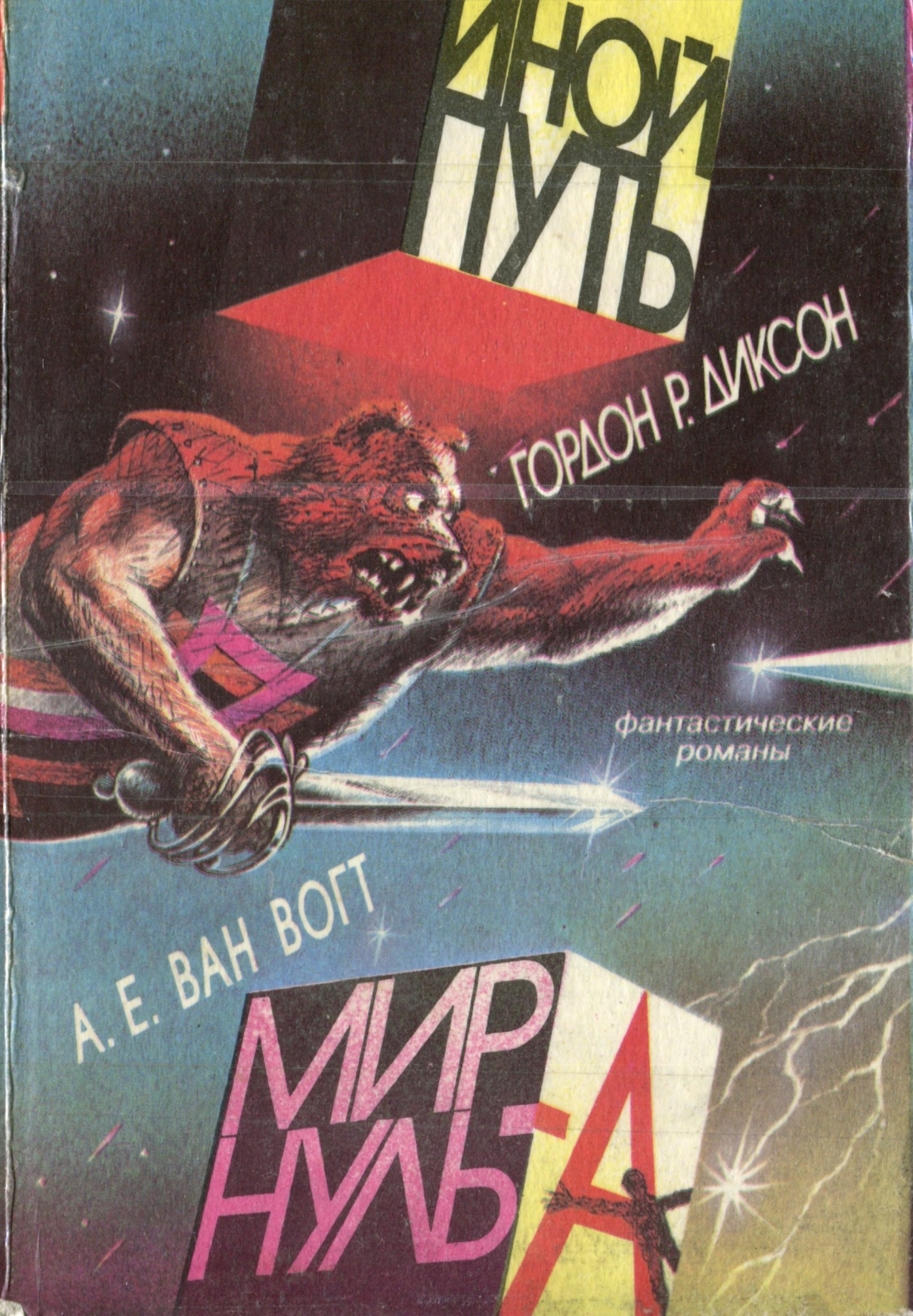
А. Е. ВАН ВОГТ

МИР
НУЛЬ-А

ИНОЙ
ПУТЬ

ГОРДОН Р. ДИКСОН

фантастические
романы

ГОРДОН Р. ДИКСОН А. Е. ВАН ВОГТ

ГОРДОН Р. ДИКСОН

ИНОЙ ПУТЬ

А. Е. ВАН ВОГТ

МИР НУЛЬ-А

ГОРДОН Р. ДИКСОН

ИНОЙ ПУТЬ

фантастический
роман

А.Е. ВАН ВОГТ

МИР НУЛЬ-А

фантастический
роман

ТПФ "СОЮЗТЕАТР"
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "ЧАС ПИК"
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1993

ББК 84.7 США
Д 45

СОДЕРЖАНИЕ

Гордон Р. Диксон. ИНОЙ ПУТЬ	5
А. Е. Ван-Вогт. МИР НУЛЬ-А	119

Д 45 Иной путь / Гордон Р. Диксон; Мир Нуль-А / А. Е. Ван-Вогт:
Американ. фантаст. романы / Пер. с англ. М. Гишинского /
Составители: Л. Рейфман, В. Симоновский. — С. -Петербург:
Союзтеатр, 1993. 254 с.

ISBN 5—85717—015—х

В сборник вошли романы известных американских писателей-фантастов, посвященные будущему человеческой цивилизации, которое зависит от контакта с пришельцами из иных миров (А. Е. Ван-Вогт) и исхода борьбы с галактической империей (Гордон Р. Диксон).

Д $\frac{4703040100-009}{(02)-93}$ без объявл.

ББК 84.7 США — 44

ISBN 5—85717—015—х

© Гишинский М., перевод (1989, 1992 гг.)
© Рейфман Л., Симоновский В., составление

**Издание осуществлено
совместно с научно-производственной
фирмой "ЭКОТЕХНОПРОМ"**

ГОРДОН Р. ДИКСОН

ИНОЙ ПУТЬ

Фантастический роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

...Через два месяца после вживления микродатчика в правое полушарие мозга у Джейсона Барчара все еще болела голова. Он заворочался во сне, перекатился на живот, устроился поудобнее. Ему снились медведи...

Ему снилось, что он лежит не шевелясь, в Канадских скалах, по которым путешествовал шесть лет назад, и не отрываясь смотрит в бинокль на лесную поляну. Сверху пригревает весеннее солнышко, но жесткая побитая морозами прошлогодняя трава колет руки, а локти и колени немеют от неудобного положения. На поляне собралось две дюжины медведей. У них начался брачный период, они одержимы яростью. Бурые и черные медвежата сидят на деревьях, самки стоят с краю, осторожно нюхая воздух прямо по центру, как на арене, два самца на задних лапах преследуют друг друга, по-змеиному выгнув шеи, грозно покачивая головами.

Ослепленные бешенством, они не видят ни самок, ни медвежат на деревьях. Бой идет абсолютно честный, и держатся медведи, словно рыцари на турнире. Сердце Джейсона стучит по-звериному. Он—натуралист, предпочитающий думать и чувствовать, а не полагаться на общепризнанные авторитеты. Считается, что животными руководит слепой инстинкт. Джейсон убежден, что весенняя схватка медведей—это ритуал, обычай, основанный на богатейшем жизненном опыте. Медведю ведомы чувства надежды и страха, он должен захотеть вступить в бой, принять решение, требующее от него мужества и отваги. Не существует похожих поединков, нет двух медведей, которые вели бы себя одинаково.

Джейсону снилось, что исполнилась его мечта и, глядя на медведей, он учится у них. Гул насекомых во сне сливается с гулом двух кондиционеров в спальню и гостиной. Прохладная квартира напоминала пещеру, укрывшую человека от дождя, падающего на ночные улицы Вашингтона. Свет далекого уличного фонаря проникал в щель между шторами и ложился размытым пятном на стену, у которой стояла кровать. Одежда Джейсона лежала на стуле. Ковер черным пятном выделялся на полу.

В гостиной было светлее, чем в спальню: три незасторенных окна заливал неоновый свет рекламы. Стекланный шкаф, битком

набитый чучелами мелких животных, напоминал тюрьму, из которой пленники не могли выбраться точно так же, как медведи не могли вырваться из плена своих инстинктов и желаний. На корешках книг, стоявших на полках, с трудом можно было различить следующие названия: П. Шопен "Учебник таксидермии", Х. Хеджигер "Жизнь диких животных", К. П. Шмидт "Общий обзор климата и эволюции", В. К. Грегори "Эволюция развития"...

На столе, заваленном бумагами, лежал чек на имя Джейсона С. Барчара (Отдел изучения диких животных, недавно образованный при Государственном департаменте, выплатил лишь половину причитающейся Джейсону суммы, так как два месяца назад он взял годовой отпуск за свой счет). Под чеком лежала поздравительная открытка двухнедельной давности, на которой неровным женским почерком было написано:

—Да не обидится на меня А. А. Милн—"Праздненья для тебя". Люблю, целую. Меле.

Квартира безмолствовала, погруженная в сон. И лишь микродатчик, имплантированный в мозг Джейсона, не нуждался в отдыхе. Невидимые нити тянулись сквозь коллапсированный космос к земному артефакту, находившемуся так далеко, что сейчас до него доходил солнечный свет, который люди могли видеть в 1692 году во время Салемского Процесса ведьм.

Все ближе и ближе к артефакту—о чем Джейсон не знал—подходил космический скуттер, по размерам не больше тридцатипятифутовой морской яхты. На борту скуттера находился Тот, кто тоже мечтал. Он не бывал весною в горах, не бродил по ночным улицам Вашингтона, да и вообще никогда не дышал земным воздухом. Он ничего не слышал о таксидермии, о книгах, о рекламах, о поздравительных открытках и о чеках. Его не волновали драки бурых медведей.

И все же, сидя за пультом управления со множеством кнопок и рычажков, он мечтал. Руки его, как и тело, были покрыты густым черным мехом. Похожий на сердце орган разгонял по венам жизненно важную жидкость, обогащенную кислородом атмосферы, которой мог бы дышать и Джейсон. Мечтатель ощущал жару и холод, мозг его обуревали разнообразные желания, ему были ведомы чувство надежды и страха, он осознавал необходимость принимать решения, требующие мужества и отваги.

И сейчас, приближаясь к объекту, о существовании которого он не подозревал,—в то время как спящий лежал в кровати в своей вашингтонской квартире,—Мечтатель представлял себе белый дворец с десятками подземных и тремя надземными этажами, освещенными лучами неведомого солнца. И видел Он своих жен, родивших ему сыновей: стройных, сильных, полных достоинства и чести.

Он мечтал наяву.

Это была мечта об Основании Царства.

...Так получилось, что прежде, чем спящий проснулся, Катор Троюродный Брат, патрулируя квадрат космоса в районе Цефеид, обозначенный на его карте номером 4.391 Л—и который спящий назвал бы *Ursa Minor*¹,—внезапно понял, что ему улыбнулся Фактор Случайности, искомый всеми—от мала до велика.

В ту же секунду, хоть он и был всего лишь Троюродным Братом из семьи Брутогази, Катор воспользовался представленным ему шансом и отключил автопилот. Мечта об Основании Царства могла исполниться, и поэтому он действовал быстро и решительно, поймав подаренный ему Фактором Случайности артефакт в ловушку силового поля. Несмотря на видимые разрушения, это был прекрасный артефакт, раз в пять больше двухместного скуттера, на котором Катор вместе с Атоном Дядюшкой по Матери из Семьи Очада патрулировали космос, анализируя различные образцы межзвездного "мусора".

Катор переместил находку точно по центру экрана и откинулся на спинку кресла. В отполированной до блеска стальной боковине пульта он видел себя, как в зеркале. Удовлетворенно пошевелив пушистыми кошачьими бакенбардами на круглом лице, Катор принялся напряженно обдумывать план дальнейших действий.

Ему неслыханно повезло. Атон Дядюшка по Матери не был даже свойственником Брутогази, хотя обе Семьи принадлежали к партии Западни, а не Хлыста. Их послали на одном скуттере только потому, что вероятность происшедшего была ничтожно мала и никем не принималась в расчет.

Сложившаяся ситуация автоматически аннулировала Правила Патрульной Службы, а также Договор Пилотов, а будь Атон Дядюшка по Матери сторонним наблюдателем, он наверняка одобрил бы попытку Катора воспользоваться Фактором Случайности в личных целях. "Кроме того,—подумал Катор, вглядываясь в свое отражение и теребя бакенбарды,—я еще молод и вся жизнь у меня впереди".

Он встал с кресла, оборвал проводок магнитофона, служившего бортовым журналом, выпустил трехдюймовые когти из подушечек коротких пальцев и быстро прошел в каюту, находившуюся за рубкой управления. На большом звездолете двери наверняка были бы заперты на ключ, но на скуттере, где работали всего двое, не полагался Ведущий. Атон спал на нижней койке, лицом к стене.

Когти искусно вонзились в позвоночник у круглой, покрытой черным мехом головы. Атон лишь раз вздохнул и тут же затих. Он ничего не почувствовал, настолько силен и точен был удар. Бережно подняв тяжелое тело, Катор нежно прижал его к себе, отнес в переходную камеру и нажал на кнопку. Затем он подошел к пульту, подсоединил оборванный проводок и продиктовал сообще-

---

¹ Малая Медведица (лат.).

ние о том, что Атон—видимо в припадке бешенства—внезапно накинудся на второго пилота, сбив магнитофон на пол. Убедившись, что ему не удалось застать Катора врасплох, обезумевший Атон покончил с собой, выбросившись в открытый космос.

Примерно через полчаса (по времени существ, называвших себя румлами), Катор, одетый в скафандр, добрался до конца стального троса с магнитной присоской, прикрепленного к разрушенному взрывному корпусу артефакта, включил прожектор на шлеме и принялся исследовать свою находку.

Очевидно, звездолет построили существа, мало чем отличающиеся от румлов. Обычного размера двери, удобные сиденья. К сожалению, все самое ценное было уничтожено взрывом коллапсарного поля—факт крайне важный, потому что румлы при межзвездных перелетах использовали точно такое же поле, оставляющее при взрыве разноцветные полосы, подобные тем, которые Катор сейчас видел перед собой на стенах. Все вещи, естественно, были выброшены в космос взрывной волной... Впрочем, нет. Между двумя ножками кресла застрял предмет, напоминающий чемодан с полукруглой ручкой. Катор осторожно высвободил его и вернулся на скуттер...

Приняв необходимые меры предосторожности, Катор осторожно открыл чемодан. Содержимое превзошло все его ожидания. Первым делом он увидел тонкую, необычайно прочную одежду с длинными рукавами, напоминавшую доспехи, изготовленные без единого шва—что трудно было себе представить. На доспехах почему-то отсутствовали петлички для орденов Чести, которые лежали в продолговатой коробке и имели формы больших и маленьких колец, изготовленных из неизвестного материала. Со дна чемодана Катор достал тонкий стержень с отвинчивающимся колпачком (видимо, для письма) и завернутые в прозрачный материал по свойствам напоминающий пластик два причудливых контейнера, похожих на ногоступы. На подошвах одного из них засохла грязь, и у Катора перехватило дыхание. Он тщательно отскреб комочек земли, положил его под микроскоп и начал рассматривать.

Фактор Случайности не подвел: в рыхлой почве лежала высохшая оболочка органического существа.

Это был самый обыкновенный червячок, практически неотличимый от тех, которых Катор часто видел на родной планете.

Он аккуратно достал червячка, очистил от грязи и поместил в маленький прозрачный кубик из сверхпрочного текстолита. Этот трофей, подумал молодой румл, принадлежит лично мне. Оставшихся материалов вполне достаточно, чтобы Экзаменаторы с точностью определили Звездную систему, к которой принадлежал артефакт. А с маленьким высохшим тельцем, залогом его будущего Царства, Катор никогда не расстанется. И если только Фактор Случайности поможет ему в дальнейшем, то...

Катор продиктовал на магнитофон координаты артефакта, а затем, настроив автопилот на обратный курс, прошел в каюту и улелся на полку. Теперь можно и отдохнуть.

Уже засыпая, он со щемящей тоской вспомнил вахты, которые они несли вместе с Атоном в предыдущих рейсах, и чувство горького сожаления охватило его. Они не были даже отдаленными родственниками, но Катор, который редко с кем-нибудь знакомился, по-настоящему сдружился с пожилым румлом.

Когда тебя манит Царство, печально подумал он, погружаясь в сон, приходится идти на жертвы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда спящий проснулся, лицо его было мокрым от слез. Какое-то мгновение он лежал не шевелясь, зарывшись с головой в подушку, не в силах думать ни о чем кроме того, что ему пришлось убить Атона, что Атон мертв.

Постепенно мерное бормотание кондиционера проникло в затуманенное сознание. До странности мягкий предмет, оказавшийся подушкой, твердая плоская поверхность со спинкой, служившая кроватью, обрели смысл, перестали казаться чуждыми. Космическое пространство, артефакт, мечта об основании Царства ушли на второй план; воспоминания захлестнули мозг. Отирая лицо простыней, Джейсон сел на постели.

Он находился в своей спальне. Цифры и стрелки будильника, стоявшего на ночном столике, тускло фосфоресцировали. Один час двадцать три минуты. Джейсон протянул руку, нащупал черный телефонный аппарат. Непослушные пальцы не удержали трубку, но он успел неловко поймать ее, а затем поднес к уху и, шурясь в отсвете уличных фонарей, набрал на диске номер Меле. Долгое время никто не отвечал.

—Алло...—внезапно раздался в трубе сонный голос.

—Меле,—сказал он и понял, что каждое слово дается ему с большим трудом.—Это я, Джейсон. Только что вошел в контакт.

—Джейс...—она на мгновение умолкла и, видимо окончательно проснувшись, тревожно спросила.—Джейс? С тобой все в порядке, Джейс?

—Да.—Дрожащей рукой Джейсон отер пот со лба. Сделал несколько глубоких вдохов. Нелепейшее состояние, в котором он не мог находиться. И тем не менее находился.

—У тебя какой-то странный голос. Ты уверен, что все в порядке?

—Да. То, что произошло, имеет отношение не ко мне, а к тому, другому.

—Что именно?

—Потом.—Постепенно он приходил в себя. Слова выговаривались ясно и отчетливо.—Сейчас приведу себя в порядок и приеду в Университет. Ты позвонишь членам Ученого Совета?

—Да, конечно... Голос у тебя стал лучше.

—Мне тоже стало лучше,—сказал Джейсон. Я быстренько одес-

нусь, упакую сумку и минут через пятнадцать-двадцать вызову такси. Если хочешь, могу за тобой заехать.

—Само-собой.—Голос, который он так любил, потеплел, стал мягче.—Я дам знать членам Совета, а потом перезвоню. Пока, малыш.

—До свидания... малышка,—ответил он и, услышав короткие гудки, повесил трубку, одновременно вставая с кровати. Ощувив тяжелый ворс ковра под ногами, холодный ветерок кондиционера, обдувающий взмокшую от пота грудь, Джейсон окончательно проснулся.

Он включил свет. Привычная обстановка почему-то показалась ему неестественной, комната—неуютной. Джейсон потряс головой, пытаясь избавиться от чувств, обуревавших Катора Троюродного Брата. Достав из ящика комода шорты и рубашку, он прошел в ванную комнату, расположенную напротив гостиной, погруженной в темноту, и принял душ.

Горячая вода взбодрила Джейсона. Вот сейчас, подумал он, улыбаясь своим мыслям, я чувствую себя человеком. Шоковое состояние вернулось, когда, тщательно побрившись, Джейсон смывал остатки пасты для бритья. Вернулся и страх, в котором он упорно не хотел себе признаваться.

Не обращая внимания на стекающие по шее капли воды, он уставился в зеркало, освещенное лампами дневного света. На какое-то мгновение ему показалось, что он видит морду неведомого зверя.

Впалые щеки, высокие скулы... Лицо было темным от загара—ведь Джейсон, будучи зоологом и натуралистом, постоянно находился на открытом воздухе. Завитки черных волос прилипли к высокому лбу, на котором появились ранние залысины.

Ресницы оттеняли глубоко запавшие карие глаза. Женщины (не Меле) часто говорили, что у него красивые глаза, и Джейсона это всегда раздражало. В мигающем свете флюоресцентных ламп они приобрели цвет гранита, выдержавшего испытание временем, а Джейсон все еще помнил черные, как ночь, глаза, смотревшие на него с полированной боковины пульта управления.

Резко отвернувшись от зеркала, он прошел в спальню и быстро оделся. Затем вытащил из-под кровати большую сумку. В это время зазвонил телефон.

—Алло?

—Джейс?—раздался в трубке голос Меле.

—Да. Я уже оделся. Соберу вещи, вызову машину и буду у тебя минут через двадцать... Лучше подожди меня наверху. Я могу задержаться, а мне бы не хотелось терять с тобой телефонную связь.

—Я спущусь в вестибюль, и в случае чего ты сможешь туда позвонить. Швейцар всегда дежурит по ночам. Просто попроси его позвать меня к телефону.

—Да, конечно.—Джейсон ожесточенно потер лоб рукой.—Со-

всем вылетело из головы. Ты предупредила членов Совета?

—Да. Приедут все, кроме Ванека. Он на западном побережье... Джейс? Как ты себя чувствуешь?

—Прекрасно,—ответил он и с трудом улыбнулся.—Все в порядке.

—Я тебя жду.

—Сейчас соберусь и приеду. До встречи.

—Пока.

Не отходя от телефона, Джейсон вызвал такси, которое обещали подать через пять минут, и быстро сложил сумку.

Когда он спустился вниз и вышел на улицу, машина уже стояла у старомодных гранитных ступенек, ведущих в дом. Душным влажным воздухом трудно было дышать, но дождь прекратился, и асфальт быстро высыхал, приобретая привычный тусклый цвет. Джейсон сел на заднее сиденье, поставил сумку рядом с собой и захлопнул дверцу.

—Норд Фронтэдж Роуд, четыреста двадцать,—сказал он.

Мотор набрал обороты, машина отъехала от тротуара и помчалась по ночным улицам Вашингтона. Глядя на неопрятный затылок шофера, давно нуждавшегося в услугах парикмахера, Джейсон на какое-то мгновение почувствовал отвращение, как будто его заставили находиться рядом с грязным нечистоплотным животным. Отвернувшись, он стал смотреть в открытое окошко на мелькающие ночные фары.

Минут через десять они подъехали к широким двойным стеклянным дверям, сквозь которые был виден ярко освещенный вестибюль гостиницы и стоявшая у самого входа Меле. Ярко-голубое платье обтягивало ее изящную фигуру. Руки в белых перчатках сжимали небольшую сумочку, тоже голубую, но светлее платья. Девушка не стала ждать, пока такси остановится, и выбежала на улицу.

Он открыл дверцу, и Меле тут же скользнула на заднее сиденье. Слабый запах духов, исходивший от ее густых каштановых волос, был скорее странен, чем неприятен. Она сидела прямо, не облокачиваясь, и взгляд ее, устремленный на Джейсона, внушал уверенность и спокойствие.

—Угол Двенадцатой и Индепенданс,—сказал он, не поворачивая головы. Меле наклонилась и поцеловала его. Губы у нее были прохладными и показались ему такими же странными, как запах духов.

Во второй раз такси плавно отъехало от тротуара. Меле придвинулась к Джейсону, взяла под руку, прикоснулась плечом. Они сидели и молчали. У него было такое чувство, что он совсем недавно оправился от тяжелой продолжительной болезни и все еще никак не может прийти в себя. Ощущение того, что он не Джейсон, а Катор Трюродный Брат (появившееся в ту самую минуту, когда Катор взял в руки червячка, в которого были вмонтированы микродатчики, обеспечивающие возможность контакта между ним

и Джейсоном) отгораживало его от окружающего мира прозрачной стеной, сквозь которую все казалось расплывчатым, искаженным.

Во время эксперимента Меле поручили наблюдать за ним; к тому же она была женщиной, на которой он собирался жениться. Меле любила его. Сейчас они сидели, прижавшись друг к другу, но она почему-то казалась Джейсону чужой и далекой.

Он ничего не мог с собой поделать. Эксперимент перестал быть управляемым, а возврата к прошлому не было.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Такси остановилось у широких ступеней, ведущих к тяжелым бронзовым дверям гранитного здания, в котором размещалось Главное управление Ассоциации ученых. Джейсон расплатился с шофером, взял сумку и, поднявшись вместе с Меле по ступенькам, нажал кнопку звонка. Ночной швейцар, Уолт, открыл дверь.

— Все в сборе, — сообщил он. — Вас ждут в библиотеке.

Они миновали широкий холл, неслышно ступая по толстому зеленому ковру, спустились по лестнице с узкими перилами, свернули по коридору направо и вошли во вторую слева дверь. Комната, в которой они очутились, была заставлена от пола до потолка книжными стеллажами, у которых стояли стремянки.

В дальнем конце библиотеки за полированным столом на стульях с высокими спинками сидели члены Ученого Совета. Позади зеленые шторы закрывали окна, выходившие во внутренний сад здания.

Джейсон и Меле молча заняли отведенные для них места.

— Можно начинать, — сказал Торнибрайт.

Джейсон обвел взглядом присутствующих, испытывая чувство облегчения. Очутившись в знакомой обстановке, вспоминая горячие споры, обсуждение, и, наконец, утверждение проекта, он решил, что теперь сможет здраво оценить то, что с ним произошло. Внешний вид восьми ученых, здесь собравшихся, — всем было далеко за тридцать, а Уайлдеру почти семьдесят, — говорил о том, что они примчались сюда, не успев привести себя в порядок. Кто-то был небрит, у кого-то галстук съехал набок или расстегнулась пуговица на рубашке.

Они были замечательными людьми и прекрасными учеными. Джейсон знал каждого из них. Джеймс Мон читал биологию, когда Джейсон учился на последнем курсе Университета. Уильям Хеллер помог ему устроиться на работу. Но только двое из восьми ученых держали в руках судьбу эксперимента. Джон Дистра и Тим Торнибрайт. Высокого роста, коренастый Дистра, которому недавно исполнилось пятьдесят, подавлял одним своим видом. Сорокалетний Торнибрайт, полуплывший и тощий, выглядел по сравнению с ним невзрачным мямлей, но это впечатление было обманчивым. Тим обладал железной волей и, исполняя обязанности секретаря

Совета, часто настаивал на принятии тех или иных решений. Торнбрайт и Дистра прекрасно дополняли друг друга. Как и все присутствующие (за исключением Меле, которая работала библиотекарем), они были учеными с большой буквы, но помимо психологии Тим увлекался политикой, а Джо, будучи прекрасным физиком, проявлял незаурядный талант организатора и бизнесмена. Кроме того, оба они отличались упрямством и очень не любили, когда им кто-нибудь перечил.

—Контакт устойчив, Джеймс?—спросил Дистра, проводя ладонью по лицу. Физик выглядел утомленным и невыспавшимся.

—Не знаю. Я... чувствую себя как-то не так,—признался Джейсон.

Торнбрайт поднял руку.

—Прежде чем начать обсуждение, я включу магнитофон.—Он нажал на деревянную клавишу, выступающую на поверхности стола перед его креслом, и в комнате раздался громкий шелчок.—Итак,—торжественно сказал психолог,—нижеследующую беседу мы записываем на магнитофонную пленку третьего июня в...—он посмотрел на часы,—...два часа восемь минут пополуночи, на сорок шестом заседании Совета Независимой Ассоциации ученых. Присутствуют: Лестер Най, Джозеф Дистра, Уильям Хеллер...—он назвал всех по именам,—...а также мисс Меле Уорман, библиотечарь Ассоциации и Наблюдатель за Испытуемым, Джейсоном Ли Барчером, вошедшим в контакт с Наживкой 13. Причины, побудившие членов Совета провести эксперимент, были изложены и запротоколированы на предыдущих заседаниях. Однако в связи с тем, что эксперимент оказался удачным, я считаю своим долгом вкратце изложить суть дела.—Он обвел взглядом сидящих за столом.—Ставлю это предложение на голосование.

—Поддерживаю,—сказал Дистра.

—Все согласны?—Присутствующие (кроме Меле, которая не имела права голоса) закивали головами.—Принято единогласно.

Торнбрайт достал из кармана несколько аккуратно сложенных листов, развернул их и начал читать отрывистым голосом.

—Ученый Совет собрался первый раз год назад, чтобы пригласить всех желающих участвовать в проекте по защите человечества от опасности, которая может грозить ему в случае контакта с любой из внеземных цивилизаций. Основой для наших опасений послужил "Отчет о вероятности контакта", являющийся десятилетним трудом ученых нашей Ассоциации и опубликованный нами пять лет назад с целью поставить в известность все правительства Земли об угрозе, возросшей во сто крат после открытия Джоном Дистрой коллапсарного поля, дающего возможность звездолетам достигать самых отдаленных уголков вселенной со скоростью, во много раз превышающей скорость света.—Торнбрайт откашлялся, прищипывая горло.

—Несмотря на наши предостережения, вот уже двенадцать лет, как человечество поставило новый тип звездолета на поток.

Хочу подчеркнуть, что наша Ассоциация была создана двадцать три года назад для координации работы ученых всего мира, так как практически с начала двадцатого века научные достижения использовались в коммерческих целях, что совершенствовало технологию, но отнюдь не способствовало успешному развитию науки.—Торнибрайт еще раз откашлялся.

—И в течение всех двадцати трех лет Ассоциация неоднократно указывала на недопустимость использования ученых и дорогостоящей аппаратуры (не говоря уже о привлечении огромных капиталов) для решения технологических проблем конкурирующих между собой фирм, что, с одной стороны, повышало благосостояние народа, а с другой—тормозило развитие науки и в конце концов должно было привести цивилизацию к гибели.—Торнибрайт сделал паузу и перелистнул страничку.

—Ассоциация рекомендовала правительствам Земли,—продолжал он,—создать международную организацию и специальный фонд в целях: а) сбалансированного развития науки и техники и б) оплаты труда ученых по высшим ставкам, не меньшим, чем они получают у частных предпринимателей. Таким образом, параллельно с развитием промышленности появилась бы возможность заниматься наукой будущего, что, в конечном итоге, предопределило бы прогресс человечества. Ассоциация выступала не голословно: за три года были опубликованы шесть отчетов ведущих специалистов мира, подтверждающих правомочность наших выводов. Тем не менее...—Торнибрайт потянулся за графином, налил в стакан воды, сделал глоток, поставил стакан на место.—Тем не менее, несмотря на поддержку общественного мнения и некоторых членов правительства, к нашим рекомендациям не пожелали прислушаться.

Дистра фыркнул. Торнибрайт посмотрел на него исподлобья и вновь уткнулся в листки.

—После открытия коллапсарного поля,—продолжал он,—наши звездолеты исследовали космическое пространство в радиусе пятидесяти световых лет от Земли, и по нашему мнению ситуация стала критической. "Отчет о вероятности контакта", опираясь на самые последние научные данные, утверждает, что в течение десяти лет человечество неминуемо встретится с одной из межзвездных цивилизаций, неизмеримо более технически развитой, чем наша.

Худошавый психолог перелистнул очередную страничку. Джейсон поглядел на невозмутимую Меле, лицо которой было так же спокойно, как лицо какой-нибудь египетской принцессы, жившей четыре тысячи лет назад. Она никак не отреагировала на пересказ фактов, которые все они хорошо знали, и которые сам Джейсон воспринял сейчас в новом свете, почувствовав себя одиноким и брошенным.

—Исходя из создавшейся ситуации,—продолжал Торнибрайт,—группа ученых разработала проект, финансируемый нашей Ассоциацией, согласно которому секции специально уничтоженных

звездолетов были отправлены за пределы исследованного космического пространства. По нашим подсчетам вероятность контакта увеличилась при этом в десятки раз. Эти секции были снабжены специальными устройствами, которые в дальнейшем я буду называть "Наживками", способными воспринимать электрические импульсы мозга любого разумного существа во вселенной, передавая их мгновенно в словах, образах и чувствах человеку, добровольно согласившемуся на эксперимент и подчиняющегося нашему Ученому Совету.

Торнибrait аккуратно сложил листки и сунул их в карман.

—Из множества добровольцев, согласившихся на эксперимент, мы выбрали двенадцать. Сегодня ночью один из них, Джейсон Ли Барчер, доложил, что вошел в контакт с иным разумным существом. Сейчас он расскажет о том, как это произошло, а более подробный отчет представит позже... Джейс?

Джейсон наклонился и положил локти на стол. Он рассказал о Каторе Тройродном Брате и о том, как тот обнаружил в чемодане червячка с микродатчиком, но умолчал о захлестнувших инопланетянина (а следовательно и его, Джейсона) чувствах в момент убийства Атона Дядюшки по Матери и перед погружением в сон.

Джейсона мучила совесть, но он успокоил себя тем, что напишет подробный отчет позже, когда немного отдохнет и до конца разберется в своих ощущениях.—Это все?—спросил Дистра, внимательно слушавший рассказ. Казалось, физик сверлил Джейсона взглядом.

—Да. Потом я проснулся.

—Хорошо.—Дистра выпрямился и посмотрел на Торнибрайта, сидевшего справа от Джейсона рядом с Меле.—Ставлю вопрос на голосование: кто за то, чтобы продолжать разрабатывать проект своими силами и не передавать его в ведение правительства? Джейс, хочу напомнить, что вы имеете право голоса только в том случае, если мнения разделяются поровну.

Они проголосовали. Хеллер, Мон и единственный врач Совета, д-р Алан Грил—за предложение Дистры, Торнибrait и еще трое—против.

—Я считаю,—сказал Торнибrait,—каждый ученый, у которого есть хоть малейшие сомнения, должен крепко подумать и, может, поменять свое решение. В конце концов, являясь частными лицами, мы и так зашли слишком далеко.

—Тем не менее нельзя забывать,—тут же ответил Дистра,—что труд многих людей вложен в удачный эксперимент. Затрачены огромные средства, создано уникальное оборудование. Слишком много раз чиновники разных департаментов, соперничая друг с другом, губили хорошее дело. Мы только что вошли в контакт с румлами и существует опасность, что на этой стадии наш проект могут просто-напросто закрыть. По-моему, рано передавать его правительству... Может, мои доводы помогут кому-нибудь из колеблющихся поменять решение?

Ему никто не ответил. Дистра кивнул Торнибрайту, которой, чуть помедлив, обратился к Джейсону.

—Вам решать,—сказал психолог.—К сожалению, мнения разделились поровну. Итак?

—Продолжим эксперимент.—Торнибрайт не успел договорить, как эти слова сорвались с губ Джейсона, и внезапно он понял, что на него обращены взгляды всех присутствующих.—Дело в том,—быстро сказал он,—что червячок будет переходить из рук в руки, позволяя входить в контакт со многими разумными существами. Сейчас микродатчик находится у Катора, а Атон мертв. Давайте подождем по крайней мере до тех пор, пока Катор не вернется домой; тогда мы сможем более полно представить себе картину жизни румлов.

Торнибрайт пожал плечами.

—Этот довод кого-нибудь убедил?—спросил он.

И вновь ученые промолчали.

—Меня он тоже не убедил,—сказал Торнибрайт.—Я продолжаю считать, что контакт с внеземными цивилизациями—дело государственное. Тем не менее голос Джейса оказался решающим. Согласно предварительной договоренности он обязан переехать жить в здание Ассоциации, где будет находиться под постоянным наблюдением членов Совета. Если нет возражений, заседание объявляется закрытым.

—Поддерживаю,—произнес Дистра.

—Согласен.—Хеллер наклонил голову.

—Итак, заседание объявляется закрытым.—Торнибрайт выключил магнитофон. Щелчок клавиши прозвучал неожиданно громко, и Джейсону показалось, что его эхо, все усиливаясь, уносится вдаль, в космическое пространство, где Катор Трюкордный Брат сладко спит в скуттере, возвращаясь домой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Четыре шахты лифтов в здании Ассоциации служили книгохранилищами. В них легко можно было попасть через кабинет Меле, примыкавший к библиотеке, где происходили заседания Совета, и, через комнату в подвальном помещении рядом с бильярдной, куда Торнибрайт отвел Джейсона.

—Не сердитесь, Джейс,—извиняющимся тоном сказал психолог, запирая дверь на ключ.—Мы должны строго придерживаться инструкций. Рано или поздно нам все равно придется известить официальных лиц, и мне бы не хотелось, чтобы им было к чему придраться.

Он выключил верхний свет и уселся в кресло у столика, на котором стояла зажженная настольная лампа. Джейсон быстро разделся, лег в кровать и с наслаждением вытянулся. По настоянию врача, считавшего, что сегодня ночью ему надо выспаться и не всту-

пать в контакт с Катором, он принял таблетку веронала, и сейчас, едва коснувшись головой подушки, почувствовал, что куда-то проваливается. Как в тумане увидел он Торнибрайта, склонившегося над книгой. Пиджак психолога был расстегнут, под мышкой темнел какой-то тяжелый предмет, в котором нетрудно было угадать пистолет в кобуре. Джейсон, все еще испытывавший неведомые ему доселе ощущения, не испугался при виде оружия. В конце-концов ученый, разработавший микродатчики величиной с вирусы, честно предупреждал, что не отвечает за последствия их использования. Они, конечно, блестяще прошли испытания, проводившиеся как между людьми, так и между человеком и животным, но никто не знал, какое действие может оказать на мозг землянина контакт с чужим разумом... С этой мыслью Джейсон погрузился в сон.

Проснулся он около десяти часов утра, чувствуя себя бодрым и отдохнувшим. В кресле сидел Дистра, сменивший Торнибрайта на этом посту. Наскоро позавтракав, Джейсон—в сопровождении физика—вышел прогуляться в небольшой внутренний сад, окруженный высокой стеной, а затем отправился в библиотеку, чтобы написать подробный отчет о своем первом контакте с Катором.

Проработав несколько часов, Джейсон понял, что так и не упомянул о тех смутных, но необычайно сильных ощущениях, которые испытал. Он успокоил себя тем, что не до конца разобрался в своих чувствах, а когда разберется, то обязательно опишет их со всеми подробностями.

Наступило время обеда. Стол накрыли в кабинете Меле, и Джейсон заметил, что она исподтишка за ним наблюдает, но не придавал этому особого значения. В ту ночь и в течение последующих десяти ночей он поддерживал незримую связь с Катором, все еще возвращавшимся на родную планету: столицу четырех звездных систем, населенных румлами.

Одна из причин, по которой Джейсона сделали участником эксперимента, заключалась в том, что он прекрасно рисовал. Ведь именно рисуя, а не фотографируя животных в естественной среде обитания, натуралист подмечал многие их особенности, запоминал странные на первый взгляд привычки. И сейчас у него не было ни минуты свободного времени. Помимо подробнейших отчетов обо всем, что с ним происходило, он целыми днями рисовал обстановку скуттера, детали пульты управления, инструменты, которыми пользовался молодой румл.

Довольно скоро Джейсон понял, что не читает мыслей Катора, а просто испытывает те же эмоции, видит его глазами, чувствует чужое тело, как свое собственное. К тому же, если в мозгу румла вспыхивали какие-нибудь отчетливые воспоминания, Джейсон улавливал их всем своим существом, воспринимая свет, тень, напряжение мышц, ощущения, разговоры.

Разговоры мучали Джейсона больше всего. В скуттере Катору не с кем было общаться, но беседы с другими румлами, которые он изредка вспоминал, вызывали у Джейсона чувство раздвоенности.

Хриплые низкие голоса казались ему одновременно и странными, и знакомыми. Челюсти у румлов были вытянуты; строение горла и неба сильно отличались от человеческого. Они не могли произносить палатальных и носовых звуков, таких как "м", "н", "с", "дж", зато "т", "д" и "л" выговаривали толстыми узкими языками таким образом, что людям никогда не удалось бы повторить их с точностью.

Но самым странным было то, что Джейсон—будучи Катором—прекрасно понимал смысл сказанного, оставаясь же самим собой и глядя на себя как бы со стороны никак не мог передать значение разговоров земными словами. Например, когда Катор был голоден, он считал, что "позволил" себе проголодаться. И это вовсе не означало, что румл умел управлять своим телом или нуждался в пище больше, чем Джейсон. Катор думал и чувствовал по-другому лишь потому, что культура цивилизации румлов коренным образом отличалась от культуры человеческой цивилизации.

—Я все понимаю, но не всегда могу перевести, и в любом случае мой перевод будет неточен,—сказал Джейсон Меле как-то вечером. Шел десятый день эксперимента, они сидели у Меле в кабине, и Джейсон показывал ей рисунки, сделанные им в течение дня.—Даже когда я рисую детали пульта или инструменты, мои наброски не совсем точны. Может, тут дело в том, что румлы видят мир в другом спектре, чем мы.

—Ты очарован, верно?—неожиданно спросила Меле.

У Джейсона замерло сердце. Он и сам не понял, почему ему вдруг стало не по себе. Карис глаза Меле—более светлые, чем у него,—смотрели пытливо, пристально.

—Да,—ответил он, заставляя себя говорить спокойно.—Можно сказать, что так. Я испытываю такие же ощущения, как если бы открыл новый вид животных...

—Ты меня не понял,—перебила его Меле.—Я говорю не о румлах. Мне кажется, тебя очаровывает сам контакт с Катором.

—Нет... не очаровывает...—с трудом произнес он. Внезапно ему стало страшно.

—Тогда, может, пугает?

—Да... наверное...—признался Джейсон.—Немного.

—С тобой что-то происходит,—мягко сказала Меле.—Я вижу. Послушай, Джейс...

—Чего ты хочешь?—резко спросил он, складывая рисунки в пачку.

—Откажись от участия в эксперименте.

—Нет!—выкрикнул Джейсон и сам поразился, как громко прозвучал его голос.—Видишь ли,—взяв себя в руки, продолжал он,—то, что произошло, по своему значению сравнимо с открытием огня на заре цивилизации. Я... не могу объяснить... Как бы то ни было, мы не должны прерывать эксперимент.

—Если Ученый Совет придет к выводу, что контакт с иным разумом опасен...

—Никакой опасности нет,—быстро сказал Джейсон.—И мы просто не имеем права бросать дело на полпути. Когда Катор встретится с другими румлами, мне легче будет разобраться, что к чему. Он приземлится завтра ночью.

Но Катор приземлился в том самый вечер, когда Джейсон разговаривал с Меле, и в настоящий момент находился в главном здании огромного, в сорок квадратных миль, космопорта, принимавшего и отправлявшего космические корабли—от скуттеров до звездолетов.

Если б Джейсон не ошибся (видимо, забыв принять во внимание разницу во времени) и лег бы спать раньше, то он получил бы бесценные сведения о том, какими средствами защиты располагает румлы. Сейчас этот шанс был упущен.

Лежа в темной комнатке в подвальном помещении, постепенно погружаясь в сон, Джейсон ощутил свое покрытое черным мехом, одетое в эластичные доспехи, тело, находящееся за сотни световых лет от Земли. Катор-Джейсон, гордый и ликующий, но тщательно скрывающий свои чувства, стоял перед Инспекторами, сидевшими за столом на небольшом помосте.

Ни один волосок не шелохнулся на бакенбардах молодого румла. Секретарь только что пригласил его войти, и сейчас он стоял по струнке, вытянув руки по швам, сомкнув ноги, с бесстрастным выражением на лице. Подобно Инспекторам, Джейсон делал вид, что не произошло ничего необычного.

—Я верю, что нахожусь среди друзей,—громко сказал он.

—Ты—среди друзей,—подтвердил председательствующий, сидевший справа. В голосе его сквозила ирония, но Джейсон не обиделся. Инспекторы были мужчинами в возрасте, каждый из них имел свою Семью. Их доспехи украшали многочисленные ордена Чести, в то время, как у Джейсона, помимо маленького ордена Чести Астронавта и такого же маленького ордена Чести дальнего родственника Семьи Брутогази, был лишь новый (но большой) орден Чести Фактора Случайности. И этот последний орден сверкал так ярко, что выглядел незначительным по сравнению с тусклыми и давно заслуженными орденами Чести румлов, сидевших за столом.

Инспекторы, по долгу службы выслушивавшие доклады мужчин безупречной Чести, обязаны были соблюдать общепринятые нормы вежливости со всеми, но нельзя было требовать, чтобы они обращались с молодым Джейсоном, как с равным.

—Мы тщательно изучили твой отчет, Катор Троюродный Брат Брутогази,—сказал председательствующий.—Насколько мне известно, артефакт, который ты доставил на базу, передан в Исследовательский Центр. Если ты желаешь сообщить нам какие-нибудь подробности... в особенности о гибели второго пилота, мы тебя слушаем.

—Я и опомниться не успел,—сказал Джейсон,—как мне пришлось защищать свою жизнь, а буквально через секунду дверь вы-

ходной камеры захлопнулась. Из-за перепадов давления мне не удалось открыть ее вовремя, а потом было поздно.

—Понятно,—сказал один из Инспекторов, и в голосе его проскользнули нотки уважения к Катору, сохранившему спокойствие и хладнокровие несмотря на то, что ему было всего два сезона отроду.—Юноша, ты далеко пойдешь и, может, проживешь жизнь всеми уважаемого мужчины, если и в дальнейшем не свернешь с намеченного пути.

Джейсон наклонил голову, благодаря за похвалу. Инспектор, к нему обратившийся, принадлежал (как и все Брутогази) к партии Западни. Внезапно Джейсон понял, что каждый из Инспекторов очень им доволен, хотя председательствующий и третий Инспектор, будучи членами партии Хлыста, не могут выразить ему своего одобрения. От радости у него перехватило дыхание: он был счастлив и горд собой.

—Что ж,—сказал председательствующий.—Если у моих достойных коллег больше нет вопросов, мы тебя не задерживаем. Когда понадобится, тебя вызовут в Исследовательский Центр.

Джейсон вновь наклонил голову, попятился к двери и вышел в приемную. Он пристегнул к поясу короткий церемониальный меч, оставленный им у секретаря, окинувшего молодого румла безразличным взглядом. Несмотря на это, Джейсон протянул ему монетку, достав ее из монетницы, вделанной в доспехи.

—Да обретешь ты Царство свое,—пробормотал секретарь, низко поклонившись.

Бедняга! Он ничего не знал! Джейсон вышел из главного здания космопорта, доехал на транспорте до внутреннего города, где находился дворец Брутогази. Идти было недалеко. Давно родившие пожилые женщины работали граблями, убирая мусор с мощенных ракушками тротуаров. Ракушки блестели в ослепительно-белом свете далекого солнца, встающего над западными окраинами города. Бассейны причудливых форм с прозрачной голубой водой походили на оправу для орденов Чести из кристаллов, растущих на дне.

Женщины, убирающие мусор, негромко пели—то были песни благородных румлов и Песни Основателей Царств. Как прекрасен мой город, подумал Джейсон, и его народ, и восходящее солнце, и поющие женщины. Он остановился, чтобы напиться из небольшого бассейна шириной с размах его рук и глубиной ему по пояс. Рубиновые кристаллы на дне сияли, как орден невиданной и неслышанной Чести.

—Не лиши меня прохлады, не лиши меня воды, не лиши меня силы,—прошептал Джейсон молитву, поднимая голову и чувствуя, как капли стекают с его бакенбардов. Он медленно встал на ноги.

Рядом с ним орудовала граблями одинокая женщина, которая во возрасте могла быть его матерью, но вряд ли была ею. Мать Джейсона, несомненно, все еще жила во дворце Брутогази. Когда-нибудь он обязательно найдет ее имя в списках. Гражданин Чести

должен знать, какая именно женщина родила его и носила спящего в сумке на протяжении семи лет.

Повинуясь необъяснимому чувству—возможно, и тут сыграл роль Фактор Случайности,—Джейсон достал монетку и подал ее уборщице тротуаров.

—Не споешь ли ты мне песню, плодовитая госпожа?—спросил он.—Об основании Царства Брутогази.

Она взяла деньги, облокотилась о грабли и запела. У нее был нежный высокий голос, и, судя по всему, она была старше, чем показалось Джейсону с первого взгляда.

Она пела о том, как две экспедиции погибли в непроходимых джунглях и отравленных морях третьей планеты, и о том, как Брутогази—Первенец Четвероуродного Брата Личена—создал на ней колонию. О том, как он обвинил своих двенадцать спутников в предательстве, и о том, как в течение всего одного дня—с восхода до заката солнца—он обманул, а затем убил их, получив таким образом право стать полновластным хозяином этой колонии и основать свое Царство.

Женщина умолкла и вновь принялась за уборку мусора, а перед глазами Джейсона возникали одна картина за другой. Как и он сам, Брутогази был дальним родственником прославленного главы Семьи... Впрочем, это не имело значения—великим героем мог стать каждый... И тем не менее нельзя отрицать, что свойства крови передаются по наследству, а в жилах предков Джейсона, кем бы они ни были, текла кровь первого Брутогази...

Он подошел к воротам дворца, и привратник, обязанный знать в лицо каждого члена Семьи, пропустил его внутрь. Джейсон шел по двору, глядя на окна третьего этажа, где жил Брутогази. На втором этаже, площадью в четверть квадратной мили, размещались его ближайшие родственники. Сам Джейсон, будучи Троюродным Братом, занимал крохотную квадратную комнатку на первом из пятнадцати подземных этажей. Сейчас он вошел в нее и с облегчением вздохнул, почувствовав, что наконец-то попал домой. Обстановка была скудной: кровать, сундучок с личными вещами, портрет Брутогази—того, который основал Царство. Солнечный свет, проникал в высокое узкое окно, отражался в бассейне для умывания.

Едва Джейсон успел снять с себя доспехи, как дверь сообщила ему, что за нею кто-то стоит. Он вышел в коридор. Белла Двоюродный Брат,—румл, старше его на сезон (они были не только родственниками, но и друзьями, и поэтому относились друг к другу почти без опаски),—с улыбкой протянул ему небольшой золотой предмет.

—Я—по поручению Брутогази. Завтра можешь переехать на первый этаж. Комнату тебе приготовят.—Он отсалютовал, повернулся и ушел.

Джейсон посмотрел на золотой предмет. Это была медаль—меньший из двух знаков Чести, которыми глава Семьи мог на-

граждать своих дальних родственников. У Джейсона перехватило дыхание, на глаза его навернулись слезы. Он был тронут до глубины души. То, что ему, члену Семьи, Фактор Случайности подарил артефакт, и то, что он вернулся из экспедиции один, не прешло незамеченным. Правда, в скуттере их было двое, а Брутогази расправился с двенадцатью, но... на его скромные усилия тоже обратили внимание.

Все существо Джейсона переполняли чувства любви и гордости. Он присел на корточки, приняв молитвенную позу перед портретом Брутогази, висевшим в углу. Руки его были скрещены на груди. Солнечный луч медленно скользил по полу, но Джейсон оставался недвижим.

— Не лиши меня прохлады... не лиши меня воды... не лиши меня силы... — молился он.

В подвальной комнатке на Земле спящий проснулся. Подушка его была мокра от слез.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— ...Но почему же он не передаст червячка другим румлам? — раздраженно спросил Торнибрайт на следующем заседании Совета.

— Скажите, Джейс, а вы никак не можете на него повлиять? — поинтересовался Хеллер.

Джейсон покачал головой.

— Я всего лишь наблюдатель, — сказал он. — Помню, мы не исключали возможности, что такой человек, как я, смог бы оказать воздействие на иной разум или даже подчинить его своей воле. — Джейсон сухо усмехнулся. — Впрочем, я не сомневаюсь, что каждый из присутствующих в глубине души боится, что Катор может подчинить *меня* своей воле. Вам остается лишь поверить мне на слово: и то, и другое — невозможно. Когда мы проводили испытания микродатчиков, и я входил в контакт с другим человеком, он тоже поступал, как хотел, а я жил его ощущениями, не более.

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнил Торнибрайт.

— Я не могу на него ответить. — Джейсон повернулся к психологу, сидевшему рядом с Меле, которая хоть и не имела права голоса, присутствовала на заседании Совета, так как в ее обязанности входило наблюдение за Джейсоном и оказание ему помощи (в дневные часы) по составлению отчетов. — Цель Катора — а я говорю о том, к чему он стремится всеми силами души — *Основание Царства*.

— Не являются ли эти слова символическими? — вмешался в разговор Дистра, пытливо глядя на Джейсона. — Быть может, он хочет поднять восстание против глав Семей и захватить власть, устроив нечто вроде революции?

— Нет. Конечно, нет. — Джейсон покачал головой. — Вы не знаете общественный строй румлов так, как знаю его я. Революция...

немыслима. Не невозможно, а...—он попытался подобрать нужное слово и вновь повторил,—...немыслима. Румлы—законченные индивидуалисты. Они подчиняются существующим авторитетам не по каким-либо социальным причинам, а чисто инстинктивно.—На Джейсона снизошло вдохновение.—Если бы перед вами, например, стоял сейчас Катор, и вы объяснили бы ему, что такое “поднять восстание”, он уставился бы на вас, и в конце-концов спросил бы: “Против кого?” Допустим, какой-нибудь румл, обезумевший неизвестно отчего, получит неограниченную власть над своими согражданами. Уверяю вас, это ровным счетом ничего не будет для него значить.

—Ничего не будет значить?—как эхо повторил Торнибрайт.

—Мне трудно объяснить...—Джейсон запнулся.—Румлы думают не о власти, а о Чести. Честь—понятие абстрактное, и поэтому они носят ордена, каждый из которых делает им Честь; стремление получить эти ордена связано у румлов, опять же инстинктивно, с выживанием и эволюцией расы.

—Вы хотите сказать,—мягко произнес Торнибрайт,—что румлы не мыслят эволюции расы без такого понятия, как Честь и без орденов, являющихся выражением этой Чести?

—Да...—неохотно признался Джейсон.—Но мне бы не хотелось ограничиваться простым утверждением. То, что вы сказали, верно, и тем не менее Честь для румлов—понятие религиозное, мистическое, связанное с самыми благородными порывами души. Мы, например, говоря о почетных медалях, которыми награждает Конгресс, не задумываемся о людях, которым они будут вручены. Для румла же слова “Честь” и “Личность” неразделимы. Когда румл получает орден Чести, это значит, что общество всего лишь признало достоинства, которыми он обладал со дня рождения.

Джейсон беспомощно посмотрел на окружающие его человеческие лица, чувствуя, что никто ничего не понял. Даже Меле бросила на него недоуменный взгляд.

—Человек, награжденный Конгрессом почетной медалью...—медленно сказал Джейсон.—Мы, конечно, придем в ужас, но не удивимся, если впоследствии выяснится, что он стал бандитом, вором или убийцей. С румлом такого не может произойти. Получив орден Чести Храбреца, он никогда не проявит себя трусом. За всю историю цивилизации румлов не было и не могло быть такого случая. А если и был, все равно его не было. Если этот румл совершит трусливый поступок, ни у кого не вызовет сомнений, что он *прикидывается* трусом.

—Значит в то, что он трус, не поверят, даже если это окажется правдой?

—Это не может оказаться правдой. Он действительно совершит трусливый поступок *только для того*, чтобы прикинуться трусом,—устало сказал Джейсон.—Он... не будет трусом. Не может им быть.

—А почему трусу не могут вручить орден Чести Храбреца по

ошибке?—спросил Торнибрайт.—Или вы исключаете такую возможность?

—Тот, кому вручают орден Чести, откажется от него, если сочтет себя недостойным. Но до этого не дойдет. Задолго до церемонии награждения тому, кто его получает, будет ясно, заслужена эта Честь или нет.

—Значит, румлы никогда не делают ошибок?

Джейсон почти физически ощутил взгляд Торнибрайта, жаливший, как змея.

—Они делают ошибки, но... румлы руководствуются инстинктом, как вы не понимаете?! И в вопросах Чести они никогда не ошибаются. Никогда!

—Торнибрайт откинулся на спинку стула.

—Предлагаю незамедлительно передать проект в ведение правительства,—сказал он.—Совершенно очевидно, что Катор никому не собирается отдавать червячка с микродатчиками-вирусами. Таким образом на плечи единственного человека, вступившего в ним в контакт, ложится непосильное бремя ответственности за судьбу эксперимента. Тем временем румлы в Исследовательском Центре получают все большие сведения о людях и человеческой цивилизации, несмотря на принятые нами меры предосторожности. Мы рискуем тем, что в один прекрасный момент они пошлют на Землю свои боевые звездолеты. Я считаю, мы не имеем права так рисковать.

—Поддерживаю,—сказал Жюль Уарбоу, сидевший рядом с Торнибрайтом.

—Кто-нибудь хочет выступить?—спросил психолог, окидывая взглядом присутствующих.

—Мы не должны этого делать,—устало сказал Джейсон.—Я не могу объяснить, почему, так же как не смог объяснить, что такое для румлов "Честь" или "Основание Царства". Но как единственный человек, поддерживающий контакт с иным разумом, я даю свое честное слово, что нам необходимо сначала самим во всем разобраться, а затем уже оповещать правительство.

Они проголосовали. Как всегда, мнения разделились поровну, и голос Джейсона оказался решающим. Торнибрайт объявил заседание Совета закрытым.

Ученые разошлись, а Джейсон отправился за Меле в ее кабинет и уселся в кресло, глядя, как она снимает футляр с пишущей машинки и раскладывает листки с законспектированным ею отчетом заседания Совета.

—Им никак не избавиться от мысли,—сухо сказал Джейсон,—что я попадаю под влияние Катора и рано или поздно превращусь в некоего монстра из телевизионного научно-фантастического фильма. Это пугает всех, кроме Торнибрайта. Тим никого не боится, ни бога, ни черта, и единственное его желание—усилившееся сейчас во сто крат—как можно скорее передать проект в ведение правительства.—Он искоса посмотрел на Меле.—Надеюсь, ты не думаешь, что чужой разум может подчинить меня своей воле?

Пальцы Меле замерли над клавиатурой машинки. Она опустила руки, повернулась к нему и глубоко вздохнула.

—Нет, не думаю. Но мне кажется, ты неправ.

—Неправ?—Он вздрогнул от удивления.—В чем?

—В том, что голосуешь за продолжение эксперимента своими силами.—Взгляд карих глаз Меле стал на удивление суровым.—Ты слишком осторожен, слишком консервативен. Для того, чтобы правильно оценить всю важность происходящего, нужны по меньшей мере ресурсы Организации Объединенных Наций. Нельзя доверять одному человеку и восьми ученым—пусть гениальным—принимать решения, от которых может зависеть судьба человечества.

Джейсон хмуро посмотрел на нее. Меле была молода и неопытна. Она прочитала множество книг и решила, что нашла в них ответы на все жизненно-важные вопросы. Пока Джейсон не увидел весенней схватки медведей, пока не пробыл много дней в двухместной подводной лодке, наблюдая за стадом китов-убийц в Антарктике, он тоже верил тому, что написано в книгах.

—Оповестив правительство, мы сразу потеряем контроль над ходом эксперимента,—сказал он.

—А зачем тебе его контролировать?—вспылила Меле.—Ты не привел ни одного логичного аргумента, из которого следовало бы, что помощь извне помешает, а не поможет делу.

—Поведение румлов не подчиняется законам логики,—упрямо заявил Джейсон.—Логичные объяснения, это—следствие логичного мышления, которое, в свою очередь, является следствием интеллектуальных способностей личности, живущей в цивилизованном, развитом обществе...

—Ты хочешь сказать, общество румлов недостаточно цивилизованное и развитое?

—Конечно, нет! Все дело в том...

—Ты обманываешь сам себя,—раздраженно перебила его Меле.—Все твои рассуждения о поведении румлов гроша ломаного не стоят! Ты убежден, что никто, кроме тебя, не может разобраться в ситуации, и поэтому предпочитаешь оставаться единственным человеком, вошедшим в контакт с иным разумом.

Она демонстративно повернулась к машинке и резко, сердито застучала по клавишам.

—Нет!—громко воскликнул Джейсон. Меле перестала печатать и удивленно на него посмотрела.—Ни ты, ни члены Совета так ничего и не поняли. Подсознательные убеждения—или инстинкты—румлов коренным образом отличаются от подсознательных убеждений людей. Малейшая ошибка на этот счет, и между нашими расами начнется та самая война, которой вы так боитесь!

Меле положила локти на стол и насмешливо приподняла брови.

—И естественно, только ты не сделаешь никакой ошибки! Я оказалась права! Ты никому не доверишь!

—Я не виноват, что кроме меня никто не понимает элементар-

ных вещей! Когда речь идет о выживании, определяющим фактором поведения является инстинкт, а не интеллект!—Он чувствовал, что разговаривает на повышенных тонах, почти кричит, но ничего не мог с собой поделать.—Боже мой, Меле, ты ведь женщина! Неужели ты не всришь в существование инстинктов?

—Очень даже верю в существование инстинктов,—ответила она ледяным тоном.—Но к счастью, я родилась в наше время, а не пятьсот лет назад, когда мужчины, подобные тебе, считали женщину предметом обстановки! И как всякая нормальная женщина, я, благодарение богу, не лишена инстинктов, но это не значит, что в конфликтных ситуациях мой интеллект не возьмет над ними верх!

Джейсон откинулся на спинку кресла. Внезапно он почувствовал себя абсолютно спокойным.

—Мне кажется, нам следовало обсуждать твои проблемы, а не мои,—сказал он после недолгого молчания.—У тебя их больше.—Меле начала печатать.—По крайней мере, не меньше. И если ты считаешь, что всегда можешь контролировать свои инстинкты, ты ошибаешься так же глубоко, как ученые, которые внимательно меня слушали, но ничего не слышали.

Он встал и вышел из кабинета под непрекращающийся стук клавиш пишущей машинки. По углам библиотеки прятались тени. Солнце, садившееся за тучу, окрасило горизонт кроваво-красным светом. На мгновение Джейсон прислонился к книжному стеллажу, чувствуя под рукой кожаные корешки старых книг, написанных, несомненно, людьми Чести.

Джейсон не хотел ссориться с Меле. Достаточно плохо, что никто не понимал необъяснимых, но могущественных эмоций, которые он испытывал, входя в контакт с иным разумом. Кризис наступит в тот момент, когда, так ничего и не поняв, ученые придут в ужас от действий Катора, стремящегося уничтожить человечество.

Джейсон надеялся, что Меле поддержит его, когда этот момент наступит. Теперь же—неважно по чьей вине—ему не приходилось рассчитывать на ее помощь.

Он остался совсем один, подобно римскому легионеру, вооруженному мечом и щитом и стоящему ночью на горном перевале. Впереди него находилась орда варваров, позади—спящие товарищи, которых он охранял.

Никогда еще Джейсон не чувствовал себя таким одиноким.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

—...И ты убежден, что ничего не забыл, и рассказал нам все о том, как обнаружил и обыскал артефакт, а затем вернулся на скуттер?—спросил Эксперт.

—Я ничего не забыл,—твердо ответил Катор-Джейсон.—Ровным счетом ничего.

Он стоял в лаборатории Исследовательского Центра перед Экспертом, которым был сам Атон, достойнейший мужчина, известный во всех мирах, заселенных румлами, глава многочисленной семьи, великий ученый, занимающийся исследованием обнаруженных в космосе артефактов. Мех Атона серебрился от старости, доспехи его украшали многочисленные ордена Чести; он смотрел на Джейсона не только с помоста, на котором сидел в кресле, но и с высоты безупречно прожитой им долгой жизни.

—Тебе всего два сезона,—сказал он, просматривая отчет об артефакте, лежащий на небольшом столике справа от кресла.—Отсюда твоя уверенность. Будь я на твоём месте, я поостерегся бы отвечать так категорично, а *мне* многое довелось повидать на своём веку.

—Фактор Случайности...—начал было Джейсон, но Атон перебил его.

—Запомни, юноша,—негромко произнес он,—Фактор Случайности не более, чем сон, фантастический вымысел. О, он существует, в этом нет сомнений, но его нельзя заставить служить отдельной личности, потому что вселенная состоит из множества факторов, интегрированных в одно целое.

Атон умолк и вновь стал перелистывать странички отчета. Глядя на благородного старца, погруженного в свои думы, Джейсон испытал глубокое душевное волнение. Взяв себя в руки он рискнул задать Атону вопрос:

—Разве... разве из артефакта что-нибудь пропало, достопочтенный?

Атон поднял голову и удивленно посмотрел на него, словно недоумевая, почему Джейсон все еще не ушел.

—Ничего. По всей видимости ничего, юноша. Но сведения, которые мы получили при тщательном его исследовании, на удивление ничтожны. Создастся впечатление, что он был специально взорван, причем таким образом, чтобы уничтожить те элементы, которые несут в себе максимум информации.

Сердце Джейсона учащенно забилося, но он ничем не выдал своего волнения.

—Значит ли это, достопочтенный,—спокойно спросил он,—что нам не удастся определить координаты планеты существ, создавших артефакт?

—О, координаты определить несложно,—сказал Атон.—Но прежде чем послать на планету экспедицию, мы должны были узнать многое. а нам не удалось этого сделать. Я пригласил тебя на собеседование в надежде услышать что-то новое, но... И кстати, когда тебе надлежит отправиться на очередную разведку космоса? Не забывай, ты можешь нам понадобиться, если возникнут какие-нибудь вопросы.

—Достопочтенный,—сказал Джейсон,—я вычеркнул себя из списка космических разведчиков.

—Хорошо...—Атон кивнул и окинул взглядом неподвижную

фигуру Джейсона, покрытую с ног до головы черным мехом.— Скажи мне, юноша, не сочтешь ли ты делом Чести поработать в моем отделе?

—Ты слишком добр ко мне, достопочтенный.

Атон вновь кивнул.

—Я знал, что ты откажешься. Для молодых энергичных мужчин исследовательская работа кажется скучной и неинтересной. Что ж, мое предложение остается в силе. Ты можешь согласиться на него в любое время, если, естественно, твоя Честь ничем не будет запятнана.—Атон внимательно посмотрел на него.—И мне кажется, рано или поздно ты так и сделаешь, себе на удивление. Пока мы молоды, нам хочется добиться всего сразу. Мы мечтаем о непревзойденной Чести и об Основании Царств. Так и должно быть. Но с прошествием времени мы начинаем понимать, что на каждого главу Семьи приходится миллионы тех, кто обязан взять на себя ответственность за дело Чести. Никогда не слагать с себя этой ответственности, целиком посвятить себя труду на благо нашей цивилизации, куда важнее, чем думать о собственной Чести... ты понял меня, юноша?

—Я... я всего лишь Троюродный Брат,—запинаясь, пробормотал Джейсон.

—Это не имеет значения,—сказал Атон.—Сирота—тоже член общества, и ему тоже надлежит в первую очередь думать не о собственной Чести, а о Чести общества, частью которого он является.—Он удивленно, но очень по-доброму посмотрел на Джейсона.—Почему ты плачешь, юноша?

—Я... недостоин...—глота слезы, простонал Джейсон.

—Глупости! Разве я не говорил, что молодые должны мечтать? И где бы мы были, если б некоторые, пусть единицы, мечтателей и фантазеров не становились бы основателями Царств? Я лишь хотел объяснить тебе, что в погоне за собственной Честью нельзя забывать об обязанностях личности перед обществом. Успокойся...—ласково сказал Атон.—Я вижу, ты юноша чувствительный. Если ты проживешь еще пять сезонов, то станешь мужчиной, которым мы все будем гордиться... А теперь, иди.

Джейсон наклонил голову и, попятившись, вышел из Лаборатории. Слова благородного старца взволновали его до глубины души. И только очутившись в городе, он окончательно успокоился и, не торопясь, направился к Маклерским Конторам, удивляясь тому, что всего несколько слов заставили его позабыть о своем тщеславии и почувствовать себя чуть ли не калеской, лишенным Семьи и заключенным а Приют для Бездомных.

К тому времени, как он нашел Маклера, рекомендованного ему Беллой Двоюродным Братом, Джейсон откинул прочь все сомненья и вновь обрел решительность духа, которая предопределила его судьбу в тот момент, когда приборы скуттера зарегистрировали наличие артефакта в космосе.

Маклер наметанным глазом окинул список ценных бумаг, ко-

торый протянул ему Джейсон, сверился с компьютером, подвел общий итог и одобрительно кивнул.

—Совсем неплохо для Троюродного Брата, которому едва исполнилось два сезона,—сказал он. Маклер из Семьи Мачидэ принадлежал к партии Хлыста, но прекрасно относился к Семье Брутогази (когда-то первый Брутогази подарил глоток воды молодому основателю Царства Мачидэ).—Само-собой, сумма так велика, потому что общество щедро наградило тебя за находку артефакта. Чего же ты от меня хочешь?

—Я хочу продать все, что имею,—сказал Джейсон.

Маклер удивленно поднял брови, и Джейсону пришлось долго убеждать почтенного, приближающегося к благородному возрасту румлу, что он говорит серьезно. Ему стоило еще большего труда убедить Маклера в том, что он желает ликвидировать причитающуюся ему часть Семейной казны Брутогази.

—Ты не можешь этого сделать,—в конце-концов заявил Маклер.—По крайней мере, на мою помощь не рассчитывай. Возможно, тебе удастся найти пройдоху, который согласится заключить подобную сделку, но я от нее отказываюсь. Однако, уступая твоим настойчивым просьбам, я готов предоставить тебе ссуду, равную трем четвертям стоимости причитающейся тебе части казны. При этом я не только рискую своей Честью, но и злоупотребляю дружбой, существующей между моей Семьей и Семьей Брутогази. Ты понимаешь, что произойдет, если ты не рассчитаешься со мной ровно через сезон?

—Да,—сказал Джейсон.

—Тем не менее, выслушай меня внимательно,—сказал Маклер.—Если ты не рассчитаешься в срок, я вынужден буду предъявить счет Брутогази. Тебе известно, что казна неприкосновенна, и поэтому он мгновенно погасит твой долг. И как только это произойдет, ему придется и в дальнейшем платить за тебя повсюду, ведь ты лишишься кредита в нашем обществе. Сам понимаешь, что в целях самозащиты Семье придется от тебя отречься. Ты можешь себе представить, как живет отверженному?

—Я слышал о деяниях благородных румлов, которым Семья отказала в покровительстве,—пробормотал Джейсон.

—То были благородные гиганты! Благородные гении! А обычный благородный член общества, даже если его Честь не вызывает сомнений, в подобной ситуации либо кончает жизнь самоубийством, либо погибает от руки одного из родственников, который знает, что смертью изгоя никто не заинтересуется и убивает его из личных побуждений—на что, естественно, имеет полное право. Если б можно было жить отдельно от Семей, зачем они были бы нужны? Уверяю тебя, отверженные живут не более нескольких дней, и смерть их бессмысленна... Ты все еще настаиваешь на своем решении?

—Да,—ответил Джейсон, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу. Он почти физически ощутил жуткое одиночество того, кто остался без Семьи и лишился имени.

—Хорошо. И ты не желалешь объяснить, зачем тебе деньги?

—Я предпочел бы не отвечать на этот вопрос.

—Что ж, моя совесть чиста. Я сказал тебе то, что должен был сказать, и не уронил своей Чести. Считаю, мы договорились. На оформление документов уйдет около часа, но если деньги понадобятся тебе раньше, смело пользуйся той суммой, которую я предоставил на списке ценных бумаг.

Джейсон поблагодарил Маклера, вышел из Конторы и, не теряя времени, сел в ракетный автобус, который доставил его по подземным тоннелям на окраину города, где располагался Спортивный Комплекс. После недолгих поисков Джейсон увидел табличку с надписью: "Брод Младший Брат Гланта, Учитель Фехтования". Он зашел в первую комнату с небольшим бассейном посредине и скамьями по стенам. Между комнатой и Залом для фехтования, откуда доносились шарканье ног и звяканье металла о металл, не было дверей, и Джейсон удивился бы этому, если бы речь шла не о Броде Младшем Брате, непревзойденном фехтовальщике. Честь которого не позволяла ему потребовать общественного или нанять частного Ведущего.

В прямоугольном ярко освещенном зале три пары румлов фехтовали на дульных шпагах, а высоченный худой мужчина с ненормально прямой для румла спиной ходил от пары к паре, давая указания. Изредка он хлопал в ладоши, показывая к какому ритму необходимо вести поединки.

—...Наклони корпус!—повторял он вновь и вновь одному из фехтовальщиков.—Корпус идет вслед за рукой! Вот так! Еще раз!.. Удар следует наносить от бедра... Повтори!.. Резче!..

Увидев посетителя, Брод умолк на полуслове и пошел к двери пружинящей походкой.

—Что тебе угодно, уважаемый?—спросил он, глядя на Джейсона сверху вниз.

—Я хочу научиться фехтовать.

—Ты оказываешь мне Честь.—Брод слегка наклонил сидящую голову.—Тебе, конечно, известно, что плата за обучение у меня выше, чем...

—Да. Я готов заплатить вдвойне, лишь бы обучаться у Чемпиона Миров.

—Благодарю.—Брод вновь наклонил голову, но на лице его не дрогнул ни один мускул. Он слегка повернулся и указал на фехтующих.—Выбирай любого из трех моих ассистентов. У каждого найдутся свободные часы в расписании. Если позволишь, я могу порекомендовать тебе... Скажи, у тебя есть опыт фехтования дульными шпагами?

—Я занимался каждый день в течение двух сезонов... самостоятельно. И немного тренировался с членами моей Семьи.

—Понятно. Тогда я рекомендую тебе в напарники Лита Двоюродного Брата Двоюродного Брата. Может, это и преждевременно—он лучший мой ученик,—но если хочешь...

—Я хочу обучаться под твоим руководством,—сказал Джейсон.

—Но ты и будешь...—Брод замолчал. Кожа вокруг его носа покрылась морщинами, глаза сузились.—Уважаемый,—сухо сказал он,—я не продаюсь. Если ты желаешь брать уроки непосредственно у Учителя Фехтования, существует множество...

—Достопочтенный,—перебил его Джейсон.—Я не лишен благородства и меньше всего на свете хотел тебя обидеть или каким-то образом задеть твою Честь. Дело мое необычное и не терпит отлагательств. В скором времени мне предстоит сразиться и победить противники столь же искусного, как рядовой Учитель Фехтования.

Брод холодно посмотрел на него.

—Смею спросить, кого именно.

—Пока еще не знаю,—честно признался Джейсон.—По всей видимости—Старшего Телохранителя одного из глав Семей.

Несколько мгновений взгляд Брода оставался холодным, затем морщинки вокруг его носа разгладились, а в глазах зажглись лукавые огоньки.

—По крайней мере ты не похож на чванливого сопляка, который готов заплатить любые деньги, лишь бы похвастаться, что нанял себе инструктором самого Брода Младшего Брата.

—Достопочтенный,—скромно сказал Джейсон,—если ты согласишься взять меня в ученики, я буду только рад сохранить это в тайне.

Брод ухмыльнулся. Как и большинство мастеров шпаги, подумал Джейсон, он знал, что вряд ли кто-нибудь посмеет оскорбить его Честь и Достоинство, и поэтому не обижался по пустякам. В сердце Джейсона ожила надежда. Он рассчитывал на успех, но никак не предполагал, что Учитель фехтования обладает чувством юмора.

—Пойдем со мной,—сказал Брод и подвел Джейсона к подставкам для рапир, отличающихся от дуэльных шпаг затупленными кончиками и клинками. Выбери себе оружие по руке и отработай упражнение из первых двадцати шести движений. Мне достаточно понаблюдать за тобой, чтобы понять, на что ты способен.

Джейсон окинул взглядом ряд рапир всевозможных размеров. Брод Младший Брат, будучи Чемпионом Чемпионов наверняка взял бы себе самую длинную и тяжелую из них, но Джейсон (рост у него был пока еще средний для румла, а вес—небольшой) выбрал рапиру даже короче и легче той, к которой привык.

Сжав эфес, он несколько раз взмахнул оружием с двумя узкими гибкими клинками, чтобы привыкнуть к нему, затем выставил ногу и атаковал воображаемого противника.

Пять движений в атаке, четыре—в защите. Шесть—в атаке, два—в защите. Два в атаке, два—в защите. Четыре в атаке...—Внезапно он вспомнил, где находится, споткнулся и чуть не потерял равновесие, так и не успев нанести последний удар...

Джейсон резко выпрямился. Мех его взмок от пота. Он ненави-

дел себя за свою никчемность. Потупив голову, он положил рапиру и повернулся к Броду, ожидая, что тот укажет ему на дверь.

Но Чемпион Миров смотрел на него с явным любопытством.

—Я... не знаю... почему...—заикаясь, пробормотал Джейсон, но Брод прервал его, нетерпеливо махнув рукой.

—Тебя беспокоит твоя ошибка? Ерунда! Ты внезапно вспомнил, что я за тобой наблюдаю. Ты никогда не допустил бы ее, сражаясь на дуэли. Да...—Он потер подбородок.—Все не так уж плохо. Ты не выбрал тяжелой рапиры, чтобы покрасоваться передо мной. Реакция у тебя превосходная. А допустив промах, ты не стал оправдываться и сваливать вину на непривычное оружие или скользкий пол.—Брод умолк, все еще потирая подбородок и задумчиво глядя на Джейсона.

—Значит... я смогу победить, если буду тренироваться день и ночь?

—Старшего Телохранителя Семьи? Даже не надейся. Как я уже говорил, реакция у тебя превосходная, но...—Брод пожал плечами.—Ты слишком мал, мой юный друг.—Он посмотрел на Джейсона чуть ли не сочувственно.—Старшие телохранители, все до единого, имеют перед тобой преимущество в весе, росте, длине рук; они обладают колоссальным опытом, да и реакция у них, вполне возможно, не хуже, чем у тебя.—Он покачал головой.—Воспользуйся моим советом, я даю его бесплатно. Не вызывая на дуэль того, о ком ты думаешь.

—У меня нет выхода,—сказал Джейсон.

—Нет выхода?—Брод изумленно на него уставился.—То есть как? Старший Телохранитель не мог бросить тебе вызова. И он не имел права поставить тебя в такие условия, чтобы ты вынужден был бросить вызов ему. Послушай-ка, если кто-то воспользовался своим положением и заставляет тебя...

—Нет, нет!—воскликнул Джейсон.—Я ведь говорил, что сам еще не знаю, с кем буду драться на дуэли.—Он замялся.—Достопочтенный, я повторяю, что меньше всего на свете хотел бы оскорбить тебя, но если ты сочтешь возможным дать мне несколько уроков, хоть и считаешь меня ни на что не способным, то...—Джейсон вынул из кармашка на поясе список ценных бумаг и протянул его Броду.—У меня достаточно денег, чтобы заплатить... а если ты откажешься со мной заниматься, может, твой ассистент...

—Клянусь шпагой и своей Честью!—вскричал Брод, уставившись на список.—Ты заложил часть Семейной казны... чтобы оплатить уроки фехтования?!

Джейсон задрожал. Он чуть было не выхватил список из рук Брода, но вовремя сдержался. В его намерения входило показать Броду лишь общую сумму, и сейчас он готов был стореть от стыда. Фехтовальный зал поплыл перед его глазами. Он быстро оглянулся, уверенный, что ассистенты и ученики подозрительно на него смотрят. Но Зал опустел, все разошлись по домам. Они с Бродом были одни.

—Я собираюсь,—хрипло произнес Джейсон,—я собираюсь приложить все усилия...

—Что же ты натворил, дурачок!—воскликнул Брод с присутствием всем мастерам шпаги пренебрежением к тому, что румлы очень не любили, когда их обзывали, и с большим уважением относились к чужим именам.—Разве ты не понимаешь, что Семья может отречься от тебя, если тебе не удастся рассчитаться в течение сезона? И где ты, в столь юном возрасте, достанешь такую сумму? На что ты рассчитываешь? На Основание Царства?

—Да,—чуть не плача, признался Джейсон.—Я...

Он запнулся, поймав на себе взгляд Брода, и неожиданно понял, что Чемпион Миров ни о чем не догадался, и произнес последнюю фразу ради красного словца.

—Ты... *говоришь серьезно!* Ты действительно думаешь...—Брод на мгновение умолк.—Да знаешь ли ты, насколько ничтожен шанс...

Джейсон кивнул.

—Именно поэтому я никому не хотел говорить о своем намерении. Могу ль я надеяться, что ты, как румл благородный, не воспользуешься моим невольным признанием и сохранишь в тайне...

—Да, да, конечно,—рассеянно перебил его Брод.—Как тебя зовут?

Джейсон представился. Брод внимательно посмотрел на него, потом воскликнул:

—Ты тот самый космический разведчик, который обнаружил артефакт!

—Да,—коротко ответил Джейсон.—Прости меня, уважаемый, но если ни ты, ни твои ученики не могут дать мне несколько уроков, я...

—Подожди!—Джейсон поднял голову.—Ты не поверишь,—сказал Брод,—но когда-то я тоже был юным дурачком и мечтал об Основании Царства.—На какую-то долю секунды в глазах его появилось тоскливое выражение.—И я почти осуществил свою мечту,—пробормотал он.—Три года подряд становился Чемпионом Миров... Сам не понимаю, почему я не сделал следующего шага...—Он передернул плечами, словно освобождаясь от воспоминаний, и резко произнес.—Пойдем со мной.

Через комнату с бассейном они прошли в дверь, незамеченную Джейсоном раньше, и очутились в кабинете, одновременно служившем спальней. Брод, не останавливаясь, открыл еще одну дверь, и Джейсон увидел небольшой пустой зал, стены которого были увешаны всевозможным холодным оружием.

—С современной дуэльной шпагой тебе не справиться,—пробормотал Брод, словно разговаривая сам с собой.—В наши дни побеждает тот, у кого руки длиннее. Но в старину...—Он подошел к стене.—Взгляни...

У скрещенных мечей лезвия были намного шире и заметно короче гибких клинков шпаг. Рядом висели два металлических пред-

мета, в которых Джейсон с удивлением узнал щиты. Он смотрел на оружие, которым румлы сражались более двух тысяч лет назад.

—Меч,—сказал Брод, указывая рукой, покрытой седующим мехом,—даст тебе те преимущества, которые даст твоему противнику шпага. У нас слишком мало времени, чтобы сделать из тебя древнего воина, но... не хочешь ли рискнуть, Катор Троюродный Брат?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дни и ночи на планете румлов были значительно короче, чем на Земле, и Джейсон, неразрывно связанный с Катором, словно жил в двух мирах с разным течением времени. Это ощущение, которое он называл двойным видением, ему не мешало, но иногда он путал окружающих, заявляя, что такое-то событие должно произойти через неделю, когда на самом деле оно происходило через несколько дней.

Так, например, дуэль, к которой лихорадочно готовился Катор, должна была состояться через месяц с небольшим по времени румлов и через две недели по времени Земли.

Во сне Джейсон-Катор под руководством Брода уверенно овладевал искусством фехтования мечом и щитом; наяву Джейсон рисовал все, что видел, и начитывал на магнитофон свои впечатления, стремясь провести параллели между жизнью румлов и землян...

Как большинство людей, которые становятся зоологами, Джейсон с детства восхищался живыми существами, населявшими Землю наряду с человеком. В возрасте шести лет он вылечил белочку, которой пуля из духового ружья перебила лапу. Ему всегда хотелось разгадать загадку жизни и смерти, таящуюся в ветвях деревьев, в глубоких норах, на равнинах и в горах. Он мечтал увидеть (и, как ни странно, позднее мечта эта осуществилась) драку бурых медведей.

Животные, думал мальчик, ничем не отличаются от людей. Правда, у них другие желания и другие обычаи, но если приложить немного—совсем немного—усилий, нетрудно выучить язык тех же обезьян. А при желании можно научиться разговаривать с волками, тиграми, медведями...

Когда Джейсон вырос, он перестал фантазировать, но детские мечты наложили отпечаток на его характер, и он чуть было не стал психологом, на какое-то время позабыв о своей первой любви—природе.

Находясь в контакте с Катором, Джейсон, как прежде, мечтал до конца понять существо, за которым наблюдал, но сейчас он стал взрослым человеком, и мечта превратилась у него в навязчивую идею.

Все свободное время он проводил в библиотеке или книгохра-

нилище. У него было такое чувство, что он вот-вот сделает великое открытие, но ему никак не удавалось поймать за кончик ниточку нужной мысли, казавшейся такой же туманной, как обещания Шехерезады из сказок Тысячи и Одной Ночи. Он пересмотрел огромное количество литературы, хранящийся там, где когда-то поднимались и опускались лифты, такой как: "Восприятие мира обезьянами" Колера, "Поведение животных" С. Ллойда Моргана, "Сравнительная психология" Вардена, Дженкинса и Вернера. Он читал взахлеб, забывая о времени, и делал перерыв только тогда, когда Меле напоминала ему, что надо поесть, попить или составить отчет.

Однажды, дней через десять после того, как Брод начал тренировать Катора, Меле разыскала Джейсона в шахте лифта на шестом этаже. Зарешеченная лампочка в шестьдесят ватт тускло высвечивала книжные полки. Джейсон, ничего не замечая вокруг, сидел на полу, скрестив ноги. Рядом с ним лежала раскрытая книга Теодора Х. Хителла "Приключения Капена Адамса, горца и охотника на медведей в Калифорнии", но на коленях он держал объемный труд Чалмерса "Детство Животных".

—Вот ты где,—сказала Меле.—Время завтрака давно прошло и... разве ты забыл? Скоро начнется заседание Совета.

—Да?—Джейсон неуклюже поднялся на ноги и сунул обе книги под мышку.—Прости. Ты тоже еще не завтракала?

Меле молча посмотрела на него, невольно протянула к нему руку и тут же отдернула ее.

—Стряхни пыль с костюма,—сердито сказала она.—Между прочим, столовой пользуешься не ты один.

—Что?... Ах, да.—Продолжая держать книги под мышкой, Джейсон несколько раз неловко провел ладонью по брюкам.

Меле резко повернулась и начала спускаться по лестнице шахты лифта. Джейсон покорно следовал за ней. Они прошли через ее кабинет в библиотеку, затем, миновав длинный коридор, оказались в главной части здания и вновь спустились по лестнице на первый этаж, где находилась столовая с дубовыми столами, дубовыми стульями, стенами, обшитыми дубовыми панелями, и коврами на полу.

Джейсон и Меле уселись за столик в углу рядом со стойкой бара, и подошедший официант (сегодня ему даже не пришлось стараться, чтобы оставить этот столик свободным—в столовой почти не было посетителей) принял у них заказ. Джейсон тут же открыл "Детство Животных" Чалмерса и погрузился в чтение.

—Ну уж нет!—воскликнула Меле и бросила официанту вдогонку.—Принесите ему коктейль. И мне тоже.

Джейсон открыл рот, чтобы возразить, передумал, пожал плечами и, закрыв Чалмерса, положил обе книги на пол.

—С глаз долой, из сердца вон,—пошутил он.—Ты довольна?

—Да,—сказала Меле, но не улыбнулась шутке и испытующе на него посмотрела.—Ты похудел, или мне это только кажется?

—Что? Понятия не имею. Спроси у Хеллера, он все время меня обследует.

—Я считаю, тебе каждый раз надо пить по коктейлю перед едой,—заявила Мелс.—И хотя бы на время перестать читать.

—Как насчет выходного дня?—Джейсон усмехнулся, но тут же посерьезнел.—Ты не понимаешь. Я вынужден читать. Задача наблюдателя—разобраться в том, что он видит, а для этого необходимы знания.

—Но зачем тебе самому во всем разбираться?—возразила Мелс.—Когда о проекте станет известно, множество ученых вплотную займутся румлами. Если уж ты наблюдатель, то наблюдай и докладывай, а все остальное—не твоя забота.

Их спор, продолжавшийся не первый день, прервался с появлением официанта, который принес заказанные ими блюда и коктейли. Как только стол был накрыт, Меле вновь ринулась в бой.

—Ты все время твердишь, что я чего-то не понимаю,—сказала она с вызовом в голосе.—Может, объяснишь, что именно?

Они в упор глядели друг на друга, позабыв об еде.

—Я не виноват, что ты не слушаешь моих объяснений. Ситуация критическая, и кроме меня никто в это не верит. Когда мы начинали эксперимент, то не знали и не могли знать, к чему он приведет. Инстинкты людей и румлов диаметрально противоположны, а я уже говорил, что именно инстинкт—или подсознание—определяет как поведение, так и отношение к жизни любого разумного существа.

—Опять ты за старое!—запальчиво воскликнула Меле. Глаза ее сверкнули.—Теперь ты станешь утверждать, что во мне нет ничего женственного, потому что я не верю в инстинкты!

—Нет,—твердо, но не повышая голоса сказал Джейсон.—Нет! Ты намеренно искажаешь смысл моих слов. Наше время (начиная с двадцатого века) характеризуется тем, что оно выработало нормы поведения на все случаи жизни. Наша цивилизация поражена болезнью под названием популярная психология. Я не говорю, что у тебя—или у кого-нибудь другого—инстинкты отсутствуют. Просто-напросто люди забыли, что в критических ситуациях именно инстинкт, а не интеллект имеет решающее...

—Привет!—услышал Джейсон голос Торнибрайта.—Надеюсь, вы не очень рассердитесь на меня за то, что я перебил вас? Дело в том, что с вами хочет познакомиться один мой друг, а ему некогда ждать, когда закончится заседание Совета.

Джейсон и Меле, в пылу спора наклонившиеся друг к другу, резко выпрямились, словно их застали на месте преступления. Психолог смотрел на них, улыбаясь; рядом с ним стоял высокий, атлетически сложенный человек, подстриженный настолько коротко, что было непонятно, седой он или блондин. Легкий летний костюм сидел на нем безупречно; на загорелом волевом лице играла легкая улыбка. Его манера держаться почему-то показалась Джейсону до странности знакомой.

—Здравствуйте, Тим,—сказал Джейсон.—Рад видеть вас и вашего друга. Присаживайтесь за наш столик. Я попрошу, чтобы принесли меню.

—Спасибо, мы уже завтракали,—Официант, увидев двух новых клиентов, быстро подошел к ним, чтобы взять заказ. Торнибрайт отрицательно показал головой.—Мне ничего не надо.—Он посмотрел на своего спутника.—Что-нибудь закажешь, Билл?

—Нет.—Незнакомец улыбнулся официанту, улыбнулся Меле, улыбнулся Джейсону и уставился на Торнибрайта, вопросительно подняв бровь.

—Ах, да...—пробормотал психолог.—Совсем забыл. Джейс, Меле, позвольте представить вам Билла Готта, генерала военно-воздушных сил с тремя звездами на погонах, в настоящий момент выполняющего специальное задание Белого Дома. Когда-то мы вместе разработали общенациональную программу психического здоровья населения.

—Вы—психолог?—спросила Меле.

Готт рассмеялся.

—По совместительству. Прежде всего, я военный.

Джейсон хотел пошутить насчет молодых генералов, но, приглядевшись к короткой стрижке Готта, промолчал. Волосы были седыми; когда же Готт улыбался, на его висках и у глаз резко выделялись морщинки. Спокойная уверенность, с которой он держался, говорила о большом жизненном опыте.

—Я рассказал Биллу,—произнес Торнибрайт.—...Да вы кушайте, не обращайтесь на нас внимания...—Так вот, я рассказал Биллу о вашей статье: "Сезонная агрессивность меднедей".

—Вы по совместительству еще и зоолог?—поинтересовался Джейсон, торопливо прожевывая кусок давно остывшего бифштекса.

Готт рассмеялся.

—Мне не разрешат столько совместительств. А животными я интересовался с детства. Зоология привлекала меня не меньше, чем психология. Затем я поступил в военную Академию в Денвере...—Он небрежно пожал плечами.—К тому же все, что касается агрессии, связано с моей непосредственной работой.—Он вновь рассмеялся.—Кроме шуток, я действительно очень хотел прочитать вашу статью, но нигде не смог ее найти.

—Она не была опубликована. В свое время я делал доклад на заседании Совета, но, к сожалению, у меня не сохранилось ни одного машинописного экземпляра.—Он посмотрел на Меле.—Разве в библиотеке нет копии?

—Поищу.—Она улыбнулась Готту, и Джейсон почувствовал легкое раздражение. Он слишком хорошо знал Меле и понимал, что она флиртует ему назло.

—Спасибо.—Готт кивнул и затеял шуточный разговор о том, как ему каждый раз не везет, когда он пытается найти в библиотеке Конгресса нужную книгу.

Джейсон вновь принялся за еду. Как только он отставил пустую тарелку в сторону, Торнибрайт, нетерпеливо поглядывающий на часы, сказал:

—Прости, Билл, но нам придется тебя покинуть. Нас наверняка ждут.

Они встали из-за стола одновременно, и Готт дружелюбно пожал Джейсону руку.

—Только не подумайте, что я вам льщу,—произнес он.—Я, действительно, с огромным удовольствием прочитал некоторые ваши статьи, опубликованные в журнале “Естествознание”.—Улыбка генерала была искренней, рукопожатие—теплым. На мгновение Джейсону стало стыдно, что он почувствовал неприязнь к Готту, когда Меле ему улыбнулась.

Торнибрайт оказался прав. Когда они вошли в библиотеку, члены Совета уже сидели за столом.

—Объявляю заседание открытым,—сказал психолог, занимая свое место. Он включил магнитофон и вынул из кармана аккуратно сложенные листки бумаги.—Присутствуют...—Торнибрайт перечислил собравшихся, а также назвал дату и точное время.—... Следует ли мне зачитать отчет предыдущего заседания?

—Нет,—буркнул Дистра, который сегодня более чем когда-либо походил на быка—упрямого и раздраженного.

—Ставлю вопрос на голосование,—заявил Торнибрайт.—Кто за то, чтобы не зачитывать отчета?

—Поддерживаю,—произнес Хеллер.

В воздух поднялись восемь рук.

—Отчет не зачитывается,—торжественно провозгласил Торнибрайт.—А теперь Испытуемый, добровольно согласившийся на эксперимент, расскажет нам о своих последних контактах с румлом по имени Катор Троюродный Брат Брутогази.—Он откинулся на спинку стула.

Джейсон положил локти на стол и сосредоточился. Рассказ о встречах Катора с Экспертом, Маклером и Учителем Фехтования занял у него немного времени.

—Прошу задавать вопросы,—сказал Торнибрайт.

—Скажите, Джейс, о какой экспедиции говорил Атон?—спросил Хеллер.—И знал ли Катор заранее, что она должна состояться?

Джейсон нахмурился.

—Мне кажется, у него не было сомнений на этот счет. Что же касается вашего первого вопроса, насколько я понял, речь шла не о военной интервенции, а о том, чтобы послать один из кораблей на разведку.

—Поправьте меня, если я ошибусь,—сказал Торнибрайт,—но, по-моему, слово “экспедиция” уже упоминалось. Помните, Джейс, вы рассказывали о Брутогази и его двенадцати товарищах, которых он убил? У меня сложилось такое впечатление, что под “экспедицией” румлы подразумевают захват территории.

Джейсон вновь нахмурился. Роясь в памяти Катора и оставаясь при этом самим собой, он испытывал странное чувство раздвоенности. Прошло несколько минут прежде, чем морщинки на его лбу разгладились.

—Я виноват,—просто сказал он.—Термин “экспедиция” имеет два разных оттенка, которые я не смог перевести. В первом случае речь действительно шла об освоении территории, а во втором—о тщательном изучении обстановки. Путаница произошла потому...—Джейсон лихорадочно пытался подобрать слова,—...потому, что отправку звездолетов на любую новую планету румлы называют экспедицией“.

—Непонятно,—фыркнул Дистра.—Почему это на одну новую планету они посылают экспедицию для освоения, а на другую—для исследования?

—Ну конечно же!—воскликнул Джейсон, недоумевая, что такая простая мысль не пришла ему в голову.—Как я сразу не догадался? Ведь на планете Брутогази не было разумной жизни!

—Значит румлы летят к нам, чтобы установить дипломатические отношения?—спросил Торнибрайт.

—Нет,—быстро ответил Джейсон и прикусил язык, сообразив, что психолог поймал его в ловушку.

Торнибрайт прищурился.

—Вы уверены? Для чего в таком случае они посылают экспедицию туда, где *есть* разумная жизнь?

—Для сбора информации,—хмуро ответил Джейсон.

—С целью завоевания Земли?

—...Да.

—Почему вы замешкались с ответом? Зачем им информация, если они не собираются нападать на нас... или слово “завоевание” не совсем точное?

—Я не знаю, смогу ли ответить на этот вопрос,—осторожно сказал Джейсон.

—А вы попытайтесь,—угрюмо произнес Дистра.

Джейсон почти физически ощутил на себе взгляды всех присутствующих. Ему было горько и обидно. Теперь не удастся отделаться ничем не значившими фразами. И Торнибрайт, и Дистра не успокоятся, пока не получат исчерпывающих объяснений.

—Когда румлы сталкивались с дикими или полумразумными существами в прошлом,—хрипло сказал Джейсон,—они либо уничтожали их, либо превращали в некое подобие домашних животных. Но...

—Почему вы никогда не упоминали об этом?—требовательно спросил Торнибрайт.

—Но,—продолжал Джейсон.—за всю свою историю румлам лишь дважды приходилось иметь дело с иными цивилизациями, причем представителей самой развитой из них можно сравнить с питекантропами, жившими на Земле двести тысяч лет назад. Надеюсь, мне не надо напоминать, что мозг питекантропа составлял

две трети мозга современного человека. Я не могу сказать, что румлы не способны вступить в переговоры или жить с миром с равными себе по знаниям и интеллекту, то есть—с нами. Посылая экспедицию на Землю, они просто соблюдают установленный порядок...

—Джейс,—негромко перебил его Дистра. Джейсон умолк.—Мне кажется, вы достаточно полно ответили Тиму на вопрос о "завоевании". Других объяснений не требуется?—Он обвел взглядом сидевших за столом ученых.—Хорошо. Тогда перейдем к вопросу, с моей точки зрения, куда более важному. Джейс...—Дистра нахмурил кустистые брови.—Насколько я понял, вы считаете, что Катор победит на дуэли.

—Думаю, да.

—Думаете, да,—сказал физик.—Учитель фехтования... как его... Брод не разделяет вашей уверенности, а он—профессионал самого высокого класса.—Дистра повернулся к единственному врачу Ассоциации—выдающемуся молодому ученому с соломенными волосами.—Алан? Что произойдет, если Катора убьют на дуэли, когда он будет в контакте с Джейсоном?

Алан Грил поджал губы.

—Я могу лишь высказать предположение,—ответил он.—Как вы понимаете, испытывая микродатчики на людях, мы не могли убить одного человека, чтобы проверить, как отреагирует другой. Если Катор погибнет... Гм-мм...—Он задумался.

—Я задам вопрос в лоб,—прервал его размышления Дистра.—Джейсон тоже умрет?

—Гм-мм...—вновь протянул Грил.—Не вижу оснований для подобного вывода. Психический шок, естественно, будет страшным, больное сердце может не выдержать, но у Джейса здоровье идеальное. Тем не менее, он испытывает те же ощущения, что и Катор, а следовательно почувствует себя умирающим. Впрочем, не исключено, что контакт прервется за несколько секунд до смерти Катора, и тогда психическому состоянию Джейсона вообще ничего не грозит.

—И все же,—Дистра сжал пальцы в кулак,—вы не порекомендовали бы поддерживать связь с мозгом умирающего?

—Порекомендовал бы? Конечно, нет!—Грил посмотрел на Джейсона.—Я категорически не советую вам этого делать!

—Я продолжаю утверждать,—наричито медленно произнес Джейсон,—что Катор победит на дуэли.

—А если нет?—спросил Дистра.

—А если нет...—на мгновение голос Джейсона пресекся.—А если нет,—повторил он,—мы все равно не имеем права рисковать тем, что раз и навсегда лишимся источника ценнейшей информации. Когда микродатчики проходили испытания на людях, было установлено, что нарушенный контакт установить заново невозможно. А если два человека не могли наладить между собой прерванную связь, что говорить о человеке и ином разумном существе,

не подозреваемом, что за ним наблюдают, и находящемся на расстоянии в двести световых лет от Земли?

—Я считаю,—заявил Торнибрайт,—мы не должны принимать решений, в результате которых жизнь и здоровье испытуемого, который играет роль морской свинки, но и за судьбу всего человечества. Существует вероятность, что инопланетяне, давным-давно начавшие освоение галактики и намного превосходящие нас численностью, примут решение завосвать Землю. Тем временем единственный человек, поддерживающий с ними связь, наш, образно говоря, глазок в чужой мир,—простите меня, Джейс, я говорю, что думаю,—склонен проводить эксперимент единолично и, весьма возможно, попал под влияние иного разума, с которым он находится в контакте.

—Одну минуту!—воскликнул Джейсон.—Я не собираюсь спокойно сидеть и слушать, как вы обвиняете меня чуть ли не в измене. Я категорически отрицаю возможность влияния на меня со стороны, что же касается моей склонности проводить эксперимент якобы единолично...

—Я и не утверждаю, что вы действуете сознательно,—сказал Торнибрайт.—Но, разделяя чувства Катора, стремящегося во что бы то ни стало добиться своей цели, вы, с моей точки зрения, невольно противитесь всему, что мешает ее достижению. Способны ли вы сейчас посмотреть мне прямо в глаза и дать стопроцентную гарантию, что с момента вступления в контакт с Катором и до настоящего времени на ваше поведение ничто не оказывало влияния?

Губы Джейсона раздвинулись и вновь сомкнулись. Выждав несколько секунд, он негромко произнес:

—Я убежден, что это невозможно.

—Однако гарантий вы дать не можете. Итак, я закончу тем, с чего начал: жизни и здоровью испытуемого грозит опасность. Но,—Торнибрайт обвел взглядом присутствующих,—я не настаиваю на том, чтобы он прервал контакт с Катором. Зато я определенно настаиваю на том, чтобы передать проект в ведение правительства. Я глубоко убежден, что мы не должны брать на себя ответственность ни за судьбу Джейса, ни за судьбу человечества, которое может погибнуть, если румлы все-таки нападут на Землю.

—Что касается моей жизни,—сказал Джейсон,—у меня есть право самому решить, как сию распорядиться.

—Путь так. Все равно мое предложение остается в силе.—Торнибрайт наклонился, положил локти на стол.—Сегодня утром я завтракал в нашей столовой со своим другом, Уильямом Готтом, генералом военно-воздушных сил, и заодно познакомил его с Джейсоном и Меле. Билл—прекрасный человек, он не чужд науке и к тому же играет не последнюю роль в Администрации президента. Если мы решим именно сейчас, а не в последнюю минуту обратиться к властям, я уверен, что наше желание выполнят и поставят Готта во главе проекта. Лучшей кандидатуры, чем он, нам не подыскать.—Торнибрайт посмотрел на Джейсона, потом пере-

вел взгляд на Меле.—Вы общались с ним совсем недолго, и все же я готов согласиться с тем, что вы о нем скажете. Какое он произвел на вас впечатление?

—Я...—нерешительно произнесла Меле, но Джейсон перебил ее.

—Он произвел на меня прекрасное впечатление, Тим, и вы это знаете. Я охотно верю всему, что вы о нем говорили. Но речь идет не о том, в чьи руки передать проект, а о том, передавать ли его вообще. Я продолжаю утверждать, что сейчас этого делать не следует. Культура румлов необычайно сложна, в ней существует множество нюансов, которые я не в силах передать словами. Я не могу описать тех ощущений, которые испытываю, будучи Катором. Быть может, мне удастся до конца разобраться в образе их жизни, и тогда я многое сумею объяснить вам. А если у меня ничего не выйдет, я честно в этом признаюсь. Но в данной ситуации решающим событием является предстоящая дуэль. Я не хочу терять связь с Катором. Мне нужна поддержка членов Совета, и никого более. Любое вмешательство со стороны только испортит дело.

—Предлагаю поставить вопрос на голосование,—сказал Дистра.

—Поддерживаю,—тут же согласился Хеллер.

—Возражаю,—заявил Торнибрайт.—Обсуждение необходимо продолжить.

—Сначала голосуем первое предложение,—возразил Дистра.—Итак, кто...

Голоса, как всегда, разделились поровну. Головы всех присутствующих повернулись к Джейсону.

—Я голосую за то,—отчетливо выговаривая каждое слово, произнес он,—чтобы не прерывать эксперимент с Катором ни до, ни во время дуэли. Я голосую за то, чтобы продолжить эксперимент своими силами. Мой голос—решающий.—Он посмотрел на Торнибрайта. Глаза психолога были непроницаемы; лицо, как каменное. Джейсон отвернулся и встретился взглядом с Меле.

Ему трудно было выдержать этот взгляд. Он вспомнил слова Алана Грила о том, что может произойти с ним, если Катор умрет. И он вспомнил о том, о чем почти не думал все последнее время: Меле любила его.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В тот день, когда исследование артефакта было закончено, Джейсон стоял в своей комнате, пристегивая к поясу церемониальный меч, дверь неожиданно заговорила:

—Белла Двоюродный Брат просит разрешения войти.

—Пусть войдет.—Джейсон повернулся.

Дверь открылась, и в комнату вошел Белла. Взгляд его, как всегда, был дружелюбным, но на лице появилось непривычно почтительное выражение.

—Мне велено передать,—тихо сказал он,—что Брутогази желает видеть тебя в своем кабинете, прежде чем ты покинешь дворец.

Руки Джейсона замерли у застёжек пояса. Он понял, почему его старший брат и товарищ, с которым они изредка совершали прогулки по городу, отнесся к нему с робким уважением. Джейсону было горько и обидно. Он привязался к Атону Дядюшке по Матери, и ему пришлось убить Атона. Белла—единственный член Семьи, с которым он поддерживал хорошие отношения,—стал для него чужим. *Великие всегда одиноки*—гласит пословица. Да, так оно и есть.

—Почему ты скорбишь?—в голосе Беллы слышалось неподдельное изумление.—Тебе оказана большая Честь, которой добиваются многие.

—Да, конечно. Просто я... неожиданно почувствовал, как быстро летит время,—ответил Джейсон и застегнул пояс.

—Ты говоришь так, словно достиг почтенного возраста,—сказал Белла, внимательно глядя на него.

—Разве?—с горечью спросил Джейсон.—Пойдем. Тебе поручено проводить меня?

—Я поднимусь с тобой на последний этаж и объясню, куда идти дальше. Сам я не имею права находиться в апартаментах Брутогази, а его близкие не могут служить провожатыми Троюродному Брату, не уронив своей Чести. Следуй за мной.

Они вышли из комнаты, поднялись по витой лестнице на третий этаж дворца. Белла налег на высокую дверь и с трудом приоткрыл ее. Джейсон подумал, что едва сумеет протиснуться в образовавшуюся щель.

—Для Брутогази эту дверь открывают четверо слуг,—морщась от напряжения сказал Белла.—Проходи скорее.

Но Джейсон остался стоять на месте. Он увидел перед собой широкий мраморный коридор с большими окнами на правой стене. Слепящий белый свет утреннего солнца, преломляясь в стеклах, мягким и теплым покрывалом лежал на каменном полу.

—Проходи скорее,—повторил Белла.—Да не лишишься ты воды, прохлады, покоя.

—Спасибо, брат,—с благодарностью сказал Джейсон и протиснулся боком в дверь, которая захлопнулся за ним с гулким торжественным звуком.

Несмотря на раннее утро, Джейсон никого не встретил на своем пути. Четко следуя полученным от Беллы указаниям, он шел по залитым солнцем коридорам и в конце концов очутился у небольшой белой двери с золотой ручкой. Воспоминания нахлынули на него. Один-единственный раз в своей жизни Джейсон (через три часа после того, как покинул сумку матери) уже побывал на третьем этаже дворца. С тех пор он изредка видел на различных церемониях поседевшего, сгорбленного под тяжестью с Честью прожитых сезонов, Брутогази, но ему никогда не забыть высокую мистическую фигуру главы Семьи, возложившего на него руки и

торжественно произнесшего непонятные слова, которые, как он впоследствии узнал, означали: Катор Троюродный Брат Брутогази.

Джейсон справился с охватившим его волнением, молча открыл дверь (в святая святых дворца не было ни переговорных устройств, ни замков, ни Ведущего) и вошел в кабинет.

У высокого окна стоял стол, а за ним, на небольшом пьедестале, сидел на корточках Брутогази, посевший румл благородного возраста. Джейсон подошел к столу и наклонил голову.

—Я—Троюродный Брат Брутогази, достопочтенный,—сказал он.

Глава Семьи задумчиво посмотрел на него.

—Да,—медленно произнес он,—ты всегда был непоседой. Помню, как тебя держали в Именной День. Что ж,—он небрежно отодвинул в сторону лежащие перед ним бумаги,—насколько мне известно, ты стремишься возглавить Экспедицию на планету Завернутых.

—Достопочтенный?—недоуменно спросил Джейсон.

—Ты не знал? Так называли существ, чей артефакт тебе удалось обнаружить в космосе. Как выяснилось, они заворачивают свои тела во всевозможные одежды. Но ты не ответил на мой вопрос об Экспедиции.

—Достопочтенный,—осторожно сказал Джейсон,—мне неведомо, к каким выводам пришли Эксперты...

—Ты прав.—Брутогази одобрительно кивнул.—Нельзя кидаться очертя голову в дело, о котором ничего неизвестно. Вчера вечером мне принесли копию отчета Исследовательского Центра. Хочешь послушать?

—Да, достопочтенный.—Джейсон постарался выпрямиться настолько, насколько это было возможно для румла.—Хочу.

Брутогази взял из стопки лежащих на столе бумаг верхний лист.

—Комиссия пришла к заключению, что иные разумные существа примерно такого же роста, как мы; двуногие; уровень их развития сравним с нашим...—С губ Джейсона невольно сорвалось легкое восклицание. Брутогази посмотрел на него и медленно повторил.—*Уровень их развития сравним с нашим.* Бросить этой расе вызов будет величайшим событием за всю историю нашей цивилизации. Но продолжим.—Он снова начал читать.—Уровень их развития сравним с нашим и, по всей видимости, ограничен с древних времен определенными табу, которые заменяют им нашу доктрину Чести. Они... Ты хочешь о чем-то меня спросить?

—Достопочтенный,—сказал Джейсон,—разве могут разумные существа достичь высокого уровня развития, не разработав концепций Чести?

И вновь Брутогази одобрительно кивнул.

—В отчете этот вопрос рассматривается. Вывод таков: естественно, они не могут обойтись без такого понятия, как Честь. Развитие цивилизации происходит с пробуждением расового сознания,

которое в свою очередь обязывает проявлять заботу об обществе, а следовательно гарантировать его выживание, что невозможно вне системы, где главную роль играет Честь.—Он внимательно посмотрел на Джейсона.—Впрочем, можно не сомневаться, что наша система окажется недоступной их пониманию. Исследовательский Центр считает наиболее вероятным—о чем я уже говорил,—что у них существуют примитивные табу, помогающие им выжить в самых сложных ситуациях. Другими словами, они оперируют теми же понятиями Чести, что и мы, но не понимают этого.

—Значит, мы победим!—воскликнул Джейсон.

—Троюродный Брат, Троюродный Брат,—сказал Брутогази, покачивая головой.—Неужели ты думаешь, что преимущество в одной области знаний гарантирует успех? Среди них наверняка есть выдающиеся личности; их научно-технический потенциал может оказаться выше нашего.

—Но,—возразил Джейсон,—разве материальное или духовное превосходство в состоянии помочь тем, кто лишен Чести?

—С философской точки зрения, нет. Но на практике война с превосходящим нас численностью и обладающим мощным оружием противником—бесперспективна. Погибнуть за правое дело—благородно, обескровить расу—бесчестно. Если погибнут отцы, кто даст жизнь сыновьям?

Джейсон стоял молча, чувствуя, что ему преподали хороший урок.

—К тому же,—сказал Брутогази после непродолжительного молчания,—не исключен вариант, что у них все же имеется система оценки Чести, подобная нашей. Возможно, даже более совершенная.

—Более совершенная?—недоуменно переспросил Джейсон, уставившись на главу Семьи.

—Теоретически это возможно. Вспомни: Честь не имеет пределов, Сила не имеет пределов, но Разумное Существо рождается и умирает.

Джейсон склонил голову на грудь.

—Теперь ты готов ответить мне, хочешь ли возглавить экспедицию на планету Завернутых?—спросил Брутогази.

—Достопочтенный,—ответил Джейсон,—это мое самое заветное желание.

—Да, так я и думал.—Брутогази глубоко вздохнул и огладил пушистые—в два раза длиннее, чем у Катора Троюродного Брата—бакенбарды.—И, естественно, репутация Семьи отнюдь не пострадает, если румл с нашим именем станет Ведущим на космическом корабле.

—Спасибо, достопочтенный.

—Не за что. Однако,—медленно произнес Брутогази,—ты должен хорошо понимать одну вещь. Я пригласил тебя, намереваясь объяснить, что политическая ситуация в настоящий момент исключительно сложная. Я не могу, не рискуя своей Честью и пре-

стижем Семьи, помочь тебе получить пост Ведущего или даже капитана...

—Достопочтенный...—начал было Джейсон, но Брутогази нетерпеливо махнул рукой.

—Знаю, знаю. Будучи Троюродным Братом, ты и не рассчитывал на поддержку, но я хочу подчеркнуть, что тем не менее оказал бы ее во имя той искорки жизненной силы, которую я в тебе вижу. Возможно, ты не осведомлен, что Комиссия по Назначениям состоит из семи румлов. Так вот, сейчас я могу с уверенностью утверждать, что только трое из них будут принадлежать к нашей партии Западни.

Тошнота подкатила к горлу Джейсона, но он продолжал стоять, не шелохнувшись.

—В таком случае, достопочтенный, меня вряд ли назначат на ответственный пост.

—Я тоже так думаю,—согласился Брутогази.—Более того, я уверен, что тебя не назначат.

—Да, достопочтенный.

—И тем не менее ты не намерен снимать своей кандидатуры?

—Я не вижу причин,—ответил Джейсон, чеканя каждое слово, чтобы скрыть охватившее его отчаяние,—которые побудили бы меня поменять принятое решение.

—Я не сомневался в таком ответе.—Брутогази чуть приподнялся и вновь опустился на корточки.—В каждом поколении рождаются дети, похожие на тебя. Девяносто девять процентов из них терпят крах в жизни, и только один... один на миллион добивается успеха.

—Достопочтенный...—пробормотал Джейсон, чувствуя, как у него закружилась голова. Он и мечтать не мог, что его честолюбивые замыслы станут известны главе Семьи.

—Брутогази,—сказал старец,—не может официально одобрить твоих начинаний или помочь тебе получить пост Ведущего в предстоящей Экспедиции. Но если каким-то чудом ты добьешься своего, я надеюсь, Честь не позволит тебе позабыть Семью, и ты воздашь ей должное за все хорошее, что она для тебя сделала.

—Достопочтенный, неужели ты во мне сомневался?!—чуть не плача, вскричал Джейсон.

—Нет, конечно. Напомнив тебе о Семье, я лишь исполнил свой долг.—Брутогази вздохнул.—Мой долг также сказать следующее: если в случае несудачи ты покресишь себя позором и не сумешь сохранить свою Честь, тебе тут же предъявят счет на часть Семейной казны, которую ты заложил.

Джейсона затошнило еще сильнее.

—Я понимаю, достопочтенный.

—Что ж,—сказал Брутогази,—Это—все. Лично я от души желаю тебе удачи. Да не лишись ты прохлады, воды, покоя.

—Я почитаю главу моей Семьи ныне и во веки веков!—воскликнул Джейсон и, пятясь, медленно вышел из кабинета. Закры-

вая за собой дверь, он видел, как седая голова Брутогази склонилась над лежащими на столе бумагами.

Джейсон не помнил, как шел обратно по залитым солнцем коридорам, как очутился за воротами дворца. И только сидя в ракетном автобусе, направляющемся в Исследовательский Центр, он справился с обуревавшими его благородными чувствами и попытался собраться с силами перед предстоящим ему тяжелым испытанием.

Сотни претендентов прислали заявки с просьбой рассмотреть их кандидатуры, но разослано было всего двенадцать приглашений. Комиссия согласилась выслушать только тех, кто мог доказать, что имеет право выступать соискателем на пост Ведущего.

Право Джейсона было неоспоримо: он обнаружил артефакт, а следовательно с чистой совестью утверждал, что Фактор Случайности уже предпочел его всем остальным. И любой румл, не сведущий в политике, счел бы этот факт очевидным и решил бы, что назначение Джейсона предreshено, а вызов на Комиссию—простая формальность.

На самом же деле он получил одиннадцатое из двенадцати приглашений. Могло быть и хуже, сказал сам себе Джейсон, сидя в автобусе. Меня могли пригласить двенадцатым.

Очутившись в здании Исследовательского Центра и дождавшись своей очереди, он прошел в комнату, где заседала Комиссия по Назначениям и убедился, что худшие его подозрения оправдались. Более или менее сочувственно на него смотрел лишь Ардольф Единокровный Брат Брутогази, сидевший крайним справа. За ним по порядку располагались Чель, Уорна (оба из партии Западни), Гульбано, Ферт, Акобка и, наконец, сам Нелькосен (все четверо из партии Хлыста), Джейсону не повезло. Нелькосен был не только председателем Комиссии с правом решающего голоса, но и главой Семьи, к которой принадлежал Атон Дядюшка по Матери. Правда, Инспекторы признали Джейсона невиновным в гибели Атона, но Честь Нелькосена не могла позволить ему благосклонно отнестись к подобному решению. Как румл благородный, он просто обязан был при малейшей возможности дискредитировать Джейсона, нарушить его планы.

Глубоко дыша носом, Джейсон остановился перед столом, за которым сидели члены Комиссии, и отсалютовал им, выпустив когти правой руки, приложенной к сердцу.

—Я—Катор Троюродный Брат, достопочтенные,—сказал он,—явился по вашему любезному приглашению в назначенное вами время. Я верю, что нахожусь среди друзей.

—Здесь, Троюродный Брат,—ответил Нелькосен традиционными словами,—ты—среди друзей.

Джейсон с облегчением вздохнул. Получить гарантию считалось почетным, но она не являлась обязательной. Видимо, Нелькосен принадлежал к числу румлов, строго придерживающихся обычаев. Однако, он не менее строго относился к своим обязанностям, и поэтому, не переводя дыхания, заявил:

—А сейчас кандидат расскажет, какие причины—помимо перечисленных в заявке—побудили его претендовать на ответственный пост в столь юном возрасте, и почему он считает, что, назначив его Ведущим, мы выберем достойнейшего.

—Благородные члены Комиссии,—громко и отчетливо произнес Джейсон.—Мои документы, как и заявка, находятся перед вами. Однако мне хотелось бы подчеркнуть, что моя научная подготовка, умение пилотировать звездолет, работа разведчика, а также долгое пребывание в тесном скрутире со вторым пилотом...

Речь Джейсон, которую он, как и все кандидаты, тщательно подготовил, текла плавно и уверенно. Члены Комиссии, уже выслушавшие десять примерно таких же речей, явно скучали. Нелькосен не спускал с Джейсона глаз.

Джейсон закончил говорить, члены Комиссии переглянулись, Нелькосен отрывисто спросил:

—Начнем голосование?

Головы закивали, руки потянулись за жетонами. Четверо румлов автоматически взяли красные жетоны, трое—черные.

Джейсон облизнул пересохшие губы, и, прежде, чем председатель официально объявил результаты голосования, громко сказал:

—Протестую!

Руки с жетонами замерли в воздухе. Члены Комиссии встrepнулись, как один. Семь пар черных глаз уставились на Джейсона. Кандидат имел право опротестовать решение Комиссии, но тем самым он ставил под сомнение чью-то Честь, а это означало, что вся его дальнейшая жизнь (в особенности если он не пользовался поддержкой Семьи и поступил подобным образом перед старшими по возрасту и званию) зависела от того, будет принят протест или отклонен.

—Надеюсь, кандидат не откажется сообщить, на каком основании?—не скрывая своей радости, спросил Нелькосен.

—На том основании, уважаемый, что есть еще одна причина, которая заставляет меня претендовать на роль Ведущего.

—Любопытно,—громыхнул Нелькосен.—Вы не находите, уважаемые?

—Очень любопытно, уважаемый,—ответил Ардольф Единокровный Брат Брутогази, и по его тону было не понять, разделяет он скрытое презрение Нелькосена к Джейсону или, наоборот, издается над своим председателем.

—В таком случае, кандидат, мы, естественно, с удовольствием тебя выслушаем. Что же это за причина, которая должна вынудить нас поменять решение? Надеюсь,—тут Нелькосен многозначительно посмотрел на членов Комиссии,—она достаточно веская, и твой протест обоснован.

—Думаю, да, уважаемый.—Джейсон засунул руку в кармашек пояса, вытащил оттуда какой-то небольшой предмет, и, сделав шаг вперед, положил его на стол.

—Червяк?—недоуменно спросил Нелькосен, глядя на малень-

кое высохшее тельце, словно плавающее в кубике из прозрачного текстолита.

—Нет, достойный. Неизвестная форма жизни с планеты Завернутых.

—Что?!

Рев семи глоток, казалось, сотряс стены комнаты. Члены Комиссии повскакивали с мест, разом заговорили, перебивая друг друга. Затем наступила мертвая тишина, и глаза присутствующих устремились на Джейсона, который стоял перед ними не шелохнувшись.

—Как он к тебе попал?—Вопрос был чисто риторическим, но голос Нелькосена хлестал, как плеть.

—Достойные,—сказал Джейсон, испытывая глубочайшее удовлетворение от того, что остался абсолютно спокоен. Его шед даже не взмокла от пота. В этот решительный момент он чувствовал необычайный прилив душевных сил, словно несущей его к облачным высотам, откуда не было возврата.—Я нашел червячка на артефакте, обнаруженном мною в космосе.

—И ты не передал его в наш Исследовательский Центр? Никому не сообщил о находке?

—Нет, достойный.

—Ты понимаешь, что это значит?—чеканя каждое слово, спросил Нелькосен. На лице председателя Комиссии не дрогнул ни один мускул, оно было похоже на восковую маску. Хотя задача Нелькосена, как румла благородного, заключалась в том, чтобы дискредитировать Катора Трюродного Брата, ситуация на данный момент не позволяла ему с Честью отомстить за смерть Дядюшки по Матери. Затрагивался вопрос Чести настолько деликатный, что Нелькосен просто обязан был выступить сейчас в роли беспристрастного судьи.

—Я понимаю,—ответил Джейсон,—что это значит, как правило...

—Как правило!

—Да, достойный. Мой случай—исключительный. Я взял червячка не из пустого любопытства и не из жадности.

Нелькосен вновь сел на корточки.

—Вот как?

—Да, достойный.

—Зачем же ты его взял, осмелюсь спросить?

—Достойный, после глубоких раздумий я решил оставить червячка у себя с целью предъявить его Комиссии по Назначениям, дабы получить пост Ведущего в Экспедиции на планету Завернутых.

Джейсон умолк, молчали члены Комиссии. Пауза затянулась, тишина звенела в ушах.

—Почему ты решил так поступить?—бесстрастно спросил Нелькосен.

—Достойный,—сказал Джейсон,—и вы, благородные чле-

ны Комиссии, ответственные перед своей Честью за то, чтобы сделать правильный выбор и назначить Ведущего, обладающего неограниченной властью на корабле. Вы лучше меня знаете, насколько важна предстоящая Экспедиция. Чувствовать уверенность в своих силах, когда тебя ждут дела великие, почетно и достойно. Но уверенность—лишь одно из качеств, необходимых Ведущему в этой Экспедиции. Ведущий, наделенный правом принимать самостоятельные решения, должен быть убежден в том, что он способен добиться успеха при первом же контакте с разумными существами, чей уровень цивилизации, возможно сопоставим с нашим.

Джейсон обвел взглядом членов Комиссии, но по выражению их лиц ничего нельзя было прочесть. Впрочем, неудивительно. Они давно достигли благородного возраста и прекрасно умели владеть собой.

—Та убежденность, которую я чувствовал в сердце своем,—продолжал Джейсон,—толкнула меня на решительные действия. Я понял, что мне необходимо совершить какой-нибудь символический поступок, чтобы в момент избрания у вас, достопочтенные члены Комиссии, не оставалось сомнений в том, что именно меня необходимо назначить на пост Ведущего.

Он умолк, переводя дыхание.

—Продолжай.—Нелькосен смотрел на него, прищурившись, тон его был все так же бесстрастен.

—И поэтому я оставил червяка у себя,—сказал Джейсон.—Теперь же я отдаю его вам в знак того, что готов посвятить Экспедиции всего себя целиком. И доказательством тому служит, что я рискнул всеми своими деньгами, прочностью Семейных уз, своей Честью, наконец, чтобы сделать один только жест, который должен убедить вас, что во мне вы обретете Ведущего, заботящегося только о благе Экспедиции. Если вы отвергнете мою кандидатуру и назначите другого, вы должны твердо знать, что он предан делу сильнее, чем я.

Джейсон замолчал. Члены Комиссии смотрели на него, не отрываясь. Затем Нелькосен произнес:

—Мало того, что ты присвоил собственность Исследовательского Центра, ты еще поучаешь Комиссию, кого ей назначить Ведущим необычайно важной и ответственной Экспедиции. Вопрос заключается в том...—Он наклонился к Джейсону.—Является ли твое поведение бесстыдным притворством? Или ты действительно готов на все, чтобы добиться назначения?

На этот раз в тоне Нелькосена не звучало скрытое презрение, он говорил абсолютно серьезно. Сердце Джейсона радостно забилося. Он достиг своей цели: заставил Нелькосена поставить вопрос не о дискредитации кандидата, а о его Чести. Решительный момент наступил. Сейчас или никогда.

—Я оставил червячка у себя,—сказал он,—намереваясь доказать, что обладаю преимущественным правом на пост Ведущего не только потому, что Фактор Случайности выделил меня среди про-

чих. И я настолько убежден в достоинстве и благородности своего поступка...—тут Джейсон несмотря на все свое самообладание, судорожно вздохнул, —...что теперь вы сможете отобрать у меня этого червячка только силой!

И внезапно в голове у него помутилось. Стены комнаты, стол, сидевшие на короточках румлы заколебались, как отражения в воде при сильном ветре, исчезли...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Он проснулся, плача, сопротивляясь изо всех сил. Его окружали безволосые лица. Безволосые руки подняли его с постели и повели по каким-то фантастическим коридорам в клетку, которая стала подниматься.

—...Нет!—закричал он, продолжая сопротивляться.—Моя Честь! Дуэль...

—Джейс! Джейс!—Одно из безволосых лиц придвинулось к нему почти вплотную.—Успокойтесь! Я—Алан Грил, помните? Я внушил вам под гипнозом, что вы должны проснуться перед началом дуэли. Сейчас мы отведем вас в лабораторию, где у меня под рукой есть все необходимое на тот случай, если с вами что-нибудь произойдет.

У Джейсона кружилась голова. То, что он услышал, было понятным и непонятным в одно и то же время.

—Как только мы придем в лабораторию, вы снова сможете лечь спать,—пообещал безволосый, назвавший себя Аланом Грилом.

Джейсон перестал сопротивляться. Его вывели из клетки, повели по коридору со стенами из какого-то странного материала. То, что ему сказали, имело смысл, и самое главное, он не опоздает к началу дуэли.

Сквозь широкие двери его провели в ярко освещенную комнату, битком набитую всевозможными аппаратами, показавшимися ему знакомыми. В центре комнаты стоял стол, на котором лежал шлем с наушниками.

Безволосые руки помогли Джейсону забраться на стол, уложили его на спину. Свет лампы бил прямо в глаза, затем кто-то что-то произнес, и на лицо Джейсона упала тень. Он почувствовал укол в предплечье.

—Все в порядке. Теперь можете вернуться. Возвращайтесь...—приказал человек (человек?) по имени Алан.

И вновь в голове у Джейсона помутилось. Он словно очнулся от кошмарного сна...

...и очутился в привычной обстановке, в Спортивном Зале Исследовательского Центра. На другом конце зала стояли шестеро членов Комиссии по Назначениям. Нелькосен разговаривал с высоким мощным румлом с лоснящимся от избытка здоровья мехом. За

плечом гиганта—который не мог быть никем иным, как Старшим Телохранителем главы Семьи—висела в ножнах длинная дуэльная шпага с двумя клинками.

Джейсон повернулся и увидел Брода Младшего Брата. Внезапно все встало на свои места. Джейсон вспомнил, что Брод вызвался быть его секундантом. Он с облегчением вздохнул и тут же заметил, что к ним приближается Телохранитель Нелькосена—мужчина довольно приятной наружности, двигавшийся спокойно и уверенно, несмотря на свой рост. Остановившись в нескольких шагах от них, он отсалютовал.

—Я—Хорааг Присмный Сын, Старший Телохранитель Нелькосена,—представился он, обращаясь к Джейсону.—Это ты—Катор Троюродный Брат?

—Уважасмый,—ответил Джейсон. Это—я.

—В таком случае, уважасмый,—сказал Хорааг,—моя Честь обязывает меня заявить, что ты вел себя нагло и недостойно по отношению к моему покровителю.

—Уважасмый,—произнес Джейсон,—ты должен либо взять свои слова обратно, либо драться со мной на дуэли тем оружием, которое я выберу.

—Моя Честь обязывает меня драться с тобой на дуэли. Какое оружие ты выбираешь?

Джейсон облизнул пересохшие губы.

—Меч и щит,—сказал он.

Хорааг, который согласно кивнул, не дожидаясь стандартного ответа на стандартный вопрос, замер от неожиданности. Кожа вокруг его носа покрылась сетью морщин. Он посмотрел на Джейсона в упор и спросил безо всякого выражения в голосе:

—Ты говоришь серьезно?

—Мой подопечный,—вмешался Брод,—никогда не позволил бы себе шутить в таком важном деле.

Хорааг перевел взгляд на Брода и, видимо, сразу же узнал в нем мастера клинка. Он слегка нахмурился, затем вздрогнул.

—Достопочтенный,—сказал он,—могу ли я спросить: ты—Брод Младший Брат?

—Да.

Хорааг отсалютовал.

—Встретиться с тобой большая Честь для меня, достопочтенный.—Он посмотрел в угол зала и громко позвал.—Судья поединка!

Высокий румл с сединой, пробивающейся за ушами, немедленно подошел к ним.

—В чем дело, уважасмые?—вежливо спросил он.

—Позволю себе представить вам,—сказал Хорааг,—Больфа Племянника Отца Челя. Больф,—это мои противники.

—Я уже знаком с ними.—Больф отсалютовал Джейсону и Броду.—У вас возникли разногласия?

—Мой главный противник,—ответил Хорааг,—выразил жела-

ние драться мечом и щитом. Соответствует ли это правилам благородной дуэли?

—Сейчас выясню.

Больф удалился.

Хорааг завел вежливый разговор с Джейсоном и Бродом. Старшего Телохранителя явно интересовал один только Брод, но уделить все внимание секунданту противника было бы слишком не тактично, и поэтому он часто обращался к Джейсону, и, в частности, поздравил его с обнаружением артефакта.

Через некоторое время Больф Племянник Отца Челя вернулся.

—Щиты,—объявил он,—древнее оружие, но пользоваться ими на дуэли не запрещено. Однако, если Старший Телохранитель Нелькосена пожелает выразить протест на том основании, что незнаком...

—Ни в коем случае,—перебил судью Хорааг. Выразить протест было его законным правом, но он не мог пойти на этот шаг, не уронив своей Чести. Старший Телохранитель главы Семьи, обязан был владеть всеми видами оружия.—Если ты найдешь мне щит, Больф... Я буду драться своей шпагой, благо я к ней привык.

—Конечно.—Судья поединка кивнул.

—Пойду принесу оружие моего подопечного.—Брод, оставивший свою шпагу и меч Джейсона у входа в Исследовательский Центр, вышел из зала.

Больф подал Хораагу (имевшему разрешение носить оружие повсюду) щит, и Джейсон молча стоял и смотрел, как Телохранитель Нелькосена экспериментирует с ним, пытаясь решить, что делать с металлической круглой тарелкой, которую Честь обязывала его использовать в бою. Когда он выставял щит далеко вперед, ему трудно было сохранить равновесие. Когда он прижимал его к груди, движения шпаги становились ограниченными.

Через некоторое время Брод принес щит и меч—те самые, которыми Джейсон провел не один тренировочный поединок. Согнув руку в локте, Джейсон просунул ее под ремни с внутренней стороны щита и крепко ухватился за металлическую скобу. Затем он сжал эфес меча и вместо того, чтобы принять фехтовальную позицию—правое плечо вперед, рука со шпагой вытянута—встал в боксерскую стойку, выдвинув левое плечо и прикрываясь щитом.

Члены Комиссии и немногочисленные зрители возбужденно зашептались. Кто-то громко заметил, что Джейсон напоминает древних воинов, изображенных на фресках. Хорааг—прирожденный атлет—мгновенно принял ту же позу, что и Джейсон, но в движениях Старшего Телохранителя чувствовалась некоторая скованность. Больф Племянник Отца Челя подал знак, и противники сошлись в центре зала.

—Вы встретились здесь,—торжественно произнес Больф,—чтобы защитить дело Чести и, согласно правилам благородного поединка, разрешить ситуацию, которая не имеет иного решения...

Джейсон слушал вполуха. Глаза его были широко раскрыты;

ему казалось, он чувствует запах каждого из присутствующих, слышит все звуки в зале, какими бы тихими они ни были. Он подумал, что скоро—возможно, в течение того времени, за которое можно спеть песню основателя Царства Брутогази,—ему суждено добиться успеха или погибнуть. Он вновь и вновь повторял себе, что умрет, и не мог в это поверить. Никогда еще он так полно не ощущал жизнь. Сердце его билось сильно, но не учащенно. Дыхание было ровным. Шея вспотела, но не от страха, а в ожидании предстоящей битвы.

Он посмотрел на высокого мощного Хораага Приемного Сына, на длинную шпагу с двумя клинками, которую тот держал в руке. С необычайной отчетливостью видел Джейсон каждый волосок на шее Старшего Телохранителя, темные выпуклые вены у ноздрей, мельчайшие царапинки на эфесе шпаги.

—...этот прецедент является прецедентом тридцать девятого прецедента,—говорил тем временем Боульф,—смысл которого заключается в том, что владелец определенной вещи, лишенный возможности ею пользоваться, имеет законное право—либо сам, либо с помощью своего представителя,—силой оспорить законное решение того, кто лишил его этой вещи. Таким образом я, как беспристрастный судья, объявляю данный поединок, происходящий перед свидетелями, правомочным и благородным. *Начинайте!*

Джейсон, погруженный в свои мысли, вздрогнул. Если бы не долгие часы тренировок, он мог бы замешкаться, но его мускулы отреагировали сами собой.

Джейсон и Хорааг одновременно шагнули навстречу друг другу. Джейсон едва успел подставить щит, отражая прямой выпад шпагой. И почудилось Джейсону, что они с Хораагом остались вдвоем, окруженные стеной тумана, поглотившего все звуки. Время остановилось; противники превратились в танцующих партнеров, одному из которых не суждено было закончить танца.

Чей-то громкий голос в который раз проникал сквозь пелену тумана, раздражая Джейсона, мешая ему сосредоточиться. Он попытался отключиться, и в этот момент понял, что Брод кричит ему: "Ты отступаешь! Он теснит тебя!" Джейсон вспомнил, как во время тренировок Чемпион Миров неоднократно предупреждал, что короткий меч хорошо только для атаки, когда ты идешь на противника, навязывая ему ближний бой. Чуть пригнувшись, Джейсон отбил щитом шпагу Хораага и сделал шаг вперед, нанося удар снизу.

Хорааг отступил, затем неожиданно отпрыгнул влево. На мгновение потеряв его из виду—помешал собственный щит—Джейсон неловко повернулся и чуть не упал. В ту же секунду Хорааг бросился на него, и Джейсону пришлось оттолкнуть мощного румла щитом. Хорааг, быстро смекнувший, что щит можно использовать как оружие, резко выбросил левую руку вперед. Джейсон уклонился от первого удара, но второй сбил его с ног. Стоя на одном колене и глядя, как Хорааг заносит шпагу высоко над головой,

Джейсон пригнулся, нырнул под щит противника и в прыжке вонзил меч ему в плечо. Шпага вывалилась из онемевших пальцев Хораага. Он отбросил щит в сторону и обхватил шею Джейсона правой рукой. Джейсон, забыв о мече, выпустил когти и вцепился Хораагу в горло.

Они упали.

Когда окровавленного, задышающегося Джейсона вытащили из-под трупа Хораага, он увидел в двух шагах от себя Некольсена, держащего в руке связку ключей. То были ключи от каждой каюты, каждого помещения на звездолете, подготовленном к Экспедиции на планету Завернутых.

Нелькосен протянул их Джейсону.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Джейсон спал без сновидений.

Ему вкололи сильное снотворное (после удачно завершившейся дуэли он очнулся среди людей, более не казавшихся ему чужими), и в самом начале сон его тревожили туманные образы то ли румолов, то ли землян, но потом он погрузился в небытие...

...А когда проснулся, в кресле, где всегда кто-то сидел, никого не было. Джейсон приподнялся на локте, взглянул на будильник, стоящий на столе. Три часа пополудни.

Чувствуя некоторую слабость после тяжелого сна, он сел на кровати и потянулся. Ему захотелось выпить чашечку кофе. Наскоро одевшись, Джейсон подошел к двери, но почему-то не смог сразу открыть ее. Нахмурившись, он подергал за ручку; остатки сна слетели с него.

— Меня заперли! — громко сказал он, глядя в кресло, где должен был сидеть один из членов Комиссии. Значит, когда за ним некому было наблюдать, его закрыли на ключ, как преступника или сумасшедшего?

Внезапно Джейсона охватила ярость. Он изо всех сил ударил в дверь плечом, и к его удивлению, — он никогда не ломал дверей раньше, — язычок замка вылетел из паза, раздался громкий треск ломающегося дерева, и дверь распахнулась настежь. Джейсон вышел из комнаты.

Как ни странно, ярость его не улеглась, а усилилась. Не пожелав воспользоваться лифтом, он быстро зашагал по коридору к лестнице, ведущей на верхние этажи и, свернув за угол, натолкнулся на молодого человека в военной форме с пистолетом в кобуре на поясе.

— Минутку, — сказал солдат, схватив Джейсона за руку. — Туда нельзя. Возвращайтесь в свою комнату.

— Правда? А если не послушаюсь, вы выстрелите мне в спину? — Вне себя от возмущения, Джейсон резко вырвался, грубо оттолкнул солдата и побежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

В холле первого этажа было полным-полно офицеров в армейской форме. На Джейсона смотрели, с ним пытались заговорить, но он шел, почти бежал по зеленому ковру, ни на кого не обращая внимания.

В открытых настежь дверях библиотеки стоял человек в штатском. Отпихнув его плечом, Джейсон перепрыгнул через порог.

В библиотеке было оживленно. Джейсон увидел Меле, членов Ученого Совета, Билла Готта—того самого генерала, с которым Тим познакомил его неделю назад. Готт был в форме, а рядом с ним стояли двое мужчин: один—средних лет, невысокий, с продолговатым черепом, одетый в серый костюм европейского покроя; второй—лет пятидесяти, похожий на архивариуса, худой, с выцветшими голубыми глазами за стеклами старомодных очков, светлыми волосами и белесыми бровями.

Когда Джейсон вошел в библиотеку, глаза всех присутствующих устремились на него. Охранник в дверях громко вскрикнул.

—Зачем вы пришли, Джейс?—спросил Готт.—...Нет, отпустите его, Хобарт.—Человек в штатском, обхвативший было Джейсона сзади, отскочил в сторону, вовремя избежав удара каблуком по голени. Джейсон яростно уставился на Готта.

—Так это вам пришла в голову удачная мысль запретить меня на ключ?—с негодованием спросил он.—Позвольте узнать, какого черта здесь делаете вы и ваши бандиты в солдатской форме?

—Это я пригласил Билла, Джейс,—невозмутимо сказал Торнибрайт, стоявший чуть поодаль от Готта и двух незнакомцев. Психолог, одетый, как всегда, с иголки, выглядел абсолютно спокойным. На лице его не дрогнул ни один мускул.

—Вы?—Джейсон недоуменно уставился на Торнибрайта.—Зачем?

—Именно это мы с Биллом и пытаемся объяснить членам Ученого Совета,—все с тем же присущим ему хладнокровием сказал Торнибрайт.—Эксперимент зашел слишком далеко, и я считаю, мы больше не имеем права держать наш проект в тайне от должностных лиц, которые, по моему мнению, должны осуществлять над ним контроль. Я созвал заседание Ученого Совета, в надежде, что мою точку зрения поддержат. Когда голоса в очередной раз разделились поровну, я пригласил Билла.—Торнибрайт искоса посмотрел на подтянутого, загорелого Готта.—Он ждал моего звонка.

—Вот как?—Джейсон в упор посмотрел на психолога.—А какое право вы имели созвать заседание Совета, не поставив меня об этом в известность?

Торнибрайт не опустил глаз. Худой, тщедушный, на четыре дюйма ниже ростом, чем Джейсон, он выглядел непреклонным. Взгляд его был холоден.

—Быть может, мне следует напомнить вам, Джейс, что вы фактически не являетесь членом Совета.

—Быть может, и мне в таком случае следует вам напомнить...—голос Джейсона сорвался.—...Быть может, и мне следует

вам напомнить, раз уж вы решили действовать в одиночку, что проект—это я! Я!—Он ткнул себя пальцем в грудь. Голова у него была, как в огне.—Без членов Ученого Совета обойтись можно, без меня—нет! К тому же я—американский гражданин и требую...—Он оборвал себя на полуслове и обвел взглядом присутствующих. Дистра сидел в кресле не шевелясь, с бесстрастным выражением на лице.—Кстати,—хмуро сказал Джейсон,—в здании нашей Ассоциации незаконно находятся посторонние. Почему никто не вызвал полицию? А заодно, адвоката?

—В этом нет необходимости,—начал было Торнибrait, но Готт перебил его.

—Мне кажется, Джейс просто погорячился,—сказал он, ослепительно улыбаясь.—Сейчас я объясню ему, в чем дело, и он наверняка все поймет. Но позвольте мне сначала представить двух моих знакомых. Это...—замысловатая фамилия неприятно резанула Джейсону слух.—... Он защищает интересы иностранных членов вашей Ассоциации. Можете считать, что этот человек из Организации Объединенных Наций.

—Очень приятно,—заявил человек из Организации Объединенных Наций безо всякого акцента, но с довольно странной интонацией в голосе.

Джейсон коротко кивнул.

—А это,—продолжал Готт, глядя на высокого мужчину в очках, Атрой Свенсон, представитель Белого Дома. Если вам нужен хороший адвокат, он может в любую минуту связать вас с Генеральным Прокурором.—Готт вновь ослепительно улыбнулся.

—Ловлю вас на слове,—угрюмо сказал Джейсон.—Пусть он свяжет меня с ним немедленно.

Готт слегка нахмурился.

—Неужели вы не хотите разумно оценить обстановку?—медленно произнес он.

—Не хочу,—коротко бросил Джейсон.—А вы не хотите убратъся отсюда вместе со своими знакомыми?

—Нет,—спокойно ответил Готт, глядя Джейсону прямо в глаза.

—Что ж, тогда придется уйти мне.—Джейсон резко повернулся и направился к двери.

—Хобарт!—негромко сказал худощавый Свенсон. Охранник сделал шаг вперед. Джейсон остановился, оглянулся, иронически посмотрел на Торнибрайта.

—Послушай, Билл,—в ту же секунду произнес психолог.—Это уж слишком. Существуют и другие способы...

—Их не существует,—сказал Свенсон. Представитель Белого Дома, несмотря на невзрачный вид, говорил непреклонным тоном. Он перебил Тима Торнибрайта (а это было все равно, что войти к голодному тигру в клетку), и психолог даже не попытался ему возразить. Свенсон снял очки и тщательно протер стекла тряпочкой, которую вынул из наружного кармашка пиджака.—Видите

ли, Торниб्राйт, каждый из нас добровольно пошел на нарушение закона. Сегодня утром, собравшись в... неважно где... мы обсудили сложившуюся ситуацию и пришли к выводу, что не можем действовать официальным путем. Это заняло бы слишком много времени, а мы не имеем права ждать, не зная, что происходит или произойдет с Джейсом.

— Происходит или произойдет, — как эхо повторил Джейсон. — Ни секунды не сомневался, что, услышав о проекте, вы прежде всего подумаете, что инопланетяне овладели моим разумом. — Он хмуро посмотрел на Торнибрайта, но лицо психолога осталось бесстрастным. — Итак, мистер Свенсон, вам плевать на наши гражданские права?

— Но послушайте же! — в голосе Свенсона проскользнула нотка отчаяния. — Давайте рассуждать здраво! Вы начали работать над проектом, не поставив в известность правительство Соединенных Штатов, да и никакое другое правительство, если уж на то пошло. Вы вступили в контакт с иной цивилизацией, которая обладает достаточной мощью и, насколько я понял, желанием уничтожить всех нас. Что ж, по-вашему, мы должны теперь начать расследование, а затем вызвать вас, как свидетеля?

— Мы не делали секрета из нашей работы, — резко сказал Торниб्राйт. — Подробнейшее описание проекта было опубликовано по меньшей мере в дюжине технических журналов. О нем много писали в газетах.

— А как вы считаете, много людей читают технические журналы, в которых печатаются тысячи статей в год на разных языках? И кто верит газетам, а если и верит, то помнит содержание статьи через пять минут после прочтения? — Свенсон посмотрел на Джейсона. — Если кто-то и знал, чем вы занимаетесь, вряд ли он воспринял вас всерьез. Кому из нас могло прийти в голову, что ваш проект реален?

— Никому, — с горечью сказал Джейсон. — Вполне естественно.

— Но вы добились успеха, — продолжал Свенсон. — Правда с моей точки зрения, каждый из вас начисто лишен чувства ответственности... Мне остается лишь повторить, что мы сознательно пошли на нарушение закона. И если мы останемся живы, можете впоследствии подать на нас в суд. Мне безразлична моя карьера, но генерал Готт, после двадцати восьми лет безупречной службы, потеряет все, чего добился с таким трудом. Как бы то ни было, в данную минуту нас это не тревожит. — Он обвел взглядом членов Совета. — Вам придется беспрекословно подчиняться всем нашим распоряжениям. Сегодня же мы переберемся на небольшую базу военно-воздушных сил неподалеку от Вашингтона. Мы освободим вас, когда будем твердо уверены, что сможем контролировать ситуацию без вашей помощи. — Он поморщился. — Вполне вероятно, нас ждет тюремное заключение, но сейчас...

— Нет, — негромко сказал Джейсон. Свенсон посмотрел на него. — Номер не пройдет. — Он попятился и уселся на краешек стола,

за которым сидели члены Ученого Совета.—Никто из нас не покинет этого здания.

Свенсон снял очки.

—Неужели?

—Вот именно. Либо вы невнимательно слушали, либо забыли, как в начале нашего разговора мне пришлось напомнить Тиму Торнибрайту, что проект—это я. Так оно и есть, и вы не можете заставить меня сделать то, чего я не хочу. А я не хочу лишаться возможности пользоваться библиотекой Ассоциации.

Свенсон одел очки.

—Мне кажется, вам придется подчиниться. В конце концов, мы не требуем от вас ничего невозможного. Продолжайте работать, как работали, и докладывайте нам о своих контактах с Катором.

—А если я откажусь?

—Мы можем превратить вашу жизнь в ад,—абсолютно серьезным тоном сказал Готт.

Джейсон искоса посмотрел на млажава генераала.

—А ели в моих докладах не будет ни единого слова истины?

—О!—Готт весело рассмеялся.—Естественно, нам не составит труда узнать, когда вы лжете.

Несколько мгновений Джейсон пристально смотрел на него, потом тоже рассмеялся, но не весело, а урюмо.

—Ловко у вас получилось. Честно говоря, я чуть было вам не поверил. Но вы не сможете узнать, лгу я или нет, и прекрасно это понимаете.—Он перевел взгляд с Готта на Свенсона и стоявшего рядом с ним представителя Организации Объединенных Наций.—Я—единственный человек во всем мире, вступивший в контакт с румлами, и вам, как воздух, необходимо мое добровольное согласие сотрудничать с вами, потому, что если я откажусь, вы просто сойдете с ума, непрестанно думая об инопланетянах, которые в любую секунду могут напасть на Землю и поработить всех ее обитателей.—Он на мгновение умолк, глубоко вздохнул, потом неторопливо сказал.—А теперь послушайте, на каких условиях я соглашусь добровольно сотрудничать с вами. Можете остаться и присутствовать на заседаниях Ученого Совета, раз уж вы оказались невольно вовлеченными в наши дела. Но если вы считаете, что будете здесь командовать, выкиньте эту мысль из головы. Я буду работать, как работал, и не позволю вмешиваться в мои дела ни вам, ни членам Совета.

Наступила мертвая тишина. Джейсон и Свенсон смотрели друг на друга в упор. Затем Свенсон снял очки.

—Хорошо,—спокойно сказал он.—Временно я принимаю ваши условия.

Джейсон слегка кивнул и повернулся к Меле. Он хотел сказать ей, что чертовски проголодался, и пригласить в столовую, пока ученые вместе с военными обсудят положение, создавшееся после того, как Джейсон настоял на полной своей самостоятельности. Но, взглянув на Меле, он промолчал.

Она смотрела на него, будто он превратился на ее глазах из Джекиля в Гайда, а точнее из Джейсона в Катора. Неужели она совсем не понимала его?

Джейсон вышел из библиотеки, не сказав ей ни слова.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В тот день, когда Катора назначили Ведущим, исследование артефакта было закончено, и молодой румл, не теряя времени, переселся на борт звездолета, полностью снаряженного и готового к полету. Теперь оставалось подобрать капитана и команду, на что ушло несколько дней.

Джейсон, будучи Катором, присутствовал на заседаниях Комиссии по Назначениям. Теоретически он мог наложить вето на любого кандидата, но на практике глупо было вмешиваться в работу опытных благородных румлов, которые прекрасно знали, что делали. Поэтому Катор молча сидел на помосте, наблюдая за процедурой назначения и думая свои думы. Из его мыслей явствовало, что ему глубоко безразлично, кем командовать. Молодой румл поставил перед собой определенную цель и готов был добиваться ее всеми доступными ему средствами.

Так же, как Джейсон, когда он был в теле Катора, его захлестывали эмоции. Будучи самим собой, находясь под неусыпным оком ученых и военных, он пытался тщательно анализировать эти эмоции. Но в глубине души Джейсон лишился былой уверенности в самом себе. Именно по этой причине он и повел себя несвойственным ему образом, когда сначала высадил дверь своей комнаты, а затем устроил скандал в библиотеке. Свенсон—впрочем, не он один,—смотрел на Джейсона, как на человека, мозгом которого постепенно овладевал—если уже не овладел—иной разум. Эта невысказанная вслух мысль приводила Джейсона в ярость. Фантастика! Темные суеверия!

Но он больше не был уверен в том, что это невозможно.

Само-собой, Джейсон никому не говорил о своих опасениях. Определенные чувства Катора нельзя было передать словами. Катор гордился тем, что он—румл, член великой расы, и гордость его можно было сравнить разве что с тем чувством превосходства (подсознательным, разумеется), которое человек испытывает по отношению к животным. Но подобное сравнение никак нельзя было назвать точным. Не существовало исчерпывающего объяснения подсознательному поведению румлов, которые даже между собой никогда не обсуждали подобные вопросы. Да и с какой стати им было обсуждать то, что являлось неотъемлемой частью их существования? Чуждое для людей являлось для них нормой, их восприятие мира в корне отличалось от человеческого.

Когда дело касалось обыденной жизни, практически одинаковой у людей и у румлов, Джейсону, как личности, ничего не гро-

зило при контактах с Катором. Но в области подсознательного... В душе Джейсону становилось все страшнее и страшнее. Впервые с начала эксперимента он признался сам себе, что Катор даже не подозревая о существовании Джейсона, может невольно уничтожить в нем суть человеческую.

К такому выводу Джейсон пришел после дуэли. До этого он лишь интуитивно чувствовал—как никто другой—основное различие между людьми и румлами, но и ему казалось, что оно постижимо, как, например, постижимо различие между человеком и бурым медведем.

Джейсон позабыл, что разумные существа проходят долгий исторический путь развития, создают свою культуру, обладают душой. И люди, и румлы готовы были сражаться и умереть за определенные идеалы, в любую секунду могли наброситься друг на друга—ослепленные яростью, уверенные в своей правоте,—отстаивая подсознательные убеждения, которые они не в состоянии были объяснить даже самим себе.

Никто, кроме Джейсона, не мог предотвратить эту кровавую бойню. Если б только ему удалось обнаружить в одной из статей (каждый день он просматривал десятки научных журналов) какую-нибудь концепцию, одинаково приемлемую для людей и для румлов... концепцию, которая не противоречила бы подсознательным убеждениям обеих рас...

Джейсон не сомневался, что законы, общие для всех разумных существ, кроются в тайнах биологии или зоологии.

А тем временем его не оставляло тревожное ощущение, что личность Катора окажет на него влияние, от которого он никогда не сможет избавиться. До сих пор общение с Меле помогало ему справиться со своим страхом. Но сейчас между ними словно выросла глухая стена. После инцидента в библиотеке Меле смотрела на него чуть ли не отчужденно и не скрывала, что считает его поведение по меньшей мере неразумным. Она наверняка решила (с горечью думал Джейсон), что он настоял на своем из одного только желания никому и ни в чем не уступать. Слава богу, Меле хоть не верила, подобно остальным, что Катор контролирует его мозг. Но несмотря на это страх Джейсона становился все сильнее. Страх, о котором никто ничего не должен был знать, возникший потому, что во время дуэли с Катором Джейсон впервые ощутил, что полностью разделяет точку зрения молодого румла, хотя она была диаметрально противоположна той, которой придерживался Джейсон.

Катор не испытывал неприязни к Хораагу Приемному Сыну. И тем не менее, он, гордясь собой, чуть ли не ликуя в душе, убил его, хотя в этом не было необходимости. Убийство Хораага возвысило Катора в собственных глазах, заставило его поверить в свою удачу и благородство. Какое-то мгновение Джейсон испытывал те же чувства.

Ломая дверь, устраивая скандал в библиотеке, он не был самим собой. Так мог вести себя Катор Троюродный Брат Брутогази

(если б проснулся и обнаружил, что его лишили свободы), но никак не Барчар Ли Джейсон. Что же с ним происходило?

Бессонными ночами, при тусклом свете шестидесятиваттной лампочки, Джейсон лихорадочно рылся в старых журналах, изредка бросая взгляд на свое отражение в темном стекле и пытаясь найти ответ на этот вопрос.

Но его отражение безмолвствовало.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Команда звездолета состояла из пятидесяти восьми румлов, включая капитана и Ведущего. Вскоре после отлета Джейсон обратился по внутренней связи ко всем членам Экспедиции. Стоя рядом с капитаном, глядя на телевизионный экран, он говорил:

—Все вы знаете, что нам необходимо собрать сведения о планете Завернутых и благополучно вернуться домой, с тем, чтобы впоследствии заселить новый для нас мир. Перед нами открываются широчайшие возможности. Когда начнется заселение, каждому румлу, принявшему участие в Экспедиции, будет позволено основать свою собственную Семью. Именно так были колонизированы шесть ныне принадлежащих румлам планет.

На мгновение Катор умолк. Ему казалось, он видит, как в каютах и отсеках звездолета члены команды стоят, исполненные Чести, и слушают каждое его слово.

—Таким образом,—продолжал он,—Честь обязывает нас приложить все усилия для успешного завершения Экспедиции, потому что нет ничего важнее этого в нашей жизни. Со своей стороны я, обещая быть для вас справедливым и беспристрастным судьей, таким же, как главы наших Семей, и обязуюсь посвятить себя целиком делу Экспедиции. Я торжественно клянусь, что выполняю свою миссию безупречно...

Он вновь умолк. Кровь бушевала в его венах, он чувствовал в себе ту необычайную силу, которая, повинаясь Фактору Случайности, помогла ему сначала обнаружить артефакт, а затем победить Хораага на дуэли.

—...Я призываю вас,—громко сказал он,—запомнить слово, которое я только что произнес: *безупречно*. Я принял на себя определенные обязательства, и хочу напомнить вам высказывание Моранпы, Ведущего первой экспедиции, отправившейся на освоение новой планеты: "Если все, что ни делается, делается безупречно, как может неудача постигнуть тех, кто вершит великое дело?" Я жду безупречного поведения от каждого из вас.

Он отвернулся от экрана. Капитан звездолета стоял, скрестив руки на груди, слегка расставив ноги. Он смотрел на Джейсона, не отрываясь.

—Ведущий,—медленно произнес капитан.—Ведь до сих пор ты не разу не был Ведущим.

—Тебе это известно.

—Я был капитаном на тринадцати звездолетах, хорошо изучил поведение команд как в Экспедициях, так и в обычных рейсах. Существуют два способа отдавать распоряжения. Если Ведущий будет командовать, как старший по званию, ему подчинятся, как старшему,—не беспрекословно, но без особых нарушений дисциплины. Если же он будет командовать, как Основатель Царства, команда слепо последует за ним, пойдет за него на смерть. Но старший по званию может допустить ошибку, Основатель Царства—не имеет на это права.

—Я иду тем путем,—ответил Джейсон,—который указал мне Фактор Случайности.

—У того, кто считает, что Фактор Случайности руководит всеми его действиями, один путь,—сказал капитан.—Тот, кто ссылается на Фактор Случайности, а затем терпит неудачу, должен быть физически уничтожен, дабы не мог он добиться успеха в своих начинаниях со второй попытки. Заблуждающимся нет места в обществе, если мы хотим процветания нашей расы.

—Знаю,—сказал Джейсон.—Я знаю об этом с той самой минуты, как увидел артефакт.

Капитан наклонил голову.

—В таком случае, кто же руководит нами—просто старший по званию или Основатель Царства? Я имею право услышать ответ из твоих уст, Ведущий, а команда сама во всем разберется.

Джейсон окинул взглядом морщинистое лицо капитана, посмотрел ему прямо в глаза.

—Основатель Царства,—сказал он.

На лице капитана не дрогнул ни один мускул. Он вновь наклонил голову.

—Уважаемый,—спросил он,—могу ли я приступить к исполнению своих обязанностей?

—Да,—сказал Джейсон.

Не говоря ни слова, капитан повернулся и подошел к пульту управления.

Джейсон покинул рубку. Он шел по длинным коридорам, тщательно осматривая двери. В обязанности Ведущего входила проверка каждого звена на звездолете. Нельзя было допустить, чтобы кто-то умышленно испортил замок и, оставаясь неузнанным, повел себя неблагородно, затеял драку или совершил преступление. Самой собой, команда корабля подбиралась из румлов безупречной Чести, которые не могли совершить преступлений и вряд ли были способны на неблагородный поступок. Что же касается драк, вероятность их возникновения была велика, так как Честь не позволяла румлу поступиться чувством собственного достоинства, и конфликтная ситуация могла возникнуть в любую минуту.

Румлы, стоявшие на постах, салютовали своему Ведущему, когда он проходил мимо них. Звездолет был полностью укомплектован экипажем; на каждом посту стояли три матроса, а следова-

тельно, вахту в настоящий момент несла треть команды. Джейсон осмотрел Спортивный Зал, грузовой отсек, находившийся в трюме, Конструкторскую Сскцию, где хранились запасные части двигателей и инструменты. Затем он очутился в жилых помещениях звездолета и пошел по коридору, открывая каждую четвертую или пятую дверь. Когда Ведущий открывал дверь в чью бы то ни было каюту, это не являлось посягательством на свободу или нарушением прав личности. В первых шести каютах, куда заглянул Джейсон, никого не было,—почти все свободные от вахты румлы находились в Спортивном Зале,—но за седьмой дверью, удобно устроившись на низком диване, лежал и читал книгу один из матросов.

Увидев Джейсона, он мгновенно вскочил и отдал салют. Джейсон с изумлением посмотрел на него.

—Белла!—воскликнул он, узнав в молодом румле своего Двоюродного брата.

—Я был дублером одного из кандидатов,—пояснил Белла. Они глядели друг другу в глаза, и Джейсона переполнило чувство гордости за того, кто являлся членом его Семьи. Впрочем, разница в положении и Правила Полета не позволяли Ведущему проявлять радость по поводу назначения простого матроса.

—Поздравляю тебя,—сказал Джейсон и вышел из каюты, самым тщательным образом заперев за собой дверь. Ему вовсе не хотелось, чтобы Беллу Двоюродного Брата постигла участь бедного Атона Дядюшки по Матери.

Затем Джейсон вернулся в свою каюту, где на небольшом столике стояли прозрачный кубик с червячком и модель артефакта. Положив рядом с ними Ключи, молодой румл присел на корточках. Он почти физически ощущал, как Фактор Случайности озаряет его внутренний мир ослепительным светом, заставляет посвятить всего себя без остатка тому делу, которому служили Белла, покойный Атон, Семья Брутогази, все румлы. Погрузившись в мечты, Джейсон сидел на полу на корточках, ничего не видя и не слыша вокруг.

В течение следующих нескольких дней корабль преодолел одним гиперпрыжком три световых года и очутился в районе, где по подсчетам должна была находиться планета Завернутых. На экранах возникли две звездные системы, удивительно похожие одна на другую: вокруг каждого из небольших солнц вращались от шести до восьми планет.

Только одна планета ближайшей к Экспедиции системы могла оказаться пригодной для колонизации, и, по приказанию Ведущего, она была обследована и признана не только неоситаемой, но и непригодной для заселения, так как на ней практически не было воды. Планету занесли в каталог—на тот случай, если когда-нибудь румлы найдут способ ее освоения,—и корабль тут же отправился ко второй звездной системе.

Гиперпрыжок еще не закончился, когда капитан подал корот-

кий сигнал тревоги. Джейсон, находившийся в это время в своей каюте, бросился к экрану.

— Два матроса подрались, — коротко сообщил ему капитан.

— Иду немедленно, — ответил Джейсон. — Собери экипаж в Спортивном Зале.

Когда он вошел в Спортивный Зал, команда была построена в две шеренги, а между ними, лицом к капитану, стояли два нарушителя. Капитан сидел за небольшим столиком, на котором лежали протоколы допросов наскоро проведенного расследования.

Джейсон посмотрел на драчунов и почувствовал, как у него холодеет внутри. Одним из них был Белла.

— Протоколы? — коротко бросил он и, когда капитан протянул ему листки, быстро пробежал их глазами. — Двумя нарушителями, — читал Джейсон, — являлись Белла и Антонити. Оба рассказывали о происшедшем, ничего не скрывая, показания их совпадали. Антонити решил, что Белла хочет свести на нет ту работу, которую он, Антонити, выполнял самым тщательным образом. Соответственно, он напал на Белу, предварительно не послав ему вызова. Белла защищался.

Джейсон почувствовал облегчение. Совершенно очевидно, у Белы не было иного выхода. Честь не могла позволить ему уклониться от драки. Следовательно, необходимо было осудить Антонити и признать Белу невиновным.

И внезапно в голову Джейсону пришла мысль настолько неожиданная, что возникнуть она могла только под влиянием Фактора Случайности, благодаря которому (в чем не оставалось сомнений) именно Белла стал одним из участников драки. Само собой, в столь длительном путешествии, с пятьюдесятью восемью членами экипажа на борту, без драк было не обойтись, но то, что в первой из них оказался замешанным двоюродный брат Ведущего, не могло оказаться случайностью. Джейсон поднял глаза и обвел взглядом две шеренги матросов.

— Антонити, — медленно произнес он, — признал себя зачинщиком драки и по закону должен один понести наказание за свой поступок. Однако, я считаю необходимым напомнить вам, что в самом начале Экспедиции я призвал всех ее участников вести себя безупречно ради достижения общей цели. Осуждение одного только Антонити означает, что в нашей среде остается тот, кто забыл об этом, ответив ударом на удар. Таким образом, хотя я признаю Белу Двоюродного Брата Брутогази невиновным в данном инциденте и приказываю сделать с судовым журнале запись, что он вел себя благородно и ничем не запятнал своей Чести, тем не менее — во имя того великого дела, которому я поклялся посвятить всего себя целиком, — я также выношу ему обвинительный приговор.

Он посмотрел на обоих осужденных. Белла не отвел взгляда.

— Мое решение, как Ведущего, окончательное, — сказал Джейсон.

Он сделал шаг назад и отвернулся, слыша, как с громким ры-

чанием матросы накинудись на двух приговоренных, чтобы разорвать им горла. Медленным шагом Джейсон шел по длинным коридорам, возвращаясь в свою каюту, и только заперев за собой дверь, дал волю тем чувствам, которые бушевали у него в груди. Ноги его подкосились, он присел на корточки у стола, где все также неподвижно стоял прозрачный кубик с червячком. Рыдания душили Джейсона, тело трясло, как в лихорадке. Сначала погиб Атон Дядюшка по Матери. Теперь Белла. Кого еще потребует в жертву Фактор Случайности? Быть может, главу Семьи, великого Брутогази?

Дверь заговорила, объявив, что капитан просит разрешения войти. Джейсон взял себя в руки, встал, впустил пожилого румла в каюту. Капитан отсалютовал.

—Слушаю тебя,—сказал Джейсон.

—Уважаемый,—с глубочайшим почтением произнес капитан,—я хочу высказать тебе свои соболезнования по поводу того, что смерть твоего родственника оказалась неизбежной.

—Благодарю,—коротко ответил Джейсон.

—Уважаемый...—капитан замялся.—По поручению членов экипажа я высказываю тебе также их соболезнования.

—Благодарю,—повторил Джейсон.

Капитан нерешительно переступил с ноги на ногу.

—Что-нибудь еще?—спросил Джейсон.

—Да, уважаемый.—На лице капитана отражались обуревавшие его чувства.—Я хочу сказать, что теперь команда пойдет за тобой в огонь и в воду. Если помнишь, в начале Экспедиции я говорил, что командовать звездолетом может как старший по званию, так и Основатель Царства. Уважаемый, служить под началом Ведущего, который является Основателем Царства, великая Честь для меня.

Он отсалютовал и вышел из каюты.

Джейсон запер за ним дверь и вновь присел на корточки перед столом, где стояли кубик с червячком и модель артефакта. Два сильных противоречивых чувства—глубокая печаль и неусмная радость—разрывали молодого румла на части. Как это удивительно, думал он, идти тем путем, который указывает тебе Фактор Случайности. Но какое одиночество ждет путника!

Печальясь и радуясь, чувствуя себя в безопасности за запертой дверью, одинокий Ведущий погрузился в сон.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

—...Говорю вам,—раздраженно произнес Свенсон,—мы точно знаем, что они совершили посадку на обратной стороне Луны. Почему вы не сказали нам об этом?

Джейсона покачивало от усталости. Он с облегчением уселся на кожаный стул с высокой спинкой, чуть отодвинутый от стола,

где когда-то проходили заседания Ученого Совета. Теперь за этим столом сидели Билл Готт и представитель Организации Объединенных Наций. Меле и ученые отсутствовали. Их место заняли ничем не примечательные личности в штатском, молча слушавшие словесную перепалку между Джейсоном с одной стороны и Свенсоном и Готтом с другой.

—Разве я не сказал?—Джейсон рассеянно потер рукой подбородок. Неплохо было бы побриться. Алан Грил тоже куда-то исчез, его сменил доктор с толстой короткой шеей, говоривший с едва заметным французским акцентом.—Последнее время я не вылезал из библиотечных архивов...—Джейсон нахмурился, пытаясь отсечь воспоминания Катора от своих собственных.—Наверно, забыл.

—А вы не забывайте,—резко бросил Готт.—Если вы не будете говорить нам всего, какой от вас толк?

Джейсон с трудом повернул голову к молодому генералу.

—Не надо мне угрожать. Я слишком устал, чтобы реагировать на угрозы. Предпочитаю сохранить свои силы для более важных дел.

—Да,—сказал Свенсон.—Возможно, нам следует проявить снисходительность, Билл. Джейс выглядит, мягко говоря, не лучшим образом. Но послушайте, Джейс, вы измотали себя только потому, что дни и ночи проводите в архиве. Почему бы вам не отдохнуть?

—Это наш единственный шанс,—пробормотал Джейсон, откидывая голову на спинку стула и закрывая глаза. Слова Свенсона перестал иметь значение, монотонный голос убаюкивал. Джейсон встрепенулся и явно расслышал последнюю фразу:

—Вам хоть удалось что-нибудь узнать?

—Да. Многос.

—Нельзя ли поподробнее?

—Образно говоря, я сейчас раскапываю тот источник, который питает инстинктивные реакции румлов. Мы должны понять не то, что они делают, а почему они это делают.

—Да будьте же благоразумны!—Готт повысил голос.—Румлы совершили посадку на обратной стороне Луны, скрыли свой звездолет в лунном гроте. В любую секунду они могут свалиться на нас, как снег на голову. Разве время сейчас заниматься научными изысканиями и прочей ерундой?

—Ерундой!—Джейсон резко выпрямился.—Если б вы и вам подобные не считали ерундой то, чем занимаются ученые, мы никогда не очутились бы в таком отчаянном положении. Вы, рассуждающие о том, что Токио находится слишком далеко от Нью-Йорка, подставили шею человечества под удар топора, вытянув ее на шестьсот световых лет в космос. Вы...—Джейсон умолк. Он уже не раз срывался, разговаривая с военными, и это не приводило ни к чему хорошему, слишком уж крепко засела им в головы мысль, что румлы—помесь поросших мехом иностранцев с чудовищами из научно-фантастических телефильмов.

—Что вам от меня нужно?—устало спросил Джейсон.

—Нам известно, что они совершили посадку на обратной стороне Луны,—сказал Свенсон.—Но мы не знаем, где именно, и ждем от вас ответа на этот вопрос.

—Зачем? Чтобы сбросить на них ядерную бомбу?

—Конечно, нет! Если это возможно, мы постараемся взять их в плен.

—Это невозможно. Как бы то ни было, вам придется оставить их в покое.—Он вновь закрыл глаза, борясь с искушением заснуть и провалиться в благодатное небытие.—Я ничего вам не скажу.

—Не скажете!—вскричал Готт с такой силой, что Джейсону сразу расхотелось спать.—*Не скажете?!*

—Нет. Сейчас у румлов нет оснований считать, что нам известно об их существовании, но как только у них возникнут малейшие опасения на этот счет, они мгновенно пошлют сигнал на свои семь планет, вызовут боевые звездолеты, и тогда наша песенка спета. А до тех пор, пока они занимаются разведкой, у меня есть время разобраться, что движет такими личностями, как Катор, делает их благородными...

—Благородными?—переспросил Готт.—Этот ваш Катор Двоюродный Брат, с которым вы так неразрывно связаны, убил спящего товарища, солгал о том, как это произошло, украл у своих собственных властей червячка из артефакта, нечестным образом победил соперника на дуэли и только для того, чтобы вызвать восхищение у команды, приговорил к смерти родственника, которого любил.—Готт тяжело дышал, на его скулах выступили красные пятна.—Значит вы утверждаете, что ваши научные изыскания убедили вас в благородстве румлов, как расы, и Катора, как ее представителя?

—Да.—Джейсон обвел взглядом всех присутствующих.—Найдется ли среди вас хоть один человек, который согласится непредвзято отнести к румлам, попытается понять, что их стандарты отличаются от человеческих?

—Конечно,—не задумываясь, ответил Свенсон.—Только сначала объясните нам, в чем заключается отличие?

—Но ведь именно над этим я и ломаю себе голову!—яростно вскричал Джейсон.—Я не прошу вас выслушать лекцию на тему об отношении к жизни румлов и людей, а затем сделать вывод, что они непохожи друг на друга. Я прошу принять за постулат, что румлы—другие, и исходя из этого попытаться понять, почему они мыслят, веруют, действуют не так, как мы.

—А дальше что?—спросил Готт.—Если мы их поймем, Катор откажется от своих замыслов? Румлы не пошлют боевые звездолеты на Землю?

—Нет, конечно. Но если мы их поймем, нам, быть может, удастся объяснить, что им нет смысла убивать нас. Неужели поведение людей обусловлено нормами их жизни. Но у нас появился шанс—благо я нахожусь в контакте с Катором—посмотреть на

мир иными глазами, научиться чему-то новому. Значит, именно мы, а не румлы должны найти решение существующей проблемы.

Один из присутствующих—вояка в штатском—громко фыркнул.

—Не валяйте дурака!—Джейсон брезгливо поморщился.—Я такой же человек, как вы. И мною не управляет иной разум.

Вояка, не обращая на Джейсона ни малейшего внимания, вытащил сигарету, повертел ее, сунул в рот, закурил.

—Продолжайте,—терпеливо сказал Свенсон.—Объясните нам, что к чему.

—В шестидесятых годах,—Джейсон чуть наклонился вперед,—Дж. П. Скотт опубликовал в журнале "Наука" статью о критических периодах в поведении животных во время их развития. Так вот, приспособляемость живых организмов к различным условиям практически не имеет пределов. У собак и у людей критические периоды...

—Что это за периоды?—перебил Свенсон.

—У певчей ласточки, например, отмечено шесть периодов развития. У собак—щенков—четыре. Первый—выкармливание, второй—переходный, когда щенок начинает понемногу лаять, принимать твердую пищу и самостоятельно двигаться. Третий период—ознакомительный, во время которого щенок учится играть со своими сверстниками и устанавливает с ними определенные контакты. И, наконец, четвертый период—обретение независимости.

Джейсон умолк, сглотнул слюну. У него пересохло в горле.

—Ну и что с того?—спросил Готт.

—Подумайте о том, насколько собака отличается от человека,—сказал Джейсон,—насколько схожи периоды их развития. Но только один из четырех периодов более или менее соответствует периоду в развитии румлов.

—Нельзя ли поподробнее?—Свенсон снял очки и тщательно протер стекла тряпкой.

—Разве вы не читали мои первые отчеты? Сознание Катора пробудилось, когда—по земным стандартам—ему исполнилось девять лет. Мать носила его три года, а родив, поместила в сумку, где он провел шесть лет, питаясь и дыша инстинктивно, практически не развиваясь. Затем, внезапно, он начал расти. Через неделю он выбрался из сумки, а еще через час или два начал ходить и мог сам о себе позаботиться: один словом, обрел независимость. Его привели к главе Семьи, дали ему имя, поселили в отдельную комнату. В течение двух последующих лет он занял свое место в обществе румлов.

Джейсон откашлялся, прочищая пересохшее горло, и вновь окинул взглядом присутствующих. Он увидел скучающие лица, глаза, в которых не было и тени мысли.

—Как вы не понимаете?—он чуть ли не умоляюще посмотрел на Свенсона.—То, что земной ребенок узнает за десять лет общения со своими родителями и сверстниками, остается неизвестным ребенку румлов. Ему неведомы материнская любовь, игры, обще-

ние с другими детьми. Он лишен возможности учиться на примерах. Ему приходится руководствоваться инстинктами, а о том, как происходит его приспособляемость к различным условиям жизни, нам остается только гадать. Именно поэтому мы не приемлем действий Катора, а он видит в каждом своем поступке глубокий смысл. И пока мы не поймем, в чем заключается этот смысл, нам не удастся помешать румлам напасть на Землю!

Джейсон умолк, окончательно обессилев. После непродолжительного молчания, Свенсон сказал:

—Простите меня, Джейс, но я мало что понял из ваших объяснений. Вы не убедили меня в том, что ваши научные исследования приведут к решению проблемы. Я—реалист, и считаю: в данный момент разумнее не философствовать, а действовать. Надеюсь, вы все-таки скажете нам, где именно румлы совершили посадку?

—Нет.—Джейсон встал, покачнулся, схватился за спинку стула.—Я этого не скажу, и вам придется оставить румлов в покое, потому что если вы начнете искать их, не зная точного места посадки, вас засекут. А если вас засекут, сквозь коллапсированный космос помчится сигнал тревоги, и боевые звездолеты румлов вылетят на Землю.

Он пожал плечами и пошел к выходу, но на пороге остановился и вновь повернулся к Свенсону.

—Сейчас румлы начнут посылать на Землю небольшие устройства, которые будут передавать им изображения нашего мира и людей, его населяющих. Я согласен информировать вас о месте приземления каждого из этих устройств, чтобы вы смогли уничтожить его, если решите, что румлы не должны чего-то знать.—Он вновь покачнулся.—Тем временем я продолжу жизненноважную—с моей точки зрения—работу, а вы не будете мне мешать, потому что я—ваш единственный лазутчик в стане врага, и вы не можете меня заставить делать то, чего я не хочу.—Он рассмеялся, вернее попытался рассмеяться. Из его горла вырвались какие-то хриплые звуки.—Самое смешное, что я, так же, как вы готов отдать жизнь за свой мир. Но в отличие от вас я знаю, что делаю.

Он вышел из библиотеки, закрыл за собой дверь. Ноги у него подкосились, он прислонился к стене, чтобы не упасть. Из библиотеки до него донесся громкий голос одного из вояк в штатском:

—Упряй, как бык. Наверное, этому ублюдку никогда не приходилось зарабатывать себе на жизнь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Корабль Экспедиции находился в полной безопасности—в сотках футах под скалистой поверхностью Луны. Джейсон был доволен. Команда потрудилась на славу, и теперь Завернутым—в том случае, если у них возникли подозрения,—пришлось бы изрядно попотеть, чтобы обнаружить место посадки звездолета.

Джейсон прошел в Конструкторскую Секцию, где все члены Экипажа—за исключением капитана—круглосуточно работали над созданием телепередатчиков в форме предметов и живых существ, часто встречающихся на исследуемой планете. Существовало три типа “Сборщиков Информации” или попросту “сборщиков”. Несколько тысяч устройств первого типа (снабженных небольшими двигателями и самовзрывателями на случай обнаружения) были посланы на разведку и вернулись обратно. Потери составили всего двадцать процентов, и, согласно обработанным данным, туземцы приняли “сборщиков” за обычные камни. Не прошло и пяти недель, как румлы стали обладателями подробнейшей карты планеты Завернутых, где были обозначены не только улицы крупных городов, но и рельеф морских глубин.

Первая стадия исследования была завершена. Отметив это в личном журнале Ведущего, Джейсон записал: *Исполнено безупречно.*

Пришла пора посылать на разведку второй тип устройств, на сей раз в виде больших камней, снабженных грузовым отсеком. В течение четырех недель ксенобиологи изучали фауну планеты и в конце концов предложили воспользоваться тремя форматами жизни для изготовления последнего типа сборщиков. Посоветовавшись с капитаном, Джейсон согласился. Вторая стадия исследований была завершена, и вновь Ведущий сделал запись в своем журнале: *Исполнено безупречно.*

Тремя формами жизни, принятыми за основу при изготовлении сборщиков, были: кровососущее двукрылое насекомое—комар; шестиногое псевдонасекомое—паук; остроносый грызун с длинным хвостом, питающийся отбросами—крыса. Само-собой, “сборщики” мало на них походили—сделать точные копии не позволяли условия,—но это не имело большого значения, потому что при малейшей попытке к ним приблизиться, срабатывали самовзрыватели.

Джейсон стоял у экрана, как очарованный, и смотрел видеофильм, присланный “сборщиком” из больницы Завернутых. В небольшой комнате стояли два помоста для отдыха на четырех высоких ножках каждый.

Туземцы были удивительны и непостижимы. Вне всякого сомнения они пользовались ключами и замками. Но те из них, кто больше всего походили на Ведущих, как правило, работали по ночам и в таких местах, где почти не было народа. Создавалось впечатление, что Завернутые ценили собственность больше, чем жизнь, а следовательно их концепция Чести резко отличалась от принятой у румлов. Женщины не носили детей с сумках—они рождались маленькими и беспомощными; много лет подряд матери возились с ними, заботились об их здоровье.

Все это внушало некоторое отвращение. Но, напомнил себе Джейсон, для Завернутых такая жизнь являлась нормой. Перед отлетом ксенобиологи предупреждали всех участников Экспедиции, что нельзя быть хорошими наблюдателями и составить беспристра-

стный отчет, если относиться к иным существам предвзято. "...Вы должны принять за основу, что они не такие, как мы",—говорили ксенобиологи и приводили в пример те формы жизни, с которыми румлам приходилось сталкиваться при освоении предыдущих шести планет.

Ученые, конечно, не могли ошибаться. И все же, думал Джейсон, одно дело, когда сталкиваешься с животными, не способными на душевные переживания, другое—когда видишь разумное существо, подобное тебе. От иного разума поневоле ждешь чистоплотного поведения, стандартного отношения к проблемам морали, нравственности и этики.

Какое счастье, продолжал думать он, отворачиваясь от экрана, что румлы обнаружили планету Завернутых после того, как высадились на других шести мирах. Высокоцивилизованная раса, непривычная к иным формам жизни, уничтожила бы всех Завернутых, не испытывая к ним ничего, кроме отвращения, а подобный поступок никак нельзя было бы назвать достойным или благородным.

Заглядывая вперед, Джейсон видел себя властелином голубой планеты. Он дал себе слово, что не позволит убивать туземцев после того, как число их сократится до требуемого. Преступным, если не бесчестным, следовало считать полное уничтожение полуразумных существ на мирах, уже завоеванных румлами.

Более того, строил дальнейшие планы Джейсон, быть может, Завернутых вообще не надо будет убивать. Они обладают высоким разумом, создали удивительную технологию, и к тому же миролюбивы и дружелюбны, так как не ищут уединения и пренебрегают собственной безопасностью.

Судя по миллионам сцен, отснятых "сборщиками", Завернутые практически не дрались между собой. Только один раз промелькнуло на экране нечто похожее на дуэль, да и то без оружия. Ведь нельзя было, в конце концов считать оружием одетые на руки изделия из толстой кожи, которые скорее предохраняли дуэлянтов от увечий, чем причиняли им вред. К тому же дуэль происходила при большом скоплении народа, а следовательно, являлась редкостью.

Возможно даже, туземцев—если от них не будет дурно пахнуть—удастся подучить, сделать помощниками румлов. И тогда...

—Уважасмый!—голос капитана прервал размышления Джейсона.

—Слушаю тебя.—Джейсон повернулся.

—Я хотел поговорить с тобой, Ведущий.—Капитан отвел его в сторонку, чтобы их никто не мог слышать.—Это просто поразительно, Ведущий, я не верю собственным глазам. За исключением нескольких воздушных и наземных объектов, у Завернутых совсем нет боевой техники. Они пользуются индивидуальным оружием, когда охотятся, но...

—Поразительно,—согласился Джейсон.—Впрочем, не надо так нервничать. Никто не сомневался, что они окажутся не такими, как мы.

—Это невероятно! Разумные, цивилизованные существа! Переходовая технология!

—О, я уверен, что они обладают военным потенциалом. Нет ли у них подземных сооружений или установок?

—Мы не проводили интенсивного поиска.

—В таком случае проведите его. Отправьте на разведку пятнадцать процентов "сборщиков". Убежден, что боевая техника у них есть. Никогда не поверю, что разумные существа вообще не имеют представления о Чести.

—Да, уважаемый.—Капитан поклонился.—Я немедленно выполню твой приказ.

Джейсон остался один. Несмотря на уверенность, с которой он говорил, ему было страшно при мысли о том, что Завернутые начисто лишены воинственных инстинктов.

Это было нес естественно. Как они могли, не имея благородных инстинктов, добиться господствующего положения на планете? Каким образом им удалось не только выжить, но и создать цивилизацию, если на основе этих инстинктов они не разработали концепций Чести?

Страшное подозрение закралось Джейсону в душу, подозрение, которое он никому не мог высказать: а вдруг Завернутые начисто лишены Чести и достоинства?

Невообразимо, но если так, если они рождались и умирали бесцельно, как звери, не могло быть и речи о том, чтобы оставить их в живых. Потому что в этом случае они были хуже зверей, которые не ведали, что творили. Омерзительные существа, наделенные разумом, но лишенные Чести—им нет места во вселенной. Уничтожив их, румлы выполняют свой долг.

Кожа на лице Джейсона собралась морщинками. Прежде чем принять окончательное решение, необходимо тщательно все проверить.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На нижней полке, заваленной старыми пыльными журналами, Джейсон нашел то, что искал. У него словно гора с плеч свалилась, и он в изнеможении уселся прямо на пол.

Несколько дней назад ему пришлось в голову просмотреть "Каталог периодической литературы" за последние пятьдесят лет. Мысль Катора о том, что человечество лишено Чести и достоинства, не давала Джейсону покоя, послужила толчком к решению вопроса, мучавшего его с момента вступления в контакт с иным разумом.

Все это время Джейсон думал о статье, которую читал много лет назад. Он не помнил ни ее содержания, ни автора, но почему-то не сомневался, что именно в ней находится ключ к взаимопониманию людей и румлов. Как и большинство ученых, занимающих-

ся исследованиями, Джейсон верил в свою интуицию. Он чувствовал себя как человек, у которого на кончике языка вертится нужное слово—знакомое, но позабытое.

Джейсон думал о том, что ищет ключ к решению проблемы, и слово “ключ” все время вертелось у него в голове. Долгое время он не обращал на это внимания, считая, что забота Катора, как ведущего, о Ключах, мешает ему сосредоточиться. Затем туман в его мозгу несколько прояснился; он готов был поклясться, что в заглавии забытой им статьи было слово “ключ”. Отыскав в каталоге указатель, он раскрыл его на букве “К” и начал водить пальцем по строчкам.

Заглавие статьи бросилось ему в глаза.

Он вскочил, пробрался сквозь кипы старых книг к полкам, и на нижней из них нашел то, что искал. В ту минуту, когда Джейсон увидел обложку журнала, он вспомнил, что читал его перед тем, как отправиться в Канадские скалы наблюдать за драками бурых медведей.

Статья называлась: “Ключ к проблеме свирепости медведей”. Написал ее Питер Кротт.

Не в силах унять дрожь в руках, Джейсон пробежал глазами первые строчки и сразу же вспомнил всю статью, словно читал ее день или два назад.

Питер Кротт, его жена и двое детей провели несколько лет в Швейцарских Альпах. Все это время они растили двух медвежат и вели за ними наблюдение. Медвежата были добрыми и ласковыми, робкими и застенчивыми. Изредка они играли с детьми, но в основном занимались добыванием пищи, так как Кротты предоставили им полную свободу действий.

Идиллия закончилась в тот день, когда миссис Кротт вышла из дома с двумя мензурками разбавленного спирта в кармане кожаной куртки. Один из медведей напал на нее, сорвал куртку, разорвал ее, вытащил из мензурок пробки и выпил спирт.

Это происшествие заставило Питера Кротта, известного финского зоолога, задуматься. Он сопоставил свои наблюдения с рассказами людей, встречавшихся с дикими медведями, но не подвергшихся нападению, а затем сделал следующие выводы:

—Травоядные,—читал Джейсон,—легко приручаются, принимая пищу от человека, потому что они не приспособлены для охоты. Можно приручить большинство плотоядных, так как они привыкли, что до определенного возраста пищу им приносят родители,—Джейсон нахмурился, пытаясь вспомнить, в какой еще книге...—Ах, да. “Рожденная Свободной”. Львица Элси, воспитанная супружеской парой в Южной Африке. Автор—женщина. Как же ее звали? Впрочем, неважно. Факты, ею приведенные, лишь подтверждали правоту Кротта. Джейсон продолжал читать.—...Очевидно, приручить медведя с помощью пищи невозможно. Именно поэтому люди, находящиеся в постоянном контакте с медведями, подвергаются опасности. Путь к сердцу медведя не лежит через его желу-

док, а это очень трудно понять человеку, который, подобно хищнику, быстро привыкает к тому, что его кормят...

Сжимая журнал в руке, покачиваясь, словно пьяный, Джейсон пробрался сквозь кипы книг, спустился этажом ниже, открыл дверь, соединяющую шахту лифта с кабинетом Меле. Они почти не виделись с тех пор, как Свенсон и Готт возглавили проскт, но сейчас Джейсон позабыл об этом. Измученный, опыаненный удачей, он, не задумываясь, бросился к Меле, чтобы поделиться с ней своей радостью.

Меле печатала на машинке. Увидев внезапно появившегося Джейсона, она вздрогнула и отняла пальцы от клавиш. В наступившей тишине слышался гул голосов: в библиотеке Свенсон и Готт что-то обсуждали с военными. Слов было не разобрать.

—Меле!—выкрикнул Джейсон.—Я нашел то, что искал!

Ноги у него подкосились. Чувствуя, что сейчас упадет, он быстро закрыл за собой дверь, схватил корзинку для бумаг, вытряхнул ее содержимое на пол, перевернул и уселся на нее рядом с Меле, положив открытый журнал на стол.

—Взгляни...

—Джейс,—перебила его Меле, отодвигая журнал,—у меня много работы.

—Подожди!—Он схватил ее руку, сильно сжал.—Ты должна меня выслушать!

Меле отвела глаза.

—Ты весь в пыли, Джейс. И едва держишься на ногах. Тебе надо как следует отдохнуть. Потом мы поговорим...

—Меле!—Он вновь пододвинул к ней журнал, ткнул пальцем в заглавие статьи.—Вот оно! Неужели ты не понимаешь? Теперь мы сможем что-нибудь сделать!

Она недоуменно посмотрела на него.

—О чем ты, Джейс?

—Я говорю о румлах... о румлах и о нас. Теперь, быть может, нам удастся договориться. Я нашел то, что искал. В этой статье...

—В этой статье?—переспросила Меле, закрыв журнал, взглянула на его обложку.—Но ведь она была опубликована много лет назад...

—Это не имеет значения,—возбужденно сказал Джейсон. Он ухмыльнулся, очень довольный, что наконец-то у него появился шанс хоть что-то ей объяснить.—Добросовестно проведенное научное исследование, недоступное пониманию вояк,—он кивнул головой на дверь библиотеки,—никогда не теряет своей актуальности. “Кого интересует проблема свирепости медведей?”—явно передразнивая Готта продолжал он.—“Зачем летать на Луну?” “Для чего нам знать, существуют ли частицы меньше атома, если мы и атом-то разглядеть не можем?” Всю жизнь мне приходится выслушивать подобные рассуждения. А на поверку вышло, что спасти их шкуры могут только научные исследования.

—Джейс,—с явной жалостью в голосе сказала Меле.

—Нет, ты послушай. Я хочу рассказать тебе, что удалось выяснить Кротту. Поведение диких медведей всегда являлось загадкой: иногда они нападали на людей, иногда—нет, как, скажем, в Йеллоустоунском парке, где туристы ежегодно их кормят. Кротт объяснил, почему это происходит.

—Джейс!

—Нет, послушай!—Джейсон заторопился.—За несколько лет до появления этой статьи ученые заинтересовались концепцией, которая на языке биологии называется “схемой питания”. Барракуда, например, хватает сверкающий, блестящий предмет, даже если не хочет есть. Голодная акула стремится пожрать все, что угодно, включая собственные внутренности, если у нее вспорото брюхо.—Джейсон судорожно вздохнул. Он говорил на одном дыхании и, казалось, не мог остановиться.—Наблюдая за медвежатами, Кротту удалось частично исследовать схему их питания. Медведи—всеядные. Нечто среднее между травоядными и плотоядными. Травоядные не приносят своим детенышам пищу, плотоядные—приносят. Но травоядные не охотятся. Медведь же обладает рефлексом травоядных и телом, приспособленным для охоты. Именно поэтому он нападает на движущуюся добычу, причем делает это бессознательно. Медведь может привязаться к человеку, любить его, но если, скажем, этот человек начнет размахивать куском мяса, медведь нападет на мясо и, соответственно, на человека, который его держит. Сработает рефлекс, не имеющий никакого отношения к чувствам животного.

—Ну и что с того?—спросила Меле.—Мы говорим о румлах и людях, а не о медведях.

—Но у разумных существ тоже есть рефлекс!—в отчаянии воскликнул Джейсон.—Маленький ребенок в случае опасности бежит к взрослому и пытается вскарабкаться на него! Спасаящимися из горящего здания людьми движет инстинкт, который мешает им рассуждать здраво!

—Ох, Джейс...—Меле выдвинула ящик стола, достала из пакета несколько бумажных салфеток, бережно вытерла Джейсону вспотевший лоб.—Ты совсем измучился. Зачем ты вмешиваешься в их дела?—Она кивнула головой на дверь в библиотску.—Они—эксперты. Пускай себе ищут выход из положения...

—Но они ищут его не там, где надо! Наша конфронтация с румлами не может быть прекращена ни политическими, но социологическими методами! Срабатывают рефлекс, которые подавляют и интеллект, и здравый смысл. Мы начинаем не думать, а действовать, как примитивные представители наших цивилизаций. Румлы и люди напоминают двух хищных зверей, встретившихся на узкой тропке сотни миллионов лет назад! Инстинкт самосохранения—в данном случае выживания расы—настолько сильно развит у каждого разумного существа, что оно забывает о своем разуме.

—Лично я никогда о нем не забуду.—Меле резко выпрями-

лась, бросила мокрые грязные салфетки на кучу мусора, который Джейсон вытряхнул из корзинки для бумаг.—А сейчас, Джейс, иди спать...

—Забудешь,—угрюмо сказал он.—Вот увидишь. Когда-нибудь...

—Никогда!—убежденно воскликнула Меле.—Благодарю покорно, но я—современная женщина, живу в двадцатом веке и прекрасно справляюсь со своими инстинктами.

—Двадцатый век здесь ни при чем,—устало возразил Джейсон. Дверь, ведущая в библиотеку, открылась.

—Меле, вы нигде не видели Джейса?—спросил Свенсон.—О, вы здесь? Пойдемте со мной. Оба.

Джейсон уцепился за край стола, с трудом поднялся на ноги. Меле подхватила его за локоть, провела в библиотеку, усадила на стул с высокой спинкой и, взглянув на Свенсона через плечо, возмущенно сказала:

—Ему необходимо как следует выспаться. Неужели нельзя отложить ваш разговор?

—Нет,—коротко ответил Свенсон.

—В чем дело?—Джейсон поднял голову, увидел озабоченного Билла Готта, хмурые лица вояк в штатском.

Свенсон снял очки и какое-то время молчал, словно не решался заговорить.

—Румтам удалось кое-что обнаружить,—в конце-концов сказал он.—Один из их сборщиков информации—в виде крысы—проник на засекреченный нами объект и взорвался, прежде чем охрана нейтрализовала его.

—Когда это произошло?

—Минут двадцать-тридцать назад.

—А на какой объект? Что в нем такого секретного?

Свенсон прикусил губу.

—Простите, но я не уполномочен вести разговор на эту тему.

От изумления Джейсон на какую-то секунду потерял дар речи.

—Вы... надеюсь, вы шутите?—спросил он, немного приходя в себя.—Какое у вас могут быть от меня секреты? Я—единственный, кто может вам помочь. Только что мне удалось найти ответ...

—Простите, но я не уполномочен говорить на эту тему,—упрямо повторил Свенсон.

Джейсон почувствовал, что в нем закипает ярость. Усталось его как рукой сняло.

—Не уполномочены!—воскликнул он.—Нетрудно догадаться—засекретили вы то, что может быть использовано против румлов. Что же именно? Ракеты земля-воздух? Обсерваторию, ведущую наблюдение за сектором космоса, где находится их планета? Босвые звездолеты...

У Свенсона непроизвольно дернулись веки. Лицо его было не менее усталым и измученным, чем у Джейсона.

—Босвые звездолеты!—повторил Джейсон.—Значит они у вас все-таки есть! Я говорил наугад...

—Подземный ангар.—Дрожащими руками Свенсон нацепил очки на нос.—Расположен под заброшенными заводскими зданиями. Не понимаю, как румлам удалось его обнаружить.

—Скорее всего они нашли то, что искали. “Сборщику” многое удалось заснять?

—Он проник в шахту лифта и взорвался, прежде чем охрана успела принять меры. В ангар он не попал, но мы считаем, румлы и так поняли, что к чему.

—Да...—Джейсон резко встал со стула. Мысли в его голове сменялись одна за другой.—Именно так он и поступит.

—Он?

—Катор.—Мозг Джейсона работал быстро, четко, с необычайной ясностью, подобно мозгу человека, которого с минуты на минуту свалит с ног лихорадка. Так вспыхивает электрическая лампочка, перед тем как перегореть.—Очень вовремя все произошло.

—Вовремя?—спросил Готт. Джейсон почти физически ощутил на себе взгляды присутствующих.

—Я ведь говорил... только что мне удалось найти ответ на вопрос, мучавший меня с того момента, как я вступил в контакт с Катором.—Он взглянул на свои руки и тут же вспомнил, что забыл журнал со статьей Кротта в кабинете Мелс.—Мне удалось разобраться в схеме поведения румлов. Теперь я должен встретиться с одним из них.

—Все это срунда,—раздраженно сказал Свенсон.—Давайте поговорим о более важных вещах. Как нам оградить себя от дальнейших проникновений “сборщиков” в ангар? Наверняка у румлов разработано какое-нибудь устройство, которое могло бы предупредить нас о появлении этих проклятых крыс.

—Почему вам так не хочется, чтобы румлы узнали о наших боевых звездолетах? Ведь исследовав артефакт, они наверняка... Понятно!—с прозорливостью человека, мозг которого работает на пределе, воскликнул Джейсон.—Ангар пуст, и если румлы увидят это, они поймут, что вам известно об их существовании.—Руки его непроизвольно сжались в кулаки.—Большей глупости...—он заставил себя успокоиться.—Куда вы переправили звездолеты?

—Простите,—сказал Свенсон,—но я не имею права обсуждать с вами...

—Хотите, чтобы я сам догадался? Вы отправили их к планете румлов и приказали в случае опасности нанести по ней решительный удар. Так или не так? Я вас спрашиваю!

—Я не имею права...

—Неважно. Можете не признаваться. Ничего другого вы не могли предпринять, так как ваши действия точно вписываются в схему поведения людей, в то время как схема поведения румлов... Неважно.—Джейсон говорил все быстрее, мысли его неслись вскачь.—Не имеет значения. Да, у него нет иного пути.

—О чем вы говорите?—спросил из-за спины Свенсона Готт.

—Катор,—пробормотал Джейсон.—Все встало на свои места.

Полный порядок. Теперь я знаю, что надо делать. Но мне необходимо с ним встретиться.

—С кем?

—С Катором. Он захочет лично обследовать ваш подземный космодром. Вы должны доставить меня туда.—Он посмотрел на Свенсона.—Вы ведь можете это организовать? Говорю вам, я нашел ключ к решению проблемы. В библиотечном архиве. Мы можем контролировать и то, и другое.

—Что именно?—спросил Готт.

—Поведение людей и поведение румлов. Нельзя допустить, чтобы две цивилизации истребили друг друга. Ладно...—Он уставился на Свенсона.—Вы не ответили на мой вопрос. Я спросил, можете ли вы доставить меня на космодром?

Свенсон покачал головой.

—Нет. За редким исключением, а может, без исключений, все считают, что вами управляет чужой разум, с которым вы вошли в контакт. Боюсь, мы вам не доверяем. Так что вряд ли вас подпустят к засекреченному объекту, в особенности если там будет находиться ваш друг, Катор.

Надо продержаться еще минуту, подумал Джейсон, чувствуя, что комната поплыла у него перед глазами.

—Давайте договоримся по-хорошему,—сказал он.—Вы ведь не откажетесь обойтись без меня? Вам хотелось бы самим следить за Катором?

Взгляд Свенсона был холоден.

—Да,—коротко сказал он.

—В таком случае организуйте нашу встречу. Сделайте так, чтобы я мог поговорить с ним, когда он отправится на разведку. На обратном пути я помогу вам захватить его, причем он никогда не узнает, что побывал в ваших руках. Это я гарантирую. Можете напичкать его любой радиоэлектронной аппаратурой, Катор этого даже не заметит.

Свенсон задумался.

—Я не имею права заключать с вами подобного рода сделок,—произнес он после непродолжительного молчания.—Я не уполномочен...

—Вы согласитесь,—сказал Джейсон.—Все вы согласитесь, потому что, подобно румлам, действуете по схеме. Нетрудно предсказать...

Комната вновь поплыла у него перед глазами. Лица Свенсона, Готта, вояк в штатском слились в одно белое пятно. Он потерял сознание...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Джейсон разрешил всем членам экипажа отметить успешное завершение работ. Сам он не принял участия в пирушке и не стал

глотать культуру бактерий, которые вырабатывали в желудках румлов спирт из углеводов, содержащихся в пище. Джейсону не хотелось испытывать чувство опьянения, не хотелось впасть в забытье. Его пьянили мысли об Основании Царства.

Предоставив экипажу заслуженный отдых, он вызвал к себе капитана и, когда дверь за пожилым румлом закрылась, сказал:

— Совершенно очевидно, теперь нам необходимо исследовать этот подземный, навсего засекреченный объект. Надо послать кого-нибудь на разведку.

— Да, Уважаемый. — Капитан, как и остальные члены экипажа, проглотил культуру бактерий, но отказался от приема пищи. Испытывая чувство голода, предвкушая наслаждение, он думал о своих подчиненных, пирующих в Спортивном Зале.

— До сих пор, — продолжал Джейсон, — мы не совершили ни одной ошибки. Давайте и впредь действовать безупречно. Я должен быть абсолютно уверен, что румл, который отправится на планету Завернутых, добьется успеха. Его кандидатура не вызывает у меня сомнений.

— Уважаемый? — Капитан встрепнулся, позабыв о своем голоде. Мускулы его живота непроизвольно напряглись. — Ты говоришь обо мне, Ведущий? Я могу передать обязанности...

— Я говорю не о тебе.

— О! — разочарованно воскликнул капитан. — Прости, что я позволил себе надеяться. Естественно, для выполнения задания тебе потребуется молодой, энергичный...

— Вот именно. Поэтому я выполняю его сам.

— Ведущий! — голос капитана сорвался на крик. Бакенбарды его распушились. — Я... я прошу прощения, Ведущий. Ты отвсчасшь за Экспедицию, твое слово — решающее. Прикажешь мне замсшать тебя на время твоего отсутствия?

— Нет.

Лицо капитана стало, как каменное.

— В таком случае, кому?

— Никому.

На этот раз капитан не вскрикнул. Он стоял, не шевелясь, и смотрел на Джейсона, словно не верил собственным ушам.

— Никому, — медленно повторил Джейсон. — Надеюсь, ты понимаешь меня, капитан. Я заберу Ключи с собой.

— Но, уважаемый... — голос капитана прссекся. Он глубоко вздохнул. — Я хочу заявить для протокола, что в отсутствии Ведущего вернуться домой будет чрезвычайно трудно.

— Скорес всего, просто невозможно, — ответил Джейсон. — Именно поэтому я намереваюсь запретить звездолет и забрать Ключи с собой. Если я не вернусь, вы не сможете стартовать. Таким образом исключается возможность бунта, во время которого члены экипажа перебьют друг друга, после чего звездолет затеряется в космосе с ценнейшей информацией о планете Завернутых.

— Да, уважаемый. — Капитан почтительно отсалютовал.

—Сообщи команде о моем решении после того, как я покину корабль.

—Слушаюсь, уважаемый.

—Больше я тебя не задерживаю. Желаю, как следует отдохнуть.—Пожилой румл поклонился и пошел к двери. Джейсон выждал паузу.—Да, вот еще...—Капитан замер на пороге.—Передай всем членам экипажа, чтобы сегодня они повеселились от души.

—Хорошо, уважаемый.

Капитан закрыл за собой дверь, а Джейсон подошел к столику, взял в руки кубик с червячком и нежно провел пальцами по его прозрачной поверхности.

—Первый подданный моего Царства,—сказал он, глядя на червячка,—ты вернешься на землю, тебя породившую.

Бережно поставив кубик на место, Джейсон присел на корточки. И чудилось ему, что под чужим солнцем играют и растут его сыновья и внуки, многие из которых тоже станут когда-нибудь Основателями Царств...

На следующий день Джейсон приказал отправить сборщиков на разведку территории, примыкающей к засекреченному подземному объекту, а затем—с помощью капитана и двух специалистов—занялся собой, стараясь хотя бы приблизительно скопировать облик, речь и манеры поведения обитателей планеты Завернутых.

Задача была не из легких.

Прежде всего ему пришлось избавиться от “растительности” на лице. Процедура прошла безболезненно, но он испытал самый настоящий психологический шок. И как Джейсон ни уговаривал себя, что бакенбарды отрастут через несколько месяцев, а может, недель, он чувствовал себя неполноценным.

Далее ему пришлось побрить голову, потому что черный блестящий мех, даже выкрашенный, резко отличался от волос туземцев.

Глядя на себя в зеркало, Джейсон видел урод. К счастью, от шеи и выше он ничем не отличался от Завернутого. И действительно, темная кожа, раскосые большие глаза и плоский узкий подбородок делали его похожим на уроженца востока.

Процедура одевания заняла у него много времени и сил, но и на этом его мучения не кончились. Теперь необходимо было научиться двигаться в одеждах, вызывающих омерзение и липнущих к телу. Впрочем, Джейсон предъявлял к себе такие же требования, как и к остальным членам экипажа, и поэтому без усталости ходил, бегал и прыгал по своей каюте, в то время как капитан и два специалиста, проглядывая отснятые “сборщиками” пленки, придиричиво сравнивали его действия с действиями туземцев.

И, наконец, настало время, когда трое строгих судей перестали делать Джейсону замечания, а сам он настолько освоился, что одежда более не казалась ему неудобной.

Подготовительный период завершился.

Джейсон—нелепый румл—стоял у экрана, просматривая ин-

формацию, полученную "сборщиками". Засекреченный объект туземцев поражал своими размерами. Одна десятая мили в высоту, пять миль в длину, полмили в ширину. Все это пространство было огорожено толстыми железобетонными стенами, а то, что за ними находилось, оставалось загадкой.

Проникнуть на засекреченный, наверняка охраняемый, объект через один-единственный обнаруженный вход—шахту лифта, который использовался для доставки вниз продовольствия,—было необычайно сложно.

Джейсон задумался. Капитан молча стоял, глядя на своего Ведущего.

—Ну, хорошо,—сказал Джейсон после непродолжительного молчания.—Нам неизвестны их средства защиты, но наверняка они предназначены для охраны объекта от туземцев, а не таких, как я. Буду действовать, исходя из ситуации. Впрочем, ничего другого мне не остается.

Он подробно проинструктировал капитана относительно работ, которые надо было выполнить в его отсутствие, но ни слова не сказал о том, как поступить, если он не вернется. Отдавать распоряжения подобного рода означало оскорбить Честь и достоинство румла...

Несколько космическая лодка оторвалась от поверхности Луны, взяла курс на голубую планету и исчезла во мгле.

Полет продолжался недолго. Совершив мягкую посадку, Джейсон замаскировал лодку, придав ей вид растущих повсюду кустов сумаха, и ступил на незнакомую почву.

Красное солнце вставало над горизонтом. Было холодно. Станный безвкусный воздух проник в легкие Джейсона. Он окинул взглядом окрестности, повернулся. Здания заброшенного завода, производящие впечатление огромных коробок, поставленных одна на другую, послужили ему прекрасным ориентиром. Джейсон зашагал вперед и через несколько минут вышел на проселочную дорогу. Солнце поднималось все выше и выше, превращаясь из красного в желтое. Впереди показался мост через речку с заросшими берегами. Завернутые даже не попытались огородить или украсить ее в Честь дающей жизнь влаги. Мост был сколочен из грубых деревянных досок. В рассветной тишине гулкое эхо шагов потревожило спящий мир. Джейсону стало неудобно, он заторопился, и лишь очутившись на другой стороне реки, с облегчением вздохнул.

—Не спится?—раздался голос с берега рядом с мостом.

Джейсон резко повернулся, хватаясь за несуществующую шпагу на поясе, и увидел... самого себя.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Котор стоял лицом к лицу с туземцем, который задал ему вопрос. Туземец сидел на берегу речки в нескольких футах от моста.

Джейсон смотрел на самого себя.

Лицом к лицу с самим собой. Во рту у него дымила маленькая бумажная трубочка, ноги его были завернуты в синюю материю, на плечах мешком висел старый кожаный пиджак. Бесвольные руки держали длинную палку, на конце которой была прикреплена нить, уходящая в воду. Тонкие губы кривились: так туземцы выражали доброе отношение к собеседнику.

Но одновременно он стоял на дороге. Храбрый и жалкий. Ни при каких обстоятельствах его нельзя было принять за человека. Нелепые одежды, неверно застегнутые, уродовали тщедушное тело. Тщательно выбритое лицо выглядело по-детски.

Жуткое ощущение испытывал Джейсон. Он был пяти футов ростом и на голову выше. Стоял и сидел в одно и то же время. Тревожился, глядя на себя, и, глядя на себя, испытывал жалость... Мозг Джейсона, мозг Катора, тело Джейсона, тело Катора, мозг-тело Джейсона, мозг-тело Катора...

Он был Джейсоном. Он был Катором. Он был Джейсоном-Катором... Катором-Джейсоном ...Джейсоном-Касон-Джатором-Джейскатором...

Он был и тем, и другим. Две личности слились. Стали одной. Он покачнулся.

—Ты болен?—спросил он самого себя. Возможно, ему повстречался туземец, зараженный какой-то болезнью.

—Нет,—ответил он, взяв себя в руки.—Что вы здесь делаете? Путешествуете?

—Да,—сказал он, стараясь говорить без акцента.—Ты ловишь рыбу?

—Окуней,—сообщил он, приподняв удочку. Поплавок качнулся.

—Понятно,—сказал он, гадая, кто такие окуни.—Они здесь плавают?

—Должно быть,—ответил он.—Никогда не знаешь, кто попадется. Вы здешний?

—Нет,—сказал он.

—Из города?

—Да.—Он подумал о городе-планете, на которой родился и вырос.

—Куда направляетесь?

—О!—Он тщательно репетировал эту речь перед отлетом.—Я иду большую дорогу, которая приведет меня в ближайший город. Думаю, она находится за этими высокими зданиями.

—Вы правы,—сказал он себе, стоящему у моста,—Я бы проводил вас, но мне хочется порыбачить. Вы не заблудитесь.

—Спасибо,—поблагодарил он.

—Пожалуйста.

—Желаю тебе удачной охоты в воде.

—Спасибо, друг,—невольно вырвалось у Джейсона. Он был прав, тысячу раз прав! Ему необходимо было встретиться с Катором лицом к лицу, чтобы две личности сначала слились в одной, а потом разъединились. Все встало на свои места. Джейсон посмотрел

рел на Катора.—Мы очень похожи друг на друга, больше, чем ты думаешь.

Он уставился на самого себя, ничего не понимая. Слова туземца одновременно имели смысл и оставались непонятными. Он утверждал нечто такое, что не имело отношения к предыдущему разговору.

—Да,—сказал он, решив не реагировать на странную фразу своего собеседника,—мне пора идти, до свидания.—Внезапно, может, и тут сыграл роль Фактор Случайности?—у него возникло странное желание. Туземец озадачил его, неплохо будет и ему озадачить туземца.—Скажи мне,—медленно произнес он, повинувшись этому странному желанию,—я нахожусь среди друзей?

—Да,—ответил туземец.—Здесь ты среди друзей.

Дрожь пробежала по телу Джейсона, мускулы живота непроизвольно напряглись. Не оставалось сомнений: Фактор Случайности заставил его задать этот вопрос, а туземца—ответить на него подобно благородному румлу. Видимо, Фактор Случайности решил показать ему, что подданные его будущего Царства не лишены Чести. Приспокоенный благодарности, он поднял руку, прощаясь, а про себя благословил странного туземца словами, которые мог понять только тот, кто знал тысячелетнюю историю румлов: “Да не лишишься ты воды, да не лишишься ты прохлады, да не лишишься ты покоя”.

Туземец, сидевший к нему спиной и глядевший в воду, тоже поднял руку, словно каким-то непонятным образом услышал святое благословение.

Джейсон в теле Катора зашагал к заброшенному заводу. Буквально через несколько минут он очутился перед оградой с железными воротами, закрытыми на ключ. Быстро оглянувшись по сторонам, Джейсон вытащил из кармана серебристый цилиндр, прижал его одним концом к замочной скважине. Раздался легкий треск, в воздух поднялось облачко дыма, и створки ворот приоткрылись. Джейсон прошел на территорию завода, быстро направился к зданию, где располагалась шахта лифта, ведущая в неизведанные глубины.

В огромной двери, через которую, видимо, проезжали грузовики с продовольствием, находилась маленькая дверь. Джейсон еще раз оглянулся по сторонам, убедился, что остался незамеченным, вновь приложил цилиндр к замочной скважине и проскользнул внутрь здания.

За просторной площадкой (скорее всего—место стоянки грузовиков) тянулся широкий ленточный транспортер, возвышавшийся над всевозможными станками, приборами, аппаратами, трубами, которыми было забито заводское помещение.

Стояла мертвая тишина. Джейсон сунул цилиндр в карман, вытащил лучевой пистолет, чуть пригнулся и с легкостью вспрыгнул на транспортер, находившийся в пяти футах от земли.

Он пошел вперед. Через некоторое время его чуткие уши уло-

вили звуки голосов. Двигаясь с удвоенной осторожностью, Джейсон пригнулся. Футах в тридцати слева, в пространстве между станками он увидел небольшую стеклянную будку, в которой сидели пятеро туземцев, завернутых в голубые одежды. Джейсон лег на транспортерную ленту и пополз. Голоса затихли в отдалении, и вскоре он очутился у загрузочной площадки, расположенной в шахте лифта.

Тщательно исследовав края площадки, Джейсон обнаружил кнопочную панель управления. Быстро сняв крышку панели (как ни удивительно, она не была заперта на ключ), он уставился на переплетение проводов. Эксперты Экспедиции не ошиблись. Удовлетворенно кивнув, Джейсон поставил панель на место. Какое-то мгновение он колебался. Никто не мог предвидеть, какие опасности ждали его внизу. Но ведь он уже сделал выбор, когда отказался послать на разведку "сборщиков", чтобы не вызвать подозрения Завернутых.

Джейсон нажал на кнопку.

Пол ушел у него из-под ног. Загрузочная площадка помчалась вниз с такой скоростью, что он невольно выпустил когти, старясь уцепиться за ее гладкую поверхность. На мгновение в его голове мелькнула мысль, что лифт не предназначен для перевозки пассажиров, но он быстро успокоился, подумав об овощах и фруктах, которые наверняка превратились бы в месиво при жестком ударе. Он оказался прав. Площадка притормозила и остановилась, слегка качнувшись.

В ту же секунду Джейсон в два прыжка пересек небольшое помещение и спрятался за дверью. Ему повезло. Перекрещивающиеся голубые лучи вспыхнули, ударили в пол, пронизали воздух. Запахло озоном. Место за дверью оказалось единственным, куда лучи не проникли. Джейсон стоял не шевелясь, сжимая пистолет в руке.

Никто не появился. Видимо, система защиты включалась автоматически и предназначалась для уничтожения случайно попавших на загрузочную площадку животных.

Джейсон осторожно вышел из-за двери, прошел в следующее помещение и остановился, как вкопанный. Он нашел то, что искал.

В гигантской подземной пещере Джейсон казался пигмеем. Нет, букашкой. Перед ним простирался необъятный подземный космос с высотой потолка в пятьсот футов. В тусклом свете ламп огромные боевые звездолеты казались невиданными чудовищами. Джейсон нашел то, что искал: секретную военную базу Завернутых. Сердце его наполнилось радостью, а на глаза навернулись слезы, — ведь теперь невозможно было обвинить этих странных разумных существ в том, что они лишены Чести.

Он услышал звяканье металла о металл, звуки голосов, шарканье ног. Подобно дикому зверю, Джейсон, крадучись пошел вперед, и внезапно увидел перед собой пустое пространство. Он

вздрогнул от неожиданности. На космодроме, где спокойно могло разместиться до сотни звездолетов, стояло не более дюжины. Футы в пятидесяти от себя Джейсон увидел пятерых матросов, завернутых в зеленые одежды. Туземец, перепоясанный ремнем, на котором висело оружие,—должно быть, стражник,—стоял и наблюдал, как они разбирают коллапсарный двигатель. Внезапно в поле зрения Джейсона появился еще один стражник. Молодой рулм невольно отпрянул, прячась за борт звездолета.

—...Ничего,—услышал он.—Наверное, короткое замыкание. По крайней мере, нам ничего не посылали. Я проверял.

—Может, крыса?—спросил первый стражник.

—Нет. Комната пуста. Если бы крыса оказалась на загрузочной платформе, я нашел бы ее труп. Наверху пытаются выяснить, что произошло.

Джейсон попятился. Туземцы, конечно, не подозревали, что среди них находится пришелец, но теперь они удвоят свою бдительность. Тем не менее Джейсон ликовал в душе. Царство, поминавшее его, было совсем близко. Мечта превращалась в реальность.

Он дотронулся до верхней пуговицы куртки, отрегулировал фокус камеры и примерно в течение получаса ходил между звездолетами, фиксируя на пленку все, что было возможно. К сожалению, ему не удалось заснять потолок, так что работа механизма, открывающего и закрывающего крышу при взлете и посадку звездолетов, осталась невыясненной. Впрочем, эта информация не представляла особого интереса.

Закончив съемки, Джейсон вернулся к двери в помещение, где находилась шахта лифта. Туземцы наверняка выключали свою установку, когда им надо было подойти к загрузочной платформе, и Джейсон провел несколько долгих минут в поисках панели дистанционного управления лучами. Ему не удалось ее обнаружить. С каждой секундой опасность пребывания на засекреченной базе Завернутых возрастала.

Внезапно его осенило. Он знал, что в пространство у самой двери лучи не попадали. Смелый и крайне рискованный план зародился в голове Джейсона. Если ему удастся оттолкнуться от порога и, ни разу не коснувшись пола, допрыгнуть до загрузочной платформы, он будет в безопасности. Иного выхода у него не было. Приходилось рисковать не только своим будущим Царством, но и жизнью.

Ему предстояло пролететь по воздуху двадцать два фута.

Он отошел от двери футов на тридцать, снял с себя тяжелые ногоступы, сунул их в карман куртки. Затем опустился на четвереньки и выгнул спину. На мгновение его охватил страх, но он быстро справился с ним и помчался вперед.

В эту минуту Джейсон думал только об Основании Царства.

Ему недавно исполнилось два сезона, он обладал великолепной реакцией и после тренировок с Бродом Младшим Братом находил-

ся в прекрасной спортивной форме. Пробежав тридцать футов, он развил скорость более двадцати миль в час.

Ему показалось, что он почти не оттолкнулся от порога, но удар когтей по бетонному полу сделал свое дело. Какие-то доли секунды он находился в полете. Шахта лифта стремительно неслась ему навстречу. Затем Джейсон упал на плоскую поверхность загрузочной платформы; от удара у него перехватило дыхание. Комната безмолствовала. Автоматика Завернутых не сработала.

Больше всего Джейсон боялся, что шум от его падения привлечет внимание туземцев. Наполовину оглушенный, он вытянул руку, нащупал кнопку, нажал на нее. Платформа понеслась наверх.

С облегчением вздохнув, Джейсон выхватил лучевой пистолет, и как только платформа остановилась, вскочил на ленту транспортера. Он бежал к выходу, не сомневаясь, что Фактор Случайности, до сих пор помогавший ему во всем, не оставит его и сейчас.

—Эй, ты! Стой!—услышал он чей-то окрик.

Не колеблясь ни секунды, Джейсон выстрелил в направлении голоса и прыгнул с транспортера. Позади раздался звук падающего тела. Голубой луч скользнул по тому месту, где Джейсон только что стоял. Быстро пробравшись между станками, он прислонился к широкой трубе и стал слушать разговор трех туземцев.

—Что случилось?—спросил первый из них.

—Мне показалось, на транспортере кто-то был,—ответил второй, тот самый, который окликнул Джейсона.—Я выстрелил, поскользнулся и упал между цистернами.

—Тебе не вылезти?

—По-моему, я сломал ногу.

—Подожди, сейчас мы тебе поможем. Говоришь, на транспорте кто-то был?

—Может, показалось, не знаю. Когда объявляют тревогу, чего только не померещится. Вытащите меня отсюда!

—Билл, заходи слева.

—Эй! Полегче на поворотах!

—Ладно, ладно, все в порядке. Сейчас отнесем тебя к доктору.

Голоса затихли в отдаленье. Наступила мертвая тишина. Джейсон был потрясен. Невероятно, но Фактор Случайности вновь помог ему в трудную минуту.

Он огляделся по сторонам, увидел рядом с собой широкую металлическую полосу, соединяющую нечто похожее на газотурбинный двигатель с началом ленточного транспортера. Дверь в здание была открыта, в нее проникал солнечный свет. Фактор Случайности, подумал Джейсон, помогает тем, кто ведет себя безупречно.

Недолго думая, он вскочил на металлическую полосу и побежал вперед. Когти его заскользили по полированной поверхности. Джейсон побегал быстрее и чуть было не упал. Издалека до него донесся странный звук, напоминающий хлопок. Стараясь удержаться на ногах, он почувствовал, как мускулы шеи внезапно све-

ло судорогой. Он бежал из последних сил. Неожиданно сознание его помутилось, тело обмякло.

Он провалился во тьму.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Джейсон развинтил небольшую трубку на дне половинки и спрятал их во внутренний карман пиджака. Двое охранников в голубой форме вынесли безжизненное тело Катора из-за станков, между которыми он упал, и положили на бетонный пол перед входом. Джейсон присел на корточки, вытащил из мускулистой шеи румла небольшую иглу и одновременно ловко отстегнул и спрятал в руке верхнюю пуговицу его куртки.

Встав на ноги, Джейсон повернулся и очутился лицом к лицу со Свенсоном.

—Надеюсь, теперь вы скажете, какое средство использовали?—спросил представитель Белого Дома, поблескивая стеклами очков.

Джейсон устало улыбнулся.

—Разбавленный спирт.

—Спирт!—Свенсон уставился на него, затем негодуяюще воскликнул.—Мы могли бы и сами догадаться! Ведь румлы очень похожи на людей.

—Совсем не так, как вы думаете. Алкоголь опьяняет и тех, и других, но не в равной мере. Большинство наших лекарств—хлороформ, например,—смертельны для румлов.—Он кивнул в сторону Катора.—Вы видели, как быстро он потерял сознание после того, как в его кровь попало всего несколько капель спирта? Мы с вами и не почувствовали бы действия этой дозы.

—Да...—неохотно согласился Свенсон и бросил на Катора быстрый взгляд.—Что ж, начнем подключать к нему датчики. Когда он проснется и улетит на свой звездолет... Кстати, когда он проснется?

—Румлы глотают культуру бактерий с той же целью, с какой мы пьем виски,—чтобы получить удовольствие. Они пьянеют через несколько минут, затем отключаются часа на два. Бессознательное состояние сменяется у них глубоким сном, который длится примерно четыре часа.

—Значит в нашем распоряжении шесть часов?

—Нет. Чувство ответственности, беспокойство за судьбу Экспедиции могут заставить меня... его...—Стекла очков Свенсона вновь блеснули,—проснуться, как только бессознательный период закончится.

—Вы в этом уверены?

—Да. Почему бы вам не пригласить сюда своего доктора, если вы сомневаетесь в моих словах?

—Прекрасная мысль.—Свенсон повернулся, подошел к двум охранникам.

Джейсон незаметно отошел в сторонку, спрятался за один из станков, вытащил из кармана небольшой кубик. Действуя наощупь в полутьме, он отрегулировал фокус камеры-пуговицы, снятой с куртки Катора, и прижал ее к крохотному отверстию в центре кубика. В течение нескольких секунд Джейсон прислушивался к легкому жужжанию, затем сунул кубик в карман, вышел из-за станка и вновь подошел к безжизненному телу Катора, рядом с которым стояли уже четыре охранника.

—Надо бы проверить, не повредила ли ему игла,—небрежно сказал он.

Стражники нерешительно переглянулись и расступились.

Джейсон присел на корточки, наклонился, положил левую руку на грудь Катора и, делая вид, что осматривает его, ловко пристегнул пуговицу. Охранники ничего не заметили. Да и как могло прийти им в голову, что румлы не пришивают, а пристегивают пуговицы?

—В чем дело, Джейс? Не путайтесь под ногами!—услышал он раздраженный голос Свенсона.—Уходите отсюда. Вы мешаете нам работать.—Тон Свенсона отражал его мысли: после того, как под кожу Катора имплантируют всевозможные микродатчики, в Джейсоне отпадет нужда.

И вновь Джейсон незаметно отошел в сторону. Готовясь к встрече с Катором, он сказал Свенсону, что ему необходимо знать план не только заброшенного завода, но и окрестностей. Сейчас Джейсон шел к выходу,—но не к тому, за которым на небольшом аэродроме его поджидал самолет, готовый вылететь в Вашингтон.

Через дверь в дальнем конце помещения Джейсон вышел на заросший дворик, окруженный колючей проволокой, за которой раскинулась кленовая роща. Больше часа ему потребовалось, чтобы добраться до шоссе. Автобус опоздал на восемнадцать минут. Джейсон сел в него, устало откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза. Он сделал все, что мог.

С этого момента решение проблемы находилось в руках Катора и глав Семей на планете румлов.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Он лежал между двумя металлическими стенами. Тишина звенела в ушах. Должно быть, падение с металлической ленты не прошло для него бесследно. Но стражники, очевидно, так и нашли его...

Внезапно он услышал голоса. Два туземца разговаривали неподалеку.

—...невозможно,—говорил первый из них.—Мы все обыскали.

—Вы ведь покинули свой пост, когда отнесли Роджера к доктору?

—Да, сэр. Но Гарри стоял у двери, пока нас не было. А вер-

нувшись, мы тщательно осмотрели все помещение. Посторонних здесь нет.

—Чудной сегодня день,—сказал второй туземец.—Сначала по абсолютно непонятной причине происходит короткое замыкание, затем Роджеру мерещится какая-то чертовщина. Ладно, будем считать, ничего страшного не произошло. Напишу докладную, потом опечатаем здание до прихода инспектора.

—Хотел бы я знать, что здесь можно украсть?—раздраженно спросил первый туземец.—Боевой звездолет весом в полмиллиона тонн в карман не засунешь.

—Инструкции...—Голоса затихли в отдалении, и вновь наступила мертвая тишина.

Джейсон зашевелился.

Больше всего на свете он боялся, что сломал себе руку или ногу. Но нет. Вроде бы все обошлось. Его предположение подтвердилось: он отделался одними ушибами. С благодарностью подумал Джейсон о том, что ему исполнилось всего два сезона. Будь на его месте старик с хрупкими костями... страшно представить, что могло бы произойти.

Он прополз между станками, перебрался через какую-то трубу и увидел в нескольких шагах от себя полуоткрытую дверь. Джейсон посмотрел по сторонам, быстро выбежал из здания и прижался к стене. Туземцев нигде не было видно. Чуть прихрамывая, он пересек двор, вышел через ворота и, пробираясь между деревьями, растущими вдоль дороги, отправился в обратный путь.

Стоял жаркий летний полдень. Туземца на берегу речки не было, видимо, он ушел домой. Джейсон добрался до космической лодки, никого не встретив на своем пути, но лишь очутившись на ее борту, в привычной обстановке, с облегчением вздохнул.

Впрочем, расслабляться не стоило. Его все еще могли обнаружить, а стартовать днем было слишком рискованно. До Основания Царства ему остался один шаг. Он сделает его вечером.

С наслаждением сняв с себя омерзительную одежду, Джейсон занялся собой. Прикосновения к некоторым местам на теле вызвали у него болезненные ощущения. Неприятно, но не страшно, подумал он. Неделя, другая, и все пройдет. Главное, что верхняя пуговица на куртке в целости и сохранности. Исследовательский Центр получит ценнейшую информацию о военной мощи противника, а он, Джейсон, предоставит Инспекторам уникальные сведения о самих Завернутых. Теперь... скорей бы наступил вечер!

Он терпеливо ждал, а перед его внутренним взором одно за другим возникали лица сыновей, которых родят ему жены. Первого он назовет Атоном, в Честь Атона Дядюшки по Матери, второго—Хораагом, третьего—Беллой. Когда они выберутся из материнских сумок, он расскажет им (каждому в отдельности) о благородных румлах, в Честь которых они названы. И о том, какую роль эти достойнейшие мужчины играли в жизни их отца, основавшего Царство на планете Завернутых.

Сам он останется здесь навсегда. Но, возможно, во втором или третьем поколении один из его отпрысков захочет вернуться на родную планету (а это его неоспоримое право) и построить там "дворец Катора". И, может быть, со временем в этом дворце родятся румлы, которые тоже осуществят свою мечту об Основании Царства.

Он этого не узнает. Даже кости его превратятся в сухую пыль, развеянную по планете Завернутых. Но кровь его будет течь в жилах потомков, и кровь эта будет славить их, ибо они лишь частички целого, вечно изменяющегося, стремящегося к невообразимым высотам, на которых румлы, освободившись от всего наносного, будут жить безупречно, повинаясь одному закону—Закону Чести.

...Желтое солнце становилось красным, закатываясь за горизонт. Тени удлинлись, стволы деревьев слились в одно серое пятно. Выждав еще с полчаса, Джейсон присел на корточки перед рацией, включил ее. Через секунду из динамика послышался голос:

—Ведуший?

Он промолчал.

—Ведуший? Говорит капитан. Твоя рация работает. Ты меня слышишь?

Он продолжал молчать; кожа у его носа собралась морщинами.

—Ведуций!

Он чуть наклонился к микрофону и прошептал:

—Бесплезно...—голос его стал хриплым, полупридушенным.—Туземцы... окружают... Капитан...

Он умолк.

—Ведуший! Держись! Мы поднимаем звездолет и немедленно вылетаем тебе на помощь...

—Не успеть,—выдохнул он, вновь наклоняясь к микрофону.—Безнадежно. Но я не дамся живым. Да не лишишься ты воды, прохлады, по...

Джейсон нажал на кнопку. Космическая лодка рванулась в темнеющее небо, и из ее люка вывалился небольшой цилиндрический предмет. Ударившись о землю, он взорвался, расцветив мирный летний пейзаж всеми цветами радуги, как бывает только при взрыве коллапсарного поля.

Джейсон не торопился. Затратив на полет несколько часов, он высадился на Луне, открыл звездолет, пошел по пустынным коридорам. Команда, как он и ожидал, находилась в Спортивном Зале. Мертвые румлы лежали рядами: капитан и специалисты—отдельно от матросов. Зная, что не смогут вернуться домой без Ведущего, не имея Ключей, они благородно покончили с собой, дабы следующая Экспедиция получила собранную ими информацию и добилась успеха.

Испытывая к ним чувства любви и признательности, Джейсон прошел в рубку, прослушал подробный отчет капитана о происшедшем, включил магнитофон на запись и рассказал о том, как ему удалось обмануть Завернутых и спастись, хотя на первый взгляд положение казалось безвыходным. Затем он вернулся в

Спортивный Зал и одно за другим перенес тела в трюм, чтобы доставить их на родную планету. Это был необязательный, но благородный поступок, который главы Семей не могли не оценить по достоинству.

Теперь, когда координаты планеты Завернутых стали известны, расчет обратного курса занял у Джейсона немного времени. Он будет дома, не пройдет и двух дней, ведь управлять большим звездолетом после открытия коллапсарного поля было так же легко, как маленькой космической лодкой.

Джейсон ввел программу полета в компьютер, подождал, пока звездолет взлетит, и прошел в свою каюту. Он заказал себе обед, вынул тарелки из ниши в стене, поставил их на стол. Затем достал из шкафчика пузырек с культурой бактерий... и неожиданно понял, что не хочет пить, не хочет разменивать те чувства, которые он сейчас испытывал, на никчемное удовольствие от опьянения. Не колеблясь ни секунды, Джейсон выбросил пузырек в мусоропровод и внезапно вспомнил, что не выполнил одного своего обещания: не закопал червячка в землю, его породившую.

Из кармашка доспехов, поверх которых он совсем недавно носил одежду Завернутых, Джейсон достал прозрачный кубик и поднес его к свету. Текстолит заискрился; червячок, казалось, ожил и, извиваясь, кланялся, словно признавая Джейсона бесспорным властелином голубой планеты.

Он положил кубик на стол, вложил камеру-пуговицу в проекционный аппарат, нажал на кнопку. Экран засветился. Джейсон увидел восход красного солнца, замаскированную космическую лодку. Он с облегчением вздохнул, подошел к своему помосту на другом конце каюты, забрался на него, с наслаждением свернулся в клубок.

Тем временем кадры на экране мелькали один за другим. Разговор с туземцем, заброшенный завод, подземный космодром, грузовочная платформа, лента транспортера, охранники... В тот момент, когда Джейсон упал в пространство между станками, изображение на экране померкло, звук пропал.

Должно быть, подумал Джейсон, камера сломалась от удара, и дальнейшие события на пленку не фиксировались. Впрочем, это не имело особого значения.

Он совсем было собрался встать с помоста и выключить проекционный аппарат, когда экран вновь засветился. Туземец, тот самый, который ловил рыбу, спокойно смотрел на Джейсона. На этот раз он сидел не на берегу речки, а в небольшой комнате.

Туземец вынул изо рта дымящуюся бумажную трубочку.

—Приветствую вас всех. Я верю, что нахожусь среди друзей,— сказал он на языке румлов, практически безупречно выговаривая каждое слово.—Приветствую себя, Катор Троюродный Брат Брутогази, а также глав Семей, которые увидят меня на своей родной планете...

Катор бросился к экрану.

Джейсон споткнулся, ударился плечом о чугунную ограду. С трудом выпрямившись, он в который раз попытался запахнуть в куртку. В столичном городе шел дождь. Джейсон бродил по улицам Вашингтона вот уже двадцать часов. У него был шанс избежать ареста, если только он не пойдет домой или не появится в местах, где его могут узнать. По подсчетам Джейсона критический момент должен был наступить через шесть часов, а значит, ему предстояло скрываться в течение всего этого времени.

Поддавшись слабости, он решил хоть немного отдохнуть, прислонился к оgrade, вытащил из кармана газету, усталился на свою фотографию и заголовков: "Разыскивается ФБР". Джейсон в очередной раз пробежал глазами колонку текста: "ФБР разыскивает доктора Джейсона Барчара, чтобы допросить его в связи с передачей секретных документов представителям неустановленной иностранной державы".

Джейсон усталился на фотографию. К счастью, она была трехлетней давности. За последние несколько недель он сильно похудел, и уже в течение тридцати шести часов не брился. Ему осталось только изменить свою манеру поведения. Где-то он читал (в те далекие времена, когда еще не слышал о румах), что человека выдают его привычки.

—Это не ты,—сказал Джейсон сам себе, глядя на фотографию.—Ты не улыбаешься, не чувствуешь уверенности в себе. Тебе на двадцать лет больше, ты сутулишься, ты бродяга...

Он сунул газету в карман. Пора двигать дальше, пока он не уснул у чугунной ограды. Кто сказал, что нельзя спать на ходу? Когда Джейсон проходил службу в армии, он часто спал в походах, если взвод поднимали ночью по тревоге. Он помнил головы впереди идущих, которые кивали... кивали... кивали... Очень часто он спотыкался и неожиданно понимал, что давно покинул строй и находится у придорожной канавы. Он возвратился на место и шел дальше, а головы продолжали кивать... кивать...

Сейчас я не должен уснуть,—подумал он.—Если я засну, то могу попасть под машину или привлечь к себе внимание...—Джейсон вытащил из кармана пачку таблеток декседрина, которую приготовил заранее, составляя свой план. Впрочем, таблетки давно на него не действовали, лишь вызывали чувство тошноты.

Дождь продолжал идти, не переставая. Небо потемнело настолько, что в полдень зажглись уличные фонари. Горел свет в домах, светофоры мигали в туманной пелене. Вдалеке гремел гром.

Лицо у Джейсона горело, в горле пересохло, тяжелые веки слипались. У него началась лихорадка. Сначала он был рад температуре, которая помогала ему с необычайной остротой воспринимать окружающий мир, но с течением времени болезнь окончательно подточила его силы.

Он вновь споткнулся и чуть было не упал. Женщина, проходящая мимо, осуждающе на него посмотрела и поджала губы. "Мне не выдержать,—неожиданно подумал он.—Я свалюсь, если не найду себе пристанища".

Он потряс головой, оглянулся, пытаясь сообразить, где находится, увидел в нескольких шагах от себя гранитное здание Главного управления Ассоциации ученых. Джейсону уже приходила в голову мысль укрыться там, но он отверг этот план, как слишком рискованный. Сейчас он понял, что у него нет другого выхода.

Перед его глазами возникла картина подвальной комнаты, в которой он спал всего два дня назад... уютная постель... теплос одеяло...

Джейсон заставил себя идти вперед. Он свернул на аллею, ведущую к черному ходу здания Ассоциации, где находились кухня и кафетерий. В затуманенном мозгу Джейсона возник определенный план. Он подошел к исцарапанной металлической двери, облокотился о стену, несколько раз сглотнув слюну, откашлялся. Главное—говорить громко и ясно, чтобы его ни в чем не заподозрили.

Он набрал полную грудь воздуха, толкнул дверь, открывающуюся вовнутрь.

—Проверка счетчика!—громко крикнул он и, не останавливаясь, пошел к лестнице, ведущей в подвальные помещения.

—Идите вниз,—крикнул ему в ответ чей-то голос из ярко освещенной кухни, в которой гремели ножи, стучали тарелки, и пар валил из кастрюль.

Джейсон старался ступать как можно увереннее, чтобы шаги его звучали естественно, но на узкой деревянной лестнице колени его внезапно подогнулись, и он с трудом удержался на ногах.

Он шел по длинному коридору мимо зеленых пятен дверей, выделявшихся на фоне белых стен. Стиснув зубы, прошел мимо своей бывшей комнаты, где стояла мягкая уютная постель, о которой он мечтал, как мечтает о глотке воды страждущий в пустыне.

И, наконец, Джейсон очутился в шахте лифта и медленно стал подниматься по лестнице, включая по пути шестидесятиваттные лампочки, натыкаясь на книжные полки.

Вот и третий этаж. Из кабинета Меле доносилось чуть слышное клацание пишущей машинки. Всклипнув от облегчения, Джейсон толкнул дверь, сделал два шага вперед, наклонился, чтобы взять корзинку для бумаг и сесть на нее. Ноги его подкосились, и он упал, едва успев уцепиться за край стола.

Как в тумане Джейсон видел перед собой лицо Меле. Он очень хотел объяснить ей, что ему нужна помощь не ради него самого, а ради общего дела, которому он служит. Но у него совсем не осталось сил. Он сидел молча, и вода стекала с его одежды на паркетный пол. Затем комната качнулась, накренилась, исчезла. Джейсон провалился в небытие.

Очнулся он в шахте лифта напротив кабинета Меле. Его голова и плечи были прислонены к книжным полкам; он был закрыт толстым шерстяным одеялом. Меле стояла перед ним на коленях и налиwała из термоса в большую кофейную чашку какую-то жидкость.

Джейсон недоуменно моргнул, попытался собраться с мыслями. Как это ей удалось втащить его в книгохранилище, да еще так удобно устроить? Воспаленный мозг отказывался дать ответ на этот вопрос.

—Пей,—сказала Меле, поднося полную чашку к его губам.

Он открыл рот и тут же закрыл его, почему-то решив, что Меле предлагает ему кофе. За последние двадцать часов Джейсон выпил столько чашек этого напитка, что при одной мысли о нем его затшнило.

Внезапно он почувствовал на губах вкус мясного бульона с овощами, который показался ему странным и удивительным блюдом из какой-то заморской страны. Джейсона мучили голод и жажда, его бросало то в жар, то в холод. Он с жадностью глотал обжигающую жидкость, но, выпив полторы чашки, понял, что наелся доотвала, и мотнул головой. Меле отставила чашку в сторону, вытерла ему подбородок бумажной салфеткой.

—...Тебе ...лучше ...уйти...—с трудом выговорил Джейсон.—Я... справлюсь.—Его колотил озноб, он плотнее завернулся в одеяло. Меле продолжала стоять на коленях, глядя на него.

—Прими лекарство,—сказала она, подавая ему две таблетки и чашку с водой.—Это антибиотики.—Он послушался, как ребенок.—Джейс,—Меле наклонилась к нему,—ты... ты действительно сделал то, что говорят?

—Что?—спросил он.—Что обо мне говорят?

—Ты действительно записал на пленку, которую отснял Катор, информацию о нашем проекте и показал румлам флотилию земных боевых звездолетов?

—Да,—хрипло ответил он, чувствуя, что горло разболелось у него не на шутку.—Я должен был так поступить. Понимаешь...

—Можешь ничего не объяснять.—Меле так и не встала с колен.—Мне все равно, почему ты так поступил. Когда Свенсон спросил, знала ли я что-нибудь о твоих планах, я первым делом попыталась понять, зачем ты это сделал. Лишил нас единственного преимущества, которым мы обладали перед румлами, превосходящими нас численностью в десять раз. Но затем, когда ты исчез, и я услышала, что тебе грозит... мне стало ясно, что больше всего на свете меня волнует твоя судьба.

Джейсон моргнул. Он слышал слова, которые она говорила, но в голове у него все перепуталось, и он никак не мог уловить их смысл.

—Джейс...—Она положила руки ему на плечи.—Ты меня понял? Ты должен меня понять! *Мне все равно*, что ты сделал! Я так гордилась собой, мне казалось, что, независимо от моих чувств, я

всегда смогу осудить человека, совершившего, с моей точки зрения, неблагоприятный поступок. Я ошибалась!—Она приподняла его за плечи, прижалась щекой к его щеке.—Меня волнует только одно: что с тобой будет? И я не хочу думать ни о чем другом! Никому тебя не отдам!

Джейсон хотел ответить ей, но губы его дрожали, а из пересохшего горла не вырвалось ни звука. Он увидел, как за ее спиной открылась дверь. Одна фигура, вторая, третья... Они бесшумно подходили все ближе и ближе, а он не в силах был даже предупредить Меле...

Она ни о чем не подозревала, и только когда грубые руки попытались оттащить ее в сторону, начала отчаянно сопротивляться, прикрывая Джейсона своим телом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

—...Зачем вы это сделали?—спросил Свенсон.

Джейсон сидел на стуле в пустой комнате с голыми стенами (куда увели Меле, он не знал) и отвечал на этот один-единственный вопрос, который поочередно задавали ему люди в штатском.

Его заставили принять несколько таблеток, сделали два укола—после чего у него прошел озноб, рассеялся туман в голове, а усталость как рукой сняло, хотя он чувствовал, что болезнь его просто загнали в угол. Сердце Джейсона билось чуть сильнее обычного, в ушах звенело, и он пил воду стакан за стаканом, непрерывно вытирая пот со лба бумажными салфетками. Вообще, Джейсону казалось, что от него осталась одна оболочка, которая может порваться в любую минуту. Вопросы доносились до него словно издалека, отвечал он механически, повторяя одно и то же.

—Вам этого не понять. Чтобы понять, необходимо *стать* Катором, а никто из вас никогда им не был. Я бессилен что-либо вам объяснить.

—А вы попробуйте,—сказал Свенсон.—В конце концов терять вам нечего. Верно я говорю?

—Вы не испытали того, что испытал я. Вы все равно не поймете. Дело в том, что и румлы, и люди—разумные существа, стоящие на высокой ступени развития. Но в сложившейся ситуации представители обеих рас действуют, руководствуясь отнюдь не разумом. Мы реагируем на создавшееся положение примитивно...—Он умолк. Это было бессмысленно.

—Продолжайте,—угроюще сказал Свенсон.

—Примитивно,—повторил Джейсон.—Эмоционально. Инстинктивно. Мы смотрим на румлов, как на чужаков, и они отвечают тем же. Любые эмоциональные реакции нелогичны. Логика, понимание—результат интеллектуального мышления. И то, и другое

приходит в процессе развития личности в обществе. И звереныш, и ребенок ведут себя нелогично. Вся их деятельность направлена только на то, чтобы уцелеть и вырасти. Для этого они используют любые средства, не задумываясь о нравственности своих поступков. Если б наши ученые уделяли больше внимания теоретическим исследованиям...

—Вам не кажется, что мы несколько отвлеклись?—спросил Свенсон.—У нас остается все меньше и меньше времени.

—Все, о чем я говорю, взаимосвязано. Впрочем, неважно. Я ведь предупреждал, что вы не поймете. О каком понимании может идти речь, если вы и румлы реагируете друг на друга на самом примитивном эмоциональном уровне? Теоретические исследования помогли бы заранее учесть такую возможность, и тогда, впервые встретившись с иным разумом, мы были бы ко всему подготовлены. Сейчас же консервативные взгляды одной расы столкнулись с не менее консервативными взглядами другой.

—Укажите, в чем консервативность наших взглядов,—сказал Свенсон.—Может быть, мы их изменим.

—Вам кажется, что вы говорите искренне. На самом деле, вы ошибаетесь. Для начала вам необходимо понять Катора. Подумать о нем, как о *человеке* высоконравственном...

—Высоконравственным!—воскликнул один из присутствующих. Джейсон даже не посмотрел в его сторону.

—Вот видите?—обратился он к Свенсону.—Это сказали не вы, но и на вашем лице написано возмущение. Вам не перебороть своих чувств.

—Катора понять несложно.—Свенсон пожал плечами.—По отношению к своим соотечественникам он вел себя просто аморально. Разве он, намеренно солгав, не заставил пятьдесят семь членов своей команды покончить жизнь самоубийством? И вы считаете этот поступок нравственным?

—Более чем нравственным. Катор проявил высочайшие моральные качества, обеспечивающие выживание как отдельной личности, так и всей расы. Они погибли, чтобы Катор не только жил, но и преуспел в жизни. Единственным румлом, к которому он испытывал какие-то чувства, был Белла, и Катор пожертвовал Белой ради того, чтобы завоевать авторитет у членов Экспедиции...

—Заранее зная, что всех убьет,—сказал Свенсон.—Думаю, вы сами понимаете, что вряд ли вам удастся убедить нас в благородстве Катора.

—Но в тот момент он не мог позволить себе убить их!—воскликнул Джейсон, неожиданно чувствуя прилив сил.—Вы рассматриваете его полномочия с человеческой точки зрения? Вы рассматриваете его обязательства с человеческой точки зрения! Вы рассматриваете его цели с че...

Дверь в комнату распахнулась, и Джейсон оборвал себя на полуслове. Лицо человека, стоявшего на пороге, выражало отчаяние.

—Началось,—сказал он Свенсону.—Вы велели доложить.

—Сейчас идем.—Свенсон посмотрел на Джейсона.—Пойдемте с нами. Может, тогда вы поймете, что натворили.

Джейсон неуверенно поднялся на ноги. Люди в штатском окружили его, вывели из комнаты, повели по коридору в зал, на стене которого висел большой экран. Немногочисленные зрители (человек тридцать—сорок) уже заняли свои места. В третьем ряду, справа от двух мужчин и высокой женщины, сидела Меле. Джейсона усадили рядом с ней.

—Меле,—сказал он.—Как ты...

—Со мной все в порядке.—Она улыбнулась, взяла его за руку. Охранники покосились на них, но промолчали.

Свенсон сел рядом с Джейсоном, поднял руку. Свет в зале померк, на экране возникло изображение. Джейсон мгновенно понял, что видит перед собой Зал Собраний, хотя даже Катор никогда там не был. Каждый румл знал, как выглядит Зал Собраний. Здесь заседали главы Семей (пятьдесят один румл), поочередно выбираемые из более чем пятисот тысяч глав Семей, живущих на всех планетах, заселенных румлами. Таким образом, глава Семьи, если и становился членом Собраний, то один раз в жизни, и не более чем на десять дней в сезон. Насколько Джейсон знал, пятьдесят один румл собирались только в тех случаях, когда речь шла либо о Чести расы, либо о подтверждении прав румла на Основание Семьи или Семьи и Царства.

С этой последней целью и проводилось сегодня Собрание, в котором принимал участие и Брутогази, приглашенный пятьдесят вторым его участником без права голоса.

Достоинейшие румлы, достигшие почтенного возраста, мощные, с длинными бакенбардами, рассаживались в ряды кресел, расположенные ярусами над небольшим помостом. Когда все расселись, и шум утих, небольшая дверь слева внизу распахнулась, и на помост вышел Катор. Остановившись, он отсалютовал, прижав правую руку к груди, выпустив когти.

Мозг Джейсона, затуманенный усталостью, болезнью и лекарствами, за доли секунды преодолел расстояние от Земли до планеты румлов. Джейсон спал наяву. Последний раз в своей жизни он был Катором.

Джейсон смотрел на глав Семей, а они, в свою очередь, смотрели на него. Внезапно он увидел Брутогази, и сердце его невольно переполнило чувство гордости, сменившееся ощущениями стыда и глубокой печали. Справившись с волнением, он сказал:

—Достопочтенные, я—Катор Троюродный Брат Брутогази. Я верю, что нахожусь среди друзей.

—Ведущий,—ответил самый почтенный член Собраний,—здесь—ты среди друзей. Ты хочешь отчитаться перед нами?

—Да, достопочтенный, хочу. Я уже передал вам судовой журнал Экспедиции на планету Завернутых. Теперь мне необходимо сообщить дополнительную информацию, но прежде я вынужден

обратиться к благородному Собранию с просьбой удовлетворить одну мою просьбу.

—Твоя просьба касается тебя лично?—спросил самый почетный член Собрания.

—Да, достопочтенный. И я претендую на то, чтобы она была выполнена, потому что более не являюсь рядовым членом общества, а следовательно могу принести неоценимую пользу, действуя на благо и к Чести всей нашей расы.

—Чем вызвана твоя просьба?

—Она вызвана тем,—ответил Джейсон,—что Завернутые не похожи ни на одну из рас, с которыми нам когда-либо приходилось сталкиваться. Их цивилизация находится, практически, на одном уровне с нашей, они обладают не меньшим, чем у нас, интеллектом, им удалось создать свою собственную концепцию Чести. Поэтому я прошу выполнить мою просьбу, несмотря на ее необычность.

—В чем ее необычность?—спросил голос из Зала.

—Достопочтенный,—сказал Джейсон.—Из Экспедиции вернулся я один. Только в моем мозгу содержатся уникальные сведения о Завернутых, только я знаю, как создать Семьи на их планете. Эти знания делают меня незаменимым членом общества, и поэтому я претендую на особое к себе отношение.

—На какое именно, Ведущий?

—Прежде всего, я хотел бы заметить следующее: впервые за всю нашу историю мы столкнулись с высокоцивилизованными разумными существами, и, вполне возможно, теперь перед нами откроются широчайшие возможности для разработки новых концепций Чести. Итак, я прошу уважаемое Собрание не принимать в отношении меня никакого решения,—после того, как я сообщу дополнительную информацию,—по крайней мере в течение одного дня. За это время достопочтенные румлы должны прийти к выводу, сошел ли я с истинного пути или, действуя на благо и ради процветания общества, пошел иным путем, но не уронил при этом своей Чести.

Джейсон умолк. В Зале стояла мертвая тишина. Затем председательствующий произнес:

—Ведущий, твоя просьба действительно необычна. Правильно ли я тебя понял? Ты просишь, чтобы мы не разбирали твои действия, не судили тебя, не награждали и не наказывали? Ты просишь, чтобы мы не высказывали своего мнения по поводу благородства или бесчестности твоих поступков, даже если после твоего сообщения нам будет абсолютно ясно, какое решение необходимо принять?

—В течение одного дня,—сказал Джейсон.—Я прошу отложить ваше решение всего на один день.

Председательствующий задумался.

—Кто-нибудь хочет выразить протест?—спросил он после продолжительного молчания. По Залу пронесся легкий шум, но

никто не высказался.—Хорошо. Мы удовлетворим твою просьбу. В конце концов, если речь идет о Чести, один день промедления не играет роли и никак не может повлиять на наше решение, ибо благородные мужчины сразу могут разобраться во всех вопросах Чести. Теперь ты готов сделать свое сообщение?

—Да, достопочтенный.—Джейсон слегка наклонил голову.—Я благодарю вас всех и могу только повторить: Завернутые—высокоцивилизованные существа, и, следовательно, изучая их, нам предстоит выработать новые концепции Чести. А сейчас я покажу вам запись на пленке, которую вы до сих пор не видели.

Джейсон сделал шаг в сторону, положил руку на кнопку, расположенную на поясе его доспехов.

—Вам хорошо известно,—сказал он,—как я спасся от погони и вернулся на борт звездолета. Считая меня погибшим, понимая, что не смогу улететь домой без Ключей и Ведущего, все члены моей команды покончили с собой. Должно быть, вы догадались, что я намеренно обманул их и толкнул на этот шаг для того, чтобы остаться единственным румлом, обладающим знаниями о Завернутых...—Он умолк и обежал взглядом ряды кресел.—В сложившейся ситуации я поступил благородно. Любые действия того, кто посвятил себя Основанию Царства, являются благородными, если они ведут к достижению цели. Это так?

—Это так,—подтвердил председательствующий.

—Однако,—медленно и печально произнес Джейсон,—когда я стартовал, на отснятой мною пленке я увидел кадры, заставившие меня отказаться от своих замыслов...

—Отказаться?!—послышался хор голосов, который перекрыл резкий, отрывистый голос председательствующего.—Ведущий! Тот, кто решил посвятить себя Основанию Царства, не может отказаться от своих замыслов после того, как начал действовать!

—Знаю,—сказал Джейсон, испытывая невыразимые душевные страдания.—Сейчас я объясню, почему принял такое решение. Как вы знаете, я упал с металлической ленты, по которой бежал, и потерял сознание. Просматривая фильм, отснятый камерой-пуговицей, я увидел нечто такое, что заставило меня не только отказаться от своих замыслов, но и вернуться домой вместо того, чтобы с Честью покончить жизнь самоубийством, как это сделали все члены моей команды.

—Покончить...—начал было председательствующий, но Джейсон, не дослушав, нажал на кнопку. В Зале Собраний погас свет, на большом экране появилось изображение. Пятьдесят два румла, включая Брутогази, увидели туземца с планеты Завернутых—того самого туземца, который ранее разговаривал с Джейсоном на берегах реки.

Туземец вынул изо рта дымящуюся бумажную трубочку, стряхнул пепел на землю рядом с камнем, на котором сидел, отложив в сторону длинную палку с привязанной к ней нитью.

—Приветствую всех вас. Я верю, что нахожусь среди друзей,—

сказал он на практически безупречном языке румлов.—Приветствую тебя, Катор Трюродный Брат Брутогази, а также глав Семей, которые увидят меня на своей родной планете. Как вам известно, я принадлежу к расе существ, которых вы, румлы, называете Завернутыми из-за их привычки носить на телах одежды. Сами мы, однако, называем себя людьми, а отдельного индивидуума—человеком. Немного попрактиковавшись, вы, безусловно, научитесь произносить эти слова на земном языке.

Румлы, сидевшие в Зале, зашумели.

—Тише!—громко сказал председательствующий.—Слушайте!

—...Мы, люди,—продолжал говорить туземец,—знали много войн, но не любим убивать и предпочитаем решать проблемы мирным путем. Под словом “Честь” мы подразумеваем нечто иное, чем румлы. И тем не менее наша наука выработала концепции, которые играют в жизни человека такую же роль, как Честь в жизни румла. Позвольте мне привести вам несколько примеров.

Экран потемнел, затем вспыхнул. Главы Семей увидели грызуна с длинным хвостом, очень похожего на “сборщика”, но меньших размеров и с белым мехом. Зверек бегал по узким коридорам большой коробки с открытым верхом, то упираясь в глухую стену, то находя ход в соседний коридор.

—Вы видите перед собой устройство,—сказал голос туземца за кадром,—которое на человеческом языке называется “лабиринт”. С его помощью мы исследуем умственные способности подопытного животного. Это устройство одно из немногих, которыми мы пользуемся при изучении психологии, науки, вырабатывающей концепции очень сходные с концепциями Чести, необходимыми для развития любого разума.

Зверек исчез, на экране вновь появился туземец,

—Психология,—продолжал он,—учит нас, людей, многим полезным вещам, в частности, объясняет поведение живых существ в различных ситуациях. Подобно вашей системе Чести, психология основывается на примитивном, присущем все живым организмам, стремлении выжить.

Туземец потянулся за палкой, на конце которой была привязана нить, и взял ее в руки.

—Это устройство,—сказал он,—хотя люди изобрели его задолго до того, как начали сознательно изучать психологию, использует в своей основе психологический принцип.

Камера скользнула по палке, по тонкой нити, и румлы с изумлением увидели, что нить эта уходит глубоко в воду, а на конце ее извивается червячок, практически неотличимый от того, которого Катор обнаружил на артефакте и поместил в текстолитовый кубик. Существо с плоским хвостом и небольшими плавничками на брюшке подплыло к червячку и поглотило его. В ту же секунду оно забилось, и румлы поняли, что из червячка торчит заостренный металлический крючок. Туземец, несмотря на отчаянное сопротивление существа, вытащил его из воды, ударил по голове и бросил в холщовую сумку.

—Как видите,—сказал он, вновь появляясь на экране,—это устройство предназначено для ловли так называемой “рыбы”, которая стремится выжить на очень примитивном уровне. Мы предлагаем ей пищу, но, заглатывая ее, рыба попадается нам в руки, потому что в червячке спрятан крючок, прикрепленный к леске.

Туземец сделал паузу, словно выжидая, когда до слушателей дойдет смысл сказанного. В Зале Собраний стояла мертвая тишина.

—Всем разумным существам,—продолжал туземец,—на какой бы высокой ступени развития они ни стояли, присуще стремление выжить, правда, на куда более сложном, чем рыбе, уровне.—Он наклонился вперед—спокойный, уверенный себе.—Червячок на крючке называется “наживкой”. Соответственно, тот червячок, которого Катор обнаружил на артефакте, тоже был наживкой для любых высокоразвитых цивилизаций, существующих во вселенной. Естественно, мы поставили перед собой цель тщательно изучить тех, кто проглотит нашу наживку, и когда Катор взял артефакт на буксир, небольшой беспилотный звездолет следовал за ним на расстоянии всего в несколько тысяч миль, сопровождая до планеты румлов и передавая интересующие нас сведения.

—Когда вы отправились в Экспедицию, вашему звездолету позволено было опуститься на обратной стороне Луны, после чего мы провели тщательное исследование не только ваших технических достижений, но и тех методов, которыми вы пользовались, добывая информацию о нашем мире и людях, его населяющих. Надеюсь, мне не надо объяснять, что мы изучали румлов, руководствуясь следующим принципом: получить неоспоримое преимущество над соперником можно в том случае, если ты о нем знаешь, а он о тебе—нет.

Туземец выпрямился.

—После того, как мы узнали о вас все необходимое, одному из ваших “сборщиков” было позволено обнаружить подземный космодром, а Катору—проникнуть в него. Мы изучали Катора точно также, как подопытное животное в лабиринте. Вам, должно быть, приятно будет услышать,—тут лицо туземца вновь странно перекосилось, а уголки губ чуть приподнялись,—что высоко оценили умственные способности румлов, хотя вас и нельзя назвать “искусшенными” в прохождении лабиринта. Для нас не составило особого труда вынудить Катора покинуть ленту транспортера и избрать такой путь, который заставил его поскользнуться и упасть. Когда он упал, мы погрузили его в глубокий сон...

Главы Семейств вскрикнули, как один.

—...и в течение следующего часа тщательно изучали организм взрослого румла мужского пола. После этого Катора отнесли на то место, где он упал, и привели в чувство. Затем ему позволили беспрепятственно вернуться на космическую лодку.

Во второй раз туземец отложил в сторону палку, на конце которой была привязана нить. Движение это словно говорило о том, что он заканчивает свою речь.

—Мы знаем о расе благородных румлов все,—сказал он.—Вы же, за исключением Катора, ничего о нас не знаете. То, что мы узнали, убеждает нас в том, что знания Катора не принесут вам пользы.—Он поднял палец.—Я хотел бы показать вам еще один кадр.

Туземец исчез. На экране, на фоне звездного скопления, неизвестного ни одному из присутствующих в Зале, появилось неисчислимое множество боевых звездолетов, ряд за рядом выстроившихся в космосе и похожих на гигантских уродливых чудовищ, подкарауливающих добычу.

—Катору,—произнес голос туземца,—следовало бы задать себе один вопрос: почему на подземном космодроме было так много свободного места. Прилетайте к нам на Землю, когда будете готовы установить между двумя нашими расами контакт, исключающий насилие.

Экран погас, в Зале Собраний вспыхнул свет. Катор, маленький и одинокий, стоял на помосте, а пятьдесят два благородных румла молча глядели на него.

Затем главы Семей, словно повинувшись инстинктивному, непреодолимому чувству, которое заставляет волчью стаю уничтожить искалеченного соплеменника, поднялись, как один, и приливной волной хлынули на помост.

—Подождите!—с отчаяние в голосе вскричал Катор.—Одумайтесь! Слова туземца сбываются—вы лишаете себя единственного преимущества! Я—последняя ваша надежда, а все происшедшее не укладывается в рамки...

Они накинулись на него. Он был силен и молод, но не мог оказать сопротивления пятидесяти двум главам Семей, включая Брутогази. Инстинкт был на их стороне. Катор упал под тяжестью навалившихся на него тел, почти не ощущая, как когти разрывают его на части.

—Я умираю с Честью!—успел выкрикнуть он, испуская последнее дыхание.

И когда Катор умер, тело Джейсона в далеком Вашингтоне поднялось с кресла, забилось в судорогах и, упав, обмякло, а смерть приняла Джейсона в свои объятия и унесла его во тьму, где не было ни планеты румлов, ни планеты людей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

“Умереть,—думал Джейсон,—прекратить существование. Когда ты перестанешь существовать и не умираешь, это значит—ты совершаешь далекое путешествие в никуда и обратно”.

Джейсон не знал сколько времени прошло с тех пор, как он перестал существовать после Катора, но очнулся он в больничной

постели. Белый потолок утром выглядел желтым, а ночью—серым. К Джейсону часто заходили какие-то люди. Изредка они заговаривали с ним, но долгое время ему было лень им отвечать.

—После того, как ты перестал существовать,—думал он,—ничто не страшно, даже если ты прекратишь свое существование раз и навсегда. Необходимо небольшое усилие, и ты окончательно умирешь. Почему бы и нет? Впрочем, Джейсону смутно припоминалось, что по какой-то причине он должен жить, хотя размышлять на эту тему ему не хотелось.

Затем среди тех, кто постоянно вертелся вокруг него, появилась Меле. Постепенно он понял, что иногда она просиживает у его постели по несколько часов. И вновь прошло много времени, прежде чем он медленно и нехотя стал отвечать на ее вопросы о том, как он себя чувствует и о чем думает.

—...Нет,—ответил он на очередной вопрос.—Катор был редким, храбрым и необычным человеком... то есть румлом. Вряд ли один румл на миллион попытался бы поступить так, как поступил он. Это—первое, чего не смогли понять Свенсон и иже с ним. Второе...

—Ты можешь не отвечать, если не хочешь,—сказала Меле.—Наши разговоры прослушиваются. Тебя хотят судить то ли за измену, то ли за что другое, точно не знаю. Они надеются, что беседа со мной, ты сам дашь показания против себя. Поэтому мне и разрешили к тебе приходить.

—Не имеет значения,—безразличным тоном произнес Джейсон.—Я хочу, чтобы они поняли. О чем я говорил? Ах, да. Ни Катор, ни румлы не собирались завоевывать Землю в том смысле, в каком мы понимаем слово “завоевание”, и это—второе, чего не смог понять, но рано или поздно обязательно поймет Свенсон. Катор добивался права стать Основателем Царства, то есть создать собственную Семью и завести как можно больше сыновей. Обычному румлу разрешается иметь только одного ребенка.

Меле наклонилась к нему, пристально на него поглядела.

—Ты действительно хочешь, чтобы тебя слышали?—Он рассеянно кивнул. Безразличие овладело всем его существом.—Если ты действительно этого хочешь, я буду задавать тебе вопросы. Ты не возражаешь, если я буду задавать тебе вопросы?

Он лениво обдумывал ее слова, затем вновь кивнул и несколько оживился.

—Конечно, задавай. Но ведь я только что все тебе объяснил.

—Знаю,—терпеливо сказала Меле.—Но почему Катору хотелось иметь много сыновей? Чтобы гордиться ими?

Джейсон покачал головой, не отрывая ее от подушки.

—Ты рассуждаешь, как человек. Шанс, что Катор испытает чувство гордости за одного из своих сыновей, был ничтожно мал. Но чем больше сыновей, тем больше шансов.

—Каких шансов?

—На появление такого же, как он,—в первом, втором или де-

сятом колене, не имеет значения. Катор надеялся, что один или несколько его потомков сумеют создать свои собственные Семьи.

Меле удивленно на него посмотрела.

—Зачем? Ничего не понимаю. Катор хотел стать Основателем Царства, главой Семьи...

—Это одно и то же,—пробормотал Джейсон.

—...только для того, чтобы его потомки рано или поздно пошли по его стопам? Получается замкнутый круг.

И вновь Джейсон покачал головой.

—Выживание сильнейшего,—сказал он, закрывая глаза.

Меле недоуменно подняла брови, затем выражение ее лица изменилось, и она воскликнула:

—Я поняла! В конечном итоге все румлы станут потомками лидеров, Основателей Царств!

—Да...—Оживление Джейсона прошло, им вновь овладело безразличие.

—Но, Джейс...

Он больше не слышал ее голоса. Длительная беседа утомила его. В течение следующих нескольких дней, хотя силы постепенно возвращались к нему, Джейсон отказывался что-либо объяснять, как Меле ни пыталась вызвать его на разговор. Да и зачем? Эмоции людей никогда не позволяют им понять румлов, точно так же, как эмоции глав Семей не позволили им понять Катора.

Однажды утром он проснулся, почувствовав, что его трясут за плечи.

—Вставай скорее!—приглушенным взволнованным голосом говорила Меле.—Просыпайся, Джейс! Румлы прилетели на Землю! Флотилия их звездолетов находится на орбите! Я случайно услышала по радио, когда зашла в дежурную часть. Санитарки говорят, что тебя должны куда-то увезти и, может быть, расстрелять. Джейс... да проснись же ты! Мы попробуем убежать. Вставай скорее!

Он смотрел на нее недоумевающим взглядом, очень недовольный тем, что его трясут за плечи. Затем до него дошел смысл сказанного и, словно пробуждаясь от долгой спячки, он схватил ее за руки, приподнялся на кровати, произнес хриплым голосом:

—Помоги мне встать.

Меле обняла его за талию, поддержала. Джейсон с трудом поднялся на ноги; колени у него подкосились, но он стиснул зубы и сделал первый шаг. Меле взяла его за локоть. Нетвердо ступая, Джейсон начал ходить по больничной палате.

—Свенсон,—пробормотал он.—Мне необходимо поговорить со Свенсоном.

—Невозможно! Нам надо бежать, Джейс! Медицинские сестры...

—Это очень важно, Меле!—Джейсон с трудом передвигал непослушные ноги.—Как нам увидеться со Свенсоном?

—Никак. Ох, Джейс, хоть раз в жизни будь благоразумен!

Свенсон больше не имеет к тебе ни малейшего отношения. Ты должен бежать, скрыться. Все думают, что ты прикован к постели, так что у нас есть шанс. Мы выйдем через черный ход...

—Нет. Послушай, Меле... Если меня арестуют, ты должна будешь попытаться найти Свенсона и объяснить ему, как надо вести себя с румлами. Если он допустит малейшую оплошность, они немедленно нападут на нас. Повторится история с Катором...

—Но они нападут на нас в любом случае!

—Нет. Слушай меня внимательно. Ты согласна меня выслушать?—лихорадочно спросил он.—Я должен все тебе сказать, пока за мной не пришли...

—Конечно, Джейс, но...

—Слушай и запоминай. Скажи Свенсону—быть может, сейчас он в это поверит,—что мы и румлы просто не понимаем друг друга. У обеих рас развит инстинкт самосохранения, обе расы развиваются по принципу выживания сильнейшего, но из-за основных физиологических различий каждая из них создала *свою* культуру, *свою* цивилизацию. И если представители этих рас не поймут друг друга, разразится война, страшная война. Ты запомнила то, что я сказал?

—Кажется, да...—неуверенно произнесла Меле.

—Неважно. У меня нет времени повторять. Продолжим. С доисторических времен мы пытались оградить себя от чужаков, сначала создавая семью, потом клан, племя, нацию и, наконец, содружество наций в одном государстве. Все больше и больше людей попадало в категорию "своих", и в конечном итоге все человечество объединилось. Хорошо...

Джейсон умолк. У него кружилась голова, дрожали колени.

—Знаешь, я лучше присяду,—сказал он Меле и, тяжело опираясь на ее руку, подошел к кровати, сел на краешек и перевел дыхание.—Как бы то ни было,—продолжал он,—и у нас, и у румлов,—когда мы узнали о существовании друг друга,—возникло инстинктивное желание защитить себя от чужаков. Как я уже говорил, на заре цивилизации у людей это чувство выразилось в создании семьи, но румлы пошли иным путем.

—Иным путем?—переспросила Меле.

—Да. Именно это я и собираюсь объяснить. Инстинкт, заставляющий человека объединяться с себе подобными, основан на чувстве привязанности, которое испытывают матери к детям, дети к матерям, мужчины к женщинам и так далее. Некоторые животные также повинуются этому инстинкту: слоны, например, поддерживают раненого товарища, чтобы он не упал. Но румлам чувство привязанности неведомо.

—Всдь у них есть Семьи. Ты все время говорил об их Семьях.

—Под словом "Семья" румлы подразумевают нечто совсем другое, чем люди. Детство румла проходит в сумке матери, где он находится в полубессознательном состоянии. В возрасте примерно десяти лет он покидает сумку, обретает самостоятельность и даже

не помнит, как его мать выглядит. Он не знает, что такое любовь, ласка, добрые отношения. Единственными чувствами, на которые способны румлы, это своего рода восхищение одного мужчины другим и кратковременная страсть к женщине во время зачатия ребенка, не имеющая ни малейшего отношения к самому ребенку, появляющемуся на свет десять лет спустя.

Меле нахмурилась.

—Но разве у них нет общественного строя?

—Есть, но не такой, как у нас. Говорю тебе, Семья не является у румлов основой общества. Инстинкт самосохранения, выживания расы находит у них выражение в концепциях Чести.

—Я не понимаю, как можно сравнивать Честь с...

—То-то и оно! Человек не в состоянии этого понять. Если, конечно,—сухо добавил Джейсон,—он, подобно мне, не видел жизнь глазами румла. Тебе придется поверить мне на слово. И не только тебе... я говорю правду. Уверяю тебя, румлы так же яростно бросятся защищать свою Честь, или систему Чести, как мать своего дитя.—Он встал с кровати.—Помоги мне, я хочу походить еще немножко... Так же яростно и на таком же примитивном уровне.

—Но почему?—Меле поддержала его за локоть.—Как можно испытывать подобные чувства к... абстрактному понятию?

—Потому,—ответил Джейсон, огромным усилием воли заставляя свои ноги подниматься и опускаться,—что это—путь румлов, который помогает выжить сильнейшему и защищает общество от внешнего врага.

—Каким образом?

—Раса румлов... нет, я хочу еще походить.—Колени у него подогнулись, но он не дал Меле вновь усадить себя на кровать.—Раса румлов напоминает армию, ожидающую назначения главнокомандующего. Любой индивидуум, который пожелает повести эту армию в поход на благо нации, должен лишь объявить о своем намерении, и румлы тут же слепо ему подчинятся.

—Ничего не понимаю!—воскликнула Меле.—В таком случае каждый из них может...

—Естественно!—с горькой усмешкой перебил ее Джейсон.—Но за свои поступки надо отвечать. Тот, кто ведет за собой других, намереваясь, например, стать Основателем Царства, как Катор, должен во что бы то ни стало добиться успеха. Он не имеет права на малейшую, самую незначительную ошибку. Любая оплошность означает, что Фактор Случайности не руководил всеми его действиями, а значит, он не истинный, а ложный предводитель, от которого необходимо как можно скорее избавиться.

—То есть убить?—спросила Меле.

—Ты видела, что они сделали с Катором.

—Но для чего им было его убивать? Наказывать за попытку...

—На самом деле его никто не наказывал. Ты забываешь о примитивных инстинктах, которые в некоторых ситуациях определяют поведение всех разумных существ. Современный румл-социолог

прекрасно понимает, что Катора убили по другой причине.—Он посмотрел на Меле.—Видишь ли, если бы его оставили в живых, он смог бы добиться успеха со второй попытки. Невольно возникает вопрос: добился он успеха потому, что обладал качествами, необходимыми для процветания расы, или потому, что понял свою ошибку и исправил ее? Они убивают тех, кто не смог доказать свою состоятельность, чтобы в обществе остались только те румлы, сыновья которых тоже смогут стать истинными предводителями нации и поведут ее к светлому будущему. Видишь ли, румлы подсознательно стремятся создать сверхрумла, так же как мы подсознательно мечтаем создать сверхчеловека.

—И все же мне непонятно, почему ты назвал Катора одним на миллион. По идее многие румлы должны пытаться стать Основателями Царств, если успех сулит им исполнение самых сокровенных желаний.

—Нет. Существует и обратная сторона медали. Рядовой румл практически не в силах преодолеть эмоциональный барьер, который не позволяет ему выделиться из общества. При одной мысли о неудаче его охватывает страх, усиливающийся во сто крат, когда он думает о том, что ему придется признать себя неудачником. Именно поэтому Катор совершил благородный, героический поступок, вернувшись... Я лишь хочу подчеркнуть, что если румл или раса румлов будут испытывать хоть малейшее сомнение в успехе задуманного предприятия, они никогда не сделают попытки осуществить его, разве что их доведут до полного отчаяния...

Он умолк. Дверь открылась, в палату вошли двое молодых людей в одинаковых серых костюмах.

—Вы подслушивали!—воскликнул Джейсон.—Вы хоть поняли, что я говорил? Позвольте мне объяснить...

—Вы это о чем?—поинтересовался один из молодых людей.—Мы только что пришли. Вам придется пройти с нами. Обоим.

—Он не может ходить!—запальчиво выкрикнула Меле.—Ему и двух шагов не сделать, разве вы не видите? В течение трех недель он был прикован к постели.

—Знаю,—ответил все тот же молодой человек.—Зря волнуетесь. За дверью стоит инвалидное кресло.—Он взял Джейсона за руку.—Пойдемте.

—Зачем вам нужна Меле?—спросил Джейсон.—Куда вы нас ведете?

—Поберегите силы и не задавайте вопросов,—сказала молодой человек.—Все равно вы не получите ответов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Военный вертолет, стоявший на лужайке перед больничным зданием, поднялся в воздух. Через двадцать минут полета он ока-

зался над воснной базой, в которой Джейсон сразу узнал Форт Лод, расположенный на полпути между Вашингтоном и Филадельфией.

Вертолет резко пошел на снижение, опустился у контрольного диспетчерского пункта. Джейсон, Меле и двое молодых людей в серых костюмах поднялись на лифте на застекленную вышку с видом на космодром. На взлетной полосе, рядом с другими звездолетами, стоял космический корабль, который Джейсон сразу узнал.

Повернувшись, он увидел Торнибрайта, как всегда уверенного в себе, подтянутого, в идеально сшитом костюме. Психолог стоял рядом со Свенсоном, Готгом и группой людей с штатском. В ярком солнечном свете, заливающим вышку, лица всех присутствующих показались Джейсону до странности бледными. У Свенсона были круги под глазами.

—Я сказал им,—заявил Торнибрайт из-за плеча Свенсона,—что вы—единственная наша надежда, Джейс. Для разнообразия, они мне поверили.

—Это не имеет отношения к делу,—произнес Свенсон, не поворачивая головы.—Взгляните в окно, Джейс. Вам известен этот космический корабль?

—Именно этот—нет. Но, вне всяких сомнений,—это боевой звездолет румлов, предназначенный для транспортировки солдат и бомбардировки планет.

Готт наклонился и прошептал что-то на ухо одному из людей в штатском.

—Вы не могли бы объяснить, Джейс, что там происходит?—спросил Свенсон. Джейсон поймал на себе взгляд Меле. Она смотрела на него с верой и любовью.

Звездолет румлов находился ядрах в трехстах от вышки. Джейсон взял в руки протянутый кем-то бинокль и поднес его к глазам.

—Капитан стоит у подножья трапа с правой стороны. Ведущий, естественно, находится у себя в каюте. Он выйдет последним. Первый и третий помощники капитана выстраивают матросов.—Джейсон внимательно смотрел на мохнатых, одетых в доспехи, румлов. Бинокль был превосходный, даже лучше, чем его собственный. Хорошо бы, подумал он, понаблюдать в этот бинокль за осенней миграцией ястребов в Миннесоте. Вдохнув, Джейсон оторвался от окуляров и повернулся к Свенсону.—Знакомых лиц я пока не вижу. Половина команды из партии Хлыста, половина—из партии Западни, так что политическое равновесие соблюдено.

—Зачем они прилетели? Что им нужно?—хрипло спросил Свенсон. Джейсон внимательно посмотрел на него.

—Румлы прилетели на переговоры... если вы захотите их вести.

—Если мы захотим их вести!—воскликнул Свенсон.—Это—единственное, чего мы хотим!

—Вперед,—сказал Джейсон.—Кто вам мешает?

Какое-то время они смотрели друг другу в глаза, затем Свенсон осторожно произнес:

—Мы боимся допустить ошибку.

То ли вздох, то ли всхлип вырвался из груди Джейсона.

—Наконец-то... наконец-то вы боитесь допустить ошибку... Пришло время...—Вышка наклонилась, стеклянные стены начали медленно вращаться... Чьи-то руки подхватили его, усадили в кресло...—Боитесь...—Словно издалека Джейсон услышал свой смех, от которого никак не мог удержаться.—Боитесь допустить ошибку... боитесь...—Он смеялся, как ребенок, не в силах вымолвить ни слова, понимая, что у него началась истерика.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Рядом с креслом, на котором он сидел, стояла Меле. Руки ее лежали у него на плечах. Внезапно Джейсон перестал смеяться.

—Ему необходим отдых!—вскричала Меле. Глаза ее сверкали.

—Нет.—Джейсон покачал головой, окончательно справившись с начавшейся истерикой.—Просто я устал стоять.—Он окинул взглядом присутствующих, усмехнулся.—Почему бы вам всем не устроиться поудобнее?

Единственным, кто последовал его совету, был Свенсон. Придвинув кресло, он сел рядом с Джейсоном.

—Ну, хорошо.—Свенсон вздохнул.—Виноват. Допустим, раньше я к вам не прислушивался. Но сейчас я готов вас выслушать. Говорите все, что найдете нужным сказать.

Джейсон кивнул.

—Если вы хотите избежать конфликта, вам прежде всего необходимо понять, что и люди, и румлы повинуются примитивным инстинктам. Я уже говорил Меле...

—Вы имеете в виду ваш разговор в палате? Мы его слышали. Все ваши беседы записывались на пленку.—Свенсон бросил быстрый взгляд в окно на космический корабль румлов.—Не теряйте времени. Говорите только то, чего не успели сказать Меле.

—Если бы в течение последний ста лет наука уделяла бы достаточное внимание теоретическим исследованиям,—со вздохом сказал Свенсон,—мы были бы подготовлены к встрече с румлами, поняли бы принципы, которыми они руководствуются в своих действиях.

—Как мы могли бы понять румлов, если бы не подозревали об их существовании?

—Вы плохо представляете себе, что такое теоретические исследования. Это—поиск истины ради истины, знаний ради знаний. Между прочим, одним ученым была проделана работа, которая могла бы заранее помочь нам разобраться в психологии румлов. Он написал статью, на которую я натолкнулся, когда искал точки соприкосновения между нами и румлами. Статья была опубликована в тысяча девятьсот шестидесятом году.

—В тысяча девятьсот шестидесятом?—в голосе Свенсона поскользнулись нотки недоверия.

—В январском номере журнала "Естествознание". Называлась она "Ключ к проблеме свирепости медведей", а написала ее финский зоолог, Питер Кротт. В ней говорилось о том, как он, его жена и двое детей, находясь в Итальянских Альпах, в течение одного года воспитывали двух медвежат, предоставив им полную свободу действий. Особый интерес представляют выводы, к которым Кротт пришел, наблюдая за медвежатами.

—Румлы похожи на медведей?

—Нет...—сказал Джейсон, и в это время один из людей в штатском громко произнес:

—Несколько румлов возвращаются на корабль.

—Так и должно быть,—успокоил присутствующих Джейсон.—Они отправились за Ведущим. В данной ситуации он должен сойти на землю в сопровождении эскорта... На чем я остановился?

—Вы сказали, что румлы непохожи на медведей.

—Да. Здесь напрашивается другое сравнение: румлы также непохожи на медведей, как люди.—Джейсон умолк. Он смертельно устал, сил у него оставалось все меньше и меньше.

—Продолжайте,—сказал Свенсон.

—Кротт пришел к выводу, что схема питания медведей... Кстати, кто-нибудь из вас знает, что это такое? Нет? Попробую объяснить на примере. Наличие крови в воде приводит акулу в иступление. В этот момент она готова пожрать все подряд, от винта корабля до собственных внутренностей. Реакция живых организмов на пищу называется схемой питания. Даже подыхая, акула будет питаться, потому что инстинкт не позволяет ей контролировать свои действия.

—Но румлы...

—Не перебивайте. У людей тоже имеются инстинкты, которые не позволяют им осуществлять контроль над своими действиями. Ребенок в случае реальной или воображаемой опасности карабкается на руки первому попавшемуся взрослому. Срабатывает один из рефлексов, имеющий отношение к проблеме выживания.

Он посмотрел на Меле.

—Разумом Меле понимала (ошибалась она или нет—не имеет значения), что я вел себя неправильно и осуждала меня за это. На уровне же рефлексов она подчинилась инстинкту, который заставил ее защищать любимого человека, попавшего в беду.—Он поднял голову. Меле ласково ему улыбнулась.

—Изучая медведей,—продолжал Джейсон,—Кротт сделал вывод, что они нападают на движущуюся добычу, причем делают это инстинктивно. Медвежата любили Кроттов, привязались к ним, но однажды один из них напал на миссис Кротт, сорвав с нее куртку и разорвал ее, чтобы достать из кармана мензурки с разбавленным спиртом. Сработал рефлекс, не имеющий никакого отношения к чувствам животного.

—Но румлы...—вновь попытался сказать Свенсон, и вновь Джейсон перебил его.

—Мать вынашивает ребенка румла в течение трех лет, а родив, помещает в сумку, где он проводит еще шесть лет, питаясь и дыша инстинктивно, практически не развиваясь. Затем, внезапно, он начинает расти, через неделю выбирается из сумки, а еще через час или два покидает мать. Язык, нравы, обычаи своего народа он узнает в течение двух—трех недель, обучаясь с необычайной быстротой, а потом становится полностью самостоятельным и несет ответственность за каждый свой поступок.

—Вы хотите сказать,—медленно произнес Свенсон,—что там, где мы думаем, они действуют инстинктивно?

—А там, где мы действует инстинктивно, они думают,—Джейсон кивнул.—У щенков, например, отмечено четыре периода развития. Первый—выкармливание, второй—переходный, когда щенок начинает понемногу лакать, принимать твердую пищу и самостоятельно двигаться; третий—ознакомительный, во время которого щенок учится играть со своими сверстниками и устанавливает с ними определенные контакты; четвертый—обретение самостоятельности. Для сравнения—ласточка проходит шесть периодов развития. Но у румлов и людей периоды развития не соответствуют одни другому. Ребенок учится и отвечает любовью на любовь своих родителей, испытывает к ним чувство привязанности, в то время как румл находится в бессознательном состоянии в сумке матери. Он выходит из сумки взрослым и независимым. Он не только не испытывает чувств любви и привязанности к своей матери, но и забывает, как она выглядит. И поэтому цивилизация румлов развивалась на основе других принципов, чем цивилизация людей.

—На каких именно?—спросил Свенсон.

—А вы уверены, что знакомы с основными принципами развития нашей цивилизации? Ах, да. Я забыл, что вы слышали наш разговор с Меле. И тем не менее, я повторю. Защищая свою цивилизацию, люди инстинктивно стремятся защитить каждого человека в отдельности. Румлы, не знаящие чувства привязанности, защищают свою идею—концепцию Чести.

Джейсон посмотрел Свенсону в глаза.

—Я стремился к тому,—сказал он,—чтобы люди и румлы жили рядом, как добрые соседи. Мне необходимо было найти путь, не затрагивающий Чести румлов, для которых наши чувства любви и справедливости—пустой звук. Люди, например, считают безнравственным несправедливо осудить человека, тем более друга, на смерть. Для румлов, скажем, Катора, не существует связи между нравственностью и подобным поступком. Преуспеть в Основании Царства—нравственно. Все, что служит для этой цели, тоже нравственно, так как делается на благо общества—ведь Основатель Царства может иметь любое число сыновей, наделенных его генами, а следовательно, обеспечивающих выживание расы в большей

степени, чем сыновья простых смертных. Кстати, рядовому румлу разрешается иметь только одного ребенка.

Он умолк, закрыл глаза, собираясь хоть немного отдохнуть. Свенсон нетерпеливо заерзал в кресле.

—В таком случае, что румлы считают безнравственным?—быстро спросил он, не столько желая получить ответа, сколько опасаясь, что его собеседник заснет. Джейсон понял это и улыбнулся.

—Я рад, что вы задали этот вопрос,—сказал он.—Безнравственно—потерпеть неудачу. Общество румлов можно сравнить с подданными королевства, которые ждут смельчака, готового возложить на себя корону и повести их к светлому будущему. Но если смельчак решится короновать себя, подданные должны видеть, что успех сопутствует ему во всех начинаниях. Он не имеет права на малейшую, самую незначительную ошибку. Именно поэтому я записал известную вам информацию на пленку, отснятую Катором.

—Я не совсем понял, что вы имеете в виду,—сказал Свенсон.

—Я имсю в виду...

—Минутку!—перебил их один из людей в штатском, стоявший у окна и наблюдавший за космическим кораблем румлов.—Там что-то происходит. Они опять выходят из звездолета. Возглавляет их румл с широким металлическим поясом...

—Ведущий!—Джейсон попытался встать с кресла.—Это—ведущий. Его необходимо встретить.

—Сядьте!—Свенсон положил руку на плечо Джейсону.—И объясните, зачем вы сделали запись на пленке, отснятой Катором.

Джейсон грустно улыбнулся.

—Я хотел доказать, что Катора постигла неудача. То, что мы знали о его планах и то, что,—как я утверждал,—он был игрушкой в наших руках, сделало его неудачником. А следовательно, все поступки Катора превратились из нравственных в безнравственные. Ему следовало направить звездолет на солнце или перерезать себе горло.

—Почему же он этого не сделал? Вы знали, что он не покончит с собой?

—Знал.—Джейсон кивнул.—Долгое время мы с Катором были едины. Он был великим человеком—великим румлом, если вам будет угодно,—и не искал легких путей. Вместо того, чтобы покончить жизнь самоубийством и избежать позора (а это позор, не поддающийся человеческому воображению, ведь Катор убил своих соотечественников, которые могли зачать сыновей, будущих Основателей Царств), он решил попросить, и, по-существу, попросил их только об одном: дать ему возможность жить до тех пор, пока они не воспользуются его знаниями, чтобы завоевать нашу планету. Вы видели, что произошло.

—Его убили,—тихо сказал Свенсон. Голос его звучал устало, мешки под глазами набрякли.—Значит румлы тоже ничего не поняли.

—Они прекрасно все поняли. Помните, главы Семей обещали дать Катору отсрочку на день? Но как только им стало ясно, что Катор—неудачник, они начали действовать вместо того, чтобы задуматься. Впрочем, так поступают и румлы, и люди. Так поступила Меле, когда ей пришлось выбирать между тем, что она считала идеалами справедливости, и инстинктивным стремлением защитить меня, чего бы это ни стоило. Примитивные инстинкты неподвластны разуму.

—Тем не менее румлы прилетели на Землю,—сказал Свенсон.

—У них было много времени на размышление. Не забывайте, что румлы—высокоразвитые, цивилизованные существа. Они понимают, что им следовало не убивать Катора, покрывшего себя позором, а воспользоваться его знаниями. И они убеждены, что у нас перед ними огромное преимущество: люди знают о румлах все, а румлы о людях—ничего.

Свенсон пристально посмотрел на Джейсона.

—Вы знали, что они убьют его!—гневно воскликнул он.—Вы знали, что румлы убьют Катора, если вы сделаете дополнительную запись на пленке!

Воспоминания нахлынули на Джейсона, он почувствовал боль, как от удара хлыстом.

—Да. Так же, как я знал, что Катор вернется, а не покончит с собой. Не существовало другого способа убедить румлов в том, что мы обладаем перед ними неоспоримым преимуществом.

—Но... вы рискнули всем, чтобы доказать весьма эфирное превосходство людей над румлами. Не проще ли было попытаться договориться с Катором, и через него повести переговоры с румлами?

Джейсон покачал головой.

—Катор хотел только одного: стать Основателем Царства. Любые действия, направленные для достижения иной цели—пусть, с нашей точки зрения, более благородной,—автоматически делали его неудачником. Вы рассуждаете, как человек. Румл не может бросить дела на полпути, потому что собственная жизнь не имеет для него никакого значения, и стремится он лишь к процветанию общества, то есть к идеалам, выраженным в концепциях Чести.

Джейсон положил руки на подлокотники кресла, намереваясь встать.

—Мы должны были остановить Катора. А румлам предстояло решить для себя наиважнейший вопрос Чести: вдруг мы стремимся к Основанию Царств на их планетах? И хоть цивилизованные современные главы Семей прекрасно понимают, что две наших расы могут мирно сотрудничать друг с другом, инстинкт подсказывает им, что, остановив Катора (чего мы не могли не сделать, если не хотели стать его рабами), люди набросятся на тех, кто его послал. Честь обязывала румлов выступить против нас, и помешало им только одно.

—Что именно?—хрипло спросил Свенсон. Джейсон заметил, что все присутствующие, даже Торнибрайт, смотрят на него с напряженным вниманием.

—Инстинкт самосохранения. Вы ведь сказали, что слышали наш разговор с Меле. Эмоциональный барьер не позволяет отдельному румлу выделиться из общества. Румлы живут по принципу: все или ничего. Именно поэтому так мало индивидуумов стремятся стать Основателями Царств. Они либо добиваются успеха, либо терпят неудачу—середины не существует.

Он увидел вокруг себя недоуменные лица.

—Как я уже говорил Меле,—терпеливо сказал Джейсон,—страх потерпеть неудачу чрезвычайно велик. Если у румлов возникает хоть малейшее сомнение в успехе задуманного ими предприятия, они начнут действовать только в том случае, если не найдут иного пути решения проблемы. У них нет никаких игр, а любая дуэль автоматически заканчивается смертью одного из противников. Если вам удастся доказать, что вы в чем-то их превосходите,—а я сделал это, записав дополнительную информацию на пленку Катора,—румлы инстинктивно постараются избежать конфронтации.

—Но вы говорили...—Свенсон замялся.—Вы говорили, они достаточно разумны и со временем понимают свои ошибки.

—Совершенно верно. Именно поэтому румлы притеснили на Землю. Если люди каким-то образом затронут их Честь, они немедленно отдадут приказ атаковать, не заботясь о собственной безопасности. Если же нам,—подчеркиваю, нам,—удастся с Честью выйти из создавшегося положения, разум румлов постепенно одержит верх над инстинктами, которые мешают им спокойно воспринимать таких уродливых чудовищ, как мы с вами.

—Чудовищ?—переспросил Торнибрайт.—Неужели они действительно считают нас чудовищами?

—Что здесь удивительного? Разве мы не считаем их чудовищами?—Джейсону было горько и обидно.—В конце концов, они не распускают слюни, как люди. А мы, с их точки зрения, лишены Чести и достоинства.

Свенсон кивнул, поднялся на ноги, посмотрел на Джейсона.

—Теперь я понял,—сказал он.—Вы оказались правы. Пойдемте на встречу с румлами вместе с нами. Мне не хотелось допустить ошибку при первом контакте.

Он взял Джейсона за руку, помог ему встать с кресла. Джейсон покачнулся, но удержался на ногах. У него словно гора с плеч свалилась, он чувствовал необычайный прилив сил.

Рука об руку со Свенсоном, в сопровождении людей в штатском, они спустились на лифте, вышли на взлетную полосу, взобрались на грузовик с открытой платформой, в ту же секунду тронувшийся с места, и медленно подъехали к выстроившимся в две шеренги румлам, впереди которых стоял Ведущий.

Грузовик остановился. Джейсон, Свенсон и люди в штатском

сошли с платформы, сделали несколько шагов вперед. Глаза Ведущего изумленно расширились.

—Ты!...—тонкие губы с трудом выговаривали слова на земном языке.—Ты—рыбак!

—Да.—Джейсон слегка наклонил голову, чтобы, согласно обычаю, выразить уважение собеседнику.

Ведущий справился со своим изумлением, выпрямился. Он был пожилым румлом с седым мехом, и доспехи его украшали многочисленные ордена Чести.

—Я верю,—громко и отчетливо произнес он ритуальные слова,—что я нахожусь среди друзей.

—Да,—ответил Джейсон на практически безупречном языке румлов.—Здесь—ты среди друзей.

А. Е. ВАН ВОГТ

МИР НУЛЬ-А

Роман

Здравый смысл не всегда помогает принимать рациональные решения в критических ситуациях. Главной задачей изучаемой нами науки является воспитание человека, находящегося в полной гармонии с природой; создание определенного типа мышления, готового мгновенно реагировать на любую неожиданность.

Б. Р.

На протяжении Игр живущие в отеле должны, как обычно, объединиться в группы защиты согласно занимаемому этажу...

Сидя в одном из номеров, Госсейн мрачно смотрел в угловое полукруглое окно. Стоял ясный, погожий день, и с тридцатого этажа город, специально выстроенный для Машины, был виден ему как на ладони. Слева внизу сверкала иссиня-черная река, и после-полуденный ветерок ерошил воду, поднимая легкую рябь. К северу, на фоне ярко-голубого неба, резко выделялись темные пики невысоких гор.

Между горами и рекой, в периферии его зрения, толпились по широким улицам частные виллы, с ярко выкрашенными крышами, сверкающими на фоне пальм и других тропических деревьев; гостиницы, разбросанные там и тут; отдельные здания, назначение которых трудно было определить с первого взгляда.

Машина высилась в центре ровной площади на вершине горы, сверкающей серебряной стрелой, уходящей на пять миль в небо. Изумительные сады и роскошный особняк президента неподалеку частично скрывали деревья, но Госсейн почти не обратил на них внимания. Перед его взором находилась Машина, и она заслоняла собой все остальное.

Вид ее притягивал, как магнитом. Несмотря на плохое настроение какое-то волнующее чувство невольно захлестнуло Госсейна. Наконец-то ему удалось стать участником Игр, способных обеспечить его будущее даже в случае небольшой удачи и дающих возможность отправиться на Венеру, если он окажется в числе тех избранных, которые завоюют высшие награды.

Много лет мечтал он об этом, но возможность представилась

лишь после ее смерти. “За все приходится платить”, — мрачно подумал Госсейн. Как ни ждал он этого дня, ему и в голову прийти не могло, что ее не будет рядом. С самого начала строили они планы о том, как рука об руку пройдут сквозь тяжелое испытание и начнут жить по-другому. Теперь он остался совсем один, и ему не нужны были ни богатство, ни слава. Загадочная и далекая Венера общала забвение, и лишь поэтому он так стремился туда. На Земле все казалось деловым и практичным, а ему хотелось душевного покоя, новых духовных ценностей, хотя он был абсолютно нерелигиозным человеком.

Его мысли прервал стук в дверь. В коридоре стоял мальчик, который при виде Госсейна тут же произнес:

— Меня послали, сэр, передать вам, что все уже собрались в зале.

Госсейн посмотрел на него непонимающим взглядом.

— Ну и что?

— Сэр, они обсуждают способы защиты людей на этом этаже в течение Игр.

— О! — воскликнул Госсейн.

Он поразился своей забывчивости. Сообщение, прозвучавшее давно из всех громкоговорителей отеля, заинтересовало его.

Но трудно было даже представить себе, что в величайшем городе на Земле, городе Машины, на целый месяц перестанут действовать любые законы, кроме тех, которые заново создадут сами люди, чтобы защитить себя от всяких неожиданностей.

— Меня просили передать, — вновь сказал мальчик, — что опоздавшие лишаются защиты на время Игр.

— Уже иду, — улыбнулся Госсейн. — Скажи им, что я — человек новый и просто забыл. И спасибо тебе.

Он протянул посыльному мелкую монету, вернулся в комнату, зашторил пластиковые окна, пересключил видеофон на автоматическую запись и, тщательно заперев за собой дверь, пошел по коридору.

В большом просторном зале гостиницы он первым делом заметил своего знакомого, Нордегга, владельца магазина в том городе, где жил сам. Госсейн кивнул головой и улыбнулся. Мужчина с любопытством посмотрел на него, но не улыбнулся в ответ и не поздоровался. На какое-то мгновение это показалось Госсейну странным, но он тут же забыл об инциденте, так как на него были обращены взоры всех присутствующих.

Дружелюбные взгляды ярких глаз, дружеские, чуть настороженные лица — такое сложилось у Госсейна первое впечатление. Он подавил улыбку. Они присматривались друг к другу, подсчитывали шансы товарищей на предстоящих Играх. Пожилой человек, сидящий за столом у входа, сделал ему знак подойти, и Госсейн, не мешкая, направился в его сторону.

— Я должен вас зарегистрировать, — сказал старик. — Кто вы такой?

—Госсейн,—ответил Госсейн.—Гилберт Госсейн, проживающий в Кресс-Вилледж, Флорида, возраст—тридцать четыре года, рост—шесть футов один дюйм, вес—сто восемьдесят пять фунтов, особых примет не имеется.

Старик улыбнулся, и глаза его лукаво блеснули.

—Ну-ну,—сказал он.—Если вышность не обманчива, думаю, вы далеко пойдете.—Он помолчал, потом добавил:—Кстати, вы ничего не сказали о семейном положении.

Госсейн вздрогнул, подумав о своей умершей жене.

—Я холост,—тихо ответил он.

—Что ж, мистер Госсейн, по-моему, вы неглупый молодой человек. Хочу пожелать вам успеха и надеюсь, Игры покажут, что вы достойны Венеры.

—Спасибо,—сказал Госсейн.

Отходя от стола, он заметил, что Нордегг быстро подошел к старику и склонился над регистрационной книгой. Некоторое время они о чем-то горячо спорили, но вскоре распорядитель, невысокого роста улыбающийся человек, вышел на середину зала, поднял руку вверх, и все разговоры затихли.

—Леди и джентльмены,—объявил он.—Я считаю, пора начинать. У лиц заинтересованных было достаточно времени, чтобы присоединиться к нам. А следовательно, как только закончатся отводы, я предлагаю запереть двери и начать обсуждение.

—Для тех,—продолжал он,—кто участвует в Играх первый раз и не знает, что такое отвод, я объясню подробно. Все вы, естественно, должны будете повторить перед детектором лжи те данные о себе, согласно которым проводилась регистрация. Но прежде, если у вас возникли сомнения относительно друг друга, говорите прямо. Каждый из вас обладает правом дать отвод любому из присутствующих. Не стесняйтесь высказать малейшее подозрение, даже не имея никаких доказательств. Однако не забывайте, что группа встречается каждую неделю, и отвод можно дать на любом из последующих собраний. Итак, есть у кого-нибудь отводы?

—Да,—раздался громкий голос.—Я даю отвод человеку, который называет себя Гилберт Госсейн.

—А?—сказал Госсейн. Он резко повернулся и изумленно уставился на Нордегга.

Более пожилой мужчина окинул его твердым взглядом и обратился к распорядителю.

—Когда Госсейн вошел,—продолжал Нордегг,—он кивнул мне как знакомому, и я, естественно, решил посмотреть в книге регистрации его имя, думая, что вспомню, где мы встречались. К своему изумлению, я обнаружил, что он дал адрес в Кресс-Вилледж, Флорида, то есть там, где я живу. Леди и джентльмены, Кресс-Вилледж—маленький, но знаменитый городок, с населением всего в триста человек. Я владелец одного из трех магазинов, и знаю абсолютно всех не только в городе, но и окрестностях. Ни в Кресс-

Вилледж, ни в его пригородах, человек по имени Гилберт Госсейн не проживает.

Шок, который Госсейн испытывал во время речи Нордегга, прошел почти сразу же, и осталось лишь ощущение, что над ним издеваются каким-то непонятным образом.

—По-моему, все это очень глупо, мистер Нордегг,—сказал он и, помолчав, добавил:—Ведь вас так зовут?

—Верно.—Нордегг кивнул.—Хотя я не понимаю, откуда вы могли узнать мое имя.

—Ваш магазин в Кресс-Вилледж,—продолжал настаивать Госсейн,—находится в конце ряда из девяти домов, на перекрестке четырех дорог.

—Нет никакого сомнения,—заявил Нордегг,—что вы тщательно изучили мой городок, либо лично, либо по фотографиям.

Госсейн подавил в себе раздражение, вызванное находчивыми ответами лавочника.

—Примерно в миле к западу от вашего магазина стоит небольшой, причудливой формы, домик,—сказал он.

—“Домик“!—фыркнул Нордегг.—Известный всему миру загородный дом семьи Харди!

—Девичья фамилия моей покойной жены была Харди,—сказал Госсейн.—Она умерла месяц тому назад. Патриция Харди. Может, теперь вы вспомните?

Он увидел толпу людей, напряженно ожидающих ответа, услышал, как Нордегг иронически рассмеялся.

—Что еще могу сказать, леди и джентльмены, судите сами. Он говорит, что Патриция Харди—его жена. Думаю, что все мы слышали бы о таком событии, как ее свадьба. Что же касается “покойной“ Патриции Харди, или Патриции Госсейн,—тут он улыбнулся,—могу вас заверить, что видел ее не далее как вчера утром, и она очень живо гарцевала на белом арабском скакуне.

Это уже не походило на издевательство. У Патриции не было даже лошади, тем более арабского скакуна. Жили они небогато, целый день работали на своей маленькой фруктовой ферме, а вечером упорно занимались, готовясь к Играм. Да и Кресс-Вилледж отнюдь не славился тем, что в нем находился загородный дом семьи Харди—ведь они были ничем не выдающимися людьми. Что все это могло значить?

Мысли мелькнули и пропали в его мозгу. Необычайно отчетливо он увидел, как окончить этот слепой спор.

—Я могу лишь предложить,—сказал он,—повторить все, что говорил, перед детектором лжи. Уверен, что он тут же подтвердит мою правоту.

Но детектор лжи ответил:

—Нет, вы не Гилберт Госсейн и никогда не жили в Кресс-Вилледж. Вы...—Голос замолк. Электронные трубы аппарата неуверенно замигали.

—Ну же,—не вытерпел распорядитель.—Кто он?

Ответ последовал после долгой паузы.

—Мозг этого человека не содержит нужной информации. Он не знает своего настоящего имени. В нем чувствуется какая-то сила, но в данных обстоятельствах определить, кто он такой, не представляется возможным.

—И в данных обстоятельствах,—решительным тоном, не терпящим возражений, заявил распорядитель,—я могу лишь посоветовать вам как можно скорее обратиться к психиатру, мистер Госсейн. Естественно, здесь вы не останетесь.

Минутой позже Госсейн шел по коридору. Он ничего не видел вокруг, не помнил, как добрался до комнаты и набрал нужный номер. Прошло две минуты, прежде чем его соединили с Кресс-Вилледж. На экране появилась молодая женщина с довольно суровым выражением лица, но приятной наружности.

—Я—мисс Тричерз, секретарь мисс Патриции Харди во Флориде. О чем вы хотели поговорить с мисс Харди?

В первую секунду самое существование такой особы, как мисс Тричерз, ошеломило его. Но Госсейн быстро оправился от изумления.

—По личному вопросу,—твердо сказал он.—И мне необходимо поговорить с ней с глазу на глаз. Это очень важно. Пожалуйста, соедините меня как можно скорее.

Видимо, он говорил достаточно авторитетным тоном, потому что молодая женщина, секунду поколебавшись, ответила:

—Я не вправе выдавать подобной информации, но мисс Харди сейчас находится во дворце Машины. Попробуйте позвонить туда.

—Она здесь, в городе!—невольно вырвалось у Госсейна.

Он не помнил, как повесил трубку, но внезапно женское лицо исчезло с экрана. Видеофон отключился. Он остался наедине с одной-единственной мыслью, сверлившей мозг: "Патриция жива!"

Впрочем, ничего удивительного. Мозг, натренированный, способный воспринимать любую ситуацию реального мира, сразу же отметил, что детектор лжи не мог ошибиться. Сидя перед потухшим экраном, Госсейн почувствовал, что впал в какую-то прострацию. У него не возникло желания ни звонить во дворец, ни разговаривать со своей женой, ни видеть ее. Конечно, это придется сделать завтра, но следующий день тоже казался удаленным далеко-далеко в пространстве—времени. Как сквозь сон, услышал он громкий стук в дверь и, встряхнувшись, встал с кресла. В коридоре стоял чтыре человека, и один из них тут же произнес:

—Я—менеджер. Извините, но вам придется покинуть нашу гостиницу. Багаж можете оставить внизу. В течение месяца, пока не действуют законы, мы не можем позволить себе сдавать номера людям, на которых пало хоть малейшее подозрение.

Через двадцать минут Госсейн очутился на пустынной улице. Наступил вечер.

За всю историю человечества учение гениального... Аристотеля... привлекло, пожалуй, наибольшее количество последователей... Наша трагедия заключалась в том, что биолог Аристотель продолжил дело философа-математика Платона и сформулировав все изначальные определения, предсказал дальнейшее их развитие... объединили в одну систему, на которую кошуном считалось посягнуть более чем две тысячи лет... В связи с этим имя его используется при обозначении двух крайне важных Аристотелевых доктрин, и, соответственно, множество современных наук, необходимых для человечества, получило название не-Аристотелевых...

А. К.

Пока еще окончательно не стемнело, он мог не бояться. Хулиганы, мародеры, карманники прятались по углам в ожидании наступления ночи. В глаза ему бросилась вывеска, которая периодически загоралась и гасла:

КОМНАТЫ ДЛЯ ЛИШЕННЫХ ЗАЩИТЫ

ночь—20 долларов

Госсейн остановился в раздумье. Ему очень хотелось иметь крышу над головой, но, во-первых, денег хватило бы только на несколько дней, а во-вторых,—слишком уж мрачные истории ходили о подобного рода ночлежках. Предпочтительней рискнуть и провести ночь на свежем воздухе.

Он пошел дальше. Темнота сгущалась, один за другим зажигались автоматические фонари. Город Машины сверкал и переливался. Улица, по которой он шел, тянулась на многие мили, и фонари, как часовые, стояли по обе стороны, уходя вдаль и сливаясь в одно слепящее пятно на горизонте. Внезапно его охватило отчаяние.

Совершенно очевидно, он страдал определенного рода амнезией, и теперь необходимо проанализировать происшедшее во всех его аспектах. Только таким образом удастся избавиться от ненужных эмоций, а, следовательно, и от своего теперешнего состояния. Госсейн пытался представить себя с точки зрения нуль-А концепций, как нечто целое: тело, мозг; амнезия—в этот самый день и час, в этом самом месте.

Тысячи часов тренировок не пропали даром. Ведь за ними стоял не-Аристотелев способ самого широкого охвата действительности, уникальное достижение людей двадцатого века, которое через четыреста лет стало динамичной философией человеческой расы.

“Карта—не территория... Слово—не сама вещь...” Уверенность в том, что он был женат, не давала оснований считать это фактом. Галлюцинациям, которые подсознание передавало нервной системе, следовало противопоставить здравый смысл.

Как всегда, он почувствовал облегчение. Все сомнения и страхи ушли, как вода в решето. Ложная печаль, ложная потому, что кто-то специально смутил ею его мозг,—исчезла. Он был свободен.

Продолжая идти вперед, Госсейн настороженно глядел по сторонам, на сгущавшиеся перед дверями домов тени. У перекрестков он был особо внимателен, все время держа руку на рукоятке пистолета. Но несмотря на все предосторожности, он так и не увидел девушки, выбежавшей с боковой улицы и столкнувшейся с ним, так что оба они чуть не упали.

Неожиданное происшествие не помешало Госсейну принять меры предосторожности. Левой рукой он крепко обхватил девушку за плечи, правой выхватил пистолет, одновременно стараясь удержаться на ногах и сохранить равновесие. Потом он выпрямился и, не давая ей опомниться, потащил за собой к проему дверей, подальше от света. Уже у самого входа она попыталась вырваться из его объятий и застонала. Не выпуская пистолета, Госсейн поднял правую руку и зажал ей рот.

—Шшш!—прошептал он.—Я не причиню вам вреда.

Она тут же перестала сопротивляться. И замолчала. Он опустил руку, и, задыхаясь, она произнесла:

—За мной гнались. Двое. Наверное, увидели вас и убежали.

Госсейн задумался. Любое событие, совершающееся в пространстве—времени, зависит от множества неизвестных и непредвиденных факторов. Молодая женщина, отличная от всех других молодых женщин Вселенной, в ужасе выбежала из боковой улицы. Этот ужас мог быть реальным или наигранным. Мозг Госсейна откинул вариант, ничем ему не грозящий, и принялся исследовать вероятность того, что ее появление—ловушка. Он представил себе, как группа из нескольких человек, не решающихся на открытый грабеж, ждет его за углом, чтобы получить свою долю добычи в лишившимся охраны порядке городе. Он думал о девушку лишь с чувством холодного подозрения. Ведь если она была такой беззащитной, как она очутилась одна на улице ночью?

—Я лишена защиты,—сказала она хриплым голосом в ответ на его прямой вопрос.—Неделю назад меня уволили, потому что я отказалась принимать ухаживания босса. И с деньгами туго. Мне нечем даже заплатить за квартиру, и сегодня утром хозяйка выгнала меня из комнаты.

Госсейн промолчал. Ее объяснение выглядело настолько жалким и смехотворным, что ему стало неловко. Но через секунду его уверенность поколебалась. Ведь с ним самим произошла куда более неправдоподобная история. Прежде чем принять за основу ту вероятность, что она все-таки говорит правду, и действовать соответственно, он все же спросил:

—Разве вам некуда пойти?

—Нет,—сказала она.

Значит, теперь ему придется нести за нее ответственность на протяжении всех Игр. Она не сопротивлялась, когда он взял ее за руку и, осторожно обогнув угол дома, вывел на дорогу.

—Мы пойдем по центральной белой линии,—сказал он.—Так лучше видны перекрестки.—Опасность грозила им повсюду, но он решил не пугать ее понапрасну.—Послушайте,—озабоченно продолжал он,—вы можете меня не бояться. Я тоже попал в переделку, но я—человек честный. Давайте считать, что оба мы находимся в затруднительном положении, и самая главная задача сейчас—найти место для ночлега.

Девушка издала какой-то звук. Госсейну показалось, что она еле сдерживается, чтобы не рассмеяться, но когда он резко повернулся, голова ее была опущена, так что он ни в чем не может быть уверен. Через мгновение она посмотрела на него, и только сейчас ему впервые представилась возможность внимательно изучить ее лицо. Она была молодой и загорелой, с чуть впалыми щеками и большими черными глазами. Следы не совсем умело наложенной косметики только портили ее красоту. Непохоже, что в последнее время ей приходилось над чем-нибудь смеяться. Подозрения Госсейна развеялись, и он вновь осознал всю тяжесть ответственности, которая легла на его плечи,—ведь он теперь стал единственным защитником молодой девушки, о которой абсолютно ничего не знал.

Они подошли к заброшенной неосвещенной стоянке автомобилей, и Госсейн остановился, задумавшись. Вокруг рос редкий кустарник. Мародерам—идеальное убежище честному человеку и его молодой спутнице, если только пробраться туда незаметно, по боковой аллее, ведущей между двумя зданиями.

Примерно через десять минут им удалось обнаружить небольшую полянку, покрытую травой и окруженную со всех сторон колючим кустарником.

—Мы будем спать здесь,—прошептал Госсейн.

Девушка тут же опустилась на землю. И вновь ее бессловесная покорность натолкнула Госсейна на размышления. Нахмурившись, он прилег на траву.

Ночь стояла безлунная, и прошло много времени, прежде чем Госсейн смог различить ее туманную фигуру в отраженном свете далекого уличного фонаря. Она сидела футом в пяти от него, даже не шелохнувшись, не поменяв позы,—девушка, которая являлась для Госсейна фактором таким же неизвестным, как и он сам. Его мысли прервал тихий и мягкий голос.

—Меня зовут Тереза Кларк. А вас?

“Действительно, как же меня зовут?”—подумал Госсейн, но не успел ответить, так как она вновь заговорила:

—Вы собираетесь принять участие в Играх?

—Да,—сказал Госсейн, мгновение поколебавшись. Ведь это ему следовало расспрашивать ее, а не наоборот.—А вы?

— Не говорите глупостей. — В голосе девушки прозвучала горечь. — Я даже не знаю, что такое ноль-А.

Госсейн промолчал. Он почувствовал себя неловко при виде такого самоуничтожения. И внезапно характер Терезы Кларк проявился: болезненное воображение и эгоизм, в результате которых она всегда будет довольна собой. Со стороны шоссе послышался шум мотора, и это избавило Госсейна от необходимости продолжать разговор. Вслед за первой машиной с бешеной скоростью промчались еще несколько. Заскрипели тормоза, взвизгнули шины на повороте. И вновь наступила тишина. Но далекий шум большого города, на который он раньше не обращал внимания, казалось, окружал его со всех сторон.

Приятный говорок девушки заглушал шум, но в ее голосе прозвучала такая жалость к самой себе, что ему стало неприятно.

— И вообще, для чего нужны Игры? Я еще понимаю тех, кто остается на Земле. Отхватывают приличную работенку, неплохо устраиваются. Но ведь каждый год тысячи людей получают право отправиться на Венеру. Что они там делают?

Госсейн не считал нужным вдаваться в объяснения.

— Лично я, — ответил он, — вполне удовлетворюсь местом президента.

Девушка рассмеялась.

— Вам придется изрядно попотеть, — сказала она, — чтобы занять пост Харди.

Госсейн резко выпрямился и сел.

— Кого?!

— Майкла Харди, президента Земли.

Госсейн медленно прилег на траву. Теперь понятно, что имели в виду Нордегг да и все остальные в гостинице. Несудивительно, что его рассказ показался им бредом сумасшедшего. Президент Харди, летняя резиденция в Кресс-Вилледж — информация, заложенная в его мозгу, была ложной от начала до конца.

Но кому это понадобилось? Харди?

— Вы не могли бы помочь мне, — прервала его размышления Тереза Кларк, — выиграть хоть какую-нибудь, самую пустяковую работу?

— Что-что? — Госсейн уставился на нее сквозь темноту. Изумление его быстро прошло, уступив место чувству жалости. — Вряд ли, — ответил он. — Чтобы принять участие в Играх, требуются обширные знания и умение, которые даются лишь долгими тренировками. И лишь единицы, способные на полную отдачу всех своих умственных и душевных сил, выдерживают испытания последних пятнадцати дней.

— Меня не интересуют последние пятнадцать дней. Говорят, уже через неделю можно неплохо устроиться. Верно?

— Самая низкооплачиваемая работа, если вы, конечно, собираетесь получить ее как участница Игр, приносит десять тысяч в год. Насколько я понимаю, конкурентов более чем достаточно.

—Я способная,—заявила Тереза Кларк.—И у меня безысходное положение. Значит, я смогу.

Госсейн сильно в этом сомневался, но ему вновь стало жалко ее.

—Если хотите,—сказал он,—я попытаюсь вкратце рассказать, что к чему.

Он замолчал, и она быстро проговорила:

—Да, да, пожалуйста.

Госсейн вздохнул. Он понимал, насколько бессмысленно пытаться объяснить ей что-нибудь, но делать было нечего.

—Человеческий мозг,—нехотя начал он,—в грубом приближении можно разделить на две основные части: кору и таламус. Кора является центром распознавания, таламус—центром эмоциональных реакций нервной системы... Кстати, вы были в институте Семантики?

—О, как там красиво,—заявила Тереза Кларк.—И сколько драгоценных камней, серебра, золота.

Госсейн прикусил губу.

—Я говорю о другом. На одной из стен изображен рассказ в картинках. Видели?

—Не помню.—Она казалось, поняла, что он остался ею недоволен.—Но зато я видела бородача—как там его?—в общем, директора.

—Лавуазье?—Госсейн нахмурился.—Мне казалось, он погиб несколько лет назад в автомобильной катастрофе. Когда это было?

—В прошлом году. Он сидел в кресле на колесах.

Госсейн задумался. На какое-то мгновение он решил, что память вновь отказала ему. Однако странно. Зачем неизвестному, экспериментировавшему с его мозгом, скрывать, что почти легендарный Лавуазье все еще жив? После некоторых колебаний он продолжал:

—Кора головного мозга, как и таламус, потенциально обладают необычайными возможностями, которые необходимо правильно реализовать. Самым главным является координация их действий, ведущая впоследствии к полной интеграции, и если этого не происходит—личность человека нельзя считать полноценной. С другой стороны, как только интеграция осуществлена, нервная система в состоянии выдержать практически любой шок.

Госсейн умолк, вспомнив о событиях минувшего дня.

—Что с вами?—быстро спросила девушка.

—Ничего,—проворчал он.—Продолжим разговор утром.

Внезапно он почувствовал, как сильно устал. Но прежде чем сон навалился на него, на память почему-то пришли слова детектора лжи: "В нем чувствуется какая-то необычайная сила".

Когда он проснулся, солнце сияло на небе. Терезы Кларк и след простыл.

Госсейн убедился в этом, тщательно обыскав все кусты. Затем он вышел на шоссе и посмотрел по сторонам.

Улица была забита движущимся транспортом, по тротуару весело спешили ярко разодетые мужчины и женщины. Казалось, сам воздух звенел шумом моторов, звуками голосов, ревом машин. Волнующее зрелище. Внезапно Госсейн понял, что теперь он совершенно свободен, а отсутствие девушки только доказывало, что ее появление отнюдь не очередной этап какого-то фантастического плана, в результате которого его для начала полностью лишили памяти. Он почувствовал облегчение при мысли о том, что ему не придется больше о ней заботиться.

Знакомое лицо мелькнуло в человеческой толпе, скользящей мимо. Тереза Кларк, с двумя коричневыми пакетами в руках, окликнула его.

—А вот и завтрак,—сказала она.—Я решила, что лучше позавтракать на травке с муравьями, чем в битком набитом ресторане.

Они молча принялись за еду. Госсейн заметил, что упаковка была магазинной, на вынос. Витаминизированный апельсиновый сок, каша со сметаной в отдельной пластиковой упаковке, тосты с горячими почками, кофе со сливками.

Примерно долларов пять, прикинул он. Не слишком ли роскошно для парочки, которой тридцать дней придется ограничивать себя во всем, лишь бы дотянуть до окончания Игр? И кроме того, девушка, у которой имелось в кармане пять долларов, спокойно могла заплатить хозяйке еще за одну ночь. Более того, она, видимо, неплохо зарабатывала, если не нуждаясь купила такой завтрак. Чуть нахмурившись, он неожиданно спросил:

—Кстати, как зовут вашего босса?

—Что?—Тереза Кларк закончила жевать тост с почками и теперь рылась в сумочке. Услышав вопрос, она вздрогнула и недоуменно посмотрела на него. Затем лицо ее прояснилось.—А, вы о нем!—сказала она.

—Да,—требовательно сказал Госсейн.—Как его зовут?

Самообладание полностью вернулось к ней.

—Я не хочу вспоминать об этом,—заявила Тереза Кларк и тут же переменяла тему разговора.—Чтобы выдержать первое испытание, мне много придется выучить?

Госсейн помедлил, не зная, стоит ли ему настаивать на ответе. В конце концов он решил, что спешить некуда.

—Нет,—сказал он.—К счастью, первый день Игр—предварительный. Нужно лишь зарегистрироваться, получить назначение в одну из кабинок и ответить на вопросы. Я изучал историю Игр за последние двадцать лет—более ранние сведения Машина не выдает—и обратил внимание, что сначала вас просто просят определить, что такое нуль-А, нуль-Н, нуль-Е.

—Независимо от того, осознате вы или нет, невозможно жить на Земле и не иметь хотя бы общих представлений о нуль-А концепциях: ведь они развиваются в нашем сознании уже несколько сотен лет. Людям свойственно забывать определения и формулировки,—добавил он,—но если вы действительно хотите...

—Конечно, хочу,—ответила девушка.

Она вытащила из сумочки портсигар.

—Покурим?

Золото блеснуло на солнце. Бриллианты, изумруды, рубины переливались разноцветным пламенем на поверхности. Сигарета, автоматически прикуренная внутри, наполовину выскочила из отверстия. Драгоценности, конечно, могли быть из пластика, металл—подделкой, но портсигар был явно не серийным и выглядел слишком натурально. Госсейн определил его стоимость примерно в двадцать пять тысяч долларов.

—Нет, спасибо,—оправившись от изумления, ответил он.—Я не курю.

—Это—особый сорт,—продолжала настаивать девушка.—Они очень мягкие.

Госсейн покачал головой, и, пожав плечами, она вынула зажженную сигарету, с наслаждением затянулась и кинула портсигар обратно в сумочку. Видимо, ей даже в голову не пришло, что такая безделушка может произвести впечатление.

—Давайте заниматься,—сказала она.—Когда вы мне все объясните, можно будет расстаться до вечера, а потом опять встретимся здесь. Договорились?

Манера поведения Терезы Кларк раздражала, и Госсейн никак не мог привыкнуть к ее бесцеремонности. Теперь он уже почти не сомневался, что она появилась неспроста и, возможно, имела прямое отношение к неизвестному, поставившему непонятный эксперимент с его мозгом. Он не мог позволить ей исчезнуть.

—Хорошо,—сказал он.—Не будем терять времени.

III

Жить вне общества невозможно.

С. Дж. К.

Когда Тереза Кларк вышла из автомобиля, Госсейн подал ей руку. Они быстро прошли аллею, по обеим сторонам которой высились деревья, затем арку массивных ворот, и только тогда увидели Машину. Девушка продолжала идти, не замедляя шага, но Госсейн остановился.

Машина находилась в самом конце широкого проспекта. Большую часть площадки на вершине горы занимали цветущие сады, и надо было пройти примерно с полмили, чтобы оказаться перед сверкающим великолепием металлического шпиля, на вершине которого атомным светом сверкала звезда, затмевающая собой полуденное солнце.

Это зрелище ошеломило Госсейна. Внезапно он необычайно ясно понял, что Машина откажется сделать его участником Игр, если он не сможет назвать своего настоящего имени. Он почувство-

вал себя маленьким, никому не нужным. Краешком глаза он заметил, что Тереза Кларк остановилась и смотрит на него.

—Вы, наверное, первый раз видите Машину вблизи?—участливо спросила она.—Страшно, да?

В голосе ее прозвучали высокомерные, слегка пренебрежительные нотки, и Госсейн не смог сдержать улыбки. “Ох уж эти городские всезнайки!”—подумал он. Даже настроение у него несколько улучшилось, и, взяв ее под руку, он зашагал вперед. Постепенно к нему начала возвращаться былая уверенность в себе. В конце концов, он ни в чем не виноват, ведь детектор лжи в отеле тоже сказал, что Госсейн не специально назвал вымышленное имя.

По мере продвижения вперед толпа людей становилась все больше, а огромные размеры Машины все очевиднее. У самого ее основания ярус за ярусом располагались отдельные комнаты для испытуемых. Весь первый этаж внутри тоже состоял из подобного рода помещений и ведущих к ним коридоров. Широкие клетчатые лестницы снаружи вели на второй, третий и четвертый этажи и опускались еще на три этажа вниз.

—Боюсь, у меня ничего не выйдет,—сказала Тереза Кларк.—Все эти люди вокруг кажутся мне такими умными!

Госсейн рассмеялся, посмотрев на выражение ее лица, но ничего не ответил. Он ни на секунду не сомневался, что выдержит испытания в течение всех тридцати дней. Сейчас его волновала лишь мысль о том, что его вообще могут не допустить до экзаменов.

Далекая и неприступная Машина возвышалась над человеческими существами, стремящимися показать всю полноту своих знаний. Ни одни из ныне живущих на Земле людей не знал, где именно расположен ее электронно-магнитный мозг. Как и многие другие, Госсейн тоже задумывался над проблемой, стоявшей в свое время перед учеными и архитекторами. Впрочем, это не имело никакого значения. Самозамещающая необходимые блоки, осознающая свое существование и цель, Машина была полностью неподкупна и теоретически способна предотвратить любое нападение.

“Чудовище!”—кричали слишком эмоционально настроенные, когда Машина только строилась. “Нет,—отвечали ее создатели,—механический мозг, творчески мыслящий, обладающий возможностями развития в любом разумном направлении”. И в течение трехсот лет люди привыкли к тому, что Машина безошибочно определяет человека, способного по своим моральным качествам быть президентом Земли.

Госсейн прислушался к разговору между мужчиной и женщиной, которые шли рядом.

—Меня только пугает,—говорила женщина,—что целый месяц в городе не будет охраны порядка.

—Ты просто не понимаешь,—отвечал мужчина.—На Венере вообще не существует полиции, в ней нет необходимости. Если мы окажемся достойными, то будем жить на этой планете, где каждый человек разумен в самом высоком смысле этого слова. Заодно ста-

нет ясно, какого прогресса достигли мы здесь, на Земле. Могу тебя уверить, что большие перемены произошли даже в течение моей жизни. Не бойся, все будет хорошо.

—Наверное, нам придется расстаться,—сказала Тереза Кларк.—Всем на букву “К” надо спуститься на второй подземный этаж, а “Г”— на первый. Встретимся вечером на той же стоянке. Не возражаете?

—Конечно, нет.

Госсейн подождал, пока она исчезла за поворотом, затем отправился следом. Он увидел, как она спустилась вниз, быстро прошла по коридору к лестнице, ведущей на выход, и взбежала по ступенькам. Когда он протолкался сквозь толпу людей и вновь очутился на улице, ее нигде не было видно. Задумавшись, Госсейн вернулся назад. Он с самого начала учитывал ту вероятность, что она не рискнет пойти на экзамен, и поэтому стал следить за ней, но то, что его подозрения оправдались, было неприятно. Проблема Терезы Кларк становилась все сложнее.

Волнуясь сильнее, чем ожидал, Госсейн вошел в свободную кабинку сектора “Г”. Раздался щелчок автоматически закрываемой двери, и в ту же секунду голос Машины бесстрастно произнес:

—Ваше имя?

Госсейн забыл о существовании Терезы Кларк. Наступил кризис.

В кабине стояло комфортабельное вертящееся кресло и стол с ящиками, а над ним—прозрачная пластиковая панель в стене, в которой перемещались желтым и красным электронные трубки. Громкоговоритель, тоже из прозрачного пластика, находился в центре панели.

—Ваше имя?—повторил голос.—И пожалуйста, отвечая, положите руки на подлокотники кресла.

—Гилберт Госсейн,—тихо ответил Госсейн.

Наступило молчание. Вишнево-красные трубки неуверенно замигали.

—На первое время,—все тем же бесстрастным тоном произнесла Машина,—я принимаю это имя.

Госсейн перевел дыхание. Он почувствовал, что стоит на пороге великого открытия, и от возбуждения ему стало жарко.

—Вам известно, кто я такой на самом деле?—спросил он.

Машина ведет разговор не только с ним одним, но одновременно с десятками тысяч людей, сидящими каждый в своей кабине.

—Ваш мозг не содержит нужной информации?—услышал он.— Вы готовы отвечать?

—Н-но...

—Оставим этот разговор!—голос стал строже, потом смягчился.—Письменные принадлежности в одном из ящиков стола. Не торопитесь. Раньше чем через тридцать минут дверь кабинки все равно не откроется. Желаю удачи.

Вопросы были именно те, которые Госсейн ожидал: “Что такое

не-Аристотелевы концепции?“, “Что такое не-Ньютоновы концепции?“, “Что такое не-Евклидовы концепции?“.

Экзамен был не так прост, как могло показаться с первого взгляда, ведь ему предстояло не детально сформулировать определения, а показать свое понимание множественного значения слова, и при этом отметить, что каждый ответ, в свою очередь, не является однозначным. Госсейн начал с того, что всюду проставил привычные общепринятые сокращения: нуль-А, нуль-Н, нуль-Е. Он кончил писать минут через двадцать и в ожидании откинулся на спинку кресла.

—В данный момент других вопросов не имеется,—сказала Машина.

Это, видимо, должно было означать, что их разговор еще не закончен, и, действительно, к концу двадцать пятой минуты из громкоговорителя вновь послышался голос:

—Не удивляйтесь, пожалуйста, что первое испытание показалось вам столь несложным. Помните, никто не ставит перед собой задачи провалить как можно большее количество испытуемых. Наша общая цель—гармоничное развитие личности, умение правильно использовать имеющуюся в человеке сложную нервную систему. Это может быть осуществлено только в том случае, если каждый гражданин Земли выдержит тридцатидневные Игры. Что же касается сегодняшнего дня, не сдавшие экзамена уже оповещены. Им придется ждать будущего года. Желаю все остальным—к счастью, их более девяноста девяти процентов—успеха завтра.

Госсейн вложил исписанные листки в раскрывшуюся щель. Телевизионное устройство произвело быструю сверку и подтвердило правильность ответа. Через несколько минут экзамен будет держать другая группа из двадцати пяти тысяч участников.

—Вы хотели о чем-то спросить меня, Гилберт Госсейн?—произнесла Машина.

Госсейн вздрогнул.

—Да. Почти все мои представления являются ложными. Это было сделано с какой-то определенной целью?

—Безусловно.

—Кем?

—Ваш мозг не содержит нужной информации.

—Тогда откуда вы знаете?

—Полученные данные позволяют прийти лишь к одному логичному выводу. Тот факт, что ваши иллюзии имели прямое отношение к Патриции Харди, говорит о многом.

Госсейн заколебался, потом все же высказал мысль, пришедшую ему в голову.

—Многие душевнобольные были убеждены, что олицетворяют собой какие-нибудь известные личности: Я—Цезарь, Я—Наполеон, Я—Тарг, Я—муж дочери президента Земли. Относится ли моя уверенность к той же категории?

—Конечно, нет. Самое сильное убеждение может быть внуше-

но с помощью гипноза. Например, ваше. Именно поэтому вы относительно легко избавились от чувства горя, когда поняли, что Патриция жива. Однако последствия нервного шока еще не устранены полностью.—Наступило непродолжительное молчание, потом Машина вновь заговорила, и в ее голосе неожиданно проскользнули нотки грусти.—Я—всего лишь неподвижный мозг, и не совсем ясно представляю себе, что происходит в дальних уголках нашей планеты. Вы будете удивлены и разочарованы, но я могу лишь гадать, какие планы вынашивают те или иные люди.

—Но хоть что-нибудь вам известно?—спросил Госсейн.

—Вы играете большую роль в осуществлении этих планов, но не знаю, какую именно. Я советую вам обратиться к психиатру и сфотографировать кору головного мозга, иначе я не могу вынести никакого определения. Больше мне нечего вам сказать. До свидания, до завтра.

Раздался щелчок, и дверь автоматически открылась. Госсейн вышел в коридор, помедлил, потом направился к выходу, пробираясь сквозь толпу людей.

Он оказался на мощеном бульваре. К северу, примерно в четверти мили, в геометрическом порядке стояли здания, а дальше—дворец Президента, окруженный деревьями и клумбами цветов.

Он был невысок, и зеленый фон очень красиво оттенял его благородные архитектурные линии. Но Госсейну было не до того. Мозг его рассчитывал, обдумывал, сопоставлял факты. Там жили президент Харди и его дочь Патриция, и их причастность к происходящему не вызвала сомнений. Но для чего внушать ему, что он женат на покойнице? Это казалось бессмысленным. Не подвернись Нордегг, все равно любой детектор лжи в отеле тут же вывел бы его на чистую воду.

Госсейн повернулся и пошел обратно в город. Он перекусил в небольшом ресторанчике у реки, попросил принести телефонный справочник и принялся листать пожелтевшие страницы. Он знал имя нужного ему человека и наткнулся на него почти сразу же.

ЭНРАЙТ, ДЭВИД ЛЕСТЕР, психолог
709 Дом Искусства Медицины

Энрайт написал несколько книг, которые рекомендовались для прочтения каждому желающему выдержать более чем десятидневное испытание Игр. Читать их было одним наслаждением, и Госсейн тут же вспомнил ясность мысли, внимательное отношение к слову, широту интеллекта автора и то понимание неразрывной связи, полного единения тела и мозга, которые сквозили в каждой строчке.

Захлопнув справочник, Госсейн вышел на улицу. Он чувствовал себя легко и спокойно. В нем пробудилась надежда. Он не забыл книг Энрайта, а, значит, в амнезии не было ничего страшного. Знаменитый врач вылечит его в два счета.

—Доктор Энрайт принимает только по предварительной записи,—объявил секретарь в приемной.—Приходите через три дня, в

14.00. Я могу выделить вам один час, однако вы должны заранее оплатить счет в двадцать пять долларов.

Госсейн отсчитал деньги, взял расписку и ушел. Он не огорчился: к хорошему врачу все еще трудно было попасть, так как большое человечество только-только начинало постигать мир нуль-А концепции.

Вновь очутившись на улице, он с любопытством посмотрел на один из самых мощных автомобилей, который ему когда-либо доводилось видеть. Сверкая в лучах послеполуденного солнца, огромная машина пронеслась мимо и остановилась футах в ста от паребрика. Человек в ливрее, сидевший рядом с шофером, быстро выскочил на панель и открыл заднюю дверцу.

Из автомобиля вышла Тереза Кларк. Темное вечернее платье почти не худило ее, но лицо казалось чуть полнее и не таким загорелым. Тереза Кларк! Имя, потерявшее всякий смысл на фоне сверкающего великолепия.

—Кто это?—спросил Госсейн стоявшего рядом мужчину, зная, какой последует ответ.

Тот посмотрел на него, удивленно приподняв брови.

—Патриция Харди, дочь президента. Насколько я понимаю, полная неврастеничка. Посмотрите на ее машину в форме огромного бриллианта...

Госсейн отвернулся, перестав слушать. Он совсем не хотел быть узнанным, пока не решит, как вести себя дальше. Нелепо было предполагать, что ночью она опять придет на заброшенную стоянку к совершенно незнакомому ей человеку.

Но она пришла.

Госсейн спрятался в тени, задумчиво глядя на туманную фигуру девушки. Он выбрал удачное место. Она стояла к нему спиной и даже не подозревала о его присутствии. Он допускал мысль, что попал в ловушку, хотя заранее тщательно исследовал весь квартал и не обнаружил ничего подозрительного. Но он рискнул, не колеблясь ни секунды. Эта девушка была единственной ниточкой к тайне, которую он сам не мог разгадать, Госсейн с любопытством наблюдал за ней, насколько позволяла сгущающаяся темнота.

Вначале она сидела, подоткнув под себя правую ногу. В течение десяти минут она переменила позу пять раз. Дважды она вставала на месте, чертила на траве пальцем какие-то фигуры и один раз вынула портсигар, но тут же бросила его назад в сумочку, так и не закулив. Время от времени она покачивала головой, как бы споря сама с собой, пожимала плечами и складывала руки на груди, вздрагивая от холода; три раза она явственно вздохнула и примерно минуту сидела, не шевелясь.

Прошлой ночью Тереза Кларк так не нервничала. Вернее, совсем не нервничала, если не считать того эпизода, когда она прикинулась испуганной преследующими ее бандитами. Ожидание, решил Госсейн. Она привыкла находиться в обществе и управлять людьми, а оставшись в одиночестве, просто потеряла терпение.

Что сказал о ней мужчина сегодня утром? Неврастеничка. Да, вне всякого сомнения. Кроме того, в детстве она явно не получила нуль-А воспитания, необходимого для развития определенных умственных навыков. Почему это могло произойти в семье такого цельного и просвещенного человека, как президент Харди, оставалось для Госсейна загадкой. Но как бы то ни было, таламус полностью контролировал ее поступки. Он бы не удивился, узнав, что у нее бывают нервные срывы.

Стало совсем темно, но он продолжал наблюдать за ней. Через десять минут она встала, потянулась, потом вновь уселась на землю. Сняв туфли и повернувшись на бок, она легла на траву лицом к Госсейну. И увидела его.

—Все в порядке,—мягко заверил ее Госсейн.—Это я. Вы, наверное, слышали мои шаги.

Он говорил, не думая, лишь бы успокоить девушку, которая вздрогнула от неожиданности и подскочила на месте.

—Вы меня напугали,—сказала она.

Но голос ее был спокоен и тих, и он вновь подумал о том, насколько четко таламус контролирует ее эмоции. Он опустился рядом с ней на траву, вдыхая в себя ароматы ночи. Вторые сутки Игр! Трудно поверить. Издалека до него доносился городской шум: тихий, слабый, ничем не угрожающий. Куда же подевались грабители и воры? Может быть, годы и общая образовательная система уменьшили их число и от бандитов остались лишь страшные легенды да несколько изгоев, которые грабили ночами беспомощных людей? Да нет, вряд ли. Преступников, конечно, стало меньше, и когда-нибудь они вообще исчезнут, но мозг оставшихся пока что приспосабливается к структуре изменяющейся вокруг Вселенной. И где-то строили планы насилия и приводили их в исполнение. Где-то? Может быть, здесь.

Госсейн посмотрел на девушку. Затем мягко заговорил. Он описал ей свое положение, рассказал, как его выгнали из гостиницы, об амнезии, ложной памяти, нелепой уверенности в том, что был женат на Патриции Харди. “А затем,—более резко добавил он,—выяснилось, что она не только жива, но к тому же еще и дочь президента”.

—Правда ли,—спросила Патриция,—что все психологи, к одному из которых вы собираетесь обратиться, выдержали испытания Игр, отправились на Венеру, а потом вернулись практиковать обратно на Землю? И что кроме них никто другой не может быть психиатром или врачом смежной профессии?

Госсейн никогда не задумывался об этом.

—А ведь верно,—ответил он.—Учиться, конечно, может каждый, но...

Внезапно он почувствовал неистребимое желание как можно скорее попасть на прием к доктору Энрайту. Как много нового сможет он узнать! И тут же понял, что ему следует быть крайне осторожным, ведь совершенно непонятно, почему она, никак не

отреагировав на его рассказ, вдруг задала совершенно неуместный вопрос. Выражение ее лица невозможно было разглядеть в темноте.

—Вы хотите сказать, что даже не подозреваете, кто вы такой на самом деле?—вновь прозвучал ее голос.—И не помните, как очутились в отеле?

—Я знаю, что ехал в автобусе из Кресс-Вилледж до аэропорта в Ноледи,—сказал Госсейн.—И совершенно отчетливо помню себя на борту самолета.

—Вас там чем-нибудь кормили?

Госсейн задумался. Мир, в который он сейчас пытался проникнуть, был вымышленным, не существовал более, канул в прошлое. Но хоть память—понятие абстрактное, она тесно связана с конкретными физическими действиями, и если они не производились, вывод ясен: он не завтракал и не обедал, пока не очутился в городе.

—И вы действительно не представляете себе, в чем дело?—продолжала говорить девушка.—У вас нет ни цели, ни планов. Вы просто живете, сами не зная зачем?

—Да,—ответил Госсейн.

И стал ждать.

Молчание было долгим. Слишком долгим. И нарушила его не девушка. Кто-то навалился на него, прижимая к траве. Туманные фигуры появились из-за кустов. Ему удалось вскочить на ноги, откинуть первого из нападавших в сторону. Ужас, сдавивший горло, заставил бороться даже тогда, когда множество рук держало его с такой силой, что всякое сопротивление казалось бессмысленным.

—Порядок,—произнес мужской голос.—Сажайте их в машины и поехали отсюда.

Его кинули на заднее сиденье просторного седана, и Госсейн успел подумать, появились ли они в ответ на сигнал девушки? Или он стал жертвой обычных бандитов?

Автомобиль резко рванулся вперед, и временно это потеряло для него всякое значение.

IV

Наука—не что иное, как здравый смысл и логика.

*Станислав Лецинский,
король Польши, 1763*

Автомобили мчались по пустым улицам: два впереди, три—сзади. В одном из них была Патриция Харди, но как он ни старался, ему не удалось увидеть ее сквозь ветровое стекло или зеркальце заднего обзора. Впрочем, сейчас это не имело значения. Приглядываясь к своим похитителям, он все больше убеждался, что они не простые бандиты.

Он задал вопрос человеку, сидящему справа. Ответа не последовало.

довало. Он повернулся налево. Прежде, чем Госсейн успел произнести хоть слово, мужчина сказал:

—Нам запрещено разговаривать с вами.

“Запрещено!” Значит, еще ничего не потеряно. Госсейн облегченно откинулся на спинку сиденья. Через некоторое время они резко свернули в тоннель и минут пять неслись с бешеной скоростью, включив фары. Неожиданно впереди забрезжил свет, и мягко выкатившись в полукруглый, закрытый со всех сторон двор, машины замедлили ход, останавливаясь у больших дверей.

Захлопали дверцы. Госсейн увидел девушку, выбравшуюся из головного автомобиля и направившуюся к нему.

—Чтобы все стало ясно,—сказала она,—меня зовут Патриция Харди.

—Да,—ответил Госсейн.—Я видел вас сегодня утром.

Глаза ее расширились.

—Глупец!—воскликнула она.—Зачем же вы пришли?

—Я должен знать, кто я такой на самом деле.

Видимо, в голосе его прозвучало отчаяние, потому что тон Патриции смягчился.

—Бедный дурачок,—сказала она.—Ведь именно сейчас они готовятся к решительному шагу, и все отели полны соглядатаев и шпионов. То, что сказал о вас детектор лжи, было доложено в ту же секунду. А они просто не могут позволить себе рисковать.—Она замолчала, потом, поколебавшись, добавила:—Вам остается лишь надеяться, что Торсон вами не заинтересуется. Мой отец пытается убедить его произвести тщательное обследование, но пока безрезультатно.

Бросив на него быстрый взгляд, она пробормотала “Простите меня” и, резко повернувшись, направилась к двери, открывшейся при прикосновении ее руки. На какое-то мгновение он увидел ярко освещенную гостиную. Прошло минут десять. Затем из входа напротив вышел огромного роста мужчина с ястребиным носом. Остановившись рядом с Госсейном, он иронически улыбнулся.

—Значит, вот кто представляет для нас грозную опасность?—сказал он.

Не обращая внимания на оскорбительный тон, Госсейн внимательно посмотрел на стоящего перед ним гиганта, и внезапно до него дошел смысл сказанного. Он был уверен, что его попросят выйти из машины. Теперь же, откинувшись на сиденье, он задумался над услышанным: его считала опасным! С какой стати? Гилберт Госсейн прошел курс нуль-А обучения, но деятельность его мозга была нарушена амнезией. Даже если он выдержит тридцатидневное испытание Игр, то отправится на Венеру в числе тысячи точно таких же людей. Чем он отличается от них?

—Ах, молчание,—протянул мужчина с ястребиным носом.—Насколько я понимаю, нуль-А пауза. В любой момент мы можем ждать, что кора вашего головного мозга начнет контролировать затруднительное положение, в котором вы очутились, и из ваших уст польются умные речи.

Госсейн с любопытством посмотрел на него. Ироническая усмешка почти исчезла, выражение лица было не таким жестоким, поза — расслаблена.

— Я могу лишь предположить, — сказал Госсейн с жалостью в голосе, — что вы провалились на Играх по всем показателям и поэтому сместесь над ними. Бедняжка!

Гигант рассмеялся.

— Пойдемте, — сказал он. — Вас ждет сюрприз. Кстати, меня зовут Торсон, Джим Торсон. Я не боюсь представиться, ведь у вас нет ни одного шанса рассказать кому-нибудь о нашей встрече.

— Торсон! — как эхо повторил Госсейн.

Повинуясь жесту, он молча выбрался из машины и прошел в резную дверь здания, где жили президент Харди и его дочь Патриция.

Самым серьезным образом он начал обдумывать возможность побега. Только не сейчас. Еще рано. Даже странно, что узнать правду о себе казалось ему важнее всего на свете.

Длинный мраморный коридор привел их к большой дубовой двери. Торсон толкнул ее, пропуская Госсейна вперед и чему-то улыбаясь. Стражники, следовавшие за Госсейном, остались снаружи.

В комнате было трое человек, среди них Патриция Харди. Один из мужчин, лет сорока пяти и довольно приятной наружности, сидел за столом. Внешность второго невольно привлекала к себе внимание.

С ним произошел несчастный случай, и видом своим он напоминал чудовищного монстра. Странно было смотреть на руку и ногу из пластика, на спину в полупрозрачной оболочке. Череп казался сделанным из дымчатого стекла, даже без признаков ушных раковин. Два человеческих глаза сверкали из-под гладкого высокого купола. Если можно было так сказать, в чем-то ему повезло. От глаз и ниже он сохранил человеческие черты лица: нос, рот, подбородок, шею. Об остальном можно было лишь гадать, а в данный момент Госсейн думал о другом. Он наконец пришел к выводу, как ему следует себя вести: чем смелее, тем лучше, и, глядя прямо на инвалида, произнес:

— Какого черта?

Монстр хохотнул басом. Потом заговорил глубоким, низким голосом:

— Давайте считать меня неизвестной величиной, "X".

Госсейн перевел взгляд на девушку. Патриция не опустила пред ним глаз, но щеки ее покрыл легкий румянец. Она успела переодеться в вечернее платье и теперь ничем уже не напоминала Терезу Кларк.

Как ни странно, ему куда неприятнее было смотреть на Майкла Харди. Мысль о том, что президент Земли является самым обычным заговорщиком, никак не укладывалась в сознании.

Намечалось преступление, иначе невозможно было объяснить поведение Патриции и Торсона, эксперимент с его мозгом. Даже

Машина намекала на планы какого-то заговора, в котором замешаны Харди.

Колючий взгляд президента и его тонкие губы скрашивала улыбка человека, привыкшего нравиться публике, но умеющего отдавать приказы и четко следить за их исполнением, способного прервать или довести до конца любой самый неприятный разговор. Подняв голову, он произнес:

—Госсейн, каждый из нас был бы обречен на крайне незначительное положение в обществе, согласись он с мнением Машины и подчинись ее решению. Люди мы необычайно одаренные, способные на многое, но в самой природе нашей заложены жестокость и безжалостность, которые в обычных условиях никогда не позволили бы нам добиться значительных успехов. Девяносто девять процентов истории человечества сотворили такие, как мы, и можете не сомневаться, данный случай—не исключение.

Госсейн смотрел на него и чувствовал, как тяжесть сдавливает ему сердце. С ним говорили слишком откровенно. Либо заговорщики готовы были действовать, либо ему действительно угрожала смерть. Харди продолжал:

—Я сказал вам все это лишь для того, чтобы в дальнейшем вы неукоснительно выполняли мои распоряжения. Госсейн, несколько человек держат вас под прицелом, так что давайте без фокусов. Садитесь в кресло,—он махнул правой рукой,—и не сопротивляйтесь, когда на вас наденут наручники.—Он повернул голову.—Торсон, принесите необходимую аппаратуру.

Госсейн прекрасно понимал, что у него нет ни малейшего шанса на побег, пока он находится в этой комнате. Усевшись поудобнее, он протянул руки Торсону и с напряженным любопытством стал смотреть, как тот подкатил столик на колесах с небольшими, хрупкими на вид приборами. Не говоря ни слова, гигант начал прикреплять к телу Госсейна полукруглые, напоминающие маленькие чашечки, присоски; шесть—к голове и лицу, шесть—к горлу, плечам и лопаткам.

Подняв голову, Госсейн увидел, как Харди и "Х" горящими глазами наблюдают за происходящим. Девушка сидела в кресле, поджав под себя ноги, с сигаретой в руке. Она курила, не затягиваясь, нервно выпуская изо рта клубы дыма.

Единственным спокойным человеком в комнате был Джим Торсон. Закончив последние подсоединения, он вопросительно посмотрел на Майкла Харди. И в эту минуту Госсейн нарушил молчание.

—Мне кажется, вы все-таки должны меня выслушать,—сказал он.

Его захлестнула горячая волна отчаяния, перехватило дыхание, сдавило горло. "Что же это происходит?—подумал он.—Как можно подвергать такому унижению человека, не нарушившего никаких законов, на Земле, давно покончившей с войнами, в году 2560-м?"

—Я чувствую себя как ребенок, попавший в сумасшедший

дом,—сказал он хриплым голосом.—Во имя самой логики, скажите, чего вы добиваетесь, и я постараюсь сделать все, что в моих силах.

—Естественно,—продолжал он,—я ценю свою жизнь больше, чем ту информацию, которую вы намерены получить. Я заявляю это совершенно открыто, потому что в нуль-А мире отдельная личность не определяет судеб человечества, не является незаменимой, какими бы способностями она ни обладала. Самые гениальные изобретения никогда не нарушат равновесия сил и не помогут, например, выиграть войну, если цивилизацию защищают отважные люди. Это доказано историей.—Он вопросительно посмотрел на Майкла Харди.—Может быть, так оно и есть? Прежде чем потерять память, я сделал какое-нибудь важное открытие?

—Нет,—басом проговорил "Х". Заинтересованно посмотрев на Госсейна, он добавил:—Любопытный случай. Ведь он действительно не знает ни своей цели, ни даже своего имени, и тем не менее его появление в данный момент исключает простое совпадение. То, что детектор лжи в отеле не смог определить, кто он такой, случай беспрецедентный.

—Но он не лжет.—Патриция Харди спустила ноги на пол, отведя в сторону руку с сигаретой. Голос ее был искренен, звучал убедительно.—Детектор лжи заявил, что мозг этого человека не содержит нужной информации.

Рука из пластика покровительственно махнула в сторону. Низкий голос прозвучал снисходительно.

—Моя милая, я ведь не спорю. Но не всякой машине можно верить. Гениальный мистер Крэнг и я...—голос его стал многозначителен,—доказали это, к удовлетворению многих, в том числе и вашего отца.—Он глубоко вздохнул.—Я считаю, нам не следует принимать во внимание утверждения Госсейна, пока мы не произведем самого тщательного обследования.

Президент Харди кивнул.

—Он прав, Пат. Как правило, человек, убежденный в том, что женат на моей дочери, обычный шизофреник. Однако его появление именно сейчас требует проверки, а показания детектора лжи настолько необычны, что, как видите,—тут он махнул рукой,—это заинтересовало даже Торсона. Лично я считаю, что здесь не обошлось без агентов Галактической Лиги. Ну да ладно. Посмотрим. Что вы собираетесь делать, Джим?

Торсон пожал плечами.

—Пробриться сквозь заслоны памяти мозга и выяснить, кто он такой.

—Кстати,—вставил "Х",—чем меньше людей будут знать о полученной информации, тем лучше. Это к вам относится, мисс Харди.

Губы девушки сжались в тонкую линию.

—Еще чего!—сказала она, вызываясь откинув голову назад.—В конце концов, я рисковала собой.

Ей никто не ответил. Калеска не отрывал от нее взгляда, который даже Госсейну показался неуместным. Патриция Харди неуверенно заерзала в кресле, потом посмотрела на отца, как бы ожидая поддержки. Великий человек старательно отвел глаза и заерзал в кресле.

Она встала, презрительно выпятив нижнюю губу.

—Значит, и ты теперь под каблуком,—иронически протянула она.—Только не думай, что я его боюсь. В один прекрасный день я всажу в него пулю, и ни одному хирургу в мире не удастся заделать дырку пластиком.

Она вышла из комнаты, изо всех сил хлопнув дверью.

—Не будем терять времени,—тут же произнес Харди.

Возражений не последовало, Госсейн увидел, как пальцы Торсона на какое-то мгновение замерли над пусковым устройством. Затем раздался щелчок, и послышалось низкое гудение. Тело его непроизвольно напряглось в ожидании шока, но он ничего не почувствовал. Госсейн в недоумении посмотрел на вибрирующий ящик, внутри которого перемигивались разнообразные электронные трубки. Контролировали ли они скорость невидимого движка, усиливали ли звук, занимались ли превращением энергии или выполняли еще какую-нибудь функцию из сотен возможных, он понятия не имел.

Часть трубок торчала из полупрозрачных отверстий, остальные находились внутри, слишком чувствительные, чтобы их можно было подвергать воздействиям комнатной температуры и яркого света.

От непрерывного сверкания у него заболели глаза. Он все время моргал, пытаясь унять тскующие слезы. Огромным усилием воли Госсейн заставил себя отвернуться. Видимо, движение было слишком резким. Что-то взорвалось у него в мозгу, и голова мгновенно начала раскалываться от боли.

Ему показалось, что он очутился на дне глубокого моря. Огромное давление сковало его со всех сторон. Откуда-то издали доносился голос Торсона, спокойно объясняющего своим слушателям:

—Это очень интересный прибор. Он воспроизводит энергию, типа нервной, и с помощью импульсов передаст ее через двенадцать электродов-присосок, заставляя следовать каналам человеческого тела и пути наименьшего сопротивления, преодолевая любые препятствия, не превышающие примерно одного процента отклонения от нормы.

Госсейну никак не удавалось сосредоточиться. В голове мелькали обрывки мыслей, в ушах звенел назойливый голос Торсона.

—С медицинской точки зрения создание искусственной нервной энергии примечательно тем, что ее можно сфотографировать. Через несколько минут я сделаю несколько снимков и проявлю негативы. Один из кадров при увеличении покажет, в какой именно части мозга сконцентрирован центр памяти. Природа ее давным-давно научно обоснована, и нам остается лишь выбрать группу клеток, содержащую необходимые данные, а затем с помощью того

же прибора направить энергетический поток, который заставит испытуемого высказать словами то, что он вспомнит.

Он щелкнул выключателем и вытащил из камеры пленку.

—Присмотрите за ним!—бросил он и вышел из комнаты.

Последняя фраза была явно лишней. Вряд ли Госсейн сейчас удержался бы на ногах. Комната плыла у него перед глазами, как у ребенка, которого слишком долго крутили в одну сторону. Когда Торсон вернулся, он все еще никак не мог прийти в себя.

Гигант вошел неторопливо, ни на кого не глядя, и направился прямо к Госсейну. Держа в руке две фотографии, он остановился перед пленником и молча уставился на него.

—Что такое?—раздался встревоженный голос Харди.

Торсон резко отмахнулся, как бы приказывая замолчать. Жест его был просто неприличен, более того, казалось, он сделан чисто механически. Торсон стоял совершенно неподвижно, и внезапно Госсейн понял, насколько он отличается от остальных людей, как тщательно прячет свою истинную сущность. Под маской холодного презрения скрывался чудовищный комок нервов, колоссально развитый мозг, не подчиняющийся никаким приказам, самостоятельно оценивающий, уверенный в себе. Если он с чем-то соглашался, значит, так было надо. Если нет—последнее слово оставалось за ним.

“Х” медленно подкатился в кресле и осторожно взял снимок из рук Торсона. Один из них он протянул Харди. Оба склонились над фотографиями, но каждый отреагировал по-своему.

“Х” вздрогнул и выпрямился. Он был выше ростом, чем казалось Госсейну, примерно пять футов одиннадцать дюймов. Пластиковая рука на шевелилась, намертво прикрепленная к оболочке груди. На лице, как ни странно, появилось испуганное выражение. Он проговорил хриплым шепотом:

—Хорошо, что он не попал к психиатру. Мы успели вовремя.

Майкл Харди выглядел раздраженным.

—Что вы раскудахтались? Не забывайте, я занял свой пост лишь потому, что удалось взять под контроль Игры Машины. Я никогда не понимал всю эту нуль-А ерунду о человеческом мозге, и ваша пленка ни о чем мне не говорит. Я вижу лишь какое-то яркое пятно.

На этот раз Торсон ответил. Он подошел к Харди и принялся шептать ему на ухо, указывая на снимок. Лицо президента побледнело как мел.

—Его необходимо убить,—резко сказал он.—Немедленно.

Торсон раздраженно покачал головой.

—Зачем? Что он может? Закричать на весь мир?—В голосе его вновь проскользнули профессиональные нотки.—Обратите внимание, что вокруг нет четких линий.

—Но если он поймет, как управлять этим?—спросил Харди.

—Ему потребуются месяцы упорного труда!—громко возразил “Х”.—За двадцать четыре часа невозможно научиться управлять

даже мизинцем! Они вновь принялись шептаться, и в конце концов Торсон возмущенно воскликнул:

— Может, вы считаете, он сумеет сбежать из нашей тюремной камеры? Или вы просто начитались Аристотелевой фантастики, где герой всегда побеждает?

В конечном итоге не оставалось сомнений, чья именно точка зрения возьмет верх. В комнату вошли стражники и, подчиняясь приказу, снесли его на четыре этажа вниз, в помещение со стальными стенами, полом и потолком. Еще одна лестница вела в камеру, и, прочно установив кресло вместе с прикованным к нему Госсейном, они поднялись наверх. Зашумел мотор, и лестница исчезла сквозь люк в потолке в двадцати футах над его головой. Стальная крышка захлопнулась, послышался звук задвигаемых запоров. Наступила тишина.

V

Госсейн сидел в кресле не шевелясь. Сердце его сильно билось, В висках стучало, к горлу подступила тошнота. По телу потекли ручейки пота.

“Я боюсь,— подумал он.— Никогда еще мне не было так страшно”.

Страх—чувство, присущее клеткам живой материи. Цветок, закрывающий лепестки на ночь, подвержен страху темноты, но у него нет нервной системы, передающей импульс, и нет таламуса, способного эмоционально отреагировать на полученный сигнал. Человеческое существо является физико-химической структурой, воспринимающей жизнь и осознающей ее с помощью сложной нервной системы. После смерти тело и сознание исчезают, личность продолжает существование лишь как серия искаженных импульсов в памяти других людей. Пройдут годы, и они начнут становиться все слабее и слабее, а за полвека исчезнут вовсе. Может быть, еще какое-то время останется его изображение на фотографической карточке.

“Ничего меня не спасет,— с ужасом подумал он.— Я умру. Умру”.— И неожиданно почувствовал, что теряет контроль над собой.

На потолке вспыхнула яркая лампа, люк откинулся в сторону. Незнакомый голос произнес:

— Да, мистер Торсон. Все в порядке.

Прошло несколько минут, затем зашумел невидимый мотор и лестница поползла вниз, ударившись нижним концом о металлический пол. Несколько рабочих внесли стол и самую разнообразную аппаратуру, среди которой находился уже знакомый ему прибор. Тщательно расставив все по местам, они быстро ушли.

Их места заняли два ретивых охранника. Они молча проверили наручники, осмотрели Госсейна со всех сторон и тоже удалились. В душной маленькой камере не было слышно ни звука.

Затем вновь раздался металлический щелчок, и люк на потолке открылся. Госсейн вжал голову в плечи, в полной уверенности, что сейчас появится Торсон. Но по ступенькам сбежала Патриция Харди. Быстро отомкнув наручники, она прошептала тихим, настойчивым голосом:

—Поднимитесь наверх и сверните в холле направо. Футах в ста, под лестницей, увидите небольшую дверь. На втором этаже расположены мои комнаты. Может, их и не будут обыскивать—не знаю. Больше я ничем не могу вам помочь. Удачи!

Она тут же повернулась и, не оборачиваясь, выбежала из камеры. Затекавшее тело Госсейна отказывалось повиноваться, мускулы болели, он спотыкался на каждой ступеньке. Но указания девушки были точными. И, добравшись до ее спальни, он почувствовал себя значительно лучше.

Легкий запах духов держался в воздухе. Завешенная пологом кровать стояла сбоку от широких окон, и Госсейн остановился и долго смотрел на сверкающий атомный маяк Машины. Он казался таким близким, что ему захотелось протянуть руку и потрогать неугасимый свет.

Госсейн не верил, что его не будут искать у Патриции Харди. К тому же лучше действовать сейчас, пока побег еще не обнаружен. Он выглянул из окна и, вздрогнув, отпрянул в сторону при виде группы вооруженных людей, прошедших внизу гуськом. Он мельком успел заметить, как двое из них притаились за кустом, видимо, заняв там наблюдательный пост.

Он решил осмотреть другие комнаты. Меньше минуты потребовалось ему, чтобы выбрать одну из них, небольшую, но с балконом, выходящим на другую сторону дома. В худшем случае можно просто спрыгнуть и постараться уйти в город, пробираясь от куста к кусту. Он тяжело опустился на красивую деревянную скамейку перед огромным, в полный рост, зеркалом. Теперь настало время подумать о странном поведении Патриции Харди.

Она рисковала головой. Причина оставалась непонятной, хотя не вызвало сомнений, что ей неприятно было играть порученную роль, и она чувствовала себя в чем-то виноватой перед Госсейном.

Из коридора послышался звук ключа, повернувшегося в замочной скважине, и через несколько секунд он услышал ее тихий голос:

—Вы здесь, мистер Госсейн?

Он молча открыл дверь, и некоторое время они стояли, глядя друг на друга через порог. Девушка первая нарушила молчание.

—Что вы собираетесь делать?

—Добраться до Машины.

—Зачем?

Госсейн заколебался. Патриция Харди помогала ему и поэтому заслужила доверия. Но не следовало забывать, что она—неврастеничка и могла поддаться порыву, даже не понимая, чем это грозит. Невесело улыбнувшись, она вновь заговорила:

—Не глупите и не пытайтесь спасти человечество. Вы не в силах что-либо изменить. Заговор касается не просто Земли, а всей Солнечной системы. Мы—пешки, которые переставляют люди со звезд.

Госсейн уставился на нее.

—Вы с ума сошли,—сказал он.

Внезапно он почувствовал себя опустошенным, окружающий мир потерял для него всякую реальность. Он хотел что-то произвести и не смог. В ушах его звучали слова Харди о Галактической Лиге. Тогда он, по вполне понятной причине, не обратил на них никакого внимания. Сейчас... Мозг его попытался осознать услышанное и отступил, как перед непреодолимым препятствием, сконцентрировавшись лишь на одной мысли.

—Люди?—как эхо повторил он.

Девушка кивнула.

—Только не спрашивайте откуда. Я сама ничего не знаю. Хорошо еще, что—люди, а не какие-нибудь инопланетные чудовища. Уверю вас, Машина бессильна.

—Она защитит меня.

Патриция нахмурилась.

—Кто знает?—медленно сказала она и окинула его критическим взглядом.—Я не понимаю только, при чем здесь вы. Кстати, что показали исследования?

Госсейн, как умел, передал не вполне понятный разговор и добавил:

—В этом что-то есть. Машина тоже посоветовала мне сделать снимки коры головного мозга.

Патриция Харди долгое время молчала, задумавшись.

—Может, они боятся вас не напрасно,—в конце концов сказала она и неожиданно схватила его за руку.—Шш-ш-ш, кто-то идет.

Госсейн тоже услышал музыкальный звонок в дверь. Он посмотрел на балкон.

—Нет, нет, рано,—быстро произнесла девушка.—Запритесь на ключ и уходите только в том случае, если начнется обыск. Он услышал ее удаляющиеся шаги. Через некоторое время из гостиной до него донесся мужской голос.

—Жаль, что я его не застал. Почему ты ничего мне не сказала?

Теперь даже Торсон напуган.

—Откуда мне было знать, что он не такой, как все, Элдред?—спокойно ответила Патриция Харди.—Я просто встретила с человеком, забывшем свое прошлое.

“Элдред,—подумал Госсейн.—Надо будет запомнить это имя”.—Он стал слушать дальше.

—Я бы поверил кому угодно, Пат, только не тебе,—сказал мужчина.—Мне почему-то всегда кажется, что ты преследуешь какие-то свои цели. Ради всего святого, не запутайся.

Девушка рассмеялась.

— Дорогой мой, — сказала она, — если Торсон когда-нибудь заподозрит, что Эддред Крэнг, командир местной галактической базы, и Джон Прескотт, его помощник, стали нуль-А последователями, тебе не придется долго объяснять, какие цели ты преследовал.

Человек ответил ей приглушенным, испуганным голосом:

— Пат, ты совсем сошла с ума, разве можно говорить об этом вслух. И вообще, я хотел предупредить тебя, что не могу больше полностью доверять Прескотту. Он молчит и уваливает от ответов, с тех пор, как сюда прибыл Торсон. К счастью, я никогда не был с ним до конца откровенен.

Госсейн не понял, что ответила девушка, но вслед за непродолжительным молчанием раздался звук поцелуя, затем она спросила: — Вы с Прескоттом улетаете вместе?

Госсейна била дрожь.

— Это глупо, — подумал он. — Ведь я никогда не был женат на ней, и не могу позволить себе поддаться эмоциям, основанным на ложных представлениях.

Но чувство, которое он испытывал, ни с чем нельзя было спутать, и справиться с ним не помогала никакая нуль-А логика.

Музыкальный звонок прервал ход его мыслей. Входная дверь открылась, и незнакомый голос громко произнес:

— Мисс Патриция, нам приказано обыскать ваши комнаты в связи с побегом важного преступника... Прошу прощения, мистер Крэнг, я вас сразу не заметил.

— Ничего страшного, — сказал мужчина, целовавший Патрицию Харди. — Можете осмотреть помещение, но только быстро.

— Слушаюсь, сэр.

Госсейн решил не дожидаться дальнейшего развития событий. Рядом с балконом росли деревья, и ему удалось довольно легко спуститься вниз. Бросившись ничком на землю, он стал осторожно пробираться вперед, от куста к кусту, стараясь двигаться в направлении Машины.

Ему оставалось проползти футов сто, когда несколько автомобилей на полной скорости вылетели из-за деревьев и, резко затормозив, расположились полукругом. Защелкали выстрелы.

Не отрывая взгляда от сверкающего маяка, Госсейн непроизвольно воскликнул:

— Помогите мне, помогите!

Машина возвышалась над ним, далекая и неприступная. Если верить легенде, она могла защищаться и охранять от вторжения всю территорию площадки горы. Создавалось впечатление, что сейчас она не считала нужным действовать, не подозревала о творящемся вокруг беззаконии.

Госсейн с лихорадочной поспешностью полз, прижимаясь к траве, когда в него попала случайная пуля. Он ощутил резкий удар в плечо, откатился в сторону и угодил прямо под энергетический луч лазера. Одежда загорелась в доли секунды. Его заметили,

и огонь стал прицельным. Пули со свистом врезались в тело, вспыхнувшее ослепительно ярким факелом.

Самым невыносимым было то, что он не потерял сознание. Он ощущал свою горящую плоть и глухие удары пуль. Даже перестав двигаться, он чувствовал, как пламя пожирает его ноги, сердце, легкие. Последняя смутная мысль, что теперь он никогда не увидит Венеры и не постигнет ее загадок, наполнила его бесконечной грустью и печалью.

VI

Странный громоподобный звук пробудил сознание Госсейна. Казалось, гремело где-то над головой, причем все сильнее.

Госсейн открыл глаза. Он лежал в тени гигантского дерева. Неподалеку высились еще два ствола, но их размеры казались настолько неправдоподобными, что он зажмурился. Он ни о чем не думал, воспринимая окружающее только на слух, как некий нео-душевленный предмет, неожиданно получивший возможность различать звуки.

Постепенно мысли его прояснились. Пока еще он не способен был к зрительному восприятию, но всем своим телом ощутил, что лежит на ровной поверхности Венеры.

Медленно пробуждающийся мозг получил толчок. Венера! Но ведь он был на Земле! Обрывки мыслей слились восдино, превращаясь в ручеек, потом в бурный поток, впадающий в бескрайнее море воспоминаний.

“Я умер,—сказал он сам себе.—Меня убили, сожгли”.

Он внутренне содрогнулся, вспомнив о перенесенных страшных мучениях, и невольно прижался к твердой почве. Прошло совсем немного времени, и тело его расслабилось. Он остался жив после смерти: этот загадочный феномен не укладывался ни в какие рамки нуль-А логики.

Страх, что боль вернется, исчезал с каждой минутой. Мысли обрели ясность, от полубессознательного состояния не осталось и следа.

Он вспомнил Патрицию Харди и ее отца, мистера “Х” и невозмутимого Торсона, заговор против нуль-А мира.

Как ни странно, Госсейн чувствовал себя сильным и добрым. Он сел, открыл глаза и увидел все тот же полумрак: значит, это был не сон.

Его окружали гигантские деревья. Неудивительно, ведь именно благодаря им он понял, что находится на Венере. О ее лесах знал каждый.

Да, несомненно.

Госсейн поднялся на ноги. Отряхнуся. Вроде бы все в порядке. Не видно даже шрамов, и тело переполняет ощущение физического здоровья.

Он был одет в шорты, рубашку с открытым воротом и сандалии. Госсейн даже вздрогнул от изумления, ведь совсем недавно его гардероб составлял брюки и куртка—скромная одежда участников Игр. Он пожал плечами. Какая разница? Главное, что кому-то понадобилось восстановить его истерзанное тело и непонятно зачем перенести в этот лес, достойный Гаргантюа. Следовало оглядеться по сторонам.

Обхват каждого из трех стволов, находившихся в поле его зрения, вряд ли уступал современным небоскрегам. Госсейн вспомнил, что знаменитые венерианские деревья вырастали до трех тысяч футов в высоту. Стоя на месте, глядя вверх, он внезапно понял, что гром, разбудивший его, затих.

Удивленно покачав головой, Госсейн сделал шаг вперед, и в это время листья зашумели, и на него вылился поток воды.

Это было как бы сигналом. Со всех сторон на землю хлынул самый настоящий водопад, и дважды он едва успел увернуться от ледяного душа. Несоизмеримо он понял, в чем дело.

Дождь. Огромные листья, чуть свернутые по краям, приняли на себя непомерную тяжесть. Но время от времени они разгибались, не выдерживая нагрузки, и тогда вода начинала течь, как из гигантского крана. Ему еще повезло, что он не угодил под ливень на открытой местности.

Госсейн осторожно выглянул из-за дерева. В полутьме трудно было что-нибудь различить, но ему показалось, что неподалеку брезжит какой-то свет. Не задумываясь, он зашагал вперед и через две минуты вышел на открытую лужайку. Перед ним простиралась долина. Слева текла широкая, бесцветная река, справа, на вершине холма, заросшего цветущим кустарником, стоял дом.

Венерианский дом! Выстроенный из камня, красиво контрастирующего с окружающей зеленью. И что самое главное, к нему можно подобраться совсем незаметно. Может быть, Госсейна специально доставили именно сюда, ведь поблизости не было других зданий.

Высокие кусты не обманули его ожиданий. Спрятавшись среди горящих пурпуром цветов, он пригнулся и внезапно увидел каменные ступени, ведущие через сад на веранду. На самой нижней из них четко выделялись крупные буквы, и ему удалось без труда разобрать надпись:

ДЖОН И АМЕЛИЯ ПРЕСКОТТ

Госсейн вздрогнул. Он помнил это имя. Патриция Харди и Крэнг упомянули его в своем разговоре.

“Если Торсон когда-нибудь заподозрит,—сказала девушка,— что Элдред Крэнг и Джон Прескотт, командир и помощник командира галактической базы, стали нуль-А последователями, то...” А затем Крэнг ответил: “Я хотел предупредить тебя, что не могу больше полностью доверять Прескотту. Он увиливает от ответов, с тех пор, как сюда прибыл Торсон”.

Теперь ясно, кто здесь живет. Джон Прескотт, который принял нуль-А концепцию умом, но пока еще не сделал ее интегральной частью своей нервной системы. И поэтому растерялся в критической ситуации.

Хорошо все-таки, что он ничего не забыл. В его положении любые сведения неоценимы. В данном случае они помогут ему особенно не церемониться. Он начал осторожно пробираться по саду. С ним поступили безжалостно, и он тоже не будет никого щадить. Необходимо получить информацию. О себе. О Венере. Ничего сложного.

Приблизившись к дому почти вплотную, Госсейн услышал женский голос. Он замер на месте, потом осторожно выглянул из-за куста, футах в десяти от веранды.

Светловолосый мужчина сидел на ступеньках и что-то говорил в наручный диктофон. Женщина стояла в дверях.

—Я, наверное, справлюсь,—говорила она.—Пациенты придут только послезавтра.—Чуть поколебавшись, она добавила:—Мне бы не хотелось быть навязчивой, Джон, но тебя так часто не бывает дома, что я перестала чувствовать себя твоей женой. И месяца не прошло, как ты вернулся с Земли, и опять куда-то собираешься.

Мужчина пожал плечами, даже не подняв головы от диктофона.

—У меня беспокойный характер, Амелия,—ответил он.—Ты ведь знаешь, я не могу усидеть на одном месте. И если я не буду активно работать, то только наделаю глупостей.

Госсейн терпеливо ждал. Казалось, их разговор окончен. Женщина вернулась в дом. Мужчина некоторое время продолжал сидеть, потом встал, потянулся и сладко зевнул. Он выглядел абсолютно спокойным и, видимо, пропустил упреки жены мимо ушей. Он был примерно пяти футов десяти дюймов ростом, с поджарой фигурой и широкими плечами, но видимость силы не имела никакого значения, если, конечно, он не прошел спортивного курса нуль-А тренировок. Непосвященные имели лишь смутное представление о возможностях человеческого организма при временном отключении центров усталости мозга.

Госсейн принял решение. Женщина назвала этого человека Джоном. Пациентов не будет несколько дней. Данных вполне достаточно. Перед ним стоял Джон Прескотт, галактический агент, выдающий себя за врача.

Известие, что он вернулся с Земли всего лишь месяц назад, ошеломило Госсейна. Патриция Харди спросила Крэнга: "Вы с Прескоттом улетаете вместе?" Она, видимо, имела в виду Венеру, ведь он жил здесь. Неужели он излечился от страшных ран всего за несколько недель? Или, может быть, Прескотт успел побывать на Земле не один раз?

"Впрочем,—подумал он,—сейчас это не имеет значения. Надо действовать, пока Прескотт, ничего не подозревая, стоит на пороге своего дома".

Итак, вперед!

Отшвыривая сандалиями комья грязи, Госсейн выскочил из-за куста. Прескотт неожиданно повернулся, увидел своего противника, и глаза его расширились от изумления. Ему даже удалось нанести первый удар. И не будь Госсейн так прекрасно физически сложен, не обладай он молниеносной реакцией, на этом их поединок и закончился бы. Но Прескотт с самого начала был обречен. Три прямых в челюсть, и Госсейн подхватил обмякшее падающее тело.

Он быстро выпрямился, держа на руках свою ношу, поднялся по ступенькам веранды и замер на месте. Ему показалось, что он слышит какие-то звуки. Все-таки драка их не была бесшумной, и женщина могла выйти любопытствовать, что случилось. Нет, все тихо. Прескотт зашевелился и застонал. Госсейн на всякий случай стукнул его еще раз и прошел внутрь дома.

Он очутился в огромной гостиной, всего в три стены, переходящей в широкую террасу, за которой благоухал цветущий сад. Еще дальше, внизу, лежала долина, окутанная туманом.

С правой стороны высокая лестница уводила на второй этаж, слева—ступеньки вели в подвал. По обим сторонам гостиной располагались двери. За одной из них громыхали кастрюли, и вскоре до него донесся запах приготовляемой пищи.

Он поднялся наверх и попал в коридор со множеством дверей. Открыв первую из них, он оказался в просторной спальне с полукруглым большим окном, из которого открывался вид на рошу гигантских деревьев. Госсейн опустил Прескотта на пол перед кроватью и, разорвав простыню на узкие полосы, крепко связал его и заткнул рот кляпом, нисколько не беспокоясь причинить вред человеку, находящемуся без сознания. Он вернулся в гостиную и прислушался. Жена Прескотта, ни о чем не подозревая, продолжала возиться на кухне. Он облегченно вздохнул и, на мгновение остановившись, решительно переступил через порог.

Она сервировала стол, расположенный в небольшой нише справа от плиты. Видимо, почувствовав в помещении присутствие постороннего человека, она повернула голову и в изумлении уставилась на Госсейна, с ног до головы забрызганного венерианской грязью.

—О господи!—сказала она и поставила тарелку на скатерть.

Госсейн нанес всего один короткий удар и мягко подхватил падающее тело. Может быть, она ничего не знала о деятельности мужа, но риск был слишком велик. Если она тоже прошла курс нуль-А обучения, то при малейшей возможности попытается освободиться и поднять тревогу.

Когда он шел по лестнице, женщина начала слабо сопротивляться, но он успел крепко связать ее, заткнуть рот кляпом и положить рядом с мужем, прежде чем она окончательно пришла в себя.

Затем он вышел из комнаты, намереваясь осмотреть весь дом, ведь победу нельзя было считать окончательной, если в нем находился еще кто-нибудь.

Вывод является истинным лишь в том случае, если он сделан на основе научных фактов.

Аристотель. Этика, около 340 г.

Это был госпиталь на пятнадцать палат, в каждой из которых стояло стандартное электронное больничное оборудование. Лаборатория и операционная находились в подвале. Госсейн переходил из комнаты в комнату. Роясь в шкафах и открывая запертые ящики столов, он решил, что постарается как можно тщательнее разведать обстановку и по возможности быстрее покинуть этот дом.

Сколько он ни искал, на глаза ему не попало никакого оружия. Значит, он даже не сможет защититься в случае необходимости. Заторопившись, Госсейн выглянул на открытую веранду, затем прошел на заднюю террасу. "Сначала надо посмотреть, нет ли кого поблизости,—подумал он,—а потом уже расспрашивать Джо-на и Амелию Прескоттов".

У него накопилось так много вопросов!

Окинув взглядом окрестности, Госсейн невольно остановился. Теперь только он понял, почему долина за садом скрывалась в тумане. Госпиталь стоял не на холме, как ему показалось вначале, а на одном из пиков горы. Он видел, как плавно спускается вниз ее склон, поросший лесом, которому, казалось, не было конца и края. Больше ему ничего не удалось разглядеть.

Неутешительно. Правда, сюда можно было попасть только воздушным путем, но заговорщикам ничего не стоило посадить робот-план прямо на террасу, а на худой конец—высадиться за поляной и незаметно пробраться в дом под прикрытием кустов.

Госсейн медленно вдохнул полной грудью удивительно свежий после дождя воздух. Несмотря на грозящую опасность, ему стало легче на душе. Он постарался отвлечься от неприятных мыслей, окунуться сознанием в погожий ясный день, ощутить его всем своим телом. Трудно было сказать, какое сейчас время суток. Солнце не проглядывало из-за облаков атмосферы, толщиной более чем в тысячу миль. Тишина вокруг звенела, и было странно, но не страшно. Никогда в жизни Госсейн не видел картины болес величественной. Время, казалось, остановилось.

Он вздрогнул. Пора действовать. Может быть, от его дальнейшего поведения зависит судьба всей Солнечной системы. Перед тем, как уйти, он бросил взгляд на небо. Никого. Несмотря на то, что его появление на Венере оставалось неразрешимой загадкой, он намного опередил своих преследователей и в какой-то мере чувствовал себя хозяином положения.

Пленники Госсейна лежали на кровати в полном сознании и явно заволновались, когда он вошел в комнату. Он, естественно, не собирался причинять им вреда, но пусть лучше остаются в не-

ведении по этому вопросу. Задумчиво посмотрев на неподвижных людей, Госсейн сделал шаг вперед.

У Амелии Прескотт были прекрасные темные волосы. Короткая блузка, шорты и сандалии только подчеркивали женственность ее фигуры. Когда Госсейн вынул кляп, первым делом она произнесла:

—Молодой человек, надеюсь, вы понимаете, что у меня на плите готовится обед.

—Обед?—невольно вырвалось у Госсейна.—Значит, скоро вечер?

Она нахмурилась.

—Кто вы?—спросила она.—Что вам нужно?

Госсейн вздохнул. Он и сам не отказался бы пожертвовать чем угодно, лишь бы выяснить правду о себе. Склонившись над мужем, он вынул кляп у него изо рта, пристально вглядываясь в умное волевое лицо. Проявленное Прескоттом самообладание говорило о цельности характера, но были ли его убеждения основаны на нуль-А принципах? Или он просто обладал качествами, присущими каждому начальнику?

Он ждал, что Прескотт заговорит, и тогда станет ясно, как вести себя дальше. Но его постигло разочарование. Мужчина смотрел на него в упор, но не произнес ни слова.

Госсейн вновь обратился к Амелии Прескотт.

—Как мне вызвать робоплан?—спросил он.

Она пожала плечами.

—Позвоните на стоянку и сделайте заказ.—На лице ее появилось странное выражение.—Кажется, я начинаю понимать,—медленно сказала она.—Вы находитесь на Венере нелегально и совсем незнакомы с нашими правилами.

—Примерно так,—чуть поколебавшись, согласился Госсейн.—И мне не надо называть регистрационного номера или своего имени?

—Нет.

—Значит, достаточно одного звонка и просьбы прислать машину? Даже без адреса?

—Конечно. Все робопланы, за исключением частных, подсоединены к общей системе обслуживания. Вызываемый аппарат точно следует сигналам видеофона.

—И это все?

Она кивнула головой.

—Да.

Госсейну показалось, что она отвечает слишком охотно. Впрочем, выяснить, лжет она или нет, не составляло большого труда. Детектор лжи. Он видел его в соседней комнате. Но детектор лжи, поставленный у изголовья кровати, произнес:

—Она говорит правду.

—Спасибо!—сказал ей Госсейн.—Сколько времени лета до вашего дома?

—Около часа.

Рядом с окном, на низком столике, стоял небольшой видеофон. Госсейн сел в кресло и нашел по справочнику нужный номер. Экран даже не засветился, молчание было гробовым. Госсейн даже вздрогнул и вновь нажал на кнопки пульта. С тем же успехом.

Он встал и сбегал по ступенькам в гостиную, к основному аппарату. Сняв заднюю крышку, он заглянул внутрь. Прозрачные электронные трубки, теплые на ощупь, светились, как обычно. Видимо, обрыв линии произошел снаружи.

Госсейн медленно поднялся на второй этаж. Он очутился в полной изоляции, ему некуда было деться. С ним происходило нечто непонятное, словно он попал в призрачный мир, откуда нет возврата. Смешно считать себя хозяином положения, когда ты остался совершенно один.

Загадочная сила, забросившая его сюда, выжидала. Чего?

VIII

Поднявшись наверх, Госсейн остановился, пытаясь собраться с мыслями. Его план потерпел крах. Он взвесил свои возможности. Да, ему остается только тщательно допросить пленников, а потом отправиться в путь пешком. Вместе с принятым решением пришло спокойствие. Он повернулся, собираясь войти в палатку, но замер, услышав голос Прескотта.

— Не понимаю, что могло случиться с видеофоном.

— Одно из двух, — задумчиво произнесла его жена. — Либо между нашим домом и, — Госсейн не разобрал названия, — кто-то поставил непринимаемый для волн экран, либо испортился аппарат.

— Но ведь при любой неисправности видеофон посылает автоматический сигнал. К нам давным-давно должна была прибыть ремонтная бригада.

Госсейн стоял не двигаясь, ожидая, что ответит женщина. Ему не верилось, что они находятся в том же неведении, как и он сам.

— Да, странно, — ответила Амелия Прескотт.

Госсейн подождал еще немного, но они умолкли. Тихо спустившись по лестнице, он вернулся на второй этаж, стараясь ступать как можно слышнее. Он не совсем ясно представлял себе, зачем нужно притворяться, тем более что сейчас дорога была каждая минута. Резко открыв дверь палаты, он спросил прямо с порога:

— Где у вас карты Венеры?

Прескотт промолчал, его жена пожала плечами.

— В лабораторном шкафу.

Госсейн быстро спустился в подвал и вытащил из нижнего ящика три карты. Он захватил их с собой, разостлал на полу и встал на колени.

— Вы не подскажете, где именно расположен ваш дом? — спросил он, подняв голову.

— Карта номер три, центральный горный хребет, — сказала

Амелия.—Когда-то я отметила госпиталь крестиком. Приблизительно, конечно. Посмотрите внимательней.

Госсейн прикинул расстояние: до Нью-Чикаго было примерно четыреста миль к северу.

—О, вполне достаточно,—ответила она на следующий вопрос.—Пурпурные ягоды, около дюйма в диаметре, большие желтые сливы, красноватые плоды, вкусом напоминающие бананы, растут буквально на каждом шагу. Всего не перечислить, но эти фрукты можно собирать круглый год, так что голодная смерть вам не грозит.

Госсейн задумчиво посмотрел на нее. Потом протянул руку и дотронулся до детектора лжи.

—Она говорит правду,—последовал ответ.

Он вновь повернулся к Амелии Прескотт.

—Вы ведь не сомневаетесь, что меня поймают?—спросил он ее.—Я правильно вас понял?

—Конечно.—Лицо ее оставалось бесстрастным.—На нашей планете не существует полиции, нет преступлений. И если изредка появляется необходимость в расследовании, оно ведется настолько быстро, что вы вряд ли мне поверите. Впрочем, вам очень скоро представится возможность убедиться в этом на собственном опыте, так что не забудьте расспросить венерианского нуль-А детектива о методах его работы. Они достаточно любопытны.

Госсейн, который только о том и думал, чтобы связаться с представителями власти на Венере, промолчал. Его обуревали сомнения. С одной стороны, он хотел немедленно покинуть госпиталь и очутиться в относительной безопасности гигантского леса. Но полная неосведомленность Амелии Прескотт не давала ему покоя.

Она была невинна. И совершенно определенно не имела отношения к заговорщикам.

С другой стороны, молчание ее мужа трудно было объяснить. Внезапно Госсейн почувствовал, что бледнеет. До сих пор ему и в голову не приходило, что его могли узнать. Прескотт отсутствовал во дворце Машины, когда Госсейна взяли в плен. Но ведь ему могла показать фотографии.

Это меняло дело. С самого начал он решил, что не скажет о себе ни единого слова. Но если Прескотт все знал, такое поведение покажется ему подозрительным, а если нет—назваться Гилбертом Госсейном было верхом глупости.

Он встал, раздираемый противоречивыми чувствами. Неожиданно он понял, что не в состоянии уйти, ничего не рассказав Амелии Прескотт. Если с ним что-нибудь произойдет, она, по крайней мере, предупредит жителей Венеры. Правда, он подвергал ее жизнь опасности, но у него созрел план действий. В конце концов, ей виднее, достоин ли Джон Прескотт доверия.

Госсейн присел на краешек кровати. Приняв определенное решение, он успокоился, почувствовав уверенность в своих силах.

Бесстрастным голосом он обратился к ним обоим, хотя его интересовала лишь Амелия. Примерно через минуту Прескотт перекатился на бок и внимательно посмотрел на него. Госсейн сделал вид, что ничего не заметил.

Через двадцать минут он умолк. В ярком свете, лившемся из окна, глаза Прескотта блеснули.

—Надеюсь, вы понимаете,—заявил он, как бы нарушив данный им обет молчания,—что в вашем рассказе присутствует один, но весьма существенный изъян.

—Мой рассказ,—ответил Госсейн, делая вид, что не видит ничего необычного в том, что Прескотт наконец заговорил,—чистая правда, от начала и до конца. Любой детектор лжи подтвердит каждое мое слово. Если, конечно...—Он замолчал и невесело улынулся.

—Да?—оживился Прескотт.—Продолжайте.

—Если мои воспоминания не подобны прежним, когда я не сомневался, что женат на Патриции Харди и не могу перенести горечи утраты после ее смерти.—Он резко переменял тему разговора:—О каком изъяне вы говорите?

Ответ последовал незамедлительно, и ясность мысли Прескотта говорила о том, что он обладает полным контролем над таламусом своего мозга.

—Вы идентифицируете себя с покойным Госсейном. Вы ясно помните момент смерти, разрывающие тело пули, энергетический луч лазера. Подумайте хорошенько. А теперь вспомните основное кредо нуль-А, которое гласит, что во Вселенной не может существовать двух идентичных предметов.

Госсейн промолчал. За окном высились деревья, уходя в голубую дымку неба; быстрая речка красовалась вечнозеленым обрамлением. Странная, гротескная обстановка для рассуждений о природе веществ органической, нейтронной и физико-химической структуре. На какое-то мгновение окружающее потеряло реальность, и ему показалось, что он вообще не принадлежит к этому миру. Удивительно. Со времени пробуждения он только и думал о несуразности, так верно подмеченной Прескоттом, ведь речь шла не о простом сходстве с убитым, а об утверждении, что они являлись одним и тем же лицом. Короче говоря, он делал подобный вывод лишь потому, что у него сохранились память и облик Гилберта Госсейна I.

Еще в глубокой древности любой студент философского факультета знал, что два одинаковых кресла отличаются друг от друга миллионами мельчайших деталей, которые невозможно различить невооруженным глазом. В человеческом мозгу количество всевозможных путей прохождения одного нервного импульса составляло десять в степени двадцать семь тысяч. Причудливые модели памяти, сложившиеся в результате жизненного опыта, невозможно было повторить искусственно даже с малой степенью точности. С аксиомами не спорят, а история неуловимо доказывала, что

не существует на свете двух одинаковых животных, снежинок, камней или атомов.

Вне всякого сомнения, Прескотт попал в самую точку. Но от фактов нельзя просто отмахнуться, они требовали тщательных исследований, бесконечных проверок.

Прескотт наблюдал за ним, чуть прищурившись.

—Надеюсь, вы не забыли,—сказал он,—что в комнате находится детектор лжи.

Госсейн посмотрел на него, как кролик на удава. Стояла ничем не нарушаемая тишина, но пульс в его висках бился, как раненая птица. У него закружилась голова, помутилось зрение, на лбу выступили крупные капли пота.

—Интересно будет узнать,—неумолимо продолжал Прескотт,—существовало второе тело на самом деле или нет.

—Да,—с трудом выдавил из себя Госсейн.—Интересно.

Теперь он уже и сам не верил тому, что с ним произошло, и не хотел ничего выяснять, хотя давно понял, что избежать проверки не удастся. Госсейн повернулся к детектору лжи. Положив руку на металлические контакты, он произнес:

—Ты слышал все, что здесь говорилось. Твое мнение?

—Подтвердить или опровергнуть ваши слова не представляется возможным. У вас суждение основано на человеческом восприятии. У вас—память Гилберта Госсейна I, включая и сцену убийства, настолько реальную, что я не могу утверждать, что вы не умерли. В вашем мозгу по-прежнему не содержится информации, позволяющей определить, кто вы такой на самом деле.

Надо было что-то решать. Госсейн наклонился, развязал женщине ноги и помог ей встать.

—Мы уйдем вместе,—пояснил он.—Примерно через милю я вас отпущу, и вы сможете вернуться и освободить мужа.

В этом и заключался его план. Он хотел остаться с ней наедине и подробно передать слова Патриции Харди—конечно, не называя ее имени—о заговоре и Прескотте, а дальше пусть решает сама.

Он рассказал все без утайки, пока они шла последние четверть мили, потом развязал ей руки. Она так долго молчала, что он добавил:

—Джон Прескотт может помешать вам предать дело огласке. Но если он верит в нуль-А принципы, не исключено, что ему придется отказаться выполнить приказ своего начальства. Крепко подумайте, прежде чем поделиться с ним тем, что я вам сообщил.

Женщина вздохнула.

—Я понимаю,—сказала она.

—Кстати, спросил Госсейн,—каков принцип работы госпиталя?—Ему давно хотелось выяснить этот вопрос.

—Разве вы не знаете?—ответила она.—Все мы работаем только на добровольных началах. Больница зарегистрирована. Когда происходит несчастный случай и требуется госпитализация, робот обзванивает ближайшие клиники. В последнее время мы в основ-

ном отказывались принимать пациентов, потому что...—Она замолчала и посмотрела на Госсейна своим ясным взглядом.—Спасибо вам за все. Большое спасибо.—Чуть поколебавшись, она добавила:—Я ничего от него не скрою, я ему верю. Но постараюсь сделать это позже, чтобы вы успели уйти.

—Желаю удачи,—только и нашел что сказать Госсейн.

Он остался стоять на месте, глядя на ее удаляющуюся фигуру. «Женщина-учитель,—подумал он,—женщина-врач, родная, все понимающая, любимая. Женщина! Не подделка, не грубая имитация мужчины. Ее поступки говорили о ней как о человеке в полном нуль-А смысле этого слова, ведь даже столкнувшись с непредвиденным и потеряв много сил, она сохранила любовь сердца и благородство души».

Он очнулся от своих мыслей и, резко повернувшись, пошел по направлению к лесу. Трава мягко пружинила под ногами и была чуть примята, как будто до него теплыми душистыми вечерами то тропинке гуляли счастливые влюбленные пары. Сладкий, необъяснимо приятный аромат висел в воздухе, омытом полуденным дождем, смешиваясь с запахом зеленой травы. Постепенно затихая, журчала речка. Он вошел в тень гигантских деревьев.

После яркого дневного света ему показалось, что он очутился в мрачной пещере. Он двигался по коридору, все время менявшему направление, расширявшемуся в огромные холлы, сужавшемуся до такой степени, что приходилось пробираться через переплетение корней, но всегда с крышей над головой, так что неба не было видно. Он понимал, что здесь легко заблудиться. Но компас поможет держать хотя бы приблизительное направление. Все равно, другого пути нет.

Постепенно тени стали сгущаться. Наступал вечер. Он уже смирился с мыслью, что придется ночевать в глухой чаше, когда, обогнув один из стволов, вышел на большую открытую поляну. Тщательно подыскав удобное место, он совсем было собрался прилечь, но в это время робоплан, бесшумно скользящий над невысоким холмом, приземлился футах в пятидесяти от него, подпрыгнул и, прокатившись вперед, остановился. В носовой его части вспыхнул прожектор. Описав короткую дугу, луч уперся в Госсейна, сверкая, как миниатюрное солнце. Из громкоговорителя послышался голос:

—Гилберт Госсейн, я ваш друг, но не могу ничего объяснить, пока вы не подниметесь на борт. Чтобы избежать ненужных споров и задержек, хочу обратить ваше внимание на автоматические ружья. Побег невозможен.

Госсейн посмотрел на уродливые дула, торчащие из отверстий фюзеляжа и следовавшие за каждым его движением. Вряд ли теперь имело значение, друг перед ним или враг.

Не говоря ни слова, он подошел к робоплану, забрался внутрь и уселся в одно из кресел. Дверь мгновенно захлопнулась. Прожектор погас. Летательный аппарат взвился в небо.

Госсейн смотрел на черную поверхность земли, постепенно теряющую очертания. Мир гигантских деревьев и высоких гор слился с ночной мглой. Робоплан без опознавательных знаков продолжал подниматься. Прошло минут пять, и постепенно они перешли в горизонтальный полет. Вспыхнул свет, и бесстрастный голос произнес:

— В течение следующих десяти минут вы можете задавать любые вопросы. Остальное я объясню перед самой посадкой.

Госсейну потребовалось несколько мгновений, чтобы понять смысл сказанного. *Любые* вопросы. Это было настолько неожиданно, что сначала он растерялся. Правда, первый из них не вызывал сомнений.

— Кто ты?

— Агент Машины Игр.

Госсейн облегченно вздохнул.

— Значит, я говорю с Машиной?

— Только косвенно. Она способна получать сообщения с Венеры, но не может передавать на межпланетных волнах.

— Ты сам по себе?

— Я следую инструкциям.

Госсейн набрал полную грудь воздуха.

— Кто я такой?

Он ждал, затаив дыхание, чувствуя огромное напряжение во всем теле.

— Мне очень жаль, но вы теряете драгоценное время, — ответил робоплан. — Я не обладаю информацией о вашем прошлом и могу дать оценку лишь происходящим событиям.

Госсейн обессиленно откинулся на спинку кресла.

— Может, это знает Машина? — с надеждой в голосе спросил он.

— Все может быть, но лично мне ничего не известно.

— Но ведь я должен хоть что-то о себе знать! — в отчаянии воскликнул Госсейн. — Скажи мне хотя бы, почему я помню, как меня убили?

— Ваше тело, — сказал робоплан, — было обезображено до неузнаваемости и почти полностью сторело. Но я понятия не имею, как получилось, что вы еще живы. Мистер Госсейн, я самым настойчивым образом рекомендую вам задавать вопросы, касающиеся положения дел на Венере. Или, может быть, вы предпочитаете, чтобы я вкратце рассказал, что происходит перед неминуемым вторжением на эту планету?

— Но черт побери! — яростно вскричал Госсейн, и тут же оборвал себя, понимая, что спорить бессмысленно. — Да, — покорно ответил он. — Наверное, так будет лучше всего.

— Чтобы понять политическую ситуацию на Венере, — сказал голос, — вам придется попытаться представить себе практически идеальную общественную формуацию. Здесь нет ни президента, ни Совета, ни правящего органа власти. Люди трудятся на доброволь-

ных началах, выбирая себе дело по душе, но не теряют при этом связи с остальными, чтобы необходимая работа выполнялась точно и в срок. Вы можете возразить: допустим, все захотят овладеть одной и той же специальностью. Этого не происходит. В каждом человеке сильно развито чувство ответственности перед обществом, и прежде чем предложить свои услуги, он тщательно проверяет, в какой именно области существует нехватка кадров.

Например, когда детектив умирает, уходит от дел или просто решает поменять профессию, он оповещает о своем намерении, а в случае смерти—объявляется конкурс. Если он жив, желающие занять его место собираются и обсуждают с ним и друг с другом свою квалификацию. Независимо ни от чего, победителем считается тот, за кого проголосует между собой большинство кандидатов.

В эту минуту Госсейн невольно отвлекся, подумав, что робоплан необычайно объективно оценивает жизнь на Венере, рисуя обнадеживающую прескрасную картину будущей цивилизации.

Голос продолжал:

—А сейчас попробуйте представить себе, что более половины соискателей, стремящихся стать детективами или судьями,—агенты заговорщиков. С помощью тщательно запланированных убийств они устранили наиболее опасных для себя людей и в настоящее время заняли ключевые позиции в детективных агентствах и судебных органах, фактически контролируя обе организации. Это произошло по прямым указаниям Прескотта, который, естественно, подозревается в...

Госсейн не выдержал:

—Одну минутку,—перебил он, сам не понимая, как очутился на ногах.—Пожалуйста, Вы хотите сказать, что...

—Я хочу сказать,—ответил робоплан,—что вас поймают в любом случае. Теперь вы понимаете, почему мне пришлось поставить непроницаемый для волн экран, когда вы пытались позвонить во видеофон. С тех пор, как сюда прибыл Торсон, псевдетективы добились разрешения на подслушивание разговоров всех подозрительных лиц. По мнению Торсона, таковыми являются и его собственные подчиненные. Так что не ждите помощи от Крэнга. Он должен показать себя строгим, энергичным и безжалостным командиром, если хочет сохранить свое положение.

У нас осталось совсем мало времени. Буду краток. Одно ваше существование, не говоря о загадочных потенциальных возможностях вашего мозга, заставило огромную военную машину временно притормозить, а ее генералов заняться лихорадочными поисками. Поэтому не думайте, что решение, которое я сейчас предложу, было принято с легкостью, хотя оно является единственно разумным.

Вы должны позволить захватить себя в плен, руководствуясь тем, что им жизненно важно выяснить, чем вы отличаетесь от других людей. По меньшей мере вас не тронут в течение нескольких дней, пока не проведут детального обследования вашей нервной системы.

А теперь—слушайте внимательно.

Через несколько минут мы опустимся в лесу перед домом Элд-реда Крэнга. Сделайте вид, что ничего о нем не знаете, и расскажите об угрозе нуль-А миру. Притворяйтесь до последнего, но если почувствуете опасность, сами решайте, как поступить.

Робоплан наклонился и резко пошел вниз.

—Итак,—сказал голос,—есть еще вопросы?

Госсейн попытался разобраться в обстановке, но мысли все время возвращались к нависшей над ним угрозе. Он прочно уселся в кресло. Пришла пора прояснить ситуацию.

—Никуда я не выйду,—твердо заявил он.—Я не самоубийца. Ведь никто не принял мер предосторожности и не позаботился о моей безопасности. Так?

—Верно,—признался голос.—Как только мы приземлимся, вы будете полностью предоставлены самому себе. Только напрасно вы недооцениваете возможностей человека, которого убили и который все еще жив.

—К черту,—хрипло ответил Госсейн.—Я остаюсь, и это—окончательное решение.

—У вас нет выбора,—спокойно ответил робоплан.—Если вы не выйдете по собственной воле, я наполню кабину газом. Не забывайте, что полученные вами инструкции рассчитаны на спасение вашей жизни, и вы куда больше рискуете, отказываясь им следовать. Машина тоже считает, что лучше сдаться заговорщикам добровольно, чем быть схваченным в ближайшее время. Пожалуйста, обдумайте мои слова, мистер Госсейн, и не торопитесь с выводами.

—Какой вообще смысл в том, чтобы я попал к ним в руки?—мрачно спросил Госсейн.

—Необходимо,—ответил голос,—чтобы они вблизи увидели человека, который умер у них на глазах.

Раздался толчок, робоплан покатился по траве и остановился.

—Выходите!—произнес голос.—Скорее! Я не могу оставаться здесь более минуты. Ну же!

Тон робота поразил Госсейна. И ему вовсе не хотелось отравиться неизвестным газом. У дверей он замешкался и повернул голову.

—Поспешите!—сказал робоплан.—Никто не должен догадаться, как вы здесь очутились. Дорога каждая секунда. Идите все время прямо, никуда не сворачивая.

Недовольно пожав плечами, Госсейн покорно ступил на землю. Мгновением позже он остался один на один с непроглядной тьмой чужой планеты.

Х

Ночь была тиха и спокойна. Госсейн на ощупь пошел вперед, и ярдов через сто увидел огонек, забрезживший слева. Постепенно он становился все ярче, ярче. Вскоре легче стало различать землю

и ближайшие стволы деревьев. Он с удивлением заметил, что источник света находится прямо в дереве, стоявшем на опушке леса.

Спрятавшись в тени высокого кустарника, Госсейн поднял голову и посмотрел вверх. Он еще раньше твердо решил следовать всем указаниям Машины, и сейчас молча стоял, ожидая увидеть на фоне окон силуэты людей. Напрасно. Вдохнув, Госсейн решительно вышел на освещенное пространство. Справа вырезанная прямо в стволе, широкая лестница вела на открытую террасу. Поднявшись по ступенькам, он очутился перед закрытой, причудливой формы дверью. Он громко постучал.

Примерно через минуту Госсейну пришло в голову, что свет просто могли забыть выключить. Он постучал еще раз, потом взялся за ручку. Дверь бесшумно отворилась в плохо освещенный коридор, тускло блестящий отполированными покрытыми лаком стенами, с естественными рисунками, красиво выделявшимися на матовом фоне и напоминавшими пламя старинных изделий красного дерева, хотя цветом больше походил на орех.

Госсейн быстро осмотрелся по сторонам, не решаясь войти. Не хватало только, чтобы его приняли за грабителя. Он постучал еще раз и, не получив ответа, пошел вперед, направляясь к ярко освещенному просвету в дальнем конце коридора. Его взору открылась большая уютная гостиная. Странно было находиться в помещении, целиком расположенном внутри ствола дерева.

Теплый цвет полированных панелей казался здесь значительно светлее—видимо, для красоты интерьера использовали другой состав лака. Общий эффект комфорта и великолепия подчеркивала уютная мебель и ковер, размерами по меньшей мере девяносто на шестьдесят футов. Скорее всего свет проникал наружу из огромных фигурных окон, занимающих весь пролет стены. Гостиная служила своеобразным холлом для пяти комнат. Госсейн отправился на разведку. В кухне его поразило обилие кладовок и огромный холодильник. Каждая из спален имела свою ванную и черный ход, ведущий, к полному его изумлению, в необозримых размерах сад.

Когда он наконец закончил осмотр, стало совершенно очевидно, что Элдreds Крэнга нет дома. Он, конечно, вернется, но сейчас решение Гилберта Госсейна откладывалось на неопределенное время. С психологической точки зрения это было крайне неприятно, ведь теперь у него появилась возможность передумать. Любая неопределенность действует на нервы, изматывает, внушает сомнения, заставляет колебаться. Куда проще уговорить себя остаться на свободе и попытаться предупредить жителей Венеры о готовящемся вторжении.

Неожиданно он заметил еще одну небольшую дверь. Как и прочие, она оказалась незапертой, и сначала он ничего не увидел в царящей там темноте. Постепенно глаза его привыкли к полумраку, а яркий свет гостиной позволил рассмотреть длинный коридор, ведущий в какое-то подобие пещеры и теряющийся в неизведанных глубинах огромного ствола.

Он пожал плечами, зашел в одну из спален, разделся и принял

ванну. Освежившись, но буквально засыпая на ходу, он улегся на чистые простыни. Вокруг стояла полная тишина. Мысли его вновь вернулись к загадке Гилберта Госсейна, убитого, но оставшегося в живых. Таким успехом трудно было похвастать и богам далекого прошлого. В старые романтические времена он бы не удивился, оказавшись заколдованным принцем, или важным правительственным агентом, или сыном богатого купца. Но в нуль-А Вселенной "особых" людей не существовало. Правда, одни считались богаче, другие—беднее, а агенты президента Харди с большой натяжкой могли называться правительственными. Но произошла переоценка ценностей. Все люди рождались равными и проходили курс нуль-А обучения, помогающий им развить способности своего мозга. На Земле не осталось ни королей, ни герцогов, ни суперменов, путешествующих инкогнито. *Кто же тогда он сам?*

С этой мыслью Госсейн заснул.

Проснулся он, как от толчка. Дневной свет проникал в открытую дверь спальни. Он сел на кровати. Возможно ли, что Крэнг вернулся и не заметил в доме постороннего? Направившись в ванную, он начал шумно плескаться, насвистывая какую-то мелодию и чувствуя себя достаточно глупо. Любым способом он хотел дать знать о своем присутствии, совсем не желая, чтобы его пристрелили, как обычного вора.

Помывшись, он прошел на кухню, продолжая громко свистеть, и принялся прохотать ящиками кухонного шкафа, сковородками и кастрюлями. Перебрав содержимое холодильника, он изо всех сил хлопнул дверцей, а, накрывая на стол, уронил несколько тарелок.

Он с аппетитом позавтракал беконом, тостами, чаем и свежими венерианскими фруктами, но так и остался в одиночестве. Закончив уборку, Госсейн решил еще раз тщательно осмотреть все помещение. В спальнях явно никто не ночевал. Он открыл загадочную дверь, ведущую в длинный коридор, но за ней было все так же темно. На какое-то мгновение он задумался, но в конце концов пришел к выводу, что сейчас не время заниматься исследованиями, и вернулся в гостиную, залитую дневным светом. За окном, прямо на террасе, простиралась зеленая лужайка, отведенная под аккуратно ухоженный сад, уходящий, по подсчетам Госсейна, футов на семьдесят в глубину ствола. Выглядел он просто сказочно. Невиданные кусты пестрели цветами, величиной чуть ли не с земное дерево, а яркие краски блестели настолько сильно, что лепестки, казалось, светились сами собой.

Для ботаников Венсра, должно быть, являлась экспериментальным расм.

Но он недолго любовался красотами природы. Не находя себе места, Госсейн зашагал из угла в угол. Чем заняться, пока нет Крэнга? Он подошел к книжной полке. Некоторые заглавия заинтересовали его: "Аристотелева и не-Аристотелева история Венеры", "Эгоист не-Аристотелевой Венеры", "Машина и ее Создатель", "Детективы в Мире без Преступлений".

Сначала ему никак не удавалось сосредоточиться, в голову лезли всякие мысли. Но постепенно он успокоился и углубился в чтение. Во время обеда он положил книжку рядом с тарелкой. Ближе к вечеру Госсейну стало совсем уютно, и, перекусив толстым ломтем говьяжьей вырезки из необъятных запасов холодильника, он принялся за историю Венеры. В ней говорилось о первом человеке, высадившемся на планету в конце двадцатого века, о кипящем аде атмосферы, усмиренной в первой четверти двадцать первого столетия; о том, как объединенное человечество вывело на орбиту метеориты из льда, перегнав из от Юпитера; и о том, как тысячу дней и ночей шел дождь.

Метеориты из льда были самыми разными по размеру: от десяти до ста кубических миль, и когда они медленно растаяли, поверхность Венеры забушевала оксанами, а в ее атмосфере появился кислород. К 2081 году Институт Общей Семантики, тогда еще только начинавший пользоваться уважением, оценил огромный нуль-А потенциал щедрого мира. В это время завезенные на Венеру деревья и другие растения росли в сотни раз быстрее, чем на Земле. Метод Машины по отбору колонистов появился лет на сто позднее, и постепенно великий план стал приводиться в действие.

Статистические данные говорили о населении Венеры в году 2560-м: мужчин—119000038, женщин—12143280. "Может быть, именно это несоответствие,—несвольно подумал Госсейн,—заставило Амелию выйти замуж за Прескотта?"

Он отправился спать, захватив в собой на ночь "Эгоиста не-Аристотелевой Венеры". В обращении к читателю, прямо на титульном листе, говорилось, что доктор психологии Лаурен Кэр будет практиковать на Земле, в городе Машины, с 2559 по 2564 г. Госсейн быстро просмотрел содержание и открыл страницу на главе под названием "Физические травмы и их воздействия на "его". Один из абзацев бросился ему в глаза.

"Выявить психическую ненормальность или непомерно развитое "его" является практически невозможным после излечения пациента от последствий тяжелой травмы, происшедшей в результате несчастного случая, например, аварии, и повлекшей за собой физического уродство".

Госсейн задумался. Он и сам не знал, почему вдруг начал читать книгу с середины. По крайней мере прочитанное логично объясняло поведение небезвестного мистера "Х", которого явно проморгали психиатры, обязанные пристально наблюдать за последствиями травм подобного рода.

На следующее утро Госсейн проснулся в пустом доме. Он встал в постели в полном недоумении, и в конце концов решил, что пождет Крэнга еще сутки, а потом придумает, как себя обнаружить. Можно, например, куда-нибудь позвонить. К тому же неплохо исследовать загадочный коридор-тоннель.

День прошел без всяких приключений.

Власть выпавшись, Госсейн быстро позавтракал и направился

к видеофону. Он набрал номер дальней связи и стал ждать, не понимая, почему не додумался до этого раньше. На экране появилось лицо робота.

—С какой звездой вас соединить?—спросил бесстрастный голос.

У Госсейна пропал дар речи.

—Я передумал,—наконец выдавил он из себя и, повесив трубку, откинувшись на спинку кресла, пытаясь унять дрожь в руках. Как он сразу не сообразил, что галактическая база на Венере не могла не иметь своей подстанции? “С какой звездой?” Эти люди понимали дальнюю связь слишком буквально!

Он внимательно посмотрел на панель видеофона и нажал кнопку с надписью “Местная”. На экране вновь появился робот. В ответ на его просьбу бесстрастный голос произнес:

—Прошу прощения, но по этому аппарату я принимаю местные заказы только от мистера Крэнга.

Щелк!

Госсейн встал. В звенящий тишине он ясно слышал свое дыхание и биение сердца. В его мозгу продолжали звучать слова: “С какой звездой вас соединить?” Сколько времени потеряно даром! Как много можно было успеть! Но прежде всего—тоннель.

В одной из кладовых кухни он разыскал фонарик на атомных батарейках и через несколько минут уже стоял перед загадочной дверью, за которой царил непроглядная тьма. Какие тайны хранило дерево в одну восьмую мили обхватом и полмили высотой? По коридору с низким потолком Госсейн отправился в глубь ствола.

XI

Однообразие притупляло мысль. Тоннель стал поворачивать чаще, все явственней чувствовался наклон вниз. Не прошло и десяти минут, а он дважды разветвлялся. Покатые стены тускло блестели в луче фонаря. В течение следующего часа Госсейну встретились семь боковых коридоров, а тоннель разветвлялся еще трижды. Чтобы не заблудиться, он тщательно отмечал каждый поворот на самодельной карте в блокноте.

—Я спустился вниз на несколько сотен футов,—сказал он сам себе,—и скорей всего нахожусь под землей, а наверху—лес.

Он никогда раньше не задумывался над тем, какой корневой системой должны обладать могучие деревья Венеры. Мощные корни переплетались самым непонятным образом, и невозможно было разобраться, где начинается один и кончается другой. Он попытался пройти в ближайший боковой коридор. Древесина желто-лимонного цвета на ощупь казалась твердой, как сталь. И сколько он ни искал, ему нигде не удалось обнаружить выключатель, потайную дверь или другие признаки человеческой деятельности.

Госсейн начал нервничать. Чтобы разгадать загадку лабиринта,

а он твердо решил это сделать, потребуется много времени. Он не взял с собой никакой еды, так что лучше потерять пару часов и вернуться, пока не поздно, чем ослабеть от голода.

На обратном пути он не испытал никаких затруднений. Нарезав толстые ломти ветчины, Госсейн приготовил сэндвичи и аккуратно уложил их в бумажный пакет. Потом сел за стол перекусить беконом с яйцами. Внезапно двери спальни одновременно распахнулись, и в гостиную ворвались трое людей, вооруженных пистолетами. Они устремились вперед, как вытолкнутые тугой пружиной катапульты. Четвертый мужчина, высокий, мускулистый, с карими глазами, появился у входа и лениво прислонился к стене.

—Поднимите руки, Госсейн,—сказал он.

Неудобно вывернув голову, боясь пошевелиться, Госсейн сделал вывод, что Эддред Крэнг, галактический агент, венерианский детектив и тайный сторонник нуль-А методов обучения, наконец-то вернулся домой.

Как ни странно, он испытал облегчение. До тех пор, пока никто не знал об опасности, угрожающий человечеству, Гилберт Госсейн во что бы то ни стало должен жить. Он попытался представить себе появление Крэнга как первый шаг в осуществлении намеченного плана. Подняв руки вверх, он встал, с любопытством глядя вокруг, обдумывая, как проще приспособиться к ситуации и выполнить поручение Машины. По правде говоря, он понятия не имел, с чего начать свой рассказ.

Один из телохранителей подошел к столу, взял бумажный пакет и небрежно разломал его пополам. Хлеб и мясо покатались по скатерти, два сэндвича упали на пол. Человек молча улыбнулся. Ему было лет за тридцать, и его холеное лицо, широкие плечи и коренастая фигура оставляли неприятное впечатление. Он сделал шаг к Госсейну.

—Решил смириться?—в голосе его чувствовался легкий акцент. Он опять улыбнулся. И резко ударил Госсейна по щеке тыльной стороной ладони. Все так же бесстрастно он заметил:—Не вышло, да?—И вновь замахнулся.

—Хватит, Блейни,—послышался откуда-то слева голос Крэнга.

Человек послушно опустил руку. Но ему никак не удавалось справиться с выражением лица, и в его интонациях звучали страстные нотки.

—Но, мистер Крэнг, если бы он успел удрать и не позвонил на подстанцию? Кому бы пришлось в голову искать его здесь? Наш босс...

—Молчать!

Блейни неохотно повиновался. Госсейн повернулся к Крэнгу.

—На вашем месте,—заметил он,—я не стал бы доверять Блейни после того, как ему исполнится сорок.

—Что-что?—невольно вырвалось у телохранителя. На лице его появилось изумленное выражение.

Крэнг вопросительно посмотрел на Госсейна.

—Любой психиатр, даже психолог,—сказал Госсейн,—с легко-

стью объяснит, почему у Блейни появилось желание меня ударить. Его нервная система начинает реагировать на то, что могло произойти, как если бы это произошло на самом деле. Заболевание чисто функциональное, но оно принимает формы, раздражающие больного. Постепенно от его храбрости не останется и следа. Садистские вспышки станут ширмой развивающейся трусости. К сорока годам он начнет жить в сплошном кошмаре, неперестанно думая, какой вред могли ему причинить те или иные стычки его юности.—Он пожал плечами.—Типичный пример личности, не обладающей нуль-А гармонией.

Серые глаза Блейни сверкнули, он перевел взгляд с Госсейна на Крэнга.

—Можно мне ударить его, мистер Крэнг?—хриплым голосом спросил он.

—Нет. Вам не все равно, что он думает?

Вид у Блейни был недовольный, и Госсейн ничего не добавил к сказанному, не желая накалять обстановку. Пришло время начать свой рассказ.

К его удивлению, они слушали внимательно. Когда Госсейн закончил говорить, Крэнг вынул из портсигара сигарету и закурил. Некоторое время он задумчиво затягивался, не произнося ни слова. Госсейн воспользовался паузой, чтобы как можно тщательнее изучить стоявшего перед ним человека.

Элдред Крэнг был худощав и невелик ростом. Его карие глаза казались желто-зелеными на свету. На лице с чуть смуглой, как у жителей Востока или Средиземноморья, кожей застыло слегка недоуменное выражение. Его манера держаться говорила о большой силе воли.

Итак, перед ним стоял человек, которого любила Патриция Харди. Госсейн попытался разобраться в своих чувствах и с удивлением подумал, что не испытывает к нему никакой неприязни. Он вспомнил слова робоглана, который ясно дал понять, что от Крэнга нечего ждать помощи. Его окружали заговорщики с Земли, за ним пристально наблюдало галактическое начальство. При Торсоне ему следовало быть особенно осторожным.

Долгое молчание неожиданно прервал громкий смех Крэнга.

—Знаете,—сказал он,—ведь я чуть было вам не поверил. Впрочем, сейчас не имеет значения, лжете вы или нет. Все равно мы решили созвать конференцию с вашим участием и обсудить возникшую проблему. С детскими играми покончено. Через час мы улетаем на Землю.

—На Землю!—повторил Госсейн.

Он печально улыбнулся. Со времени своего пребывания на Венере он успел сообщить об опасности, угрожающей Солнечной системе, только Амелии Прескотт. В лучшем случае она могла позволить в детективное агентство, не зная, что организация находится в руках заговорщиков. Одно человеческое существо из двухсот миллионов. Крэнг снова заговорил.

—Блэйни,—приказал он.—Введите Прескоттов.

Госсейн ничем не выдал своего изумления. С болью в душе он смотрел, как в гостиную вводят супружескую пару, в наручниках и с пластиковыми кляпами во рту. Амелия была явно потрясена и даже попыталась что-то сказать. Ее усилия оказалось тщетными, и она взглянула на Госсейна, безнадежно покачив головой.

Он почувствовал к ней жалость. Ее решение довериться мужу в надежде, что он останется верен нуль-А принципам, привело к печальному исходу. Прескотт предал ее. Амелии заткнули рот именно потому, что она не принадлежала к числу заговорщиков. В противном случае ей нетрудно было бы сыграть роль невинно пострадавшей, а они могли не бояться, что она заговорит.

Кляп во рту наверняка причинял ее супругу массу неудобств но, видимо, он считал, что игра стоит свеч. И в чем бы ни заключалась цель этого форса, Гилберт Госсейн должен делать вид, что всему верит, ведь они не подозревали, что он прекрасно знал, кто такой Прескотт. Небольшое преимущество, когда партнеры играют с тобой крапленой колодой карт.

XII

Черную пустоту необъятного космоса пронизывал звездолет. На его борту находились четыреста два мужчины и одна женщина. Крэнг сообщил об этом на вторые сутки полета.

—Мне приказано доставить вас на Землю любой ценой,—добавил он.

Госсейн промолчал. Он никак не мог понять Крэнга. Создавалось впечатление, что галактический агент ни в коем случае не желает рисковать своим высоким положением и готов идти на самые неприятные компромиссы, лишь бы оказаться вне подозрений. Правда, если в конечном итоге он намеревался использовать власть на благо развивающегося по нуль-А пути человечества, временные уступки заговорщикам имели смысл.

Фигура Крэнга мелькнула и пропала за поворотом мостика, а Госсейн так и остался стоять у огромного иллюминатора, глядя в ночное пространство. Впереди сверкала яркая звезда. Завтра она примет очертания Земли, и уже вечером он окажется в резиденции президента Харди после трех дней и двух ночей межпланетного путешествия.

Приземление разочаровало Госсейна. Сплошные облака помешали разглядеть планету; густой туман скрыл город Машин. На какое-то мгновение мелькнул свет атомного маяка, которому не страшна была любая погода. А затем космический корабль опустился на площадку внутри гигантского здания ракетодрома.

Госсейна повели вниз по трапу. Свет фонарей тускло освещал улицу. Палисадник перед дворцом президента был пустынен, но не успел Госсейн и шага ступить, как неведомо откуда появившиеся

ся охранники окружили его плотным кольцом и провели в ярко освещенный вестибюль здания. Поднявшись на второй этаж, они остановились перед закрытой дверью.

— Вот мы и пришли, — сказал Крэнг. — Вам отведены эти апартаменты, как гостю президента. — Повернувшись к группе сопровождения, он повелительно махнул рукой. — Все свободны.

Вежливо отступив в сторону, он пропустил Госсейна вперед и проследовал за ним в холл, не менее двадцати футов в длину и столько же в ширину.

— Спальная, ванная и черный ход, — объяснил он, поочередно указывая на три двери. — Комнаты смежные. — Чуть поколебавшись, он добавил: — Охрана не выставлена, вход к вам свободный, но не пытайтесь убежать. Уверю вас, покинуть дворец невозможно. — Он дружелюбно посмотрел на Госсейна и улыбнулся. — Вечерний костюм в шкафу. Справитесь за час? Мне бы хотелось кое-что показать вам перед обедом.

— Постараюсь, — сказал Госсейн.

Он машинально разделся, думая о побеге. Если Крэнг не врал, и его действительно не охраняли, всегда можно найти способ незаметно исчезнуть. Хотя, с другой стороны, не исключена возможность провокации.

Из нескольких костюмов он выбрал темный, с блестками, и только собирался принять душ, как услышал шум в холле. Быстро накинув халат, он вышел из спальни. Патриция Харди осторожно закрывала дверь черного хода. Изящно повернувшись, она пошла ему навстречу.

— Глупец! — воскликнула она, не теряя времени на светские разговоры. — Зачем вы убежали, когда начался обыск? Разве вы не слышали, что я отказалась подчиниться распоряжению Торсона? — Не дожидаясь ответа, она тряхнула головой. — Ну да ладно. Не будем вспоминать прошлого. Вы убежали, вас убили, и сейчас вы вернулись. Ведь это вас убили? — Госсейн открыл рот, но она опять не дала ему сказать ни единого слова. — У меня всего минутка времени. Можете не сомневаться, после вашего побега месяц назад я первая на подозрении, и если меня здесь застукают... — Она очень убедительно задрожала плечами. — Госсейн, кто вы? Я должна знать.

С приходом девушки он перестал чувствовать себя таким одиноким, и сейчас ему несильно передалось возбуждение.

— Ну же! — нетерпеливо сказала она. — Говорите!

Госсейн вздохнул. Рассказ получился коротким. Очнулся на Венере, непонятно как и почему. Попал в плен. Ему нечего было скрывать. О том, что Прескотт один из заговорщиков, Патриция слышала от Крэнга, к тому же не стоило забывать о подслушивающих аппаратах. Осторожность не помешает.

Даже не дослушав до конца, Патриция опустила в кресло, с досадой закусив нижнюю губу.

— Вы знаете не больше, чем тот, первый! — с горечью сказала она. — Вы действительно только пешка!

Госсейн остался стоять, глядя на нее сверху вниз. Он не соби-
рался обсуждать с ней проблему двух Госсейнов, хотя у него поя-
вились кос-какие мысли на этот счет. В глубине души он понимал,
что она права, но все равно обидно, когда тебя называют пешкой.

—Послушайте,—коротко спросил он,—а вы-то здесь при чем?
Взгляд ее смягчился.

—Простите,—ответила она.—Я не хотела вас обидеть. Дело в
том, что ваша неосведомленность привела в недоумение все заин-
тересованные стороны. Торсон, личный представитель Энро, отло-
жил вторжение на Венеру. Вот видите! Я так и думала, что это вас
заинтересует. Подождите! Не перебивайте. Я намеревалась серьезно
поговорить с вами еще месяц тому назад. Вы хотите знать, кто та-
кой “Х”. Мы тоже. Этот человек обладает железной силой воли, но
никто даже не подозревает, какие он преследует цели. Пока что его,
кажется, интересует лишь собственное возвышение, и он высказы-
вался по поводу того, что вас можно будет использовать. Предста-
вители Галактической Лиги тоже ничего не понимают. Они никак
не могут решить, враг или союзник тот космический шахматист,
который ввел вас в игру. Все бродят вплотьмах, думая, что делать
далее.—Патриция умолкла. Глаза ее возбужденно горели.—Друг
мой,—негромко сказала она,—во всей этой неразберихе для вас
открываются самые широкие возможности. Используйте их.—Го-
лос ее стал предельно искренен.—Соглашайтесь на любое предло-
жение и не ставьте невыполнимых условий. Оставайтесь в живых.

Она вскочила с кресла, по-дружески прикоснулась к его руке и
побежала к выходу. У дверей она на мгновение остановилась.

—Желаю удачи!—сказала она и исчезла в коридоре.

Госсейн принял душ, но одна навязчивая мысль не давала ему
покоя: “Откуда ей все известно? Кто она такая?” Когда он вышел
из ванной, в кресле холла сидел Майкл Харди.

При виде Госсейна лицо его просветлело. Глядя на президента,
легко было представить себе спокойного, выдержанного человека с
сильной волей—эталон разума и справедливости. Он посмотрел на
Госсейна твердым взглядом.

—Я предоставил вам это помещение,—произнес он,—чтобы
избежать прослушивания. Но у нас совсем мало времени.

—Правда?—сказал Госсейн.

Он говорил, не скрывая неприязни. Харди занял пост в резуль-
тате махинаций, заговора, минуя Игры и каким-то образом обма-
нув Машину. Преступление беспрецедентное, непростительное, и
Госсейн чувствовал, что оскорбление нанесено ему лично.

На приятном лице более пожилого человека появилась легкая
улыбка.

—Бросьте,—сказал Харди.—Не будьте ребенком. Вы хотите
получить определенную информацию. Я тоже. Договоримся так:
сначала вы задаете мне три вопроса, потом—я.—Он замолчал и,
видя, что Госсейн не отвечает, резко добавил:—Прекратите! Неу-
жели вам нечего спросить?

Враждебность Госсейна испарилась, как дым. У него накопилось столько вопросов, что не хватило бы и целого вечера. Нельзя терять время попусту.

—Кто вы такой?—спросил он без обиняков.

Харди с сожалением покачал головой.

—Прошу прощения,—ответил он.—Либо я тот, за кого себя выдаю, либо нет. В последнем случае, если я вам откроюсь, то окажусь полностью в вашей власти. Любой детектор лжи сумеет вырвать у вас признание. Не теряйте времени, задавая вопросы, которые могут погубить меня. Поторопитесь.

—Знаете ли вы обо мне что-нибудь особенное?

—Да,—сказал президент Харди.

Видимо, он заметил выражение лица Госсейна, потому что быстро добавил:

—Честно говоря, совсем немного. Но за несколько дней до вашего появления я получил личное письмо. Оно было отправлено прямо отсюда, из города Машины. Автор недвусмысленно дал понять, что прекрасно осведомлен о величайшем секрете всей Солнечной системы—плане вторжения на Венеру. Он писал, что вы предотвратите войну и что вас можно найти в отеле “Тропический Парк”. Письмо я сжег, так как не хотел никому его показывать, и с большими сложностями доставил вас во дворец. Впрочем, остальное вы знаете. Итак, вопрос номер три.

—Два!—поправил его Госсейн.

—Три. Если вы откажетесь ответить на один из моих вопросов, он тоже будет засчитан. Справедливо?

Госсейн возразил чисто машинально. Он пытался разобраться в том, что услышал. Харди, несомненно, говорил правду. Невероятная ситуация, в которую он попал, явилась следствием чьих-то действий. Госсейна же интересовала причина.

Впервые он посмотрел на президента Земли другими глазами. Каждый из заговорщиков преследовал свою корыстную цель, но тем не менее Харди добился того, что люди, столь же безжалостные, как и он сам, согласились назначить его на самый ответственный пост. Видимо этот человек был далеко не прост.

—Госсейн, я жду!

Он совсем забыл о Харди. К тому же в нем крепла уверенность, что их разговор не имеет смысла. Вряд ли ему могли сообщить нечто существенное.

—Что со мной будет?—спросил он.

—Вам сделают предложение, но я не знаю, какое именно. Сейчас это обсуждают “Х” с Торсоном. В любом случае я советую вам согласиться. Не забывайте—у вас довольно сильная позиция. Теоретически, не существуют два одинаковых тела, но почему не быть третьему?—Он нахмурился.—Хотя, конечно, это одни догадки.

Госсейн давно пришел к выводу, что у него не могло быть двух тел. Он открыл рот, собираясь возразить, но вовремя спохватился. Глаза его сузились. Зачем они так упорно пытались заставить по-

верить его в нелепость? Внушали бессмыслицу? С ним произошла странная, непонятная история, но нельзя забывать, что он находился под постоянным наблюдением заговорщиков. Робоплан, заявивший, что является агентом Машины, мог лгать. И прежде чем лезть со своими мнениями, надо дождаться дальнейшего развития событий.

• Он посмотрел на Харди и громко повторил:

— Да, одни догадки.

— Мой первый вопрос, — сказал Харди, — о человеке или группе людей, которые стоят за вами. Вы уже вступили в контакт?

— Определенно нет. Если вы говорите, что Машина ни при чем, я вообще ничего не понимаю.

Харди улыбнулся.

— Ваш ответ основан на отсутствии знаний, а следовательно — неверен. Вот видите, вы заставили меня высказать нуль-А утверждение. Кстати, не я один грешен. Даже планируя уничтожить нуль-А учение, мы применяем его логику. "Карта — не территория". Ваша уверенность, что вы ничего не знаете, всего лишь вывод из реальности, а не сама реальность.

Он замолчал, улыбаясь каким-то своим мыслям, затем вновь заговорил.

— Вопрос второй. Чувствуете ли вы хоть в чем-нибудь свое отличие от других людей? — Он пожал плечами. — Должен признать: мною допущена семантическая ошибка. Наше с вами восприятие, безусловно, неодинаково. Каждый человек индивидуален. Тем не менее я не могу выразиться яснее. Итак?

Вопрос показался Госсейну не только приемлемым, но и крайне интересным. Это были его собственные мысли, высказанные вслух.

— Я не чувствую ничего особенного. Видимо, вы имеете в виду открытис, сделанное Торсоном. Что он нашел в моем мозгу?

Он наклонился вперед. Его бросало в жар и в холод. Он с трудом перевел дыхание, когда Харди ответил:

— Подождите. Мой третий вопрос. Я хочу знать, как вам удалось найти дом-тайник Крэнга.

— Я прилетел туда на робоплане, который заставил меня подняться на борт.

— Каком робоплане? — спросил Харди.

— Простите, сейчас моя очередь, — сказал Госсейн. — Может, нам лучше задавать по одному вопросу? Что он нашел в моем мозгу?

— Дополнительную мозговую ткань. Я ничего не знаю о ее природе. Торсон считает, что она не обладает особыми потенциальными возможностями.

Госсейн кивнул. Он готов был согласиться с Торсоном. С самого начала он не чувствовал никакой разницы между собой и остальными.

— Каком робоплане? — повторил Харди.

—У меня сложилось впечатление, что он агент Машины.

—Впечатление?

—Моя очередь,—ответил Госсейн.

Харди нахмурился.

—Вы отвечаете неполно. Он не представил вам никаких доказательств?

—Он сообщил факты, о которых могла знать только Машина, но он применил по отношению ко мне силу. Я считаю это подозрительным.

Харди задумался.

—Я понимаю, что вы имеете в виду. Но, к сожалению, ничего определенного сказать не могу. Крэнг очень близко сошелся с Торсоном и держит всех в неведении. Боюсь,—тут он печально усмехнулся,—что я попал в немилость.

Теперь стало понятно, почему он пришел сюда и согласился разговаривать на равных. Внезапно Госсейн ясно представлял себе группу заговорщиков-землян, которые сейчас поняли, что ими управляют, как марионетками. Прежде чем он успел заговорить, Харди резко произнес:

—Я ни о чем не жалею. Машина отказала мне в праве дальнейшего продвижения, а я отказался смириться с подобным решением.

—Чем она могла мотивировать свой отказ?

—Она сказала, что видит во мне задатки потенциального диктатора. Ее создатели учли вероятность возникновения подобной ситуации и запрограммировали Машину надлежащим образом.

—И вы решили доказать, насколько она права?

—Мне предоставилась такая возможность, и я ею воспользовался. И сейчас поступил бы точно так же. В галактической иерархии для меня найдется место. Торсон просто боится.—Он перестал хмуриться и даже улыбнулся.—Мы несколько отвлеклись от темы, и...

Их прервали. В комнату вошел человек в форме и быстро закрыл за собой дверь.

—Сэр,—обратился он к Харди,—мистер Торсон поднимается по лестнице. Мне только что сообщили.

Президент Харди встал. Он был явно недоволен, но не потерял самообладания и вел себя с достоинством.

—Что ж, пора. Думаю, я узнал все, что хотел. По крайней мере, я все больше убеждаюсь в том, что вы—не последний Госсейн. До свидания, и помните, что я вам сказал. Идите на компромисс, чтобы остаться в живых.

Вместе с охранником они вышли через черный ход, которым пятнадцать минут тому назад воспользовалась Патриция. Не прошло и нескольких секунд, как раздался стук в дверь. У входа появился Торсон.

Он остановился на пороге, и Госсейн сразу узнал гиганта с широкими плечами, тяжелыми чертами лица и ястребиным носом. С самого начала положение его не вызывало сомнений: человек, которого все боятся, личный представитель Энро. Темные глаза сверкнули, лоб пересекли морщины.

—Вы еще не готовы!—резко сказал Торсон.

Он окинул комнату подозрительным взглядом. И внезапно Госсейн представил себя на его месте. Торсон прилетел со звезд в незнакомую и странную Солнечную систему. Здесь, на Земле, окруженный непонятными ему людьми, подчиняясь воле его пославших, он пытался выполнить приказ. Это требовало колоссального нервного напряжения, невероятных усилий. Ни на секунду он не мог позволить себе расслабиться, поверить в преданность заговорщиков, с которыми поневоле приходилось сотрудничать.

Торсон осторожно повел носом.

—Какой странный запах у вашего одеколона,—заметил он.

—Не обращал внимания,—небрежно сказал Госсейн. Теперь он и сам почувствовал слабый аромат духов. Патриции следует быть осторожней в мелочах. Он окинул инопланетянина бесстрастным взглядом.—Что вам угодно?

Торсон не зашел в холл. Стоя у входа, он внимательно наблюдал за Госсейном.

—Решил посмотреть на вас,—сказал он.—Просто посмотреть.—Он пожал плечами.—Вот и все.

И, повернувшись, зашагал по коридору. Госсейн моргнул. Он внутренне собрался, приготовившись к неприятному разговору, и сейчас чувствовал себя обманутым. Недоумевая, зачем Торсону понадобилось заходить к нему, он продолжал одеваться. Неожиданно он вспомнил, что скоро должен появиться Крэнг, и тут же услышал, как входная дверь открылась.

—Уже иду!—крикнул он.

Ответа не последовало. Через минуту позади него мелькнула чья-та тень. Госсейн обернулся. В спальне стоял Джон Прескотт.

—У меня совсем нет времени,—сказал он.

Несмотря на удивление, вызванное появлением Прескотта, Госсейн вздохнул. Посетители не баловали его разнообразием: все куда-то торопились, и это становилось утомительным. Но он ничего не ответил и вопросительно поднял брови.

—Вы, должно быть, задумывались, кто я такой,—сказал Прескотт.

Госсейн перестал что-либо понимать. Прескотт начал говорить взахлеб, ничего не скрывая. Галактический агент. Тайный нуль-А последователь.

—Я просто обязан вам все рассказать,—продолжал он.—Когда вы напали на меня в то утро, я узнал вас по фотографиям, и, по правде говоря, доложил о вашем присутствии на Венере своему на-

чальству. Разумеется, я нисколько не сомневался, что вам удастся бежать. Поверьте, я был просто поражен, когда увидел вас в доме Крэнга.

Он на мгновение остановился, переводя дыхание, и Госсейну едва удалось скрыть свое разочарование. Теперь он лишился единственного преимущества над заговорщиками, которые считали, что Прескотт вне подозрений. Глупо, конечно, рассчитывать на такую малость, но он так надеялся! Теперь остается выяснить, с какой стати Прескотт разоткровенничался и стал сыпать признаниями.

—Я боюсь Амелии,—взволнованно пояснил Прескотт.—Она невинна. Я согласился, чтобы меня связали, лишь бы она ничего не знала. Я думал, ее отпустят сразу после вторжения на Венеру. Но несколько минут тому назад Крэнг сказал, что “Х” и Торсон хотят использовать ее, чтобы поймать вас в ловушку.

Он замолчал. Дрожащими пальцами он вынул небольшую металлическую коробочку и, сделав шаг вперед, открыл крышку. Госсейн с любопытством уставился на двенадцать белых таблеток.

—Возьмите одну,—сказал Прескотт.

Догадываясь, что последует дальше, Госсейн тем не менее послушно протянул руку.

—А теперь—глотаите.

Госсейн покачал головой. Постепенно в нем нарастало раздражение.

—Я не принимаю неизвестных лекарств.

—Ради вашей собственной безопасности. Клянусь вам. Противоядие.

—Я пока еще не отравлен,—терпеливо ответил Госсейн.

Прескотт с шумом захлопнул коробочку. Он сунул ее в карман, попятился, одновременно выхватывая бластер.

—Госсейн,—тихо произнес он,—я в безвыходном положении. Либо вы проглотите эту таблетку, либо я вас убью.

Он не испугался, опасность казалась нереальной. Посмотрев на таблетку, Госсейн перевел взгляд на Прескотта.

—В холле,—мягко сказал он,—стоит детектор лжи. Думаю, он поможет быстро разрешить существующие разногласия.

Он оказался прав. Прескотт заявил, взявшись за контакты:

—Лекарство является противоядием. Оно гарантирует безопасность Госсейна в том случае, если я буду вынужден пойти на крайние меры. Прошу твоего подтверждения, но не вдавайся в подробности.

—Это правда,—последовал незамедлительный ответ.

Госсейн проглотил таблетку и некоторое время молча стоял, ожидая, что будет дальше. Он не испытывал никаких ощущений и, глядя на Прескотта, медленно произнес:

—Надеюсь, с вашей женой ничего не произойдет.

—Спасибо,—только и ответил Прескотт.

Он быстро вышел парадным ходом и закрыл за собой дверь. Госсейн закончил одеваться и развалился в кресле, поджидая

Крэнга. Он был встревожен куда больше, чем ему хотелось. Все его посетители преследовали каждый определенную цель, но сходились в одном: уверенности, что кризис неминуемо приближается.

На Венеру готовили нападение. Кто? Какая-нибудь галактическая военная сверхдержава? Вполне возможно—кому еще могло прийти в голову поработить человеческую расу, не вышедшую за пределы Солнечной системы? Загадочные агенты, психологическая обработка, инфильтрация и, наконец, мощный удар из ниоткуда. Туманные намски на Галактическую Лигу, якобы способную противостоять вторжению, казались необоснованными на фоне действий Торсона и полного беззакония. Убийства. Предательства. Захват власти на Земле.

—И считается, что я могу предотвратить войну?—громко сказал Госсейн.

Он коротко рассмеялся, чувствуя нелепость подобных утверждений. К счастью, скоро проблема Гилберта Госсейна разрешится. Самым трудным и опасным для него был момент, когда его чуть не убедили в существовании второго тела. Только логика не позволила ему попасться на эту удочку. Им не удастся выбить его из колеи, он останется в здравом уме и постарается с пользой провести сегодняшний вечер. Громкий стук прервал его размышления. К своему облегчению, он увидел Крэнга.

—Готовы?

Госсейн кивнул.

—Что ж, пойдете.

Они спустились по лестнице вниз на несколько этажей и по узкому коридору подошли к запертой двери, которую Крэнг отомкнул ключом. Взору Госсейна открылось просторное помещение с мраморным полом, заставленное шкафами, разнообразными приборами и прочим лабораторным оборудованием.

—Прощу,—сказал Крэнг.—Я останусь здесь, а вы осмотрите тело.

—Тело?—с любопытством спросил Госсейн. Внезапно он понял. *Тело!*

Он позабыл о Крэнге и сделал шаг вперед. В дальнем углу лаборатории на одном из многочисленных столов лежала неподвижная фигура человека, закрытая простыней. Много раз он слышал о своем втором теле и даже пытался представить его себе, но одно слышать, другое—видеть собственными глазами.

Несоответствие. Между мыслью и событием, словом и действием, жизнью и смертью; противоречие настолько страшное, что организм его заработал в ином ритме, а нервная система, не в состоянии справиться с обилием поступающих сигналов, отказала на какую-то долю секунды.

Комната закружилась, поплыла перед глазами. Он пошатнулся. Но приступ кончился так же быстро, как начался. Разум вернулся к нему мгновенно. Он ощутил пол под ногами, вдохнул в легкие

сухой, прохладный воздух. Все еще испытывая следствие шока, не помня себя, он подошел к столу, протянул руку и, осторожно откинув простыню, бросил ее на пол.

XIV

Госсейн ожидал увидеть перед собой сожженный до неузнаваемости труп. Отчасти он оказался прав.

Лицо не пострадало. Должно быть, им категорически запретили стрелять в голову, чтобы не повредить мозг. Тело практически отсутствовало, разорванное пополам автоматными очередями. Из груди и живота торчали раздробленные кости и куски мяса, а от колен и выше страшное обгоревшее месиво ничем не напоминало человека. Лицо осталось нетронутым.

На нем застыло безмятежное выражение, как будто перед смертью Госсейн не испытывал ни боли, ни отчаяния, ни страха. На щеках проступал чуть заметный румянец. Несомненно, были приняты все меры предосторожности, чтобы предохранить мозг от разложения. Вглядевшись пристальней, он обратил внимание на аккуратный распил вдоль черепной коробки. Остался мозг внутри или его вынули для исследований, Госсейн не знал.

Позади него послышалось какое-то движение, и Госсейн медленно выпрямился. Состояние отрешенности, овладевшее им, постепенно проходило, и он начал воспринимать окружающее. Прошло несколько секунд, прежде чем ему удалось опознать непонятный звук. Шуршание резины по каменному полу. "Х". Он оглянулся, чувствуя в себе уверенность, готовый к любым неожиданностям.

Бесстрастным взглядом окинул он гротескное чудовище, закованное в пластик. И только потом увидел вошедших вслед за ним в лабораторию людей. Красавчика Харди. Торсона, как всегда цинично улыбающегося. И наконец, Патрицию в сопровождении двух охранников, возбужденную и с вопросительным выражением на лице.

—Что ж,—громким басом, но без тени иронии в голосе произнес "Х". —Мне кажется, Госсейн, вы понятия не имеете, как помешать нам отправить ваше второе тело туда же, куда и первое.

"Отнюдь не блестящее высказывание,—подумал Госсейн,—но обладающее одним неоспоримым достоинством: каждое его слово—правда". Ведь он не мог быть уверен, что в случае физического уничтожения вновь обретет себя в третьем теле.

"Х" нетерпеливо помахал пластиковой рукой.

—Хватит болтовни. Приведите жену Прескотта и крепко держите Госсейна.

Четверо охранников взяли Госсейна под руки, в то время как еще трое ввели Амелию Прескотт. Ее затруднительное дыхание, растрепанные волосы, раскрасневшееся лицо и связанные за спи-

ной руки говорили сами за себя. Увидев Госсейна, Амелия попыталась что-то сказать, беззвучно шевеля губами: видимо, ей заткнули рот прозрачным клеем. Поняв бесплодность своих попыток, она пожала плечами и печально улыбнулась. Несмотря на довольно жалкий вид, держалась она с достоинством.

“Х”, сверкая пластиковым куполом головы, не отрываясь смотрел на Госсейна.

—Выслушайте меня внимательно,—сказал он.—Мы готовы начать войну, равной которой не знало человечество. В наше распоряжение представлены десять тысяч звездолетов, сорок миллионов солдат, гигантские заводы по выпуску боевой техники—и все это лишь крупицы сил самой могущественной империи во Вселенной. Госсейн, *мы не можем проиграть!*—Он перевел дыхание.—Тем не менее мы предпочитаем застраховаться. Мы бы хотели предложить вам, величине неизвестной, занять среди нас одно из самых высоких мест в иерархии, которая будет управлять Солнечной системой.—Он пожал плечами.—Но вы должны понять, что в нашей совместной деятельности нет никакого смысла, если вы не захотите реально оценить ситуацию. Мы должны убивать, Госсейн! Мы *должны* быть жестокими. Ничто так не убеждает людей, как насилие.

На какое-то мгновение Госсейну показалось, что он говорит об Амелии Прескотт. Он почувствовал слабость в ногах и только потом понял, что “Х” имел в виду совсем другое.

—Убивать?—спросил он.—Кого?

—Необходимо уничтожить примерно двадцать миллионов венериан,—ответил “Х”. Сидя в инвалидном кресле на колесах, он выглядел как навозный жук из пластика, которого не увидишь и в кошмарном сне.—Как вы знаете,—продолжал он,—единственная разница между уничтожением двадцати человеческих жизней и двадцати миллионов заключается лишь в реакции оставшихся в живых. С этим легко справится пропаганда.

Госсейну казалось, что он тонет в бездонном колодце.

—А что станет с остальными двумястами двадцатью миллионами жителей Венеры?—как бы издали услышал он свой голос.

—Террор,—гудящим басом ответил “Х”.—Безжалостный террор по отношению к тем, кто осмелится оказать сопротивление. История учит нас, что, прежде чем управлять толпой, у нее надо отрезать голову. На Венере эта голова—коллективная, а следовательно, необходимо массовое уничтожение.—Он вновь нетерпеливо помахал пластиковой рукой.—Хватит, Госсейн,—резко сказал он.—Решайте. Вы будете обладать огромной властью и сможете заняться какой хотите реорганизацией, но предоставьте нам сначала подготовить для этого почву. Итак, согласны?

Госсейн вздрогнул от неожиданности. Он только сейчас понял, что перед ним раскрыли карты лишь для того, чтобы он, подчиняясь неизбежности, присоединился к заговору. Приведенные аргументы были выдержаны в лучших традициях нуль-А логики. Пре-

ступники исходили из необходимости массовых убийств. Он не мог представить себе такой возможности даже в кошмарном бреду. Подобные разногласия не преодолевались: каждая из сторон имела свою отправную точку зрения. Отказ, готовый сорваться с губ, восприняла нервная система, наполнив все его существо четкой, твердой, бесконечной уверенностью. Спокойным, слегка звенящим голосом он ответил:

—Нет, мистер "Х". И пусть каждый из вас горит вечным огнем в раннем христианском аду за то, что такая мысль могла прийти вам в голову.

—Торсон,—сказал "Х".—Убейте ее!

Госсейн уставился на него непонимающим взглядом.

—Что?

Затем он протащил охранников с десятков шагов, прежде чем им удалось удержать его. Когда туман перед его глазами рассеялся, он увидел, что Амелия Прескотт по-прежнему улыбается. Она, не сопротивляясь, позволила Торсону ввести содержимое шприца в мышцу руки и тут же упала как подкошенная. Гигант с легкостью подхватил ее тело.

—Вот видите, Госсейн,—заметил "Х".—Мы обладаем преимуществом перед последователями не-Аристотелевой философии. Мы не брезгливы. И играем только на выигрыш. Так что эта маленькая демонстрация должна показать вам...

Он умолк. На лице его появилось недоуменное выражение, обмякшая фигура сползла с кресла и с глухим стуком пластика о мраморный пол растянулась во весь рост. Классические черты лица Харди исказились изумлением и, рухнув на колени, он перекатился на бок. Охранники падали один за другим, и только двое попытались выхватить бластер, прежде чем потерять сознание.

Торсон осторожно опустил Амелию Прескотт и свалился рядом.

Патриция Харди распростерлась у входа.

Враги Госсейна лежали по всей комнате, словно мертвые.

Это было совершенно необъяснимо.

XV

Госсейн стряхнул с себя оцепенение. Ноги плохо слушались его, но первым делом он бросился к ближайшему охраннику и выхватил его пистолет из кобуры. На мгновение остановившись и напряженно озираясь по сторонам, он принялся разоружать остальных. Он не понимал, что произошло, но дарсному коню в зубы не смотрят, а в неравной борьбе необходимо использовать любой шанс. Свалив оружие в кучу, он выпрямился. Девять охранников лежали враспынную, как шпильки, вылетевшие при неаккуратном движении женской головки. Госсейн отметил, что среди присутствующих не было Элдреда Крэнга. Он быстро окинул взглядом странную, застывшую сцену. В мозгу его мелькнула мысль: "Я

что-то не то делаю. Каждую секунду сюда могут войти. Надо уходить как можно скорее“.

Он остался стоять на месте. Живы они или нет? Наклонившись над “Х“, он машинально прикоснулся к пластиковой оболочке и невольно отдернул руку, почувствовав гладкую теплую поверхность груди, которая не могла принадлежать ни одному человеческому существу. Ему стало неприятно, но он заставил себя наклониться и уловил теплое ритмичное дыхание. “Х“ был жив. Значит, все они живы.

Его размышления прервал звук открывающейся двери. Кинувшись на пол, выставив вперед пистолет, Госсейн громко выругался, проклиная себя за любопытство. Ему давным-давно следовало убираться отсюда как можно дальше.

Дверь открылась, и в лабораторию вошел Джон Прескотт.

Госсейн с облегчением встал, пытаясь унять дрожь в ногах. Прескотт нервно усмехнулся.

—Довольны, что приняли таблетку?—спросил он.—Я пустил по вентиляционной системе газ из порошка Дрз, и вы—единственный человек...—Он умолк.—В чем дело? Неужели я опоздал?

Он очень быстро оценил ситуацию. Совершенно случайно взгляд Госсейна скользнул по телу Амелии Прескотт, лежавшей рядом с гигантом Торсоном. Он мгновенно вспомнил все, что произошло.

—Прескотт,—угрюмо ответил он.—Вашей жене сделали укол в руку, прежде чем остальные потеряли сознание. Ее хотели убить. Взгляните, может, вам удастся ей помочь.

Сейчас можно было не торопиться. Если газ распространился по системе вентиляции, он усыпил всех во дворце. Госсейн молча смотрел, как Прескотт прижался ухом к груди жены, пытаясь уловить биение сердца, затем вынул из кармана небольшую ампулу с иглой на конце и резким движением воткнул ее в бедро.

—Соединение фтора,—объяснил он, подняв голову.—Если она жива, примерно через минуту губы позеленеют.

Через две минуты никаких изменений не произошло. Губы женщины оставались такими же бледными и мертвыми. Прескотт поднялся с колен, с любопытством глядя по сторонам. И что самое странное, у Госсейна не возникло никаких предчувствий. Он смотрел, как венерианин подошел к сваленному в кучу оружию и очень тщательно выбрал два пистолета. Только это и осталось в памяти Госсейна, все остальное произошло настолько внезапно, что он просто не успел вмешаться.

Прескотт подошел к “Х“ и пустил ему пулю в правый глаз. Кровь фонтаном брызнула в потолок, как языки пламени разгоревшегося костра. Прескотт резко повернулся. Приставив пистолет ко лбу Харди, он вновь нажал на курок. Потом побежал к охранникам на полусогнутых ногах, стреляя из обоих пистолетов. Он сделал шаг к Торсону и остановился. Недоуменное выражение появилось на его лице. Едва успевший прийти в себя от изумления Госсейн, бросился вперед и буквально вырвал оружие из его рук.

—Кретин!—выкрикнул он.—Вы понимаете, что наделали?

Примерно через час, когда они бросили украденный автомобиль в глухом закоулке покрытого туманом города и ночь сомкнулась вокруг них клубящейся темнотой, они услышали из ближайшего громкоговорителя внеочередное сообщение.

—Слушайте последний выпуск новостей из дворца Президента!—объявил диктор.

После короткой паузы суровый голос произнес:

—Мне вменена печальная обязанность довести до вашего сведения, что президент Майкл Харди убит сегодня вечером агентом Машины, человеком по имени Гилберт Госсейн. Раскрыт чудовищный заговор против народов Земли. Госсейну помогали так называемые детективы с Венеры, и сегодня ночью все силы будут брошены на поимку преступников. Комиссия по расследованию приказывает всем гражданам оставаться дома. Повторяю, мы не можем гарантировать безопасность лицам, оставшимся на улице.

Только сейчас Госсейн понял, к каким страшным последствиям привели необдуманные убийства. В сообщении говорилось о заговоре, в котором участвовал он сам, Машина и венерианские детективы. Намек более чем прозрачный: первые за всю историю публичные нападки на нуль-А учение. Объявление войны.

Туман клубился вокруг. Он был настолько непроницаем, что фигура Прескотта терялась всего в двух футах. Для радара, конечно, погода не являлась помехой, но ведь прибор надо еще доставить в нужное место. Только при очень большом невезении их смогут поймать в такую ночь. Наконец-то он свободен, впервые с тех пор, как попал в водоворот непонятных событий. Разве что...

Непонятно, кто такой Прескотт и что с ним делать. Упрекать этого человека не имело смысла. Прескотт помог ему бежать. Он был кладезью информации, и его следовало как можно тщательнее расспросить. Конечно, не сейчас. Но со временем Прескотт мог стать неоценимым союзником.

Значит, он по возможности постарается не расставаться с галактическими агентами, перешедшими на его сторону. Госсейн быстро объяснил свой план.

—Прежде всего мне нужен психиатр. Нет ничего важнее, чем выяснить, какие именно изменения в моем мозгу так сильно напугали Торсона.

—Но ведь любой психиатр,—возразил Прескотт,—находится под протекцией группы защиты. Игры еще не кончились.

Кромешная тьма скрыла снисходительную улыбку Госсейна. Он чувствовал себя спокойно и уверенно: знал, что у него хватит умственных и физических сил справиться с любой ситуацией.

—Прескотт,—сказал он,—слишком долго находился я в безвыходном положении и подчинялся приказам, словно ребенок. Я ведь рассказывал, как Машина убедила меня снова сдать в плен?

—Да.

—Я пытался понять,—продолжал Госсейн,—почему я так лег-

ко слушался советов и не проявлял никакой инициативы. Теперь мне кажется, что раньше я просто неумышленно хотел снять с себя всякую ответственность или хотя бы часть ее и переложить на кого угодно другого. И мне настолько нелепой казалась мысль о своей исключительности, я так упорно гнал ее прочь, что первым делом позволил себя убить.

— По правде говоря,— заметил он после минутного молчания,— я рассчитываю на этот ваш газ Дрз. Думаю, что он поможет нам справиться с группой защиты. Но сначала необходимо купить карту города. Затем мы узнаем адрес доктора Лаурсна Кэра. Если его не окажется на месте, я соглашусь на любого психиатра, кроме Дэвила Лестера Энрайта. Когда-то я пытался попасть к нему на прием.

— Я вернусь через десять минут,— сказал Прескотт.

— Э, нет,— резко, но беззлобно ответил Госсейн. Он мягко пояснил:— Мы в одинаковом положении и не должны выпускать друг друга из виду. Пока вы будете покупать карту, я зайду за вами в аптеку и посмотрю адрес доктора в телефонном справочнике.

Уличный фонарь и два светильника над входом освещали большое белое здание, выделявшееся в ночной тьме. Видимо, психиатр был дома. Они перепрыгнули через забор, как привидения, и притаились за кустом.

— Вы уверены, что хотите поговорить именно с доктором Кэром?— прошептал Прескотт.

— Да,— сказал Госсейн. Он решил ограничиться этим коротким ответом, но, подумав, что автор “Эгоиста не-Аристотелевой Венеры” заслуживает большего, несколько нелогично добавил: — Он написал несколько книг.

Он стоял, напряженно обдумывая, что делать дальше. В резиденцию выдающегося ученого попасть было практически невозможно, а в течение Игр такая мысль не пришла бы в голову и самому искусному грабителю. Кроме того, им не следовало забывать об отступлении, если что-нибудь сорвется.

— Послушайте,— прошептал Госсейн,— ваш газ действует мгновенно?

— Да. Он распространяется по нервным окончаниям полости носа и проникает непосредственно в мозг. Достаточно одного вдоха.

Госсейн кивнул и вновь сосредоточенно принялся осматривать дом. Через несколько минут, если все пойдет гладко, великий семантик, крупнейший специалист-невропатолог, начнет опрашивать, осматривать его и поставит диагноз. Ничего на свете он не хотел так сильно, как узнать правду о себе— все остальное казалось ему мелким, незначительным.

Стараясь говорить как можно тише, Госсейн изложил свой план. Прескотт подойдет к двери и представится как житель Венеры. Вне всякого сомнения, прежде чем впустить его, доктор Кэр даст знать о неожиданном посетителе своей группе защиты. Пусть. В случае вмешательства извне, они тут же применят усыпляющий газ.

—Какое количество порошка вам потребуется?—спросил Госсейн.

—Совсем чуть-чуть, не более щепотки. В вентиляционную систему дворца я заложил восемь капсул, примерно с чайную ложку. Нам можно не беспокоиться, действие принятых таблеток продлится еще несколько часов.

Через полминуты Прескотт поднялся на крыльцо и нажал кнопку звонка.

Вслед за ними в прихожую ворвались клубы тумана. Договорившись заранее, они оставили дверь полуоткрытой. В случае чего, так легче будет бежать. В тому же Госсейн твердо решил застраховаться впредь от любых неожиданностей, и принятые меры предосторожности помогли ему чувствовать себя уверенней.

Доктор Кэр был высоким сухоощавым мужчиной лет пятидесяти, с гладко выбритым, волевым лицом. Когда Госсейн вошел, психиатр с любопытством взглянул на него, пронизывая взглядом серостальных глаз. Никогда еще Госсейну не приходилось подвергаться столь тщательному осмотру, но он терпеливо ждал, прекрасно понимая, как важно завоевать доверие этого человека. Минуты, потерянные сейчас, могли сэкономить несколько часов в будущем.

Психиатр не терял времени даром. Как только Госсейн объяснил цель своего визита, он исчез в лаборатории и почти сразу же вернулся с портативным детектором лжи в руках.

—Мистер Госсейн,—сказал он.—Ни один житель Венеры, ни один человек, серьезно изучающий нуль-А доктрины, даже на мгновение не сможет допустить, что объявление по радио и сообщение в газетах, сделанное информационными правительственными бюро относительно убийства президента Харди, являются правдой. За всю свою жизнь я еще не видел, чтобы так расчетливо возбуждались эмоции умов невещественных и недостаточно образованных. Только в далекие мрачные века делались попытки воззвать к толпе и накалить ее страсти до такой степени, что она занималась самосудом; окончательным же свидетельством их продажности является обвинение против Машины и жителей Венеры. Нет ни малейшего сомнения, что подобные обвинения делаются с определенной целью, и одно лишь это дает вам право быть выслушанным людьми справедливыми, прежде чем они вас осудят.—Он умолк и посмотрел на Госсейна.—Вы согласны ответить при детекторе лжи?

—Я согласен на все, сэр,—ответил Госсейн,—если только это не связано с потерей сознания. Я надеюсь, вы поймете меня правильно.

Доктор кивнул. И в течение всех последующих тестов руки и мозг Госсейна не оставались свободными ни на секунду. Тесты! Один за другим, несколько десятков. Лаборатория доктора была расположена идеально, в самом конце прихожей, и необходимую аппаратуру не составляло труда подвозить прямо к креслу, из которого Госсейн ясно видел незапертую входную дверь.

Некоторые приборы сверкали на него электронными глазами, ослепляли, захлестывали волнами горячего воздуха. Другие были

холодны на ошупь, третьи—непонятно гудели и дрожали. Тест шел за тестом, а Госсейн продолжал рассказывать все, что с ним произошло.

Ему пришлось прерваться три раза: дважды, когда сверхчувствительные лучи исследовали клетки дополнительной мозговой ткани, и один раз, когда доктор Кэр воскликнул:

—Значит, это не вы их убили?

Услышав вопрос, Прескотт поднял голову.

—Нет, я.—Он угрюмо рассмеялся.—Как вы могли догадаться, мне пришлось выбирать между нуль-А и статусом помощника командира галактической базы. Если меня когда-нибудь будут судить, останется лишь сослаться на временное умопомешательство.

Доктор Кэр бросил на него быстрый взгляд.

—Суд никогда еще не принимал и не примет во внимание подобных аргументов от человека, стоящего на нуль-А пути развития. Вам придется придумать что-нибудь другое.

“Придумать!”—как молния мелькнула в мозгу Госсейна, и он посмотрел на Прескотта... впервые посмотрел на него со стороны. Чуть сощурив глаза, как бы случайно, Прескотт небрежно сунул правую руку в карман. Движение было явно бессознательным, потому что вряд ли он мог надеяться успеть выхватить пистолет, и Госсейн без труда обездорожил его.

—Я думаю,—тихо сказал Госсейн через несколько секунд,—что ваш дом окружен.

XVI

Структура нервной системы человека беспредельно сложна. Подсчитано, что человеческий мозг содержит примерно двенадцать миллиардов нервных клеток, или нейронов, причем более половины находится в церебральной коре. Если мы представим себе только миллион нервных клеток коры головного мозга, которые объединяются в группы всего по два нейрона в каждой, и вычислим количество возможных комбинаций, то число вероятностных межнейронных связей будет равно двум миллионам восьмидесяти трем тысячам в десятой степени. Для сравнения... вся наша Вселенная, возможно, содержит не больше атомов, чем шестьдесят шесть в десятой степени.

А. К.

Свет, проникающий через полуоткрытую входную дверь, на какое-то время задержит нападающих. С улицы можно разглядеть

лишь освещенную прихожую, и вряд ли им придет в голову, что произошло непредвиденное. Само собой, когда-нибудь их терпение лопнет.

Они быстро связали Прескотта по рукам и ногам, засунули кляп в рот и довольно бесцеремонно бросили на диван. Потом принялись обсуждать сложившуюся ситуацию.

—Он никуда не выходил,—резонно заметил Госсейн,—но я уверен, что ему удалось каким-то образом поддерживать связь.

—Не имеет значения,—коротко ответил доктор Кэр.

—То есть как?

Лицо психиатра было спокойным, взгляд ясным.

—Прежде всего,—сказал он,—займемся тем, что мне удалось обнаружить. Мне кажется, вы просто не понимаете своего исключительного положения, Госсейн. Вы играете настолько важную роль в текущих событиях, что я готов идти на определенный риск.

Ему потребовалось какое-то время, чтобы осознать сказанное, сконцентрироваться и заставить себя не думать об угрожающей опасности. Он даже не предполагал, что сможет одновременно выслушивать столь важную информацию и заниматься самыми обычными вещами.

—Ваша черепная коробка,—начал психиатр,—не содержит сверхразвитого мозга в том смысле, что вы обладаете потенциально более высоким разумом. Это невозможно. Человеческий мозг, создавший Машину Игр и подобные ей электронные и механические приборы, даже теоретически не может иметь соперника во Вселенной. Многие считают, что электронный мозг превосходит человеческий. Они поражаются возможности Машины вести беседу сразу с двадцатью пятью тысячами индивидуумов, не понимая, что она просто задействует двадцать пять тысяч сложных электронных схем. Ничего особенного.

Я не хочу сказать, что Машина не способна творчески мыслить. Она построена на месте огромного рудника, целиком находящегося в ее ведении. В ее распоряжении имеются многочисленные лаборатории и роботы, заменяющие изношенные части. Она в состоянии изготавливать орудия производства и совершать сложные операции. Она располагает практически неистожимыми запасами ядерной энергии. Короче говоря, Машина полностью переведена на самообслуживание, наделена относительным разумом, но в нее встроены блок ограничений, который строго контролирует исполнение трех основных доктрин.

Машина должна проводить Игры абсолютно беспристрастно, сообразуясь с законами, установленными Институтом Общей Семантики. Она обязана оберегать нуль-А развитие человечества всеми доступными ей средствами. Она может убить человеческое существо только в том случае, если на нее будет совершено прямое нападение.

Госсейн обыскивал Прескотта. Его чуткие пальцы исследовали каждый шов, каждую мелочь. Из карманов пиджака он вынул по-

очередно пистолет, два бластера, дополнительную обойму, пачку с капсулами порошка Дрэ, коробку таблеток противоядия и записную книжку. Ни в швах, и за подкладкой костюма из пластика, который обычно шел на переплавку после нескольких дней носки, он ничего больше не нашел.

Зато на внутренней стороне правого ботинка ему удалось обнаружить электронный локатор. Инструмент был изготовлен из того же материала, и его присутствие выдавал лишь едва заметный рисунок печатной схемы. Госсейн вздохнул. Теперь становилось понятным, как Патриции Харди удалось броситься в его объятия в тот самый день, когда она сделала вид, что за ней гонятся. Раньше этот вопрос не давал ему покоя. Любое знание успокаивает, снимает напряжение, дает возможность поверить в свои силы. Внезапно он почувствовал, что ему легче стало слушать доктора Кэра.

Психиатр тоже совмещал слова с делом. С первой минуты рассказа он упаковывал кожаный саквояж. На самый низ он бросил фотографии и блокноты с записями. Потом начал доставать из приборов магнитные пленки и проволоку с результатами тестов, снятые негативы, светочувствительную бумагу и специальные ленты с видеозвуковым изображением. Перед тем, как уложить очередной предмет, он бормотал:

—Доказательство, что дополнительный мозг не состоит из одних только нейронов коры... а это... а это... а это клетки не таламического происхождения... память... ассоциации... основные каналы, которые соединяют дополнительный мозг с основным... нет сомнения, что в новообразовавшемся сером веществе пока не возникало импульсов...

В конце концов он поднял голову.

—Опыты доказывают, Госсейн, что ваш дополнительный мозг скорее играет роль солнечного сплетения, регулирующего деятельность организма. Но только мне еще не довелось встречать столь компактной контрольной системы. Количество нейронов составляет примерно одну треть от общего числа клеток. Это значит, что в вашей голове сосредоточен механизм, с помощью которого возможно управление микрокосмосом на атомном и электронном уровне, а микрокосм просто не содержит достаточного количества вещества, чтобы вашему мозгу потребовалось использовать все свои возможности.

—Существует ли хоть малейшая всероятность,—спросил он,—что я смогу научиться управлять им в течение *одного часа*?

Вместо ответа Кэр покачал головой.

—Речь идет не о часе, дне или неделе. Вы когда-нибудь слышали о Джордже, потерявшемся мальчике?

—Джордж, двухлетний ребенок, заблудился в лесу за фермой своих родителей. Каким-то образом он попал в логово одичавшей собаки, только что принесшей щенят. Многие из них погибли, и несчастная сучка, грудь которой набухла молоком, вспомнила, наверное, свою молодость и накормила малыша.

—Позже она охотилась для него и приносила пропитание, но, видимо, чувство голода никогда не покидало мальчика, потому что муравьи, черви, пчелы, все, что двигалось, шло ему в пищу, когда его наконец нашли в возрасте одиннадцати лет. Это был угрюмый, свирепый звереныш, такой же дикий, как собачья стая, вожаком которой он стал. Его привычки и образ действий ясно говорили, как он провел свои юные годы.

Рычание, оскал зубов, глухое ворчание и очень натуральный лай—другого языка он не знал. Социологи и психологи поняли, какие возможности открываются перед ними, но все попытки дать ребенку образование провалились. Через пять лет его научили складывать из алфавитных кубиков свое имя и название нескольких предметов. Поведение его на этой стадии оставалось звериным. Он часто и достаточно резко опускался на четвереньки, и даже по прошествии пяти лет острота его нюха приводила всех в изумление. Любые следы даже через несколько часов возбуждали его до такой степени, что он начинал подпрыгивать и завывать от нетерпения.

Он умер в возрасте двадцати трех лет в отведенной для него камере, так и оставшись животным, этот мальчик-старичок, которого с трудом можно было принять за человека. Вскрытие показало, что кора головного мозга оказалась недоразвитой, но что ее вполне можно было заставить функционировать нормально.

—Сейчас,—закончил свой рассказ доктор Кэр,—мы, конечно, смогли бы помочь Джорджу, потому что знаем о мозге неизмеримо больше, чем в древние времена, но я думаю, вы согласитесь, что ваш случай очень похож на его с одной лишь разницей: *вы начали жизнь как человеческое существо.*

Госсейн промолчал. Впервые он получил рациональное объяснение с помощью метода сравнительного анализа. До этого момента он очень туманно и несколько идеализированно представлял свои возможности и лишь тревожился, что его способности никак не проявляются. Но он никогда не терял надежды. В тяжелую минуту ему придавало силы и уверенности сознание того, что он является потенциальным спасителем человечества. И где-то в глубине души, вернее нервной системы, он испытывал гордость при мысли о том, что способен на нечто большее, чем все остальные. Это чувство, конечно, останется. Испокоен веков человек гордился, когда природа щедро дарила его умственным или физическим совершенством. Что ж, придется подождать. Он будет терпелив.

—Если такая мутация истинна,—сказал психиатр,—и является закономерной в развитии человечества, и если бы передо мной стоял выбор: спасти вас или мирную цивилизацию от нападения галактических армад, можете не сомневаться—я выбрал бы вас. А на примере оставшихся,—он усмехнулся,—неплохо проверить, держит ли ноль-А учение первое серьезное испытание.

—Но ведь на Венере ничего не знают,—только и нашел что ответить Госсейн.

—А следовательно,—сказал доктор Кэр,—следующий наш шаг предопределен. До рассвета вам необходимо выбраться из дома. И мне кажется,—тут он вскочил на ноги с живостью юноши,—пришла пора побеседовать с нашим общим знакомым.

Теперь Госсейну уже не так тяжело было думать о грозящей ему смертельной опасности.

XVII

В нервных реакциях мы копируем животных... что приводит человека к болезненной инфантильности как в частной, так и в общественной жизни... И чем выше технический уровень нации или расы, тем более жестокими, беспощадными и хищными становятся развивающиеся системы общества... только потому, что мы продолжаем огрызаться, как звери, и не даем себе труда мыслить, как человеческие существа.

А. К.

Джон Прескотт—галактический агент. Единственное, в чем они могли быть уверены. Сейчас он лежал, связанный, на диване, и следил за каждым их движением. Его светлые волосы казались до странности белыми при сильном электрическом освещении. Губы его, несмотря на кляп, кривила издевательская усмешка.

—Знаете,—с отвращением заметил Госсейн,—во всем этом есть что-то патологическое. Негодяй отправил на смерть жену, лишь бы убедить меня в своей лояльности. А я поверил, думая, что он склоняется к нулю-А учению. У меня и тени подозрения не возникло, что Харди и "Х" убиты им не случайно. Только теперь я вспоминаю, как он остановился, прежде чем подойти к Торсону, и позволил мне вмешаться. Одним словом, он уничтожил двух землян, которых галактическая империя использовала вместо ширмы, и теперь ее представители контролируют правительство Земли.

Госсейн закрыл глаза.

—Минутку,—сказал он.—Я что-то не понимаю.—Игры этого года. Разве на них не должны избрать преемника Харди?—Он встrepенулcя.—У кого больше шансов? Кто впереди?

Кэр пожал плечами.

—Какой-то Торсон.—Он запнулся и недоуменно моргнул.—А ведь знаете,—медленно сказал он,—я раньше не улавливал связи... Вот вы и ответили на свой вопрос.

Госсейн промолчал. Страшная мысль, пришедшая в голову, заставила забыть о том, что Джим Торсон, личный представитель Энро, будет следующим президентом Земли. Он подумал о Маши-

не. Если она хоть в чем-то оказалась уязвимой, ей вообще нельзя больше доверять.

Трудно было представить себе Землю без Машины Игр.

Стоявший рядом доктор Кэр мягко проговорил:

—Все это не имеет сейчас никакого значения. Давайте действовать по порядку. Я считаю, что одному из нас придется выйти наружу вместо Прескотта и попытаться выяснить, что к чему.

Очень медленно Госсейн сделал глубокий вдох и заставил себя успокоиться.

—Где ваша жена?—спросил он.—Дома? Я давно хотел вас спросить. И дети. У вас есть дети?

—Трое. Но рожденные на Венере не имеют права посещать Землю, пока им не исполнится восемнадцать лет. В настоящий момент моя жена находится с ними в Нью-Чикаго.

Они улыбнулись друг другу, доктор был доволен собой. Он имел на это право. Им обоим предстояло решить сложную задачу, но один из них был знаменитым ученым, а другой... другому еще предстояло доказать себя.

Они сразу же решили, что на встречу с агентами заговорщиков выйдет доктор Кэр. Телосложением он напоминал Прескотта, а его седые волосы могли не заметить в темноте. Ботинки-локаторы, слишком большого размера и довольно узкие, едва налезли на Кэра, но riskовать не хотелось. Подражать голосу Прескотта не составило труда для жителя Венеры, и тем более психиатра, который виртуозно владел голосовыми связками. К тому же он только что разговаривал с Прескоттом, а Госсейн помог исправить некоторые интонации. Не прошло и трех минут, как доктор с легкостью освоил диапазоны от громкого разговора до неясного шепота.

—А сейчас,—жестко произнес Госсейн,—джентльмен сообщит нам, о чем он договорился со своими друзьями.

Он наклонился и вынул кляп. Ему не удалось скрыть отвращения, которое он испытывал к Прескотту, а, может быть, тот просто судил по себе, представив, какими методами развязал бы язык пленнику, но он начал говорить сразу же, не дожидаясь вопросов.

—Дом окружен дюжиной человек, и им приказано только следить за вами, не арестовывая. Примерно в это время я должен выйти и дать знать, что все идет по плану. Пароль—"Венера".

Госсейн кивнул.

—Хорошо, доктор,—сказал он.—Я буду ждать вас через пять минут. Если вы не вернетесь, я преодолею брезгливость и пушу Прескотту пулю в лоб.

Кэр невесело рассмеялся.

—В таком случае мне лучше немного задержаться.

Смех его затих у выхода. Он скользнул в полуоткрытую дверь и исчез в темноте и тумане.

Госсейн посмотрел на часы.

—Сейчас десять минут пятого,—сказал он Прескотту и вынул пистолет.

Мелкие капли пота появились на висках Прескотта, стекая по щекам. Это натолкнуло Госсейна на мысль. Он вновь взглянул на часы. Секундная стрелка, стоявшая на отметке десять, приближалась к сорока пяти. Прошло тридцать пять секунд.

—Одна минута,—сказал Госсейн.

Физиологическое время—это нескончаемый поток изменений в клетках и тканях организма. Но время психологическое зависит от самых неожиданных обстоятельств, и каждый воспринимает его по-своему. В стрессовой ситуации оно меняется. Продолжительность его зависит от ощущений человека на данный полный круг. Соответственно прошла одна минута.

—Две минуты,—сказал Госсейн непреклонным тоном.

Хриплым низким голосом Прескотт проговорил:

—Если Кэр не дурак, он вернется через пять минут. Но агент, с которым я на связи, болтливый идиот. Примите это во внимание и не будьте слишком поспешны.

Когда прошло полторы минуты, пот лился с Прескотта градом.

—Три минуты,—сказал Госсейн.

—Я говорю правду!—запротестовал Прескотт.—Зачем мне лгать? Все равно мы вас схватим, рано или поздно. Одна, две, три недели—какая разница? После слов Кэра мне стало ясно, что у вас практически нет шансов контролировать свой дополнительный мозг. Это все, что мы хотели знать.

Госсейн испытывал любопытное ощущение, слушая венерианина и одновременно рисуя перед собой картину предрассветного тумана, в котором исчез доктор Кэр. По его часам психиатр отсутствовал ровно две минуты.

—Четыре минуты!—сказал Госсейн и внутренне содрогнулся. Если Прескотт не выдержит, то очень скоро. Он возбужденно наклонился вперед, еле удерживаясь от готовых сорваться с языка вопросов.

—Есть еще одна причина, по которой я сказал правду,—продолжал бормотать Прескотт.—Теперь я уже разуверился, что даже супермен в состоянии помешать инопланетному военному вторжению, которое вот-вот начнется. По-моему, в вашем случае мы просто перестраховались.

Часы Госсейна показывали двенадцать с половиной минут пятого. Согласно психологическому времени, которое ускорила нервная система Прескотта, пять минут, данные ему на время отсутствия доктора Кэра, прошли. "Слишком быстро",—подумал Госсейн. Заставив время течь вдвое скорее, он тем самым лишил Прескотта возможности испугаться по-настоящему. Но жалеть было поздно. Если этот человека сломается, то только сейчас.

—Пять минут прошло,—решительно заявил он и поднял пистолет. Лицо Прескотта приняло странный, синеватый оттенок.—Я даю вам еще одну минуту, Прескотт,—свирепо сказал Госсейн.—И если вы мне не ответите или Кэр не вернется, прощайтесь с жизнью. Я хочу знать, где "Х" или кто-нибудь другой из заговорщи-

ков достали приспособление, с помощью которого им удалось испортить Машину? И где оно находится в данный момент?

Закончив говорить, он посмотрел на часы, как бы подчеркивая лимит оставшегося времени. Он удивленно вздрогнул, на какую-то долю секунды забыв о Прескотте. Четырнадцать минут пятого! Прошло четыре минуты! Ему стало как-то не по себе, он впервые ощутил, что психиатра на самом деле нет слишком долго. Посмотрев на серое лицо Прескотта, он немного успокоился.

—Генератор Пространства находится в комнате Патриции Харди,—ответил галактический агент слабым, неровным голосом.—Он встроен прямо в стену.

Казалось, Прескотт сейчас потеряет сознание от непосильного нервного напряжения. Похоже, он говорил правду. Генератор Пространства (странное название в какой-то мере подчеркивало, что он не жет) должен находиться рядом с Машинкой и вполне естественно, подальше от нескромных взоров. Почему бы не у Патриции Харди? Госсейн подавил желание принести детектор лжи. Ведь Прескотт считал, что на карту поставлена его жизнь и любая заминка могла все испортить. Но он не отказал себе в удовольствии еще раз взглянуть на часы. 4 часа 15 минут. Госсейн посмотрел на входную дверь. Теперь время стало его врагом. Он начал понимать, что испытывал Прескотт. Усилием воли он заставил себя вновь продолжить допрос.

—Откуда вы достали Генератор Пространства?—спросил он.

—Его привез с собой Торсон. Нелегально. Лига запрещает им пользоваться, кроме как при транспортировке, и...

Скрип двери заставил его умолкнуть. Тело Прескотта обмякло, на губах появилась глупая улыбка. В комнату торопливой походкой пошел доктор Кэр.

—Нельзя терять ни минуты,—произнес он.—Светает, и туман рассеивается. Я сказал им, что мы улетаем. Пойдемте.

Он схватил кожаный саквояж, помог засунуть кляп в рот Прескотту и выпрямился.

Госсейн, успевший опомниться от неожиданности, спросил:

—Но куда?

Кэр был весел, как мальчишка, которого ожидало интересное приключение.

—Мы воспользуемся моим личным робопланом и вообще сделаем вид, что ни о чем не подозреваем. А вот куда мы летим, я надеюсь, вы не будете настаивать, чтобы я упомянул эту маленькую деталь при мистере Прескотте, верно? В особенности если учесть, что я собираюсь выкинуть его ботинки где-нибудь на окраине города.

Через пять минут они поднялись в воздух. Госсейн глядел в клубящийся туман, и в душе у него поднималось ликование.

Им удалось бежать.

Усевшись поудобнее в кресле робоплана, он посмотрел на доктора Кэра. Глаза психиатра были открыты, но он явно клевал носом.

—Доктор,—спросил Госсейн,—на что похожа Венера? Ее города, я имею в виду.

Кэр наклонил голову, чтобы лучше видеть своего спутника, но не обернулся.

—О, они очень похожи на земные, разве что выстроены с учетом более мягкого климата. Из-за высоких облаков никогда не бывает слишком жарко. И дождь идет только в горах. Но каждую ночь травы равнин сгибаются под тяжестью обильной росы. И когда я говорю “обильной”, можете не сомневаться, что ее вполне достаточно для орошения почвы. Вам это хотелось узнать?

—Не совсем. Меня интересуют научные достижения. Вы продвинулись дальше Земли?

—Конечно нет. Любое открытие, сделанное на Венере, немедленно становится достоянием Земли. В некоторых исследованиях Земля значительно опередила Венеру. Что тут удивительного? У вас больше людей, а специализация дает возможность даже среднему уму—или просто сумасшедшему—изобретать новое.

—Ясно.—Госсейн весь превратился в слух.—Тогда скажите мне, как можно объяснить с точки зрения научных достижений Венеры и Земли существование одной личности в двух физических телах?

—Понятия не имею,—устало ответил доктор Кэр.—Утром разберемся.

—Лучше сейчас,—настаивал Госсейн.—Может ли наука дать ответ на подобный вопрос?

—Не знаю.—Психиатр нахмурился.—И это не вопрос, Госсейн, а проблема. Вы хотите, чтобы я одним махом раскрыл все тайны бытия. Кому удалось осуществить столь радикальный процесс? Я не сомневаюсь, что в Солнечной системе проводились подобные биологические эксперименты, но не могу объяснить, как удалось одновременно создать два тела и дополнительный мозг!

—Подумайте о том,—мягко сказал Госсейн,—что обе враждующие стороны имеют определенные преимущества. Загадка моего странного бессмертия разрешена человеком, выступающим против группы, создавшей Генератор Пространства. И тем не менее, доктор, то, кто стоит за нами, боится. Ведь обладай он реальной силой, то давно бы выступил в открытую.

—Гм-м, в этом что-то есть.

—Доктор,—не желая прерывать разговор, продолжал Госсейн,—если бы вы могли принимать решения на самом высоком уровне, вплоть до судеб планет, как бы вы поступили, узнав, что галактическая империя собирается захватить Солнечную систему?

—Я бы поднял народ,—мгновенно ответил Кэр.—Нуль-А уче-

ние еще не проходило испытания боем, но я уверен, что он себя покажет.

Прошло несколько минут, прежде чем Госсейн вновь прервал молчание.

—Куда мы летим, доктор?

Впервые за все время полета доктор Кэр оживился.

—Три года назад я случайно оказался в небольшом домике на берегу озера,—сказал он.—Тихое, пустынное место, где я прожил несколько месяцев. Там так хорошо работалось, что я, не думая, оформил покупку. К сожалению, мне так и не довелось туда вернуться.—Он грустно улыбнулся.—Уверен, что нас там долго никто не потревожит.

—Понятно,—с трудом ответил Госсейн.

Он сидел в кресле, прикидывая, сколько времени прошло с начала полета. Примерно полчаса. Не так и плохо. Человек, который всего за тридцать минут приходит к выводу, что легкий путь ему заказан, далеко продвинулся в совершенствовании своей личности. А как приятно представить, что ты лежишь часами на песчаном пляже, ничем не занимаясь, и тренируешь свой мозг под руководством знаменитого ученого. Только этого никогда не будет.

Перед его глазами возник изолированный от всех дом доктора Кэра. Поблизости наверняка имеется деревня, ферма, может быть, рыбачий поселок. Три года назад целиком поглощенный научной работой психиатр вряд ли обращал внимание на свое окружение. Он много читал и прогуливался по пустынному берегу, а если навстречу попадался прохожий, он мог рассеянно пройти мимо или просто забыть о встрече. Но это отнюдь не означало, что сам он оставался незамеченным. И когда двое людей поселятся в доме сразу после убийства президента Харди, их появление, несомненно, покажется подозрительным.

Госсейн вздохнул. Нет, не пристало ему заниматься собой и загорать на пляжах, когда почва планет сотрясается под сапогами захватчиков. Он искоса посмотрел на доктора. Голова Кэра была откинута на спинку кресла, глаза закрыты. Грудь регулярно опускалась и поднималась в такт дыханию. Госсейн тихо позвал:

—Доктор!

Спящий не шевельнулся.

Госсейн подождал еще минуту, затем подошел к панели управления. Развернув робоплан по широкому кругу, он включил автопилот, потом вернулся на место, вынул блокнот из кармана и написал:

“Дорогой доктор, извините, что покидаю вас как невежливо, но даже хорошо, что вы спите, иначе мы, наверное, проспорили бы до утра. Мне очень хочется пройти у вас курс обследования и научиться контролировать дополнительный мозг, но есть вещи более спешные. Читайте страничку объявлений в вечерних газетах. Я буду подписываться “Гость”. Если возникнет необходимость в ответе, подпишитесь “Небрежный”“.

Он положил записку на панель управления и пристегнул лямки одного из ингравитационных парашютов. Через двадцать минут в тумане показался атомный маяк Машины. Госсейн настроил автопилот на прежний курс и, когда робоплан, описывая широкую дугу, пролетел над едва различимыми зданиями президентского дворца, нажал на кнопку двери.

В ту же секунду он летел в предрассветной мгле.

XIX

Лейбниц сформулировал постулат непрерывности действия как общий принцип. Закон Ньютона гласит, что сила притяжения действует на расстоянии.

Г. У.

Ингравитационный парашют был продуктом нуль-А мышления в чистом виде. Его создатель просто сел за стол и сознательно и намеренно разработал математические принципы, послужившие основой при конструировании аппарата. Его действие основывалось на законе притяжения, который гласил, что два предмета, находящиеся в пространстве, падают по направлению друг к другу, причем основное падение приходится на предмет с меньшей массой. Эту тенденцию можно изменить, только приложив силу со стороны, что являлось не просто опасным, но и требовало непомерных затрат энергии. Оставались еще последователи Аристотеля, кричащие о возможности падения "наверх", которые путались в собственных объяснениях и абсолютно не понимали законов семантики. Неньютонова физика, наука реального мира, признавала тенденцию двух тел к встречному падению одним из законов природы и просто меняла их ядерные структуры, чтобы замедлить полет или изменить направление.

Ингравитационный парашют напоминал металлическую упряжку с кожаными подушечками в тех местах, где на тело приходилась наибольшая нагрузка. Им можно было довольно легко управлять.

Соответственно, принципиально новое устройство успешно соперничало с электрическим мотором, паровой турбиной и атомными двигателями звездолетов. Нажимая нужные кнопки, Госсейн без труда приземлился точно на балконе спальни Патриции Харди.

Ему хотелось сначала побеседовать с Машиной, но он прекрасно понимал, что любая попытка такого рода обречена на провал. Наверняка ее охраняли более ревниво, чем королевскую сокровищницу в древние времена. Но никому не придет в голову, что он осмелится вернуться в президентский дворец—по крайней мере, Госсейн очень на это надеялся.

Он слегка подогнул колени, смягчая удар, потом быстро вы-

прямился. Парашют расстегнулся от движения его руки. Он аккуратно положил его на пол. Балконные двери распахнулись со скрипом, но Госсейн не собирался осторожничать.

Его план заключался в быстроте, неожиданности и знании расположения комнат.

Пока еще он не решил, как поступить с Патрицией Харди, и внезапно ему пришло в голову, что она наверняка считает его виновником смерти отца. Ничего не подделаешь, все равно отступить сейчас было поздно.

Подойдя к кровати, он навалился на девушку всем телом, зажимая ладонью ром. Быстро связав ее по рукам и ногам, используя простыню вместо кляпа, он встал и включил свет.

—Извините меня за грубость,—сказал он, посмотрев на нее. Госсейн действительно чувствовал себя неловко. К тому же он рассчитывал, что, после того, как обнаружит и уничтожит Генератор Пространства, Патриция поможет ему выбраться из дворца.

Он увидел, как она неожиданно посмотрела вверх его головы, и резко повернулся. В открытых дверях стоял Эддред Крэнг.

—На вашем месте я бы не делал глупостей,—сказал он. Его карие глаза блеснули отраженным светом. Он стоял в небрежной позе, абсолютно спокойно, между двумя охранниками с бластерами в руках.

—Вы сгруппировались, Госсейн, решив, что робоплан сможет незаметно пролететь над дворцом сегодня ночью. Однако я приготовил вам сюрприз. Прескотта нашли и освободили, и на основании его доклада я уговорил Торсона разрешить мне поступить с вами по моему усмотрению.

Госсейн молчал, ожидая, что последует дальше, но перед ним забрезжил луч надежды. Крэнг, тайный нуль—А последователь, уговорил Торсона. Госсейн считал, что положение Крэнга слишком шатко, и он ничем не может помочь, боясь попасть в немилость, но сейчас...

—Нам пришла в голову мысль,—продолжал Крэнг,—что неизвестному, который ввел вас в Игру, было безразлично, убьют вас или нет. Более того, мы уверены, что он запрограммировал это убийство, считая вашу миссию завершенной после того, как мы обнаружили дополнительный мозг. Вы немедленно появляетесь на сцене во второй раз, теперь на Венере, с тем, чтобы выполнить неведомое вам очередное ограниченное задание. Не скажу, какое, но смею вас уверить, вы его выполнили. И вновь этот неизвестный бросает вас на произвол судьбы. Вывод напрашивается сам собой. Должно существовать третье тело Госсейна, которое появится, как только второе будет уничтожено.

Он улыбнулся. Глаза его сверкнули.

—Человеку, стоящему за вами, Госсейн, приходится нелегко. Совершенно очевидно, что он не может выпустить в свет одновременно двух одинаковых людей. С одной стороны, задача фантастически сложная; с другой—слишком велика вероятность, что каж-

дый из вас реализует свои возможности и начнет производить дублей, не менее могущественных, чем оригинал. Это—колоссальный риск, и не мне вам говорить, к чему приведет такая тактика.

Крэнг с сожалением покачал головой.

—Торсон возражал, настаивая, что вас надо упрятать в надежную тюрьму, но я продолжаю утверждать, что смерть и тюрьма—две стороны одной медали. И то, и другое послужит сигналом к появлению Гилберта Госсейна III. Мы предпочитаем, чтобы у нашего неизвестного космического шахматиста не оставалось шансов ввести в Игру новую фигуру. Итак, руководствуясь здравым смыслом, мы просто ршили отпустить вас на свободу, не поставив никаких условий и не сомневаясь, что вы сумеете позаботиться о собственной безопасности.

Госсейн ожидал какого угодно приговора, но только не этого. Свобода! Он никогда особенно не рассчитывал на помощь Крэнга, и действительность превзошла все его ожидания. Вот только немного странно, что галактический агент, уверовавший в нуль-А путь развития, возражает против появления Госсейна III. Неожданное заявление, благоприятное с его точки зрения, застало Госсейна врасплох.

—Что вы решили?!—переспроил он.

—Ваше дело закрыто,—коротко ответил Элдред Крэнг.—Обвинений, вам предъявленных, больше не существует, о чем оповещены все полицейские участки. Ваш недоразвитый мозг не предвещает никакой опасности, а помешать нашим планам невозможно даже теоретически. Слишком поздно. Вы можете говорить все, что угодно и кому угодно.

Он повернулся. Манеры его были непринужденны, и казалось, он начисто забыл о существовании некоего Госсейна.

—Этого человека,—сказал он охранникам,—надо отвести в приготовленную для него комнату, накормить и выдать одежду. Он может оставаться во дворце до девяти часов утра, но если пожелает уйти раньше, не чините ему никаких препятствий.

Госсейн пошел вслед за охранниками. Он побоялся заговорить с Патрицией Харди, не осмелился поблагодарить Крэнга из страха, что Торсон может подслушивать. Когда в девять часов утра Госсейн вышел из дворца, стоял ясный, погожий день, хотя местами еще клубился туман.

Нервная система человека реагирует неодинаково, когда клетки организма находятся в угнетенном или возбужденном состоянии. Но если последнее давно научно обосновано, первое представляет особый интерес, поскольку процесс торможения до конца не изучен, а механизм действия ингибиторов, существование которых ни для кого не секрет, останется не вполне ясным.

К. М. К

Оказавшись на улице, Госсейн сказал сам себе:

—За мной наверняка следят. Не может быть, чтобы Торсон так просто взял и отпустил меня на свободу.

Он был единственным человеком, севшим в автобус на остановке. Стоя у заднего стекла, он глядел, как убегает назад серый тротуар. Примерно два квартала за ними сжала то ли черная, то ли синяя легковая машина. Госсейн вздохнул, когда она свернула на боковую улицу и исчезла за поворотом. Вдалеке за дворцом показался спортивный автомобиль, который очень быстро обогнал автобус, остановившийся перед поднявшей руку женщиной. Не обращая на единственного пассажира никакого внимания, она села на переднее сидение, но Госсейн исподтишка следил за ней до тех пор, пока она не сошла через несколько остановок.

“Может быть,—решил он,—они просто знают, что мне некуда идти, кроме как в отель и к Машине”.

В гостинице, где Госсейн оставил не только багаж, но и двести долларов наличными, клерк сказал, подтолкнув в нему регистрационную книгу:

—Распишитесь.

Такой возможности он не учел. Мысленно представив, какой может оказаться тюрьма, он взял ручку и четко расписался, улыбаясь собственной смелости.

Клерк исчез за перегородкой и примерно через полминуты появился с ключом в руке.

—Вы ведь знаете дорогу,—заметил он.

Мысли Госсейна были далеко. “Даже подпись не изменилась,—подумал он и покачал головой.—Если когда-нибудь ему придется выслушивать объяснения, он позаботится о том, чтобы они были до конца ясными и понятными”.

Он провел в камере хранения десять минут, копаясь в чемоданах. Больше всего его интересовали три костюма. Если ему не изменяла память, в одном из них он установил термостат на 66° вместо привычных 72° по Фаренгейту.

Два ртутных столбика стояли на отметке 72, третий на 66. Он

быстро снял брючную пару, выданную ему во дворце, и переселся. Костюм сидел как влитой. Госсейн вздохнул. Несмотря на свидетельство собственных глаз, ему трудно было привыкнуть к мысли, что мертвец в лаборатории дворца и он сам были одним и тем же лицом.

Он нашел деньги на месте, там, куда вложил их, между страницами книги. Отсчитав семьдесят пять долларов десятками и пятерками, Госсейн запер чемоданы, закрыл сейф и вернул ключи клерку. Оказавшись на улице, он почти сразу же услышал голос автомата по продаже газет и вспоминал те нелепые обвинения, которые были предъявлены ему вчера вечером. Как и следовало ожидать, заголовки пестрели сообщениями о смерти президента, но тон статей резко поменялся.

— Госсейн оправдан... Проводится тщательное расследование... Администрация признает, что сразу же после убийства в правительственном заявлении были допущены грубые ошибки... Джим Торсон, наиболее вероятный кандидат в президенты, требует... согласно закону...

Они больше не думали о возмездии, отказывались от своих слов. Точно рассчитанный ход людей, чувствовавших за собой неограниченную силу. Они заронили в мозг толпы искру подозрения в Венере и Машине и, когда потребуется, они раздуют из нее пламя.

В самом конце первой страницы, на второй полосе в глаза Госсейну бросился заголовок:

НИКАКИХ НОВОСТЕЙ С ВЕНЕРЫ
Радисты докладывают, что сегодня утром
им не удалось наладить связь
с Венерой

Заметка привела Госсейна в угнетенное состояние. Только теперь он начал понимать, что вновь оказался на Земле, один среди пяти миллиардов ее обитателей, которые знали о текущих событиях только из газет и радиопередач. Более того, он потерял надежду что-либо изменить, ведь его лишили даже права рисковать собственной жизнью. Сколько глупостей он наделал, прямо как в мелодраме! Надо же было ему сунуться в президентский дворец именно в ночь убийства! Так мог поступить лишь умалишенный, но никак не Гилберт Госсейн, обязанный предусмотреть последствия подобного шага. И, конечно, они не подпустят его к Машине и на пушечный выстрел!

Но никто не остановил его. Он шел к сверкающему шпилью по пустынным аллеям. Ничего удивительного, после двадцати девяти дней Игр отсеялось примерно девяносто процентов соревнующихся. Зайдя в одну из экзаменационных кабинок, Госсейн прикоснулся к металлическим контактам, налаживая связь, и стал терпеливо ждать. Примерно через полминуты из громкоговорителя раздался голос:

—Ситуация ясна. Что вы намерены предпринять?

Вопрос потряс Госсейна. Как ни обидно было ему признаться в этом, он пришел получить совет, выслушать очередные инструкции. Будущее представлялось ему настолько туманным, что говорить о каких-то намерениях просто не имело смысла.

—Я растерялся,—признался он.—За короткое время мне много пришлось пережить. Я испытал страх смерти, ни на секунду не имел покоя, старался что-то предпринять на благо общества. И вдруг все это оказалось ненужным. Я волен делать, что захочу. Моей жизни ничто не грозит. Я вновь вынужден зарабатывать себе на хлеб и заниматься прочими обыденными вещами. Единственный мой план заключался в том, чтобы обратиться к ученым из Института Семантики, а потом найти доктора Кэра. Жителей Венеры необходимо предупредить о грядущей им опасности.

—Они уже знают,—сказала Машина.—Шестнадцать часов тому назад на планету было совершено нападение. В операции участвовали пять тысяч космических кораблей с двадцатью пятью миллионами солдат на борту. Они...

—Что?—воскликнул Госсейн.

—В настоящий момент,—сказала Машина,—все большие города Венеры находятся в руках захватчиков. Первая стадия битвы завершена.

Руки Госсейна бессильно упали с металлических контактов. Отчаяние, охватившее его, пересилило чувство глубокого уважения, которое он питал к Машине.

—И ты не предупредила их!—вскричал он вне себя от ярости.—Чудовище!

—Насколько я понимаю,—ответил бесстрастный голос,—вы уже слышали о Генераторе Пространства. Я не в состоянии выступить публично, пока он на меня направлен.

Госсейн, готовый разразиться новыми проклятиями, умолк и стал слушать дальше.

—Электронные системы моего мозга,—продолжала Машина,—необычайно сложны и могут надежно функционировать лишь при правильном распределении потока энергии. Он должен быть прерывистым—только тогда я в состоянии управлять рабочими и нерабочими схемами в нужной последовательности. Генератор Пространства мешает возникновению очередных импульсов, блокирует определенные каналы. Таким образом он создаст помехи, нарушает все мои коммуникации с внешним миром, не позволяя осуществлять контроль над фотоэлементами, титратронами, усилителями, которые постоянно находятся под нагрузкой.

—Но ведь ты разговариваешь со мной. Значит, это возможно!

—С отдельным человеком—да,—сказала Машина.—Используя резервы, я могу сообщить о заговоре нескольким людям одновременно. Допустим, я так и сделаю. Допустим, они начнут кричать, что Машина обвиняет правительство в саботаже. Прежде чем им поверят, Торсон достанет еще один Генератор Пространства, и

все будет кончено. Нет, мой друг, мир слишком велик, и любой преступник, имеющий доступ к радио и газетам, добьется за один час больше, чем я за год. И пока у меня не появится шанс выступить публично, я предпочитаю молчать.

—Но что же нам делать?—недоуменно спросил Госсейн.

—Лично я—бессильна.

Госсейн почувствовал какой-то подвох.

—Ты хочешь сказать, что все зависит от меня одного?—спросил он.

—Я не уверена,—ответила Машина,—понимаете вы или нет, насколько блестящий анализ дал Крэнг сложившийся ситуации.

Госсейн задумался, вспоминая разговор во дворце. Крэнг нес какую-то ахиню о причинах, по которым они не собираются его убивать, и...

—Послушай,—воскликнул он,—не хочешь ли ты сказать, что я должен покончить с собой?

—Будь на то моя воля,—торжественно произнесла Машина,—я уничтожила бы вас в ту самую секунду, как открылась дверь. Но в мои схемы встроены ограничения, которые позволяют убить человека только в том случае, если он нападет на меня.

Госсейн, никак не ожидавший, что Машина неожиданно может стать его врагом, изумленно вздохнул.

—Я не понимаю, что происходит,—сказал он.—Ты говоришь серьезно?

—Вы выполнили свою миссию,—ответил бесстрастный голос,—и должны уступить место третьему, более совершенному Госсейну. Не исключено, что со временем вам удастся научиться пользоваться дополнительным мозгом. Но у нас нет времени, а Госсейн III получит такую возможность, как только обретет сознание.

—Но ведь это просто смешно,—нервно сказал Госсейн.—Я не могу покончить с собой.—С большим трудом он взял себя в руки.—Почему... третий Госсейн должен появиться на свет обязательно после моей смерти?

—Процесс и мне не совсем понятен,—ответила Машина.—После того, как мы виделись с вами в последний раз, мне сообщили, что физическая смерть одного из тел воспринимается электронным устройством, которое автоматически передает сигнал в следующее тело. Механика довольно проста, что же касается биологии—мне трудно разобраться.

—Кто сообщил?—напряженно спросил Госсейн.

Наступила короткая пауза, потом из раскрывшейся щели вышло письмо.

—Я получаю инструкции по почте,—сказала Машина.—Ваше второе тело доставили на грузовике, и к нему была приложена эта записка.

Госсейн развернул небольшой лист бумаги и прочитал несколько строк, отпечатанных на машинке:

“Отправьте тело Госсейна II на Венеру и оставьте в лесу рядом с домом Прескоттов. Когда он уйдет оттуда, пошлите робоплан, который должен будет высадить его у дома-дерева Крэнга, с приказанием сдаться в плен. Проинформируйте его относительно Венеры и примите все необходимые меры предосторожности”.

—Никто и никогда не проверял грузы, которые я отправляю на Венеру,—сказала Машина.—Ваша транспортировка прошла без осложнений.

Чувствуя непонятную слабость, Госсейн перечитал записку.

—И это все, что ты знаешь?—с трудом проговорил он.

Казалось, Машина колеблется.

—С тех пор я получила еще одно письмо, в котором сказано, что скоро мне будет доставлено тело Госсейна III.

Госсейн побледнел.

—Ты лжешь,—хрипло прошептал он.—Ты говоришь это только для того, чтобы я покончил с собой.

Он умолк. Получалось, что он оказался вовлеченным в идиотский спор о необходимости самоубийства. Зачем обсуждать, по какой причине он не собирается так поступать? Чушь какая-то. Не говоря ни слова, он встал, вышел из кабинки и пошел прочь от здания Машины.

Весь день он не знал, куда ему деться. Он старался ни о чем не думать, не поддаваться отчаянию. Только к вечеру его нервы постепенно стали успокаиваться. Он чувствовал себя усталым и несчастным, но уже мог здраво рассуждать. Машина даже не предложила ему попробовать уничтожить Генератор Пространства, наоборот, заранее обрекая такую попытку на провал.

Обедая, он представил себе, что можно сделать. Первым делом надо позвонить Патриции и назначить ей свидание во дворце. Неужели он не сумеет убедить ее выделить ему хотя бы несколько минут наедине? Нет, он просто обязан что-то предпринять.

Он направился к видеофону, как только встал из-за стола. После короткой паузы на экране возникло ее лицо. Увидев Госсейна, она просияла и тут же торопливо произнесла:

—В вашем распоряжении всего одна минута. Где мы встретимся?

Когда он ответил, она нахмурилась, покачала головой, потом задумчиво посмотрела на него.

—По-моему, это очень рискованно,—медленно сказала она,—но если вы не боитесь, я согласна. Значит, завтра, ровно в час. И не попадитесь на глаза Прескотту, Торсону или мистеру Крэнгу.

Госсейн заверил ее, что будет крайне осторожен, попрощался и повесил трубку. И, конечно же, попался на глаза Прескотту.

Знаменитый ученый викторианской эпохи сказал: "Следующему поколению физиков нечего делать, кроме как заняться дальнейшим измерением малых величин". В следующем поколении... Планк разработал квантовую теорию, которая впоследствии позволила Бору доказать существование атомной структуры материи... математические построения Эйнштейна основывались на измерении малых величин с максимально возможной степенью точности... Очевидно, на повестке дня сейчас гравитация. Загадка магнитного поля... Рано или поздно кому-нибудь удастся измерить очередную малую величину, и проблема будет решена.

Дж. В. К.-Младший

Госсейн подошел к главному входу дворца за несколько минут до назначенного времени. Он был не один. Мужчины и женщины входили и выходили из широких дверей, и он смсшался с толпой, пользуясь ею как ширмой, прячась от посторонних глаз. Естественно, прежде чем пройти внутрь, ему пришлось обратиться к охраннику, неповоротливому и толстому, сидевшему за стеклянной перегородкой.

—Мое имя Госсейн. Мне велено прийти к мисс Патриции Харди в час дня.

Толстяк провел пальцем по лежавшему перед ним списку имен, затем нажал кнопку. Из соседнего помещения вышел высокий молодой человек в форме. Он взял из рук Госсейна чемодан и провел его к лифту, створки которого распахнулись, выпуская трех пассажиров. Одним из них был Прескотт. Он удивленно уставился на Госсейна. Лицо его помрачнело.

—Что вам здесь надо?—спросил он.

Госсейн глубоко вздохнул. Ему просто фантастически не повезло. На всякий случай он готовился к такой встрече, но все равно сердце его ушло в пятки, когда он выдавил из себя заранее приготовленную фразу:

—Крэнг назначил мне встречу.

—Что-что? Мы с ним только что расстались, и он ни словом о вас не обмолвился.

Госсейн вспомнил, что Прескотт ничего не знает о Крэнге. Тем лучше—значит, можно не бояться выдать галактического агента, перешедшего на их сторону.

—Он согласился уделить мне несколько минут,—пояснил Госсейн.—Но, может быть, вы объясните мне, что происходит?

И Госсейн принялся рассказывать о своем посещении Машины и о том, как она посоветовала ему покончить жизнь самоубийством, чтобы уступить место Госсейну III. Он и виду не показал, что знает о вторжении на Венеру, и мрачно заявил:

—Я хочу видеть свое третье тело. Я слишком верю в нуль-А принципы, чтобы допустить существование трех Госсейнов даже после того, как мне показали второго. Подумать только, такому здравомыслящему человеку, как я, приказывают покончить с собой!—Он невольно вздрогнул.—Я должен разобраться. Я готов откровенно поговорить с Торсоном. После вчерашнего,—тут Госсейн посмотрел прямо в глаза своему собеседнику,—я как-то не подумал о вас.

Все это время Прескотт холодно и подозрительно наблюдал за ним. По нему было незаметно, что он придаст значение их недавней стычке. Выслушав рассказ Госсейна, он пожал плечами и направился к выходу, но тут же остановился и резко повернулся. В глазах его засветилось любопытство.

—Как вы, вероятно, догадались,—сказал он,—мы пытаемся найти ваши остальные тела.

Единственным желанием Госсейна было уйти отсюда как можно скорее, но, услышав столь откровенное признание, он почувствовал, что его бьет озноб.

—Где?—спросил он.

Прескотт хрипло рассмеялся.

—Сначала мы растерялись и наделали глупостей. Обыскивали чуть ли не все пещеры Земли. Сейчас мы стали умнее.

—Что вы имеете в виду?

Прескотт нахмурился.

—Проблема в целом достаточно сложна,—сказал он,—и частично связана с одним из законов природы, о котором вы скорее всего никогда не слышали. Он гласит, что если две энергии совпадают по своим показателям до двадцатого десятичного знака и действуют в одном пространстве, то наибольшая из них перекроет любое расстояние, стремясь совпасть с наименьшей, но не мгновенно, а на сверхсветовых скоростях.

—Для меня это звучит абракадаброй,—заметил Госсейн.

Прескотт громко рассмеялся.

—Попробую объяснить на вашем примере,—сказал он.—Каким образом в вашем мозгу сохранились мельчайшие подробности воспоминаний Гилберта Госсейна I? Ваши показатели должны были совпадать как минимум до двадцатого десятичного знака; теоретически—это единственно возможный способ передачи мыслей на расстоянии. Итак, Госсейна I, который жил и действовал, можно, грубо говоря, считать энергией наибольшей, а вы, находясь в инертном состоянии, воспринимали все с ним связанное независимо от удаленности в пространстве.—На мгновение он умолк.—Мы даже исследовали метсориты вплоть до колец Сатурна, полагая (как теперь выяснилось, неверно), что один из них могли выдол-

бить и превратить в инкубатор для Гилбертов Госсейнов в разной стадии развития. Надеюсь, теперь вы понимаете, насколько серьезно мы...

Его прервал человек в форме:

—Нас ждет машина, мистер Прескотт. Звездолет улетает на Венеру через полчаса.

—Уже иду, генерал.

Он сделал несколько шагов вслед за военным и вновь повернулся к Госсейну.

—В какой-то степени нам даже любопытно будет посмотреть на Госсейна III. Для вас наверняка не секрет, что мы намерены уничтожить его тело, а потом уже расправиться с вами. Более того, я предполагаю, что *общее* количество Госсейнов тоже не бесконечно.

Он резко оборвал разговор и, не оглядываясь, направился к выходу. У подъезда его ждала машина. Через несколько минут Прескотт задумается об их встрече. И найдет время позвонить Крэнгу, которому ничего другого не останется, как немедленно арестовать Госсейна.

Стоя в лифте, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Его план захватить Генератор Пространства в целости и сохранности рухнул из-за неожиданной встречи, но он не стал задумываться, когда Патриция Харди пригласила его войти. Она что-то бормотала об опасности, которой он подвергается во дворце, когда он вытащил из чемодана прочный шнур.

Она пришла в полное изумление, когда он начал связывать ее по рукам и ногам, и попытался выхватить небольшой пистолет из широкого рукава платья. Госсейн без труда овладел оружием и сунул его в карман. Заткнув ей рот кляпом и уложив на постель, он сказал:

—Простите. Но если сюда войдут, вас по крайней мере ни в чем не заподозрят.

Ему не хотелось ни извиняться, ни соблюдать правила хорошего тона. Ему хотелось успеть. Быстро вернувшись в гостиную за чемоданом, он вывалил его содержимое на кровать рядом с девушкой и, схватив атомный резак, подбежал к стене, в которой, по его мнению, находился Генератор Пространства.

Еще прошлой ночью он решил, что прибор направлен прямо на Машину, иначе его действие теряло бы свою силу пропорционально расстоянию в одну треть мили. Ведь даже мощный прожектор не ясно освещал пространство по сторонам. Вырезав квадрат со стороной восемь футов, он подтащил отвалившийся кусок стены поближе к балкону. Когда пыль осела, Госсейн увидел перед собой Генератор Пространства. Он представлял его совсем иным, более солидных размеров, чем шесть футов в высоту, четыре в длину, полтора в толщину. Обхватив прибор обеими руками—весил он сравнительно немного, фунтов пятьдесят,—Госсейн легко поднял его, отнес к кровати и положил перед ней панелью вниз на ковер.

Перед его глазами замелькали десятки маленьких прозрачных трубок. Впрочем, за несколько сотен лет развития электроники появилось неимоверное количество самой разнообразной техники, и уследить за всеми новинками не было никакой возможности. Он вновь взялся за атомный резак, намереваясь превратить Генератор Пространства в кучу металлолома. Затем задумался и, нахмурившись, посмотрел на часы. Без двадцати минут два.

Внезапно он понял, что ему некуда спешить. Звездолет Прескотта давно улетел на Венеру, и ничего непредвиденного не произошло. Выглянув в широкое окно, он посмотрел на лужайку, поросшую кустарником, на пустынные аллеи, ведущие к зданию Машины. Несколько садовников время от времени склонялись над клумбами цветов, выполняя свои прямые обязанности. Машина сверкала и переливалась в солнечных лучах. Чтобы доставить туда Генератор Пространства, требовалось всего несколько минут.

Приняв решение, Госсейн резко повернулся, снял трубку телефона, стоявшего на столике перед кроватью и, услышав женский голос, сказал:

—Будьте любезны, соедините меня со столярной мастерской.

Через секунду ему ответил ворчливый голос. Госсейн быстро объяснил, какие работы ему требуется произвести. Он был в необычайно приподнятом настроении.

“Все будет в порядке,—подумал он.—Чем непринужденней себя вести, тем больше шансов на успех”.

Он быстро вынес Генератор Пространства в гостиную. Вскоре раздался звонок, и в комнату вошли пятеро рабочих. Они молча принялись за работу. Бесшумные пилы, автоматические отвертки—Госсейн и глазом не успел моргнуть, как Генератор Пространства был надежно упакован в деревянный ящик. Двое рабочих, которые до сих пор стояли без дела, подхватили его на руки.

—Доставив к месту назначения через пять минут,—сказал один из них.

Госсейн запер дверь и вернулся в спальную. Даже не посмотрев в сторону Патриции Харди, он кинулся на балкон. Грузовик с узким деревянным ящиком в кузове сжал по мощеной дороге, примерно в четверти мили от дворца. Он направился прямо к зданию Машины и нырнул в подземный тоннель. Через две минуты он появился уже без груза.

Не говоря ни слова, Госсейн подошел к кровати и развязал девушку. Сам не зная почему, он чувствовал растущую неудовлетворенность собой, как будто его решительные действия были лишены всякого смысла.

Кто из нас нормален?
(Quisnam igitur sanus?)

Гораций, Сатиры II, год 25-й

Патриция Харди сидела на кровати, растирая онемевшие от всеревов руки. На ее губах застыла легкая улыбка, которая привела Госсейна в полное недоумение. Ему даже показалось, что она смеется над ним, как над глупым, нашкодившим мальчишкой.

—Итак, у вас ничего не вышло!—сказала девушка.

Госсейн молча уставился на нее.

—Ведь вы пришли сюда в надежде, что вас убьют, верно?—спросила она.

“Не валяйте дурака”,—хотел ответить Госсейн, но тут же закрыл рот. Он вспомнил свое нервное состояние, лихорадочную поспешность, разочарование, которое испытал, добившись наконец поставленной цели. Зачем обманывать самого себя? Безжалостный голос девушки не знал пощады.

—Другой причины нет и быть не может. Вы прекрасно понимали, что Госсейн III появится только в том случае, если вас не будет в живых. И, не сомневаясь, что ваша безумная затея обречена на провал, явились во дворец, желая погибнуть, как подобает мужчине.

Она была права. Ни один нормальный человек не покончит жизнь самоубийством и не отправится добровольно на эшафот. “Верю ли я,—подумал он,—в существование Госсейна III? Да, верю”. Он ошеломленно тряхнул головой. Сколько раз он твердил себе, что это невозможно. “Могу ли я покончить с собой? Нет. Но я должен найти выход. Должен!”

Госсейн повернулся и, не говоря ни слова, направился к выходу.

—Куда же вы?—крикнула она вслед.

—В гостиницу. Если я вам понадобится, звоните в любое время.

У дверей он остановился. У него совсем вылетело из головы, что своей выходкой он поставил ее в дурацкое положение.

—Не забудьте вызвать рабочих, чтобы починили стену,—сказал он.—Думаю, вы лучше меня знаете, что делать дальше. До свидания. Желаю удачи.

Он вышел из дворца и пошел по бульвару. Очутившись в городе, он зашел в первую попавшуюся аптеку и купил пачку гипно-таблеток.

—Решили подготовиться к Играм будущего года?—сочувственно спросил аптекарь.

—Как сказать,—коротко ответил Госсейн.

А теперь—в студию звукозаписи.

—Мне бы хотелось взять напрокат магнитофон,—сказал он.—Примерно на неделю.

—С чистой пленкой для записи?

—Да.

—Четыре доллара пятьдесят центов.

В отеле он первым делом потребовал ключ от сейфа, достал оставшиеся деньги и вернулся в холл.

—Месяц тому назад,—сказал он,—меня выгнали из гостиницы, так как я не смог назвать своего настоящего имени. Сейчас мне нужна комната. Я заплачу вперед.

Клерк не стал колебаться. Отель был практически пуст: люди, не сдавшие экзаменов, давно покинули город. Через две минуты мальчишка-лифтер проводил Госсейна в просторный номер. Тщательно заперев за собой дверь, Госсейн быстро продиктовал в микрофон заранее подготовленные фразы, включил аппарат на повтор, принял гипнотаблетку и лег, не раздеваясь. “Через двадцать четыре часа,—подумал он,—действие лекарства кончится, и тогда...” Он положил сверкающий маленький пистолет, отобранный у Патриции Харди, на столик рядом с кроватью.

То, что с ним произошло потом, трудно было описать словами. Он не устал, скорее впал в прострацию, чувствуя смертельную усталость, сквозь которую пробивался высокий раздражающий звук... звук его собственного голоса:

“Я—никто. Я ничего не стою. Меня все ненавидят. Какой смысл мне оставаться в живых? У меня никогда ничего не получится. Ни одна девушки меня не полюбит. Я разорен... ни надежды... ни денег... покончи с собой... застрелись...”

На Земле жили и здравствовали миллионы людей, думающих так ежедневно. Но они не стояли на нуль-А пути развития, а Госсейн надеялся, что его сбалансированная нервная система не выдержит отчаяния, которое он пытался себе внушить. Сознательно опускаясь с сияющих высот интеграции в пропасть несвежества, он не сомневался, что рука его дрогнет в нужный момент.

“Какой смысл мне оставаться в живых? Какой смысл... ни надежды... покончи с собой!”

“Меня все ненавидят... ненавидят... ненавидят...”

В течение первого часа в голову лезли посторонние мысли. “Это просто глупо! Мой мозг слишком стабилен, баланс невозможно нарушить... ни надежды... Меня все ненавидят... ничего не стою...”

Примерно к концу второго часа откуда-то издалека до него стал доноситься назойливый шум. Он становился все громче и громче, иногда даже заглушая высокий звук его голоса. “Пушки! Обстрел!—мелькнула в затуманенном сознании Госсейна.—Неужели они напали на Землю?”

Ему стало страшно.

Он не помнил, как встал с постели, как очутился на полу. Он так устал! “Я ничего не стою... разорен... ни надежды... покончи с собой...”

Собрав остатки сил, он пополз к окну. И ничего не увидел,

кроме соседнего здания. Но теперь он совершенно отчетливо слышал разрывы снарядов. На какое-то мгновение его захлестнуло отчаяние. Они бомбили Машину!

—Я никто... покончи с собой... Все меня ненавидят... Какой смысл мне оставаться в живых?—

Видимо, она начала трансляцию по всем радиостанциям о нападении на Венеру! А заговорщики пытались уничтожить ее.

Радио в его номере! Надо выключить... Как он устал! —Покончи с собой... ни надежды...— В конце концов ему удалось добраться до приемника и повернуть ручку громкости.

—Невероятно... негодяи... преступники...

Несмотря на оцепенение, овладевшее мозгом, Госсейн удивился. И внезапно понял, в чем дело. Пошла в ход пропаганда. Голоса плевались угрозами и обвинениями. Машина! Чудовище! Механический монстр без души, предательница! Венерианские бандиты, которые пытались навязать свою волю массе землян. Чуждая психология. Смирительные рубашки... истребить... уничтожить...

А на фоне лживых голосов грохотала орудийная канонада. Госсейна потянуло в сон. Надо добраться до кровати. Он устал. Он так сильно устал.

—ГОССЕЙН!

Все другие голоса замерли в отдалении. Радио обратилось прямо к нему.

—ГОССЕЙН, ЭТО ГОВОРIT МАШИНА. НЕ КОНЧАЙТЕ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ.

—Покончи с собой! Я—никто. Меня все ненавидят. Какой смысл мне оставаться в живых?—

ГОССЕЙН, НЕ КОНЧАЙТЕ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ. ЗАГОВОРЩИКИ УНИЧТОЖИЛИ ВАШЕ ТРЕТЬЕ ТЕЛО. ГОССЕЙН, МНЕ ДОЛГО НЕ ПРОДЕРЖАТЬСЯ. ПЕРВЫЕ ПОЛЧАСА МЕНЯ ОБСТРЕЛИВАЛИ ОБЫЧНЫМИ СНАРЯДАМИ, НО СЕЙЧАС ЧЕРЕЗ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ИНТЕРВАЛЫ В МЕНЯ ЛЕЯТ ТОРПЕДЫ С АТОМНЫМИ БОЕГОЛОВКАМИ.

—Я ЗАЩИЩЕНА ДЕВЯНОСТАФУТОВЫМ СТАЛЬНЫМ БАРЬЕРОМ. ГОССЕЙН, В НЕМ УЖЕ ПЯТЬ ПРОБОИН ОТ ТОРПЕД, НАПРАВЛЕННЫХ С ВЕНЕРЫ.

—ГОССЕЙН, НЕ КОНЧАЙТЕ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ. ВАШЕ ТРЕТЬЕ ТЕЛО УНИЧТОЖЕНО. ВЫ ДОЛЖНЫ НАУЧИТЬСЯ КОНТРОЛИРОВАТЬ СВОЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МОЗГ. Я НЕ МОГУ ПОДСКАЗАТЬ ВАМ, КАК ЭТО СДЕЛАТЬ, ПОТОМУ ЧТО...

Взрыв.

После минутного молчания из громкоговорителя раздался голос:

—Леди и джентльмены, Машина только что уничтожена прямым попаданием. Ее неожиданно коварное нападение на дворец Президента...

Щелк!

Он уже давно хотел выключить этот глупый приемник. Только раздражает. И что так болтали о... что-то о... что?

Добравшись до кровати, он улегся поудобнее и на мгновение нахмурился, стараясь уловить смысл сказанного. Что-то такое... Как он устал! "Покончи с собой. Меня все ненавидят. Я разорен. Какой мне смысл оставаться в живых? Покончи с собой".

XXIII

Когда сознание вернулось к Госсейну, он прежде всего попытался пошевелить руками. И не смог. Как будто он лежал на них. "Какая странная поза", — подумал он. Испытывая легкое раздражение, он понял, что вряд ли сумеет рассуждать здраво, пока не проснется окончательно.

Внезапно он вспомнил, зачем ему вообще понадобилось снимать номер в отеле. Теперь только остается подождать, когда же наконец им овладет жажда смерти. "Лучше всего просто схватить пистолет и, не думая, пустить себе пулю в лоб", — услужливо подсказал измученный мозг. Но ему абсолютно не хотелось стреляться. Наоборот, откуда-то из глубин его существа поднималась веселая уверенность в своих силах, чувство скорой победы над врагами, убеждение, что ничто на свете не сможет помешать ему. Некоторое время он продолжал недоумевать, почему у него такое хорошее настроение. Правда, он вставал с кровати и слышал какой-то шум. Может быть, он тогда случайно включил магнитофон?

— Мне кажется, — прозвучал слева от него женский голос, — вам пора проснуться. Действие гипнотаблетки давно кончилось.

От неожиданности Госсейн открыл глаза, стряхивая с себя остатки оцепенения. Он действительно лежал на руках, но пошевелить ими не мог по другой причине. Рядом с ним, в кресле, дымя сигаретой, сидела Патриция Харди и задумчиво смотрела на него. Госсейн сделал попытку приподняться и бессильно откинулся на подушку. Девушка глубоко затаилась. Выпустив в потолок струю дыма, она вновь заговорила.

— Я надела на вас наручники, потому что вы человек настоящий и можете ни перед чем не остановиться, если вам покажется, что я скрывать.

Она рассмеялась тихим, приятным и удивительно музыкальным смехом. Растерявшийся Госсейн даже не нашел, что ответить. Раздраженное выражение — первый признак психопатии — исчезло и с лица. Оно оставалось таким же красивым, но в нем произошли неумовимые перемены. Патриция всегда казалась спокойной, уверенной в себе. Сейчас это впечатление усилилось во сто крат. Каким-то непонятным образом хорошенькая упрямая девчонка за одну ночь превратилась в сильную красивую женщину.

— А теперь поговорим серьезно, — сказала она. — Я пошла на

риск, лишь бы повидаться с вами. Ведь вы только сыграли им на руку, отправив Генератор Пространства Машине. Необходимо что-то предпринять.

Наступившая пауза дала Госсейну возможность собраться с мыслями. «Ни перед чем не остановитесь, если вам покажется, что я скрытничая». Почему так непонятно себя ведет? Патриция Харди наговорила сму с три короба, но ни словом не обмолвилась, какое отношение она сама имеет к нуль-А учению или галактическим агентам. Госсейн внимательно посмотрел на девушку и начал задавать вопросы. Она слушала молча, не перебивая, потом пожала плечами.

—Все равно я ничего вам не скажу,—ответила она.—Слишком опасно. К тому же время не ждет.

—Ах вот как!—воскликнул Госсейн.—Ничего. Я не тороплюсь. Для начала я хочу знать, действительно ли президент Харди был вашим отцом? Итак?

Молодая женщина вздохнула и закрыла глаза.

—Кажется, мне придется запастись терпением,—сказала она.—Говорю вам, Генератор Пространства все еще находится в задании Машины. Его необходимо достать любой ценой. Это один из немногих галактических приборов, который мы можем предъявить в качестве вещественного доказательства.

—У меня сложилось настолько низкое мнение о людях, которые никого не предупредили о готовящемся вторжении,—ответил Госсейн,—что его неприлично высказывать вслух.—Неожиданно до него дошел смысл сказанного.—Какого доказательства?—переспросил он.

—Вы не должны судить слишком поспешно,—возразила Патриция Харди тихим голосом.—Мы не могли помешать вторжению. И кроме того, кого предупреждать? На Венере нет правительства. Детективные агентства, судебные органы и радиовещание контролировались заговорщиками. Поверьте, мы с Элдрейдом перебрали все варианты, но не нашли выхода. Он лишь предложил решение на будущее.

Необходимо создать новую Машину. Это вполне возможно. В Институте Семантики уже сконструированы приборы, которые мгновенно определяют физическое и умственное состояние человека, не проводя никаких испытаний и экзаменов. Автоматически отпадает нужда в проведении довольно тяжелых сорокадневных Игр. Ведется разработка схем, способных защитить Машину от постороннего вмешательства в любой форме.—Она перевела дыхание.—Как только вы доставите мне Генератор Пространства, я вам все объясню. А сейчас слушайте! В отеле служит один молодой человек, который вам поможет. Когда я уйду, прочитайте его записку, но учтите, что он не в курсе наших дел. Я оказалась рядом с вами в критический момент, но именно он спас вам жизнь и практически совершил невозможное: ни одна живая душа не знает, что вы здесь.

—Гилберт Госсейн,—продолжала она, наклонившись и глядя на него большими голубыми глазами,—потерпите. Я знаю, с вами обошлись грубо. Мы провели примерный анализ ситуации и пришли к определенному выводу: вы появились в разгар военных приготовлений. Это неприятно удивило Торсона, но думаю, что убили вас чисто случайно. Затем вы очутились в двух ключевых пунктах с точки зрения галактической империи: госпитале Прескотта и доме-дереве Крэнга. Вы даже представить себе не можете, как они были напуганы. Торсон стал действовать предельно осторожно. Узнав, что вы не можете контролировать свой дополнительный мозг, он позволили Элдреду Крэнгу отпустить вас на свободу. Тогда мы еще не знали, что Торсон согласился только потому, что его агенты вот-вот должны были обнаружить ваше третье тело. Для нас до сих пор загадка, где его нашли. Важно другое: после того, как Госсейн III уничтожили, вы подвергаетесь смертельной опасности. Они снова объявили ваш розыск.

—То есть как уничтожили?—спросил Госсейн.

Впервые за весь разговор на лице ее появилось растерянное выражение.

—Вы хотите сказать, что ничего не знали?—воскликнула она.—Как же так?—Тон ее резко переменился:—К сожалению, мне некогда. Просмотрите газету.—Она встала с кресла.—Запомните, Генератор Пространства необходимо доставить в дом молодого человека, который работает в отеле. Мы встретимся там завтра, я потом сообщу когда.—Порывшись в сумочке, она достала ключ и кинула его на кровать.—От наручников,—пояснила она.—До свидания. Желаю удачи.

Дверь бесшумно закрылась.

Госсейн снял с себя наручники, присел на край кровати и задумался. “О чем она говорила? Какая-то записка”. Он недоуменно окинул комнату взглядом и увидел чуть сзади небольшое бюро, на котором лежала газета и лист белой бумаги. Перегнувшись через постель, он взял его в руки и, все еще удивляясь, начал читать:

“Дорогой мистер Госсейн, когда передавали последние известия, я понял, что вас будут искать, и немедленно уничтожил регистрационную карточку, а потом выписал на ваш номер, 974, другую, под первым попавшимся именем: Джон Уэнтворт.

Когда мое дежурство закончилось, я попытался предупредить вас, но так как вы не открывали, воспользовался запасным ключом. Вы лежали на кровати, не двигаясь, слушая включенную на повтор запись. Я ее стер и сделал новую в надежде, что она помешает депрессивному действию первой.

Когда я заходил к вам в последний раз, я выключил магнитофон, потому что по вашему лицу было видно, что вы полны оптимизма. Надеюсь, я добился определенного равновесия, ведь вам сейчас потребуются для борьбы все силы.

Это написано человеком, который мечтает принять участие в

Играх следующего года, на которого вы можете целиком и полностью положиться и который не боится подписаться,

С пожеланием всего самого доброго

Дан Литтл.

Р. С. Я найду к вам после дежурства сегодня в полночь. Прочитайте сегодняшнюю газету. Тогда вам станет более понятен смысл моей записки.

Д. Л.

Госсейн потянулся за газетой и разложил ее прямо на одеяле. Крупный шрифт заголовка бросился ему в глаза:

МАШИНА ИГР УНИЧТОЖЕНА

Дрожа от возбуждения, он принялся читать, пропуская отдельные слова.

“...Открыла огонь по дворцу и... Все радиостанции одновременно сообщили о загадочном нападении на Венеру (никакого нападения не было. См. Радиоотчет, стр. 3). Принято решение... ненормальная обстановка... сразу же вслед за убийством президента Харди... является доказательством того, что Машина поддерживала связь... соответственно, уничтожена”.

“...в течение часа... Машина передавала на всех волнах... непонятное послание Гилберту Госсейну, фотография которого напечатана... странице... ранес отпущенного на свободу... Должен быть задержан до выяснений обстоятельств... Подлежит аресту, где бы ни находился...”

Читая статью, Госсейн вспоминал медленно, слово за словом, все, что сказала ему Машина. С трудом сглотнув слюну, он посмотрел на фотографию. Нечто странное почудилось ему в собственном лице. Прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что снимок сделан с трупа Гилберта Госсейна I.

Он мрачно улыбнулся, отложил газету в сторону и перебрался в кресло. Он чувствовал сильную слабость, но в душе его нарастало возмущение Машиной, которая приказала ему покончить жизнь самоубийством. “Ваше тело уничтожено!” Тоже мне, фокусы! Она просто не имела права ничего предпринимать, если это грозило безопасности Гилберта Госсейна III. А ведь он чуть было не застрелился. Смерть стояла совсем рядом, и он еще не успел до конца оправиться от последствий нервного шока. Постепенно гнев его проходил. Вдохнув, Госсейн попытался разобраться в сложившейся ситуации. “Прежде всего,—подумал он,—необходимо завладеть Генератором Пространства. Потом научиться управлять своим дополнительным мозгом”.

Или это невозможно? Ведь до сих пор его многочисленные попытки ни разу не увенчались успехом. Он иронически улыбнулся. “Хватит заниматься самоедством,—громко проговорил он.—Пора переходить от слов к делу”.

Самое главное—не забывать о мелочах. Он отсоединил экран видеофона—кто знает, как часто меняются дежурные—и набрал номер. Ему ответил приятный мужской голос.

—Вас беспокоит Джон Уэнворт,—сказал Госсейн.

После короткой паузы клерк ответил:

—Да, сэр. Как вы себя чувствуете? Говорит Дан Литтл. Я сейчас приду, сэр.

Госсейн остался сидеть в кресле. Он хорошо помнил худощавого невзрачного юношу с приятными чертами лица и копной черных волос, который заставил его расписаться в регистрационной книге. Когда Литтл вошел, он показался Госсейну еще более тщедушным, вряд ли пригодным для той трудной роли, которую ему отвела Патриция Харди. Однако сдержанное поведение и непринужденные манеры молодого человека ясно указывали, что он стоит на нуль-А пути развития.

—Мне надо спешить,—сказал Литтл.—Я должен вернуться на рабочее место.

Госсейн нахмурился.

—Боюсь,—произнес он,—что пришла пора каждому из нас идти на определенный риск. Мне кажется, заговорщики первым делом попытаются полностью демонтировать Машину, чтобы и памяти о ней не осталось. Если бы передо мной стояла такая задача, я бы опубликовал во всех местных газетах сообщение, что каждый гражданин может бесплатно забрать из здания любые приборы, оборудование и материалы.

Он увидел, как широко раскрылись глаза Дана.

—Точно!—восхищенно сказал он.—Говорят, одну восьмую часть Машины уже разобрали и... Что с вами?

Госсейну никак не удавалось справиться с охватившим его волнением. Машины больше не существовало. Час за часом ее растаскивали по деталям. Как соборы и храмы давно минувших дней, она являлась историческим памятником, осуществляла собой стремление человечества к идеалу. Ему стоило колоссальных усилий взять себя в руки.

—Нельзя терять ни минуты,—быстро проговорил он.—Если Генератор Пространства все еще там, надо срочно забрать его.

—Я не могу уйти раньше полуночи,—возразил Дан Литтл.—Нам приказано оставаться на местах, и, кроме того, все отели и гостиницы города взяты под наблюдение.

—У вас есть робоплан?

—Да. Посадочная площадка на крыше, но я умоляю вас...—голос его пресекся от волнения,—не ходите туда. Я уверен, что вас немедленно арестуют.

Госсейн задумался. Прошло то время, когда он слепо выполнял указания и спрашивал советов. Но сейчас, видимо, ничего другого не оставалось. Нехотя он кивнул.

—Ладно, возвращайтесь за конторку,—спокойно сказал он.—В нашем распоряжении еще пять часов.

Так же бесшумно, как вошел, Дан Литтл выскользнул из комнаты.

XXIV

Оставшись один, Госсейн заказал обед. Когда официант накрыл на стол, он уже примерно представлял себе, как проведет вечер. Пролистав телефонный справочник, он снял трубку.

—Соедините меня с ближайшей фонотской,—попросил он.— Мне нужна видеозапись... Номер...

На экране возник робот, и Госсейн вкратце объяснил, какой материал ему необходимо подобрать. Удобно усевшись в кресле, он принялся за еду, слушая голос диктора и глядя на иллюстрации к тексту. Может быть, какая-нибудь фраза натолкнет его на мысль, как научиться управлять дополнительным мозгом. Правильно или нет понял его библиотекарь, пока еще оставалось неясным. Когда речь пошла об угнетении и возбуждении нервных клеток простейших форм морской жизни, Госсейн стал слушать внимательней. Все равно ждать еще долго.

Фразы обволакивали его, проникали в сознание, отбрасывались как ненужные. Комментатор говорил о развитии нервной системы на Земле, о выработке условных рефлексов, о животных, которые учились на собственном опыте. Червь двести раз подряд натыкался на заграждение под током, прежде чем отвернуть в сторону, а во втором опыте уполз всего через шестьдесят раз. Щука, отделенная от пескаря невидимым экраном, казалось, размозжит себе голову, пытаясь схватить его. Убедившись, что это невозможно, она полностью перестала обращать на пескаря внимание, даже после того, как экран был снят. Свинья взбесилась, когда корыто с пищей поместили в сложный лабиринт.

Картинки сменяли одна другую. Сначала червь, потом щука, бьющаяся об экран, свинья, визжащая надсадным голосом, а позже—кошка, собака, койот и обезьяна. Пока что Госсейн не узнал ничего нового.

—А сейчас,—произнес голос,—прежде чем мы перейдем к человеческому мозгу, следует обратить внимание на тот факт, что у всех животных существует одно ограничение, которое можно вновь и вновь наблюдать: они слишком узко воспринимают окружающую среду. Щука помнила только болевое ощущение и вела себя соответственно, не понимая, что экран давно снят. Койот не сумел отличить ружья от фотоаппарата в руках человека.

—Сходство обстановки говорило им о том, что изменений не произошло. История темных веков развития человеческого разума, уже понимавшего, что он стоит выше всех на эволюционной ступеньке развития—это история грубой реакции масс, основанной на том самом узком восприятии окружающей среды, которую мы наблюдаем у животных. С другой стороны, нуль-А путь развития за-

ключается в стремлении человека овладеть своим разумом и научиться различать одинаковые и тем не менее отличающиеся предметы или события в пространстве—времени. Любопытно, что все научные эксперименты нашего просветительного периода ставят перед собой задачу добиться как можно большего сходства и точности в методах, времени, даже структуре материалов. Можно даже сказать, что ученые стремятся к...

Госсейн слушал нетерпеливо, ожидая когда наконец диктор перейдет к самому главному. Внезапно он вздрогнул. "Что такое? Что он сказал?"

Он заставил себя поглубже усесться в кресле, расслабиться, тщательно обдумать услышанное. И, не выдержав, возбужденно вскочил на ноги и начал мерить комнату шагами, пораженный сделанным открытием. "Наука ставит перед собой задачу добиться как можно большего сходства..." Вот оно. Самый простой способ научиться контролировать свой мозг.

Грубо говоря, идеальная память представляла собой запись на магнитофонной пленке, которую всегда можно перемотать и прослушать заново. Но воспоминания человека, естественно, основывались лишь на его собственном восприятии окружающей среды. Если он не понимал какого-то закона природы, то не мог и отождествлять его. Значит, следовало абстрагироваться от своего восприятия и, согласно доктринам семантики, посмотреть на себя со стороны, как экспериментатор на жуку.

...Существует ли другое решение? Нет, он пришел к единственному правильному логическому выводу. Что-то будет дальше?

Как сквозь туман, он услышал далекий бой часов и радостно тряхнул головой. Пришла пора действовать.

Полночь.

XXV

Великое множество приткнувшихся к обочине автомобилей, двигающиеся фигуры людей, тусклый свет фонарей, неразбериха. Госсейн и Литтл вышли из машины примерно в миле от центрального прожектора и вместе с опоздавшими пошли вперед. Теперь начиналось самое сложное. Им предстояло протолкаться сквозь огромную массу людей, которые стояли, наблюдая за происходящим. Даже человеку, овладевшему началами нуль-А логики, трудно было представить себе этот огромный человеческий барьер в виде отдельных личностей, каждая из которых обладала индивидуальностью.

Толпа колебалась волнами. Изредка кто-то вскрикивал, не выдерживая давки. Толпа напоминала снежный ком, который покатылся с горы и вызвал обвал. Многие падали на землю, не сумев удержаться на ногах. Толпа, как бездушная женщина поднималась на носки, чтобы получше разглядеть тех, кто пировал на развалинах здравого смысла человечества.

Десятки робопланов, груженных добычей, неслись по небу. По дороге, включив дальний свет фар, с бешеной скоростью мчались грузовики, чиркая по краю толпы, которая испуганно подбирала юбку и отодвигалась в сторону.

Госсейн и Литтл медленно продвигались вперед. Им приходилось напрягать все силы, чтобы вовремя увернуться от грузовика или занять освободившееся пространство. Госсейн не удивлялся, что они пробираются все дальше и дальше. По какому-то необъяснимому закону психологии человек, поставивший перед собой цель, подвергался куда меньшей опасности, чем тот, кто не мог найти себе дело. Трус умирает много раз. Однажды им долго пришлось топтаться на месте, пропуская бесконечную вереницу ревущих грузовиков.

—Мы на окраине города!—прокричал Госсейн.—С другой стороны горы, наверно, никого нет. Возвращаться будем в обход.

Они подошли вплотную к стальному ограждению, сдерживающему натиск толпы. Неподалеку патрулировали охранники, размахивая оружием и пресекая все попытки перепрыгнуть через барьер.

Приходилось рисковать.

—Держитесь ближе к дороге!—крикнул Госсейн.—Они не посмеют стрелять в грузовики!

Как только они выбежали на открытое место, к ним сразу же кинулось двое солдат. Пистолеты угрожающе сверкнули отраженным светом. Не колеблясь, Госсейн несколько раз нажал на курок, и оба охранника свалились, как мишени на стрельбище. Он бежал вслед за Литтлом, сам не понимая, что произошло. Никогда в жизни он не мог допустить и мысли об убийстве человеческого существа, хотя в прошлом ему представлялась такая возможность. “Эти люди не более чем символы,—холодно подумал он.—Символы разрушения. В них нет ничего человеческого, они варвары, уничтожающие беззащитных и обездоленных. О них надо забыть”. Он остановился. Перед ним возвышалась Машина.

Много часов подряд Госсейн пытался убедить себя, что годы упорного труда невозможно уничтожить за одни сутки. В какой-то степени его надежды оправдались. Но здание оказалось не таким большим, как он ожидал. Основное разрушение произвели атомные торпеды. Наружные ярусы комнат прекратили свое существование. В покореженных стенах зияли чудовищные отверстия в тридцать, пятьдесят и девяносто футов диаметром. Отовсюду торчали обрывки проводов—нервная система мертвой Машины.

Впервые Госсейн подумал о ней как о живом существе, которое внезапно скончалось. В конце концов, что такое разумная жизнь, если не чувствительное восприятие нервной системы и память о пережитом? За всю историю человечества не было личности, которая обладала бы большей памятью и знаниями о человеке и человеческой природе, чем Машина. Как издали, слышал Госсейн крик Дана Литтла:

—Скорее! Нам нельзя здесь задерживаться!

Госсейн послушно пошел вперед, двигаясь, как в тумане. Он не мог заставить себя думать о чем-нибудь другом. Машину растаскивали по деталям. Целые секции уже увезли, увозили, собирались увозить. Люди с приборами, инструментами, мелаллическими пластинами выбегали из темных коридоров. Госсейн замер, пораженный этим зрелищем, в очередной раз осознав, что является свидетелем конца старой эры.

Литтл потянул его за рукав, и простое движение подействовало на Госсейна лучше всяких слов. Стряхнув с себя оцепенение, он торопливо пошел вперед, стараясь не попадать в свет прожекторов.

— Нам сюда, — сказал он, оглябая здание сзади и направляясь к сорванным с петель воротам, в которых исчез грузовик с Генератором Пространства. Они вбежали в тоннель. Здесь было не так шумно, хотя работа кипела всюю.

Шипели атомные резаки, металл звякал о металл, кто-то суетился, торопясь поскорее отхватить лакомый кусочек. Они оказались в широком подвале с дюжиной грузовиков, стоявших у разгрузочной платформы. Освещение оставляло желать лучшего, и они смутно различали фигуры людей, сгибавшихся под тяжестью своей доли добычи.

В самом конце просторного помещения стоял ящик с Генератором Пространства, как бы ожидая, когда за ним придут. На досках черными крупными буквами выделялась надпись:

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ИНСТИТУТ СЕМАНТИКИ
ПЛОЩАДЬ КОРЖИБСКОГО
ГОРОД**

Госсейн задумался. Фактически Машина находилась в ведении Института, а следовательно, знала о Гилберте Госсейне меньше, чем ученые. Это следовало проверить при ближайшей возможности.

Обратный путь занял у них совсем мало времени. Постепенно шум затих в отдалении, свет прожекторов скрылся за высоким пиком горы. Вскоре они уже сходили по дороге в город, к маленькому уютному домику Дана Литтла. Госсейн смутно надеялся, что их встретит Патриция Харди, но, как выяснилось, напрасно.

Он начисто забыл о ней, когда они распаковали Генератор Пространства и осторожно положили его на пол, передней панелью вниз, молча глядя на непонятное переплетение маленьких трубок. Яркий, сверкающий неземной металл, уничтоживший их мир! С его помощью агенты галактического тирана заняли самые высокие посты и долго, очень долго оставались нераскрытыми. То, что ему удалось захватить Генератор Пространства, только ускорило кризис, который переживал мир Нуль-А. После вторжения на Венеру побоище началось на Земле.

Плохо ли, хорошо ли, но сейчас началась или начнется ожесточенная битва между силами захватчиков и людьми, которые в состоянии противопоставить им лишь свой нуль-А путь развития.

Госсейна охватило отчаяние. Если рассуждать логично, борьбу можно заранее считать проигранной. Он посмотрел на Литтла и увидел, что молодой человек еле держится на ногах. Поймав на себе взгляд Госсейна, он выпрямился.

—Я так волновался,—признался он,—что всю ночь не сомкнул глаз. Совсем вылетело из головы, что хотел купить сегодня пачку таблеток “антисон”.

—Ложитесь и постарайтесь уснуть,—ответил Госсейн.

—Тогда я пропущу самое интересное. Ни за что!

Госсейн улыбнулся. Он объяснил, что исследование Генератора Пространства займет много времени.

—Прежде всего необходимо обнаружить источник энергии, чтобы научиться включать и выключать прибор. Мне потребуются кое-какие инструменты, хотя бы самые простые, которыми вы пользовались, когда сдавали курс нуль-А физики. Где у вас мастерская? И не волнуйтесь, спите спокойно.

Через три минуты он остался один. Спешить было некуда. Пока что ему ничего не удалось добиться своей торопливостью. Мир, который он когда-то хотел спасти, рушился, рухнул у него на глазах.

Итак, с чего начать? Нужна зацепка, хоть небольшая. Ключик, который поможет раскрыть тайну генератора. Патриция говорила, что им запрещено пользоваться, кроме как для транспортировки. Не совсем понятно, ну да ладно. Он взял в руки энерго-сканнер, подсоединил к нему датчик и посмотрел в увеличитель.

Прежде всего необходимо выявить провода под нагрузкой и попытаться найти какой-нибудь крупный узел. Ведь Генератор Пространства *был* *включен*. Госсейн даже вздрогнул от изумления. Он не сомневался, что Машина первым делом выключит прибор, а потом уже начнет передавать сообщение о вторжении на Венеру.

Прошло десять напряженных минут, а он так и не понял, где находится основной источник питания. Машина с помощью специальных приспособлений для взятия энергопроб в два счета разобралась бы, что к чему. Госсейн был лишен такой возможности. К тому же он практически обещал Литтлу, что все исследования они сделают вместе. Госсейн задумался и тоже решил лечь спать. Вполне возможно, что утром к ним придет Патриция Харди.

Когда он проснулся, было четыре часа дня. На кухонном столе лежала записка, в которой Литтл сообщал, что его автомобиль остается в полном распоряжении Госсейна. Кончалась она так:

“...по радио передавали об “оголтелых элементах”, которые саботируют “мирное производство” и должны быть “безжалостно искоренены” силами “охраны порядка”.

Если захотите кушать, в доме полно всякой всячины.

Буду в 12.30.

Дан Литтл”.

Наскоро перекусив, Госсейн вернулся в гостиную и посмотрел

на лежащий на полу Генератор Пространства. Он был недоволен. "Слишком легко они могут найти меня,—подумал он.—По крайней мере, два человека в городе знают, где я остановился".

Нельзя сказать, что он не доверял Патриции или Литтлу. До сих пор все их поступки говорили о глубокой порядочности. Но в который раз он зависел от других людей. Допустим, что-нибудь сорвется. Допустим, как раз в эту минуту Патриция Харди давала вынужденные показания о том, где Госсейн скрывается.

Он не мог выйти на улицу, пока не стемнеет. Значит, оставалось только заняться Генератором. Он нерешительно встал на колени и осторожно протянул руку, дотронулся до выступающей над остальными угловой трубки. Он сам не знал, что могло произойти, но приготовился к худшему. Трубка казалась слегка теплой на ощупь. Госсейн несколько раз провел по ней пальцами, стыдясь своей осторожности. "Если за мной придут,—подумал он,—рвану пригоршню деталей изо всех сил, чтобы захватчикам по крайней мере не досталась действующая модель".

Он сидел на корточках, исследуя прибор сканнером, когда раздался телефонный звонок. Голос Лана Литтла дрожал от возбуждения.

—Я звоню из автомата. Только что в вечерней газете напечатано, что Патриция Харди арестована полтора часа назад—это просто чудовищно!—по подозрению в убийстве своего отца. Мистер Уэнтворт,—голос Литтла прозвучал до странности робко,—сколько времени потребуется, чтобы заставить нуль-А человека заговорить?

—Кто знает,—ответил Госсейн. Его бил холодный озноб. Пока что Торсон не допустил ни одной ошибки.—Послушайте.—после короткой паузы сказал он,—решайте сами, стоит вам оставаться на работе до полуночи или нет. Если вам есть куда пойти, уходите немедленно. Если вам кажется, что вы можете вернуться домой, будьте предельно осторожны. Скорей всего я оставлю Генератор Пространства у вас. Сначала я попробую вынуть из него кое-какие детали, а затем... впрочем, неважно. Следите за объявлениями в газетах, подписанными "Гость Небрежный". И большое вам за все спасибо, Дан.

Он подождал и, не услышав никакого ответа, прервал разговор. Направившись прямо к Генератору Пространства, он наклонился, схватился рукой за угловую трубку, которая выдавалась примерно на дюйм над корпусом, и потянул ее вверх, прилагая все большее усилие. Безрезультатно.

Он толкнул ее в обратном направлении. Может быть, она крепилась пружинками, которые сначала надо отжать. Раздался щелчок, и трубка плавно провалилась. В ту же секунду комната поплыла у него перед глазами, стала терять привычные очертания. Воздух задрожал рябью, подобно зеркальным водам озера, в которое бросили камень.

У него заболела голова. Он попытался нащупать трубку, чтобы

вернуть ее в прежнее положение, но раскаленный металл обжег ему пальцы. Должно быть, на какое-то мгновение Госсейн потерял сознание, потому что очнулся от боли и понял, что падая, ударился о Генератор Пространства. Им овладело чувство легкости...

Госсейн открыл глаза. Он лежал на боку в кромешной тьме, вдыхая знакомый, не лишенный приятности, тяжелый запах растущего дерева. Вывод напрашивался сам собой, но ему стоило огромного труда убедить себя в том, что он не спит. Так пахло только в доме Крэнга.

Госсейн с трудом поднялся на ноги и чуть было не упал, споткнувшись о какой-то металлический предмет. Он протянул руку вперед и уперся в гладкую, уходящую вверх, стену. Да, сомнений не оставалось. Он находился в тоннеле, среди корней гигантского дерева Венеры.

XXVI

Некритичный ум всегда уверен в своих знаниях, и это побуждает его питаться иллюзиями.

Е. Т. Б.

Прилив сил, вызванный неожиданным открытием, сменился апатией. Чувствуя слабость в ногах, он тяжело опустился на деревянный пол. Руки его дрожали.

Полная темнота действовала угнетающе, давила физически, мешала собраться с мыслями.

“Я могу,—сказал сам себе Госсейн,—две недели обходиться без пищи и три дня без воды”.

Он внезапно подумал, что не считает свое положение безвыходным, несмотря на то, что очутился в запутанном лабиринте тоннелей. Вряд ли Генератор Пространства был настроен наугад. Поблизости обязательно должен находиться определенный пункт назначения, до которого легко добраться.

Он уже совсем собрался отправиться в путь, когда внезапно понял, какое необычайное происшествие с ним приключилось. Несколько минут тому назад он был на Земле. Сейчас—на Венере.

Что говорил Прескотт? “Если энергии совпадают по своим показателям до двадцатого десятичного знака и действуют в одном пространстве, наибольшая из них перекроет расстояние между ними, хотя это произойдет не мгновенно, а на сверхсветовых скоростях”.

С точки зрения Госсейна, его перемещение произошло мгновенно. Видимо, Генератор Пространства совместил высокоорганизованный пучок энергий, которым являлось его тело, с участком тоннеля в дереве, и “большее” перекрыло пространство к “меньшему”.

Госсейн встал. “В конце концов я попал туда, куда хотел, на Венеру”, — подумал он. Ему стало легче на душе. Он наделал кучу глупостей, но остался в живых. Ничего, на ошибках учатся. Ему удалось многое узнать, и если он будет придерживаться своего плана, то постепенно научится контролировать дополнительный мозг, срывая покровы тайн один за другим. Рано или поздно он станет новым человеком.

Небольшой отдых взбодрил его, позволил сделать необходимую нуль-А паузу, дающую возможность нервной системе приспособиться к сложившейся ситуации. Госсейн чувствовал себя абсолютно спокойным.

Он вспомнил, что, оказавшись в тоннеле, споткнулся о какой-то предмет. Несмотря на темноту, он нащупал его за несколько секунд. Ну конечно же, Генератор Пространства. С крайней осторожностью он дотронулся до каждой из четырех угловых трубок по очереди. Одна из них так и осталась в крайнем нижнем положении. Госсейн задумался. Генератор наверняка подчинялся определенной заданной программе. С одной стороны, он препятствовал правильному функционированию Машины, с другой — служил средством транспортировки в отдаленные уголки Солнечной системы, возможно, в святая святых заговорщиков: штаб-квартиру, галактическую базу, склад атомных торпед.

Перед ним открывались самые широкие возможности. Но прежде всего необходимо выбраться из лабиринта. А там видно будет.

Он легко поднял Генератор Пространства и взвалил его на плечо.

“Пройду тысячу шагов в одном направлении, — решил он, — потом вернусь и сделаю тысячу шагов в другом. Вряд ли мне придется блуждать долго”.

Примерно через триста шагов он увидел впереди слабое мерцание. Круто изгибаясь, тоннель сворачивал еще трижды, но даже подойдя вплотную, он так и не понял, где находится источник света. Перед ним высилось ограждение.

Положив на пол неудобный прибор, Госсейн осторожно приблизился к металлическим прутьям. В последнюю минуту он на всякий случай опустился на колени и посмотрел вниз. Перед ним лежал гигантский котлован. Его покатые стены тускло блестели в свете атомных ламп, расположенных по всей периферии на равном расстоянии друг от друга. Половину его занимал космический корабль.

О таком звездолете люди Земли могли только мечтать. Рассказывать о нем не имело смысла, все равно никто бы не поверил. Любой здравомыслящий человек отнесся бы к подобного рода фантазиям как к заявлению внезапно свихнувшегося инженера, который пришел домой после работы над обычным девяностафутовым межпланетным лайнером и сообщил своей жене: “А теперь, дорогая, я беру отпуск на пятьсот лет, нанимаю миллион чертежников и начинаю конструировать межзвездный корабль в две мили длиной”.

Звездолет в ангаре был чуть меньших размеров. Горбатый, как акула, он не доходил до потолка всего футов на сто. Рядом мог бы поместиться еще один корабль, но тогда они заняли бы собой все пространство в милю шириной.

Расстояние в две трети мили скрадывало детали, но Госсейн ясно видел крохотные фигурки, копошащиеся внизу под самым днищем. У него сложилось впечатление, что они занимаются погрузкой, передавая по живому конвейеру ящики, которые поступали с подземных этажей.

Неожиданно он понял, что корабль готовится к отлету. Постепенно людей становилось все меньше и меньше. Затих далекий шум разговоров, прекратилось движение, наступила полная тишина. Госсейн молча ждал.

Сейчас на Венере ночь. Темнота необходима, чтобы старт остался незамеченным. Через мгновение потолок пещеры раскроется. Наверху, конечно, самая обычная лужайка, служившая неплохим камуфляжем. Все продумано до мелочей.

Ослепительно сверкающие прожекторы разом погасли. Тоже разумно. Яркий свет привлекает внимание, а чувствительные детекторы навверняка нацелены в небо, чтобы не пропустить ни одного звездолета с Земли, ни одного неопознанного робоплана.

Но Госсейн ошибся. Пришел в движение не потолок пещеры, а космический корабль. Он начал светиться зеленоватым туманным сиянием, от которого слегка помутилось зрение, разболелась голова.

Госсейн вспомнил, что испытал нечто подобное, включив Генератор Пространства. "Звездолет!—подумал он.—Ну конечно же, его просто настроили на одну из галактических баз. Никаких отверстий в потолке нет". Неприятные ощущения кончились так же быстро, как начались. Гигантский корабль исчез.

В пещере зажглись четыре прожектора. Они сверкали, как миниатюрные солнца, но их белый огонь не в состоянии был проникнуть в самые отдаленные закоулки, которые оставались в полумраке.

Госсейн подобрал Генератор Пространства и пошел вдоль ограждения. Он плохо представлял себе, что делать дальше, но по крайней мере спускаться вниз он не собирался. Должен же быть какой-нибудь выход из лабиринта. Лестница, лифт—все что угодно.

Он оказался прав. Прямо на его пути возник ряд клеток шахт, но только в двух из них стояли лифты. Не думая, он схватился за ближайшую ручку. Дверь бесшумно и плавно отворилась. Госсейн смело вошел в кабинку и недоуменно уставился на панель управления. Вместо привычных кнопок он увидел перед собой двенадцать изогнутых трубочек. Госсейн побледнел. Он стоял в лифте Пространства! С его помощью можно проехать не только вверх или вниз, а попасть в самые различные пункты назначения. Даже застав от огорчения, он посмотрел внимательней и с облегчением заметил, что каждая трубочка указывала в определенном направлении. Госсейн не стал колебаться. Приходилось рисковать. Он нажал на трубочку с заостренным вверх концом.

На этот раз он сделал попытку разобраться в своих ощущениях. У него ничего не вышло. Все его чувства временно притупились, и он не смог уловить никакого движения. Когда голова у него перестала кружиться, он огляделся по сторонам.

Он все еще находился внутри дерева, в просторном помещении с неровными стенами и куполообразным потолком. В небольшом отверстии сбоку видно было небо Венеры.

Госсейн спрятал Генератор Пространства в одном из самых темных углов и осторожно стал пробираться к источнику света. Подъем становился все круче, а естественный коридор сужался со всех сторон. Очень скоро он понял, что никогда не сможет пронести здесь Генератор Пространства. Эта мысль неприятно поразила Госсейна, но в конце концов он решил, что прежде всего необходимо связаться с жителями Венеры, а потом уже думать, как выловить галактический прибор.

Последнюю треть пути он преодолел ползком, хватаясь за подгнившие выступы и подтягиваясь на руках. Сквозь дупло с рваными краями, наверняка не единственное в гигантском стволе, он выбрался на нижнюю ветку дерева и остановился, переводя дыхание.

Справа от него стоял венерианский лес, слева — раскинулась большая лужайка, скорей всего над космическим ангаром. Тщательно запомнив ориентиры, Госсейн пошел вперед.

Его охватило радостное возбуждение. Широкие ветки деревьев соединялись друг с другом, и, шагая по ним, как по проспекту, он испытывал ни с чем не сравнимое наслаждение. Наверное, жители Венеры часто совершали подобные прогулки. Он так и пойдет, от дерева к дереву, и миль через пять...

Кора под его ногами неожиданно провалилась. Он упал на твердую поверхность. В ту же секунду люк над его головой хлопнулся, и он оказался в темноте. Пол, на котором он лежал, стал резко крениться вниз. Ему не за что было уцепиться, и он заскользил по плоскости, наклон которой достиг семидесяти градусов. Он попал в западню.

Госсейн не привык сдаваться без борьбы. Даже падая, он старался использовать малейшую возможность, чтобы задержаться, как-то встать, ухватиться за любую шероховатость в стене. У него ничего не вышло. Футов через тридцать его бросило в сторону, и с легким шелчком пол поднялся, превращаясь в потолок. Но и тогда он не успокоился. Присев на корточки, он изо всех сил прыгнул вверх, но ощутил под пальцами лишь пустоту. Спружинив ноги, чтобы не потерять равновесия, он заставил себя расслабиться, успокоиться, прекрасно понимая, что если выход существует, он обязан найти его именно сейчас, пока не поздно. А следовательно, необходимо сделать ноль-А паузу и начать рассуждать логично.

Не вызвало сомнений, что здесь сработала автоматика. Кора провалилась, как только он ступил на нее всей своей тяжестью. Пол накренился по той же причине. Неприятно другое: ловушка

придумана людьми, а значит, подсоединена к системе сигнализации. В его распоряжении совсем мало времени: когда начнут проверять, что случилось, отсюда будет уже не выбраться.

Он опустился на колени и осторожно пополз вперед. Буквально через несколько секунд он натолкнулся на ковер, справа от которого стояли небольшой шифоньер, столик, кресло и кровать. Спальня! Значит, здесь должен быть свет. На мгновение задумавшись, он поднялся на ноги. Выключатель на стене тихо щелкнул, и Госсейн впервые смог подробно рассмотреть свою тюрьму. С момента его падения прошло три минуты.

Не так и плохо. Две необъятных кровати занимали просторный альков розового дерева, за которым находилась гостиная, обставленная ничуть не хуже, чем в доме Крэнга. Повсюду висели картины, но Госсейн не успел их рассмотреть. Дверь медленно открылась. Выватив пистолет, он попытался.

Перед ним стоял робот с бластером в руке. Из-за его спины прозвучал голос Торсона.

—Бросьте оружие, Госсейн, и не вздумайте сопротивляться. Это бессмысленно.

Ему оставалось только подчиниться. Солдаты тщательно обыскали его. Робот исчез, и в открытую дверь прошел Джим Торсон.

XXVII

На металлическую площадку горы планеты Зверей приземлился космический корабль с послем Галактической Лиги на борту. Посол медленно подошел к паркету гигантского здания и печально взглянул на джунгли, простиравшиеся в четырех милях вниз.

“Видимо, от меня ждут,—подумал он,—что я приму участие в охоте с этими,—он помедлил, пытаясь привести в порядок свои мысли,—извращенцами, которые ни в чем не знают удержу, и даже охотничьи домики строят величиной с город”.

Голос за его спиной пробормотал:

—Сюда, господин посол. Охота начинается через час, и Энро согласился выслушать вас по пути.

—Передайте господину министру иностранных дел вашей империи,—твердо ответил посол,—что я только что прибыл и...

Он умолк, удержав слова отказа, готовые сорваться с губ. Успех его миссии зависел от проявленного такта, а любой представитель Лиги вряд ли добился бы цели, отклонив приглашение императора шестидесяти тысяч звездных систем. Тихим голосом посол закончил фразу:

—...буду готов вовремя.

Это было кроваваджное зрелище. Каждый охотник имел своего робота: каждого зверя стреляли из специального ружья. Роботы скользили бесшумно, не пугаясь под ногами, исправно подавая людям оружие. Самых опасных животных окружали энергетиче-

ским экраном, чтобы охотники, не торопясь выбрали наиболее уязвимое место для стрельбы.

Один из зверей с мощным красивым телом, серебристой шкурой и копытами на ногах понял после первой попытки, что ему никуда не деться. Усевшись на землю, он жалобно завыл. Его убил сам Энро, попав точно в глаз. Несколько секунд зверь катался по траве, жалобно скуля и дергаясь, потом затих. Представление окончилось.

Когда они вернулись во дворец, который одновременно являлся местом сбора охотников и министерством иностранных дел, рыжеволосый гигант подошел к послу Галактической лиги.

—Прекрасный спорт,—проворчал он.—Вы не находите? Я заметил, вы почти не стреляли.

—Я первый раз на охоте,—признался посол.—Просто поразительно.

В какой-то степени он не соврал, разве что решил не договаривать. Это действительно было поразительно, ужасно, омерзительно, не поддавалось никакому описанию. Красшом глаза он заметил, что гигант иронически уставился на него.

—Представители Лиги все одинаковы,—заявил Энро.—Лига была организована девятнадцатью галактическими содружествами, которые в древности отдали дань бессмысленным войнам, ни к чему не ведущим и только уничтожающим людсй. Основной закон Лиги—мир, который постепенно настолько прочно укоренился в нашем сознании, что ни один из нас не может думать иначе.

—Мне иногда кажется,—с гордостью произнес Энро,—что я предпочитаю войну, пусть самую разрушительную.

Посол промолчал, и через некоторое время Энро, глубокомысленно покусывая нижнюю губу, резко спросил:

—Итак, что вам угодно?

—Недавно мы узнали,—дипломатично ответил посол,—что ваше министерство путей сообщения несколько переусердствовало.

—Не понял?

—Я имею в виду звездную систему, которую ее разумные обитатели называют Солнечной.

—Название ни о чем мне не говорит,—сухо заметил Энро.

Посол наклонил голову.

—Несомненно, сведения хранятся в вашем архиве, да и сама проблема достаточно проста. Примерно пятьсот лет тому назад ваше министерство создало там транзитную базу без разрешения Лиги. Солнечная система была открыта после подписания нами соглашений о разведке и эксплуатации новых звездных систем.

—Гм-м!

Взгляд императора стал еще более ироничен, и посол подумал: “Энро все знает!”

—Вы хотите сказать, что привезли нам разрешение оставить базу на месте?—спросил гигант.

—Ее надлежит немедленно свернуть,—твердо ответил посол Лиги,—согласно пунктам договора.

—Стоит ли ломать копья,—задумчиво произнес Энро.—Оставьте памятную записку секретарю министра, и я посмотрю, что можно сделать.

—Значит, я могу считать вопрос решенным?—спросил посол.—Вы свернете базу?

На лице Энро не дрогнул ни один мускул.

—Не обязательно. В конце концов, прошло много времени. Нам придется подбирать место для другой пересадочной станции. Если это окажется невозможным, мы обратимся к Лиге с просьбой разрешить нам пользоваться базой и впредь. Такие инциденты могут произойти где и с кем угодно—галактика велика. Мне кажется, тут надо действовать гибко и не забывать о прогрессе.

Посол, в свою очередь, иронически посмотрел на императора.

—Я уверен, что Ваше Величество первый заявил бы Лиге протест, если бы кто-нибудь другой вознамерился случайно присоединить к своим владениям еще одну звездную систему. Законы Лиги достаточно ясны. Сделавший ошибку обязан ее исправить.

Энро вспыхнул.

—Я вынесу этот вопрос на обсуждение на следующем заседании Лиги.

—Но оно состоится только через год.

Казалось, Энро не расслышал.

—Кажется, я припоминаю,—сказал он.—Маленькая система с кровавыми людьмишками. Сейчас там творятся какие-то беззакония—может быть, даже идет война.—Он хмуро улыбнулся.—Мы попросим разрешения примирить враждующие стороны. Уверен, что делегаты Лиги одобряют столь разумный подход к делу.

XXVIII

Госсейн мрачно смотрел, как его враг входит в комнату. Лучше бы он попался Крэнгу или, на худой конец, Прескотту. Но перед ним стоял Джим Торсон—гигант с тяжелыми чертами лица, серозелеными глазами и ястребиным носом. Губы его слегка кривились в усмешке, ноздри раздувались при дыхании. Наклонив голову, он кивнул, приглашая Госсейна сесть в кресло, но сам остался стоять и с некоторым участием в голосе спросил:

—Вы не ушиблись при падении?

Госсейн пожал плечами.

—Нет.

—Это хорошо.

Наступило молчание, которое позволило Госсейну собраться с мыслями. Досадуя на свою неловкость, он постепенно начал успокаиваться. Ничего не поделаешь. Человек, попавший во вражеское логово, не имел преимуществ и находился в постоянной опасности. К тому же он не считал, что сделал ошибку, решив отправиться к жителям Венеры.

Он внутренне собрался, пытаясь оценить обстановку. Как ни странно, до сих пор все его встречи с Торсоном кончались довольно благополучно. Несколько раз гигант даже принимал решения в его пользу. С самого начала он возражал против убийства Госсейна, а потом согласился отпустить его на свободу. Судя по всему, сейчас он тоже собирался сообщить нечто важное.

Торсон погладил себя по подбородку.

—Госсейн,—проговорил он,—наше наступление на Венеру находится в несколько странной стадии развития. При прочих равных условиях я бы даже сказал, что оно провалилось... Ах, я так и думал, что это вас заинтересует! Не бойтесь, у нас хватит и сил, и возможностей успешно завершить начатую операцию, но тем не менее ее окончательный исход целиком зависит от того, согласитесь вы на мое предложение или нет.

—Провалилось!—как эхо, повторил Госсейн.

Он перестал слушать дальше. "Наверное, я неправильно понял",—подумал он, никак не решаясь поверить в искренность Торсона. Сотни раз пытался он представить себе картину захвата Венеры, планеты мягкого климата и вечнозеленых деревьев, которая подверглась решительному штурму со всех сторон. Десятки тысяч парашютистов, затмевающих небо! Миллионы венериан, захваченных врасплох обученными десантниками, владеющими всеми видами оружия! Казалось невероятным, что они могли потерпеть поражение.

—Кроме меня, никто не догадывается о несудаче,—медленно произнес Торсон.—Разве что,—он поколебался,—Крэнг.—На мгновение он нахмурился, как бы что-то обдумывая.—Госсейн, если бы вам поручили защищать Венеру от превосходящих сил противника, который теоретически обладает самым совершенным оружием уничтожения, как бы вы поступили?

Госсейн задумался. У него имелись кое-какие соображения на этот счет, но он не собирался высказывать их Торсону.

—Не знаю,—ответил он.

—Ну хорошо. Допустим, вторжение началось. Что вы предпримите?

—Убегу в ближайший лес.

—А если вы женаты? Куда вы денете жену и детей?

—Конечно, возьму их с собой.

Он начал понимать, что произошло. От волнения у него пересохло в горле.

Торсон выругался. Сжав правую руку в кулак, он что было сил ударил себя по ладони.

—Но к чему?—сердито вскричал он.—Ни один нормальный человек не лишит крова женщин и детей. Наши солдаты строго выполняли приказ не трогать мирных жителей и уничтожать только очаги сопротивления.

Госсейн кивнул, но сказать ничего не смог. В глазах его стояли слезы. Не вызвало сомнений, что агрессор поплатился за свою безумную затею. Он неуверенно спросил:

—Как им удалось достать оружие?

Торсон застонал и принялся мерить комнату шагами.

—Это—фантастика!—воскликнул он и, направившись к большому экрану, нажал на кнопку.—Вы должны знать, что произошло, прежде чем мы продолжим разговор.—Он пожал плечами.

Свет померк. Белый квадрат на стене вспыхнул. Появившееся изображение было настолько реальным, что захватывало дух. У Госсейна сложилось впечатление, что он глядит в окно и видит сцены из жизни самого обыденного дня. Окно переместилось вперед, повернулось; в нем появились гигантские деревья и поляна, на которой лежали тысячи людей в одинаковых зеленых формах из какого-то легкого материала. Казалось странным, что они легли спать засветло. Одни ворочались во сне и что-то бормотали, другие то и дело вскакивали, потирая глаза, потом опять укладывались на траву.

Между спящими ходили часовые. Воздух патрулировали небольшие робопланы, пушки которых как бы в нерешительности вертелись из стороны в сторону.

Двое солдат остановились прямо под "окном". Один из них говорил на абсолютно незнакомом языке, не имеющем ничего общего с теми, которые Госсейну доводилось слышать. Он вздрогнул от неожиданности. Голос Торсона за его спиной мягко пояснил:

—Жители Альтаира. Мы не успели обучить их туземному языку.

Туземный язык! Госсейн промолчал. Все, что он думал о галактической империи и ее законах, неприлично было высказывать вслух.

Внезапно густая листва чуть заметно зашевелилась, и он понял, зачем Торсону понадобилось показывать ему эту любопытную сцену. Крохотные человеческие фигурки, едва различимые на фоне гигантских деревьев, подобно муравьям спускались по корням вниз или прыгали с невысоких ветвей, как обезьяны, держа в руках короткие дубинки. Оказавшись на земле, они с дикими криками бросались вперед. Людской ручеек все тек и тек, превращаясь в речку, поток, водопад, наводнение. Венериане в коричневых рубашках и сандалиях заполнили собой весь лес, который кишел, как развороченный муравейник.

Первой отреагировала автоматика. Засверкали бластеры. Пушки добавили грохота к царившему повсюду бедламу. Сотни тел падали и больше не поднимались. Лагерь постепнно пробуждался. Солдаты с проклятиями вскакивали на ноги, хватая первое попавшееся под руку оружие. Люди с дубинками яростно кидались в бой; с каждой минутой их становилось все больше и больше. Программные устройства не справлялись с обилием поступающих сигналов: автоматические ружья практически перестали вести огонь, не получая необходимых команд. Яснее стали слышны голоса и шум битвы.

Неожиданно Госсейна осенило. Глядя на неуверенные движения и неловкие позы людей, он воскликнул:

—Боже мой, неужели они напали на лагерь ночью?

Теперь он и сам видел, что съемка шла в инфракрасных лучах, и даже удивился, что раньше не обратил внимания на разницу в освещении. Мрачный голос Торсона за его спиной произнес:

—Единственное время суток, когда никакое оружие не страшно. Приспособлением для видения в темноте тоже надо успеть воспользоваться.—Он застонал.—С ума можно сойти от этих идиотов, которых и солдатами не назовешь. Сброд какой-то.—Он ругался еще целую минуту не умолкая, потом замолчал и после короткой паузы спокойно проговорил:

—Зачем я так волнуюсь? Нападение произошло в первую же ночь и с тех пор повторялось в каждом лагере. Почти все погибли, ведь никто не ожидал, что невооруженные орды нападут на армию, владеющую самым современным оружием в галактике.

Госсейн не слушал Торсона. Как загипнотизированный, он смотрел на экран. Венериане были повсюду. Мертвые тела в три ряда лежали под деревьями. Солдаты империи практически перестали оказывать сопротивление. Ручные бластеры сверкали, но теперь они уже поменяли своих хозяев.

Через десять минут исход битвы болес не вызывал сомнений. Отряд целеустремленных людей с дубинками захватил современный военный лагерь со всей его техникой.

XXIX

Когда победившие начали рыть могилы, чтобы похоронить павших, Торсон протянул руку и выключил экран. В комнате зажегся свет. Гигант посмотрел на часы.

—У меня остался примерно час до прихода Крэнга,—сказал он.

Какое-то мгновение он стоял нахмурившись, потом кивнул головой в сторону экрана, как бы продолжая прерванный разговор.

—Естественно,—сказал он,—мы немедленно послали подкрепление, а венериане не пытались захватить большие города. Они поставили перед собой цель вооружиться и добились своего. Сегодня четвертый день вторжения. Согласно утренней сводке, ими захвачено более тысячи двухсот звездолетов, другая тысяча уничтожена, военные склады разграблены, потеряно примерно два миллиона человек убитыми. Правда, их потери составляют десять миллионов—пять убитыми и пять ранеными, но, по моему мнению, самое страшное для них позади, в то время как у нас,—он угрюмо улыбнулся,—настоящие неприятности только начинаются.

Торсон остановился в центре гостиной. Глаза его были непроницаемы. Он крепко закусил нижнюю губу.

—Госсейн,—сухо произнес он,—это неслыханно. За всю историю развития человечества галактика не знала подобных примеров. В завоеванных странах, на захваченных планетах и даже звездных системах люди в массе своей всегда подчинялись, смиря-

яся с неизбежным. Ненависть к победителю еще могла питать их умы на протяжении нескольких поколений, но наша пропаганда всегда брала свое, и очень скоро они начинали гордиться тем, что стали гражданами великой империи.—Он пожал плечами и пробормотал скорее самому себе:—Тактика, проверенная веками.

“Десять миллионов человек меньше чем за четыре дня”,—в ужасе подумал Госсейн. Цифра настолько потрясла его, что он закрыл глаза. Потом медленно и сурово посмотрел на Торсона. Великая гордость и великая печаль переполняли все его существо. Правомочность нуль-А пути развития была доказана на практике, ее существование оправдано погибшими в бою. Как один человек, жители Венеры мгновенно оценили обстановку и, ни секунды не колеблясь, стихийно поднялись на борьбу. Такая победа разума заставит задуматься не одного мыслящего человека во Вселенной.

Госсейн невольно прикинул, сколько миллиардов честных людей, ненавидящих войну, живет на порабощенных мирах галактической империи и, вздрогнув от неожиданно пришедшей в голову мысли, уставился на Торсона.

—Минутку,—медленно произнес он.—Зачем вы лжете? Как можно за такой короткий срок победить сверхдержаву, у которой солдат больше, чем людей в Солнечной системе? Почему бы им не послать армию за армией, пока они не сотрут Венеру в порошок?

На лице Торсона появилось ироническое выражение.

—Именно это я и пытаюсь вам объяснить.—Не отрывая от Госсейна взгляда, гигант придвинул стул и уселся на него верхом, сложив руки на резной спинке. Все его поведение говорило о том, что он собирается сообщить нечто важное.—Друг мой,—сказал он мягким тоном, выдержав паузу,—попробуйте посмотреть на наши действия со стороны. Великая Империя—кстати, это буквальный перевод на земной язык—является членом Галактической Лиги. Силы остальных содружеств превосходят наши примерно в три раза, но мы сильнее каждого из них в отдельности и обладаем мощностью, равной которой не было и нет во всей Вселенной. Тем не менее мы не можем нарушать устав. Нами подписаны соглашения, которые *запрещают* использовать Генератор Пространства, кроме как для транспортировки. Мы нарушили с его помощью ход ваших Игр. Договоры запрещают использовать атомную энергию, кроме как в мирных целях. Мы уничтожили Машину атомными торпедами. В уставе Лиги записано, что нет более тяжкого преступления во Вселенной, чем геноцид. Когда в бою погибает пять процентов населения—это война. Десять процентов—неоправданное убийство, и после вынесения Лигой приговора надлежит компенсировать пострадавшей стороне ущерб всеми доступными способами. Но уничтожение двадцати процентов или—что все равно—двадцати миллионов человек—это геноцид. Если обвинение в геноциде доказано, какой бы силой и мощностью ни обладало государство, оно будет объявлено вне закона. Преступникам заочно выносятся смертный приговор. Автоматически все члены Лиги находятся в

состоянии войны с агрессором до тех пор, пока виновные не понесут наказания.

Мрачно улыбнувшись, Торсон умолк. Встав со стула, он нервно принялся мерить комнату шагами. Через минуту он остановился и посмотрел на Госсейна.

—Может быть, теперь вам станет ясно, какую проблему поставили перед нами жители Венеры. Через неделю, если мы не остановимся, каждый из нас станет отверженным либо начнется война со всей галактикой.—Улыбка его стала еще мрачнее.—Естественно,—сказал он,—я не отдам приказа об отступлении, пока не буду твердо знать, что обезопасил себя со всех сторон. А это, мой друг, зависит только от вас.

Госсейн медленно откинулся на спинку кресла. Вновь ему загадывали загадки. Он был потрясен услышанным, и эмоциональная реакция мешала ему думать. Его переполняла ненависть к галактической империи, которая рвалась к власти, переступая через человеческие жизни. Всем существом своим стремился он принять участие в битве, разделить великую жертву, которую принесли люди в борьбе с иноземными захватчиками. Жажда действовать настолько захватила его, что он почти забыл, где находится.

Почти. Тренированная кора головного мозга обрела контроль над чувствами. Он мог принести куда больше пользы, сыграв предназначенную для него роль. Основой основ нуль-А принципов являлось утверждение, что на свете не существует двух одинаковых ситуаций. А следовательно, ему, Гилберту Госсейну II, человеку уникальному в силу особых обстоятельств, необходимо остаться в живых и научиться контролировать свой дополнительный мозг.

К тому же, несмотря на плен, откровенность Торсона вселяла надежду на успех. Он примет любое его предложение и попытается извлечь из него максимальную выгоду. Госсейн поднял голову.

—И все-таки я не понимаю,—медленно произнес гигант,—кто вы такой? —Взгляд его стал недоуменным.—Вы появились в критический момент, накануне сражения, очевидно, с тем, чтобы не допустить вторжения на Венеру. Я признаю, что это задержало нас, но ненадолго. В конечном итоге, вы ничем существенно нам не помешали. Даже поражение мы потерпели не благодаря вам, а из-за философии всей расы.

Он умолк. Голова его резко наклонилась набок, лицо приняло задумчивое выражение. Казалось, он целиком поглощен стоящей перед ним проблемой. Когда он вновь заговорил, его хриплый голос звучал неуверенно.

—И все же... все же должна существовать какая-то связь. Госсейн, как вы можете объяснить существование в одной ничем не примечательной Вселенной уникального нуль-А учения и уникального Гилберта Госсейна? Подождите. Не отвечайте! Позвольте мне высказать свои соображения по этому поводу. Сначала мы вас убили, но не намеренно. Просто решили, что легче списать вас со счетов, чем суетиться и устраивать мышиную возню. Это была

глупость. Сама постановка вопроса показывает, насколько узко мы подошли к решению сложной проблемы. Когда Прескотт доложил, что вы появились на Венере, я сперва не поверил. Потом я приказал Крэнгу разыскать вас, а так как ваше согласие сотрудничать с нами являлось необходимым, я заставил Прескотта притвориться, что он организовал ваш побег. Заодно мы получили возможность избавиться от Лавуазье и Харди, а доктор Кэр, сам того не подозревая, выдал нам полную информацию о вашем дополнительном мозге. Приношу свои извинения за несколько грубые методы работы, но нас встревожило и даже напугало ваше появление во втором теле. Бессмертие!—Он наклонился вперед. Взгляд его стал отсутствующим, как будто сама мысль о таком чуде потрясла его до глубины души. Казалось, он просто не понял, что назвал настоящее имя "Х". Лавуазье! Госсейн смутно помнил, что слышит его не в первый раз.—Кто-то раскрыл тайну человеческого бессмертия,—продолжал Торсон.—Тайну жизни, для которой не существует никаких преград. Разве что,—тут он презрительно улыбнулся,—найдется такая сила, которая уничтожит все дубли еще в зародыше.

Он умолк и посмотрел на своего собеседника исподлобья.

—Вам, безусловно, интересно, где мы нашли тело Гилберта Госсейна III. Откровенно говоря, я всегда подозрительно относился к Лавуазье. Мне казалось несерьезным, что сразу же после аварии он переметнулся на нашу сторону и стал ярым преследователем нуль-А учения. Поэтому я нанес визит в Институт Семантики на площади Коржибского и...

Он вновь умолк, как бы поддразнивая Госсейна, который невольно воскликнул:

—Вы нашли его *там*?—Он не стал ждать ответа. Сотни мыслей толпились в его мозгу.—Лавуазье?—переспросил он.—Вы хотите сказать, что "Х" и Лавуазье, директор Института Семантики, одно и то же лицо.

—Два года назад газеты пестрели сообщениями об автомобильной катастрофе,—ответил Торсон.—Правда, мало кто знал, к каким страшным последствиям она привела. Впрочем, это уже пройденный этап. Важно, что в одной из лабораторий хранилось ваше третье тело. Ученые института доказывали с пеной у рта, что его оставили им всего несколько дней назад для передачи Машине. Они утверждали, что связывались с ней по своим обычным каналам, и она подтвердила, что придет за телом грузовик через неделю-другую. Можете мне поверить, я отнюдь не намеревался уничтожить его, но когда мои люди попытались вскрыть прозрачный пластиковый контейнер, произошел взрыв.

Ни на секунду не отрывая взгляда от Госсейна, Торсон подвинул к себе кресло и тяжело опустился на мягкое сиденье.

—Вот и все, друг мой,—звонящим голосом произнес он.—Уверяю вас, что Госсейн III существовал на самом деле. Я видел его собственными глазами, и он был точной вашей и Гилберта Госсей-

на 1 копей. И только поэтому я согласился рискнуть всей своей карьерой.

Казалось, решившись наконец открыть свой секрет, Торсон испытал огромное облегчение. Он доверительно наклонился вперед.

—Госсейн, я думаю, что вы узнали о себе многое. Я совсем не такой дурак и прекрасно видел, как мои подчиненные снабжали вас информацией в надежде на выгодную сделку. Бог с ними.—Он махнул рукой.—Госсейн, все, что я рассказал вам о законах Лиги, абсолютная правда. Но как вы, наверное, уже догадались, они не имеют для вас принципиального значения.—Он сделал паузу с видом человека, готового поделиться сведениями чрезвычайной важности.—Мы нарушили договоры намеренно.—Он глубоко вздохнул, прочнее уселся в кресло и угрюмо произнес:—Энро надоели заповеди и наставления. Он предпочитает развязать невиданную доселе войну и передал мне инструкции, в которых приказал уничтожить всех нуль-А жителей Венеры, с тем чтобы спровоцировать галактические содружества. Госсейн, я не выполняю приказ!

Госсейн не удивился. Он давно понял, к чему клонил Торсон. Все его разговоры сводились к тому, чтобы загнать Госсейна в тупик, подсказать ему единственно возможное решение. Парадокс заключался в другом. Торсон, сам того не подозревая, наконец-то объяснил причину, по которой на свет появились многочисленные Гилберты Госсейны. Предводитель неслыханной военной машины, полным ходом запущенной на уничтожение, отказался от намеченной цели, как только его поманили картиной бессмертия, по сравнению с которой любая, самая блестящая, карьера казалась ничтожной. Многое оставалось непонятным, но не вызывало никаких сомнений, что вторичное появление Госсейна воспрепятствовало исполнению чудовищных планов по уничтожению человечества.

—Госсейн, мы просто обязаны найти вашего космического шахматиста!—воскликнул Торсон.—Нет, я не оговорился, именно “мы”. Надеюсь, вы понимаете, что не в ваших интересах остаться в стороне. Вы не могли не задумываться над тем, что являетесь всего лишь недоразвитой версией оригинала. Научитесь вы или нет контролировать свой дополнительный мозг, не играет роли, ведь скорей всего вы никогда не узнаете, какую цель преследовал человек, вас создавший. И не забывайте, что мы лишь временно остановили его, и как только он начнет... производство новых тел, вы вновь станете ненужным. Это звучит ужасно, я знаю, но с какой стати тешиться иллюзиями? Каких бы успехов вы сейчас ни добились, вас в любом случае выбросят на помойку, а после того, как мы уничтожили ваше третье тело, вряд ли в новом мозгу сохранятся воспоминания Гилберта Госсейна I.

Выражение лица гиганта, напряженное и расчетливое, читалось, как на ладони. Он продолжал говорить слегка охрипшим голосом:

—Естественно, я готов заплатить за вашу помощь. Я не уничтожу Венеру. Откажусь от применения ядерного оружия. Порву

отношения с Энро или, по крайней мере, постараюсь как можно дольше держать его в неведении. Буду вести войну лишь ограниченными средствами. И все это я готов сделать в обмен на ваше согласие добровольно сотрудничать с нами. В противном случае я перестану считать себя связанным какими-либо обязательствами. Итак, мне остается спросить вас,—серо-зеленые глаза горели, как угли,—согласны вы помочь нам добровольно? Потому что все равно мы вас заставим!

Зная, о чем пойдет разговор, Госсейн заранее подготовился и обдумал последствия своего решения. Не колеблясь ни секунды, он ответил:

—Конечно, согласен. Но я надеюсь, вы понимаете, что прежде всего мне необходимо научиться контролировать дополнительный мозг? Готовы ли вы быть логичным до конца и предоставить мне такую возможность?

Торсон вскочил на ноги. Подойдя к Госсейну, он потрепал его по плечу.

—Я предусмотрел все,—сказал он звенящим голосом.—Мы наладили транспортную межпланетную связь. Через несколько минут сюда придут Крэнг с доктором Кэрм. Прескотт вылетит завтра на обычном звездолете, чтобы наши сторонники на Земле не подумали чего лишнего. Он назначен управляющим Венерой. Но...

Раздался стук в дверь, и следом за доктором Кэрм в комнату вошел Крэнг. Торсон приветливо кивнул головой, а Госсейн поднялся в кресла и молча обменялся рукопожатием с психиатром. Торсон и Крэнг о чем-то пошептались, и гигант тут же стал прощаться.

—Я оставляю вас наедине, чтобы вы не торопясь обсудили конкретный план действий. Крэнг сообщил мне, что на Земле началась мировая революция, и я срочно должен вернуться во дворец президента.

Дверь за ним закрылась.

XXX

—Кто кого,—сказал доктор Кэр.—Но я готов поставить на ваш дополнительный мозг.

Они проговорили больше часа, и Крэнг лишь изредка вставлял свои замечания. Госсейн, недоумевая и чувствуя себя не совсем уверенно, следил на ним краешком глаза. По словам Кэра, выходило, что именно Крэнг разыскал и арестовал его. Само собой, Крэнг должен был делать вид, что он кровожадный злодей, но слишком уж умело он притворялся. Госсейн решил пока не спрашивать его о Патриции Харди. Кэр поднялся с кресла.

—Итак, начнем,—сказал психиатр.—Насколько я понимаю, техники галактической базы подготовили для вас специальное помещение. Судя по совершенству их аппаратуры, не думаю, что ва-

ше обучение займет много времени.—Он удивленно покачал головой.—Никак не могу поверить, что под землей дома Крэнга расположен большой город, чуть ли в несколько квадратных миль. Ладно, не будем отвлекаться.—Он нахмурился.—Ваш дополнительный мозг,—задумчиво произнес он,—является естественным Генератором Пространства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мне кажется, что дня через три-четыре вы уже сумеете перемещать небольшие предметы.

Но ему потребовалось всего два дня.

После эксперимента, оставшись один в темной лаборатории, Госсейн молча сидел и смотрел на деревянные кубики, расположенные на расстоянии трех сантиметров друг от друга. Он не заметил никакого движения, но внезапно их грани соприкоснулись. Сфокусированный луч света с абсолютной точностью указывал на совершившееся перемещение, хотя сам Госсейн ничего не почувствовал. Каким-то образом сила мысли его дополнительного мозга осуществила контроль над материей. Свершилась извечная мечта человечества.

Пока что он добился этого не самостоятельно. Было сделано все возможное, чтобы изготовить два одинаковых кубика. И тем не менее за два прошедших дня они изменились. Несмотря на принятые меры предосторожности, на них повлияло тепло его тела, свет, темнота, множество самых разнообразных причин. Без помощи Генератора Пространства он вообще не мог рассчитывать на успех. Прибор отождествил кубики до девятнадцатого десятичного знака. Он почти прекратил молекулярное движение воздуха в комнате, оказав воздействие на стол, кресло, в котором сидел Госсейн, и самого Госсейна.

И тем не менее конечный импульс исходил от человека. Начало было положено.

Госсейн вышел из лаборатории и увидел Торсона, который прибыл с Земли, чтобы помочь доктору Кэру. Опыты продолжались. На фотографии появились тысячи крошечных светлых лучиков, которые тонкими нитями протянулись к его дополнительному мозгу.

Вконце измученный Госсейн едва нашел в себе силы, чтобы встать и отправиться в отведенное ему помещение. Шагая по направлению к лифту, он заметил, что, кроме обычных солдат сопровождения, над ним кружится какой-то металлический шар с массой электронных трубочек. Прескотт, назначенный начальником охраны, поймал его взгляд.

—Вибратор,—холодно пояснил он.—Крэнг не забыл слов Кэра “кто кого”, а мы не собираемся рисковать. Вибратор производит незначительные изменения в атомной структуре стен, потолка, пола, земли, всех окружающих предметов. Теперь он будет сопровождать вас повсюду.—Прескотт повысил голос.—Необходимая мера предосторожности, если учесть, что скоро вы сможете перемещаться в пространстве из своей комнаты в любое место, которое вам предварительно удалось “запомнить”.

Госсейн ничего не ответил. Он никогда не пытался скрыть своей неприязни к Прескотту, и сейчас лишь молча посмотрел на него. Прескотт пожал плечами, взглянул на часы и, скривив губы в усмешке, многозначительно произнес:

—В наши намерения, Госсейн, входит застраховаться от вас всеми доступными способами. Так что вас ждет небольшой сюрприз.

Продолжая недоумевать по поводу столь загадочных слов, Госсейн принял ванну, выключил верхний свет и переоделся в пижаму. Когда он подошел к двум кроватям в алькове, одно из одеял шевельнулось. Заспанные глаза уставились на него. Несмотря на царивший полумрак, Госсейн сразу узнал знакомое лицо. Грациозным движением девушка села, подобрав под себя ноги, и зевнула.

—Я вам еще не надосла?—спросила Патриция Харди.

XXXI

Госсейн присел на край постели. У него словно гора с плеч свалилась, но когда первое волнение улеглось, он неожиданно вспомнил Прескотта.

—Значит, если я попытаюсь убежать, вас убьют,—медленно сказал он.

Она сразу посерьезнела и кивнула в ответ.

—Идея принадлежит мистеру Крэнгу.

Госсейн уселся на кровать и молча уставился в потолок. Опять Крэнг. Видимо, Торсон хотел устранить Патрицию, и Крэнг предложил компромиссное решение, чтобы спасти ее жизнь, а самому остаться вне подозрений. Он представил себе, как Крэнг убеждает Торсона, что Гилберт Госсейн считал себя когда-то мужем этой женщины, а значит, у него должны остаться в ней теплые чувства.

“Бесподобный Элдред Крэнг,—подумал Госсейн.—Единственный человек, который пока что не допустил ни одной ошибки”. Чуть скосив глаза, он посмотрел на Патрицию. Она зевнула и потянулась, как довольная кошечка. Внезапно она повернулась в его сторону.

—Разве вам не о чем меня спросить?—сказала она.

Он задумался. Само собой, лучше не упоминать о Крэнге. И он понятия не имел, что произошло у нее с Торсоном.

—Мне кажется,—осторожно проговорил Госсейн,—что я теперь более или менее осведомлен о создавшемся положении. Мы стали жертвой жадной галактической империи, пытающейся присоединить к своим владениям еще одну Солнечную систему, несмотря на неудовольствие так называемой Галактической Лиги. И если бы не огромное количество жертв, можно было посмеяться и посочувствовать неврастеничной цивилизации, которой не удалось разработать методов контроля над головным мозгом и научиться разграничивать животные ощущения от человеческих. Тысячи лет их технического прогресса преследовали цель захвата власти и

расширения на принципах уважения и сотрудничества, как с государственными, так и с отдельными личностями. Да, картина мне ясна. Теперь остается только выяснить, какую роль в ней играют некоторые люди. Например, вы.

—Я—ваша жена,—ответила девушка.

И Госсейн почувствовал раздражение, что она может шутить в такое время.

—Вы не считаете,—с упреком в голосе сказал он,—что здесь не место для подобных заявлений. Подслушивающие аппараты...

Она мягко рассмеялась, потом ответила ему серьезным тоном:

—Друг мой, Торсона водит за нос один из самых умных людей, которых я когда-либо встречала. Элдред Крэнг. Уверю вас, он позаботился о том, чтобы наши разговоры не прослушивались.

Госсейн промолчал. В голосе ее проскальзывали нотки явного восхищения своим любовником.

—Не знаю,—медленно проговорила Патриция,—сможет ли Элдред продержаться до конца и защитить нас в случае необходимости. Когда Торсон добьется своего, он убьет нас, не моргнув глазом, так же безжалостно, как отца и "Х". Если человек, стоящий за вами, не придет нам на выручку, можете считать, что все мы покойники.

Ее уверенность действовала на Госсейна самым странным образом. Совершенно очевидно, она абсолютно не верила в возможности Гилберта Госсейна II. Неужели они рассчитывали только на загадочного незнакомца? Возможно ли, что Крэнг не строил никаких планов на тот случай, если Госсейн научится управлять дополнительным мозгом? Свой последний вопрос он задал девушке.

—Нет,—ответила Патриция Харди.—Если это произойдет, вы сами должны решить, что делать.

Госсейн выключил свет.

—Патриция,—сказал он в темноту,—вы считаете, я допустил ошибку, согласившись сотрудничать с Торсоном?

—Может быть.

—Мы найдем этого неизвестного, я уверен.

Чуть поколебавшись, она ответила:

—Элдред тоже так думает.

Опять Элдред. К черту Элдreda.

—Почему Крэнг не предупредил вашего отца?

—Он сам не знал, что они затевают.

—Вы хотите сказать, что Торсон подозревает его?

—Нет. Но "Х" был человеком Крэнга. Естественно, Торсон решил, что Крэнг будет противиться его уничтожению и поэтому договорился с Прескоттом.

—"Х" был человеком Крэнга?—мягко переспросил Госсейн.

—Да.

Он всегда считал, что чудовищная эгоцентричность развилась в Лавуазье из-за страшных последствий катастрофы. И тем не менее Торсон почуял неладное.

—Мне кажется,—мрачно сказал Госсейн после долгой паузы,—что вся оппозиция Энро строится на махинациях Элдред Крэнга.—Он умолк. А ведь на самом деле похоже, что он недалеко от истины. В мозгу Госсейна молнией блеснула мысль.

—Может быть, Крэнг и есть неизвестный космический шахматист?

Патриция ответила мгновенно:

—Нет.

—Откуда вы знаете?

—Он показывал мне свои детские фотографии.

—Подделка,—предположил Госсейн.

Она промолчала, и, выждав несколько секунд, он переменял тему разговора.

—Кем был ваш отец?

—Мой отец,—тихо ответила она,—считал, что Машина несправедливо отказала ему в продвижении, несмотря на его незаурядные знания и огромный опыт. Когда я была маленькая, я разделяла его негодование и даже решила не проходить курс нуль-А обучения. Но он зашел слишком далеко. Я начала понимать, что за необыкновенной личностью—а в этом вы вряд ли можете ему отказать—крется человек, который безразлично относится к последствию своих поступков, и тайно взбунтовалась. Когда полтора года назад на сцене появился Элдред, сделавший неслыханно быструю карьеру в дипломатических кругах Великой Империи, я впервые вошла в контакт с Галактической Лигой.

—Он представитель Лиги?

—Нет.—В голосе ее прозвучала гордость.—Элдред Крэнг—это Элдред Крэнг, человек уникальный. Но на Лигу я вышла через него.

—И стали ее агентом?

—В каком-то смысле да.

—Что вы имсете в виду?

—Лига,—ответила Патриция,—обладает множеством недостатков. Принятие определенных решений зависит от отношения к проблеме отдельных содружеств. Вы не представляете, как легко пожертвовать одной звездной системой ради общего спокойствия. Я никогда об этом не забывала и делала все возможное для Земли и только для Земли, пользуясь привилегиями агента Лиги. Содружествам известно наше нуль-А учение, но им не удалось привить его нигде по всей галактике. Различные правительства отождествляют его с пацифизмом и просто не могут поверить, что на свете существует такая полная гармония мыслей, при которой человек мгновенно приспосабливается к обстановке, включая военную.

Госсейн кивнул, вспоминая рассказ Торсона. Он давно понял, почему Энро выбрал для вторжения отдаленную Солнечную систему. Уничтожение мирных жителей, в нарушение всех договоров Лиги, неизбежно приведет к межзвездной войне, о которой император давно мечтал.

— Именно Элдред, — продолжала Патриция, — обнаружил, что в результате аварии великий ученый, директор Института Семантики, превратился в кровожадного маньяка, которого вы знали под именем "Х". Он думал, что Лавуазье выздоровеет и станет неоценимым союзником, но, к сожалению, ошибся.

Опять Элдред. Госсейн вздохнул.

Молчание затянулось. С каждой минутой Госсейн мрачнел все больше. Он не строил никаких иллюзий. Жадность Торсона заставила его свернуть в сторону от намеченной цели, но это лишь спокойствие перед бурей. Получив короткую передышку, венериане успеют как следует вооружиться, а у Лиги появится несколько недель, в течение которых они могут понять, что Энро собирается развязать галактическую войну. Торсон постарается как можно дольше вести двойную игру, но если только он почувствует, что его жизни грозит опасность, то мгновенно отдаст приказ и превратит Венеру в атомную пустыню.

Нет, нельзя ожидать чуда и сидеть сложа руки, полагаясь только на неизвестного. Каким бы могуществом тот ни обладал, он мог рассчитывать лишь на несведущих помощников, вроде Госсейна, которые вряд ли могли противостоять кровожадной Галактической Империи. Надо что-то предпринять.

В эту минуту в голове его созрел отчаянный план действий.

XXXII

Еще через два дня, сидя в темной лаборатории, он совместил два луча света без помощи Генератора Пространства. Когда Госсейна попросили объяснить, что он чувствовал, ответ получился невразумительным: "Двигаешь рукой, как загипнотизированный, а кажется, что это делает за тебя кто-то другой". Его нервная система получила новый импульс; сознание расширилось.

Шло время, странные покалывания в организме становились явственней, он учился контролировать свои ощущения. Он стал различать всевозможные энергии, движение, предметы и вскоре мог назвать каждый из них с закрытыми глазами и не задумываясь. В присутствии людей тепло разливалось по всему его телу. Он реагировал на неизмеримо ничтожные импульсы, а на шестой день выделял доктора Кэра из окружающих по исходявшей от него "дружелюбности". К тому же он заметил, что легко воспринимает волнение психиатра за его дальнейшую судьбу.

Поняв, что получил возможность разбираться в эмоциях, Госсейн тут же принял за Крэнга, Торсона и Прескотта. Ненавидел его один лишь Прескотт. "Он никогда не забудет, — подумал Госсейн, — о пережитом страхе и о том, как я обманул его тогда во дворце". Торсон был самым настоящим Макиавелли, оставаясь строго нейтральным в отношении к пленнику. Крайняя осторожность сочеталась в нем с решительностью. Крэнг вообще не давал

волю чувствам. Видимо, галактический агент постоянно находился в напряжении и боялся раскрыться даже перед самим собой.

Больше всех его поразила Патриция. Ничего. Вновь и вновь он пытался войти в контакт с ее нервной системой. Безрезультатно. В конце концов Госсейн решил, что он в состоянии воспринимать лишь мужское начало.

В течение последующих дней он разработал свой план до мельчайших подробностей. Поразмыслив, он пришел к выводу, что картину создавшегося положения обрисовали ему люди, пользующиеся чисто Аристотелевыми представлениями и понятиями. Нельзя забывать, что даже Крэнг не получил в детстве воспитания, позволяющего добиться полного контроля над мозгом.

В рассуждениях Госсейна имелись неувязки, но одновременно многое становилось понятным. Загадочный незнакомец теперь уже казался ему не всемогущим волшебником, а самым обычным человеком, открывшим тайну бессмертия, который пытался по мере сил бороться с галактической империей. Не вызвало сомнений, что его мало беспокоит, уничтожат или нет очередное тело Гилберта Госсейна. В крайнем случае он просто смирится с поражением и начнет новую разработку, исходя из сложившейся ситуации.

Ну и черт с ним!

В полдень того дня, когда проводился эксперимент с большим кубиком, Госсейн решил отключить вибратор. Его поразила сложность схем и множество самых разнообразных волновых энергий, пульсирующих по бесконечным трубочкам. В конце концов он добился своего и, взяв прибор в руки, теперь уже попытался одновременно нейтрализовать его и запомнить атомную структуру пола, на котором стоял. У него ничего не вышло. Он мог контролировать либо вибратор, либо пол, но не то и другое вместе. И заговорщики это прекрасно знали.

На девятнадцатый день ему дали металлический стержень из сверхпрочной электронной стали, а в противоположном конце лаборатории поместили небольшой генератор. Сейчас он уже действовал осмысленно. Молния—казалось, вылетевшая из руки—полоснула по стене, потолку, энергетическому экрану, за которым стояли наблюдатели. Содрогнувшись, Госсейн прервал совпадение энергий до двадцатого десятичного знака и, не сопротивляясь, отдал стержень специально посланному за ним солдату. Только тогда Торсон вышел из-за экрана. У гиганта было явно хорошее настроение.

—Что ж, мистер Госсейн,—сказал он с уважением в голосе,—с нашей стороны просто глупо продолжать дальнейшее обучение. Не то чтобы я не доверял вам...—Он рассмеялся.—В конце концов я уверен, что теперь вам под силу разыскать нужного нам человека.—Он резко переменял тему разговора.—Мы вылетаем на Землю. Укладывайтесь. В вашем распоряжении ровно час.

Госсейн рассеянно кивнул. Через несколько минут у дверей лифта он смотрел, как трое солдат осторожно заносят внутрь виб-

ратор. Прескотт жестом пригласил его зайти в кабинку. Солдаты столпились гурьбой в тесном пространстве; Прескотт подошел к панели управления. Резким, конвульсивным движением Госсейн обхватил его за плечи и изо всех сил ударил головой о металлическую стенку. Выхватывая бластер из кобуры, он отпустил безжизненно падающее тело и нажал первую попавшуюся трубочку.

Как всегда, сознание на мгновение помутилось. Когда он пришел в себя, из его бластера вылетела огненная струя и охранники свалились как подкошенные.

Первая стадия отчаянного плана увенчалась полным успехом.

XXXIII

Расстегнув молнию, Госсейн снял с себя комбинезон. Он подозревал, что в ткань вшиты были различные электронные приспособления, а с помощью одного из них—от твердо это знал—не составляло труда парализовать человека на расстоянии. Раздевшись, он почувствовал облегчение, но прежде чем начать действовать, быстро переоделся в костюм Прескотта.

Первая остановки ему требовалась только для того, чтобы избавиться от вибратора. Открыв дверцу лифта, он осторожно вытолкнул прибор, а вслед за ним довольно бесцеремонно вышвырнул четыре трупа. Самое главное—не задерживаться. Нажав на очередную трубочку, он вновь очутился в незнакомом коридоре. Как и в первом, здесь не было ни одной живой души. Госсейн “запомнил” структуру участка пола рядом с шахтой лифта и дал ему кодовое обозначение: один. Пробежав футов сто и свернув за угол, он повторил всю процедуру сначала, поменяв лишь кодовое обозначение на “А”. Остановившись, он подумал: “Один!”

В ту же секунду он оказался рядом с лифтом.

Его захлестнуло радостное чувство, подобного которому он никогда раньше не испытывал. Только бы успеть! Кодовые обозначения, которые он дал участкам следующего коридора, были “2” и “Б” соответственно... В четвертом коридоре навстречу ему попался человек. Не задумываясь, Госсейн выстрелил.

Больше он никого не встретил. И хотя он нигде не задерживался, прошло не менее получаса, прежде чем он добился поставленной перед собой цели, “запомнив” десять кодовых названий от единицы, столько же от “А” и, кроме того, все электрические розетки, обозначив их математическими символами.

Пришла пора возвращаться домой. Похоже, побег его пока остался незамеченным. Госсейн заставил себя успокоиться. Не слишком густо, но для отступления у него имелось восемнадцать разных мест, а его дополнительный мозг мог пользоваться энергией из сорока одного источника. Он заметил, что руки его слегка дрожат, а лоб покрылся испариной. Вполне естественная реакция, если учесть, сколько сил пришлось затратить. Не пройдет и тридца-

ти минут, как ему придется дать решительный бой, начать военную кампанию, которую никогда не вел один-единственный человек. Через час станет известно, победит он или погибнет, теперь уже навсегда.

Он открыл дверь и осторожно вошел в комнату. Патриция Харди вскочила с кресла и кинулась ему навстречу.

—О господи,—воскликнула она.—Где вы пропадали? Сюда приходил Элдред.

Не похоже было, что она догадывается о случившемся, но ее тон потряс Госсейна. Внезапно он все понял.

—Крэнг!—Ему показалось, что на него обрушился потолок.

—Он велел передать вам последние инструкции.

—О боже!—вырвалось у Госсейна.

Он почувствовал слабость в ногах. Он все время ждал, надеясь, что им наконец начнут разумно руководить. Он намеренно затягивал выполнение своего плана до самой последней минуты. А теперь... Девушка взволнованно произнесла:

—Он сказал,—голос ее упал до шепота,—чтобы вы притворились, будто вас непродолимо тянет в Институт Семантики и вошли там в контакт с... с...—Она покачнулась, почти теряя сознание.

Госсейн подхватил ее и потряс за плечи.

—Да, да. С кем?

—С бородачом!—выдохнула она.—Дальше вы будете делать то, что он прикажет.—Она выпрямилась.—Трудно поверить, что Элдред... все время знал о его существовании.

—Но кто он такой?

—Элдред не сказал.

Госсейн еле сдерживался, чтобы не вспылить. В душе его нарастала ярость. Его бросили на произвол судьбы, тем самым вынудив к бессмысленным действиям. Как расхлебать заварившуюся кашу? Огромным усилием воли он заставил себя собраться с мыслями. Патриция не должна подозревать, что произошло, по крайней мере до тех пор, пока всего не расскажет.

—Что задумал Крэнг?

—Торсона необходимо убрать.

—Понятно. А потом?

—Элдред, как его первый помощник, примет командование армией.—Она говорила быстро, захлеб.—В нашем секторе галактики под началом Торсона сто миллионов солдат. Если Энро их лишится, ему потребуется не меньше года, чтобы организовать новое нападение на Солнечную систему.

Госсейн бессильно опустился на ближайшее кресло. По своей логической завершенности блестящий план Крэнга был бесподобен. Сам Госсейн тоже намеревался убить Торсона, но он заранее предполагал, что такая попытка обречена на провал, и стремился в основном уничтожить галактическую базу. Да, ему оставалось лишь восхищаться Крэнгом. Теперь понятно, почему тот ни во что не вмешивался и не попытался предупредить жителей Венеры.

—Элдред считает,—вновь заговорила Патриция Харди,—что Торсон обезопасил себя со всех сторон, и здесь вам не удастся с ним покончить. На него следует напасть где-нибудь в другом месте.

Госсейн устало кивнул. Если разобраться, план Крэнга был не менее отчаянным, чем его собственный. И столь же неопределенным. Он поднял голову.

—Больше Элдред ничего не сказал?

—Нет.

“Не слишком ли много от меня хотят,—с горечью подумал Госсейн,—в очередной раз требуя слепого повиновения?” Допустим даже, он сумеет выполнить задание Крэнга. Для этого ему прежде всего придется сдать в плен и хотя бы для виду оказать сопротивление. А значит, все, чего он добился, пошло насмарку. За ним установят куда более тщательное наблюдение, и ему останется лишь надеяться на неизвестного бородача, который якобы может помешать захватчикам. Он посмотрел на девушку.

—Патриция, кто такой Крэнг?

Она не отвела взгляда.

—Неужели не догадываетесь?

—Не знаю,—ответил Госсейн.—Мне трудно понять, как ему удалось добиться столь высокого положения. Но если среди галактических цивилизаций много таких, как он, лучше нам перейти к их системе общего образования.

—Все значительно проще,—спокойно ответила девушка.—Крэнг—землянин, и пять лет тому назад, работая на Венере детективом, заподозрил своего помощника, который явно не прошел курса нуль-А обучения. Вполне естественно, ведь его подослал Прескотт. Именно тогда Элдред впервые узнал о заговоре, но решил вести себя крайне осторожно и даже никого не предупредил, прекрасно понимая, что противника нельзя недооценивать. Следующие несколько лет он провел в космосе, на службе Великой Империи, приспосабливаясь к обстановке, входя в доверие к вышестоящим, безжалостно расправляясь с конкурентами, не останавливаясь ни перед чем, чтобы занять свой высокий пост. Сам он считает, что продолжает вести расследование, которое начал, будучи простым венерианским детективом, и...

—Расследование!—не выдержав, воскликнул Госсейн. От его сомнений не осталось и следа. Элдред Крэнг, простой венерианский нуль-А детектив, предложил план действия, располагая, несомненно, куда более полной информацией, чем Гилберт Госсейн. А следовательно, он поторопился, и теперь ему останется утешаться только тем, что скоро он узнает имя неизвестного, открывшего тайну бессмертия.

Он сделает вид, что сопротивляется, но позволит им довольно быстро захватить себя в плен. Ему придется пережить несколько неприятных минут, в особенности если его будут допрашивать с помощью детектора лжи. Ничего не поделаешь. К счастью, прибор лишь подтверждал правильность ответов, не выдавая иной информации.

В течение последующей баталии Госсейн появился в девяти закодированных цифрами местах, оставив буквенные про запас на тот случай, если придется отвечать на неприятные вопросы. Он был уверен, что в сумятице и неразберихе у них не останется времени на тщательное расследование.

В коридоре под кодовым названием "7", когда нападающие убедились, что приперли его к стенке, Госсейн устроил короткое замыкание и сдался на милость победителя.

Он испытал огромное облегчение, увидев, что его привели в гостиную Крэнга. Допрос продолжался долго, но вопросы задавали настолько осторожно, что ни разу не удалось детектору лжи поймать его на даче ложных показаний. Закончив, Крэнг наклонился к микрофону и произнес:

—Я думаю, мистер Торсон, что вы можете спокойно отправляться с ним на Землю. Я останусь и наведу здесь порядок.

Госсейн недоумевал, куда подевался Торсон. Естественно, он постарается свести риск к минимуму, но ведь рано или поздно им придется отправиться на поиски вместе. В этом и заключалась вся прелесть ситуации. Тайну бессмертия нельзя было доверить подчиненным, которые тоже могли забыть о своих прямых обязанностях.

Гигант ждал у лифта.

—Так я думал,—сказал он, снисходительно глядя на Госсейна.—Ваш дополнительный мозг достаточно ограничен, Впрочем, теперь понятно, почему на сцене сразу не появился Гилберт Госсейн III. Он никак не мог помешать нашему вторжению на Венеру. Видимо, один человек всегда уязвим, даже когда он обладает относительным бессмертием. Ведь достаточно сбросить атомную бомбу в предполагаемый район его нахождения, и наш герой глазом не успеет моргнуть, как превратится в пыль.—Торсон помахал рукой.—Забудем о Прескотте. Я даже доволен, что так получилось, невелика потеря. Хотя, судя по вашему поведению, вы абсолютно неправильно истолковали мои намерения.—Он пожал плечами.—Я никого не собираюсь убивать, Госсейн. Меня интересует лишь сделанное открытие.

Госсейн промолчал, но он знал, что Торсон лжет. История доказывала, что борьба за власть, убийство слабых, эксплуатация беззащитных были заложены в самой природе Аристотелевой личности, не умеющей контролировать мозг и жить в гармонии с природой. Юлий Цезарь и Помпей, Наполеон, выступивший сначала как защитник родины и превратившийся впоследствии в неусмного агрессора, являлись духовными наставниками Энро, который мечтал завоевать всю галактику.

Даже сейчас, отрицая свое тщеславие, Торсон наверняка строил грандиозные планы, представляя себя в роли какого-нибудь сверхчеловека. Гигант прервал его размышления.

—Пойдемте,—произнес он.—Мы и так потеряли много времени.

“Дав предмету название, вы поступили неверно...” Кресло—не просто кресло. Это—структура необычайно сложная: химическая, атомная, электронная и т.д. Следовательно, если вы думаете о нем как о кресле, вы ограничиваете свою нервную систему—как на то указал Коржибский—одним определением. Общая сумма таких определений по отношению к разным предметам делает человека нестабильным, неврастеничным, а иногда сводит с ума.

Аноним

Город Машины изменился до неузнаваемости. Здесь шла битва, и повсюду стояли разрушенные строения. Когда они очутились во дворце, Госсейн понял, почему последние несколько дней Торсон провел на Венере.

От здания осталась лишь пустая коробка. Госсейн шел по полюбившимся коридорам, входил в комнаты без потолка и испытывал ностальгию по добрым старым временам, когда беда еще не обрушилась на цивилизацию. Непрекращающиеся выстрелы со стороны далеких улиц как бы служили фоном мрачной картины опустошения, раздражали, вызывали неприятные воспоминания.

—Здесь не лучше, чем на Венере,—резко ответил на его вопрос Торсон.—Они сопротивляются, как дикие безмозглые животные.

—Один из нуль-А законов,—бесстрашно заметил Госсейн,—необходимость полного приспособления окружающей среде.

—А-а!—раздраженно протянул Торсон и тут же переменил тему разговора.—Вы что-нибудь чувствуете?

Госсейн покачал головой.

—Ничего,—честно признался он.

Они вошли в комнату Патриции. Огромная дыра зияла в стене, где раньше находился Генератор Пространства. Куски выбитых стекол валялись на полу. Сквозь пустые рамы Госсейн посмотрел вперед, вспоминая Машину, которая сверкала, подобно бриллианту чистой воды в короне пламени. Огромную площадку на вершине горы закидали тысячами тонн свежей земли—видимо, чтобы даже память стереть о символе человечества, боровшегося за разум. Но никто не разровнял неровные кучи: у захватчиков хватало других забот.

Никого не обнаружив, процессия людей и автомобилей отправилась в домик Дана Литтла. Он остался нетронутым. Скорей всего уборку производили автоматы—в комнатах было светло и чисто. Ящик из-под Генератора Пространства стоял в углу гостиной. Адрес: “Институт Семантики”, куда Машина собиралась его от-

правиль, выделялся черными буквами на стороне, обращенной к ним лицом. Госсейн всплеснул руками, как бы пораженный мыслью, пришедшей в голову.

—Может быть, там?

До зубов вооруженная армия двинулась по широкому проспекту бывшего города Машины. Флотилии робопланов затмили собой небо. Над ними, подобно коршунам, висели космические корабли, готовые открыть огонь по первому сигналу. Робопланы неслись по параллельным улицам. Отряды охраны со всех сторон окружили знаменитую площадь и кинулись внутрь здания через многочисленные двери. Остановившись перед центральным входом, Торсон указал рукой на надпись, выбитую в мраморе. Чувствуя торжественность минуты, Госсейн прочитал древнее изречение:

СОМНЕНИЕ—ПИК ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Ему показалось, что из глубины веков до него донесся тихий вздох. Эта фраза говорила о реальности окружающего мира. Бесчисленные миллионы людей жили и умирали, даже не подозревая, что слепая вера мешает им видеть жизнь такой, какой она является на самом деле.

К Торсону подбежали несколько солдат. Один из них заговорил с ним на языке, состоящем почти из одних гласных. Гигант повернулся к Госсейну.

—Там никого нет,—сказал он.

Госсейн не ответил. “Никого нет”,—эхом отдалось в мозгу, впрочем, он заранее мог предположить, что ни один ученый не останется в стороне, когда человечеству грозит опасность.

Торсон сделал знак охраннику, который нес вибратор, и Госсейн неожиданно почувствовал, как к ему потянулись нити энергии. Торсон посмотрел на него.

—Простая мера предосторожности,—сказал он—Мы выключим прибор, когда войдем в здание.

Госсейн встрепенулся.

—Вы хотите войти?

—Я разнесу дворец на мелкие кусочки,—ответил Торсон.—В нем могут быть потайные комнаты.

Он повысил голос, отдавая какие-то распоряжения. Началась суматоха. Люди поочередно подбегали к нему с докладами. Они говорили все на том же непонятном языке, и Госсейн представления не имел, что происходит, пока Торсон не повернулся к нему, хмуро улыбаясь.

—В одной из лабораторий работает какой-то старик,—объяснил он.—Непонятно, как мы не заметили его раньше, но...—Он нетерпеливо махнул рукой.—Я приказал не трогать его, вплоть до моих дальнейших распоряжений.

Госсейн не усомнился в правильности перевода. Торсон был бледен. Гигант стоял молча, что-то обдумывая и мрачнел с каждой минутой.

—Риск слишком велик,—пробормотал он.—Мы, конечно, войдем, но...

По массивным золотым ступеням они поднялись к платиновым в драгоценных камнях дверям и прошли в просторный холл. Каждый дюйм стен и куполообразного потолка помещения сверкал, усыпанный миллионами бриллиантов. Эффект создавался потрясающий, и Госсейн подумал, что архитекторы несколько переусердствовали. Дворец строился в то время, когда необходимо было убедить человечество, что так называемые драгоценные камни и металлы, ранее служившие признаком богатства, не более чем обыкновенные редкие минералы. С тех пор прошло сто лет.

Они пересекли комнату, выложенную рубинами, поднялись по изумрудной лестнице, и очутившись в зале со стенами из чистого серебра, остановились перед коридором, широко известным своим пластиком, который ничем не отличался от опала. Повсюду снова были солдаты, и Госсейном овладело отчаяние. Торсон указал рукой на дверь в конце коридора.

—Он там.

Госсейну показалось, что все это происходит с ним во сне. Он открыл рот, собираясь спросить: “А у него есть борода?”, но не смог издать ни звука. “Что же мне делать?”—в отчаянии подумал он.

Торсон кивнул.

—Его охраняют мои люди. Сейчас все зависит от вас одного. Пойдите и скажите ему, что здание окружено, а наши приборы не регистрируют наличие атомной энергии, так что он бессилен. Сопротивление бесполезно.—Вытянувшись во весь рост, он посмотрел на своего пленника сверху вниз.—Госсейн,—проревел он,—я вас предупреждаю, ни одного лишнего движения. Я уничтожу и Землю, и Венеру, если произойдет что-нибудь непредвиденное.

Звериная ярость угрозы вызвала у Госсейна ответную реакцию, помогла избавиться от охватившего его оцепенения. Они с ненавистью уставились друг на друга. Торсон первым нарушил молчание и рассмеялся, разряжая обстановку.

—Ну ладно, ладно,—произнес он.—Считайте, что оба мы погорячились. Слишком много поставлено на карту. Но помните, это вопрос жизни и смерти.—Он скрипнул зубами.—Не теряйте времени!

Госсейн почувствовал леденящий холод внутри—ощущение, которое могло возникнуть только в результате неправильной работы нервной системы. Его мускулы непроизвольно напряглись. Он пошел вперед.

—Госсейн, когда ты подойдешь к алькову рядом с дверью, сделай шаг в сторону. Там ты будешь в безопасности.

Госсейн вздрогнул, как от удара. Он не слышал ни одного слова, но мысль, возникшая в мозгу, прозвучала так ясно, как будто была его собственная.

—Госсейн, вдоль стен стоят металлические ящики, к кото-

рым подведена электрическая энергия в тысячу вольт. Воспользуйся ею при необходимости.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений. Видимо, Прескотт оказался не прав, считая, что телепатия возможна только в том случае, когда два мозга совпадают по своим показателям как минимум до двадцатого десятичного знака, ведь он спокойно воспринимал чьи-то чужие мысли.

Пораженный тем, что развязка наступила так неожиданно, Госсейн застыл на месте. Он смутно подумал: "Я не должен оставаться! Надо идти!"

—Госсейн, зайди в альков и попытайся нейтрализовать вибратор!

Он уже прошел большую половину пути. Альков находился всего в десяти футах от него, потом в пяти, потом...

—Госсейн, что вы задумали?—проревел голос Торсона. Выходите немедленно!

—Нейтрализуй вибратор!

Он старался изо всех сил, зрение его помутилось от напряжения. Он увидел, как сверкнувшая молния пронеслась мимо и ударила прямо в Торсона. Гигант рухнул как подкошенный, а огненная струя закружилась по залу. Послышались крики и стоны гибнущих солдат. Огненный шар плавно опустился с потолка, обволакивая вибратор. Раздался взрыв, и прибор разлетелся на мелкие кусочки, уничтожив столпившихся вокруг техников.

В то же мгновение нервная система Госсейна освободилась из плена энергетических пульсаций.

—Госсейн, скорее! Не дай им опомниться. Они могут успеть передать на космические корабли приказ о бомбежке. Я ничего не могу сделать. Очисти здание, потом возвращайся. Поторопись! Я тяжело ранен.

Ранен! Чувствуя необъяснимое волнение, Госсейн представил себе человека, который умрет, так и не успев ничего ему рассказать. Он заставил себя сконцентрироваться и, подсоединив дополнительный мозг к источникам энергии, через десять минут превратил в развалины остальную часть задания и площадь. Поток пламени разлился по коридорам. Стены рушились, заживо погребая захватчиков. Танки дымились и вспыхивали яркими факелами. "Ни один человек,—ярче молнии сверкнула мысль,—ни один человек из особой охраны Торсона не должен уйти отсюда живым".

Живым не ушел никто. Совсем недавно целый полк солдат и боевой техники заполняли собой всю площадь. Сейчас—повсюду лежали обуглившиеся тела да кое-где дымились куски металла. Робопланы висели в воздухе на высоте тысячи футов. Без приказа Торсона они не решались на прямое вмешательство, а, может быть, Крэнг уже принял командование.

Госсейн не стал тратить времени на ненужные размышления. Он кинулся обратно в здание, торопливо пробегая комнату за комнатой. Возвратившись в лабораторию, он остановился как вкопан-

ный. В кресле у стола полулежал старик с густой бородой. Он посмотрел на Госсейна остекленевшим взглядом, с трудом улыбнулся и произнес:

—Полный порядок!

У старика был глубокий, сильный и очень знакомый голос. Госсейн непонимающе уставился на него, вспоминая, где мог слышать этот бас раньше. Вздрыгнув от неожиданности, он сделал шаг вперед.

—“Х”!—громко сказал он.

XXXV

Я представляю семью.
Пусть плоть умирает навек,
В чертах остальных живу,
Безвременный человек,
То тут я, то там брожу,
Забвенью людей презрев.

Т. Х.

Старик закашлялся. Это был неприятный звук, и лицо его исказилось мукой. Тело в судороге, и сползшая повязка обнажила обожженную кожу и огромную рану величиной с кулак в правом боку. Из нее вытекали темные капли крови.

—Ничего,—пробормотал он.—Я хорошо держу боль, только бы не кашлять. Самовнушение—великая вещь.—Он медленно выпрямился.—“Х”,—повторил он.—Что ж, если хочешь, пусть будет так. Мне удалось добиться для него высокого положения среди заговорщиков. Ведь он, сам того не подозревая, снабжал меня информацией. В этом и заключается вся прелесть системы бессмертия, которую я, кстати, значительно усовершенствовал. Мысли человека активного телепатически воспринимаются мозгом... гм-м... пассивным. Естественно, когда появился он, пришлось исчезнуть мне. Трудно, видишь ли, объяснить наличие сразу двух Лавуазье.—Он осторожно откинулся на спинку кресла и облегченно вздохнул.—Мне просто необходим был осведомитель, мысли которого я мог бы читать без задержки. Признаюсь, что именно я подстроил аварию и ускорил течение некоторых жизненных процессов в его организме. Жестокое решение, не спору, но в остальном он оставался совершенно независимым негодяем, вольным в своих поступках.

Голова его склонилась на грудь, глаза закрылись, и Госсейну показалось, что старик потерял сознание. Его захлестнула волна отчаяния. Неизвестный умирал, а Госсейну так ничего и удалось выяснить. “Я должен знать, кто я такой,”—тоскливо подумал он и, наклонившись, потряс Лавуазье за плечо.

—Проснитесь!—крикнул он.

Тело не шевельнулось, Усталые глаза открылись и задумчиво посмотрели на него.

—Я пытался,—сказал низкий голос,—покончить с собой. Не хватило сил подключить дополнительный мозг к источнику энергии. Ничего не вышло... Видишь ли, я давно решил, что умру вместе с Торсоном... Думал, меня убьют солдаты... они плохо стреляли.—Он покачал головой.—Все логично. Сначала пробуждается тело, потом кора головного мозга, потом...—Глаза его загорелись.—Может быть, ты дашь мне пистолет? Я чувствую, мне все труднее бороться с болью.

Обуреваемый противоречивыми чувствами, Госсейн поднял с пола бластер. «Неужели я могу заставить беспомощного старика страдать и отвечать на вопросы?» Душевная борьба измотала его, но в конце концов он убедил себя, что у него нет другого выхода. Когда Лавуазье протянул руку, Госсейн отрицательно покачал головой. Старик бросил на него быстрый взгляд.

—Вот оно что!—он рассмеялся каким-то странным, удивленным смехом.—Ну хорошо, что ты хочешь узнать?

—Мои тела. Как...

Его прервали на полуслове.

—Секрет бессмертия,—сказал старик,—заключается, отчасти, в умении разграничивать потенциальные возможности, которые ребенок унаследовал от каждого из своих родителей. К примеру, можно взять близнецов или двух похожих друг на друга братьев. Теоретически сходство может быть достигнуто непосредственно при рождении. Но в действительности это возможно лишь в лабораторных условиях, когда тела находятся в инкубаторе. Бессознательное состояние исключает появление у них собственных мыслей, их массируют автоматы, они получают искусственное питание и, следовательно, практически не отличаются от оригинала. Но мозг меняется лишь согласно восприятию, полученному от своего alter ego, который живет в миру. На практике данный процесс требует контроля Генератора Пространства и прибора типа детектора лжи, который настроен таким образом, чтобы убирать ненужные впечатления. В твоем случае я стер почти всю память—тебе незачем было много знать. Но именно такое совпадение мыслей обеспечивает бессмертие личности, несмотря на то, что тело за телом могут подвергаться уничтожению или гибели.

Львиная голова склонилась на грудь.

—Вот и все. Остальное ты уже знаешь от Крэнга. Мы должны были как-то отсрочить нападение.

—А мой дополнительный мозг?—спросил Госсейн.

Старик вздохнул.

—Он существует в зародыше у каждого из нас, но не может развиваться из-за нервных перегрузок, которые организм испытывает в течение жизни. Вспомни кору головного мозга Джорджа, мальчика-зверя, так и не сумевшего начать правильно функционировать. Дополнительный мозг просто не выдерживает активного существования на ранних стадиях развития... Его, конечно, можно...

Он умолк, и Госсейн дал ему минутный отдых, пытаясь разобратся в услышанном. Потенциальные возможности, унаследованные от каждого из родителей. Искусственное оплодотворение—наука пользовалась подобными методами сотни лет назад, а инкубаторами еще раньше. Теперь самое главное: где хранятся тела?

Он задал вопрос срывающимся голосом и, не получив ответа, потряс старика за плечо. Тело Лавуазье безжизненно упало вперед. Вздвогнув, он осторожно опустил его на пол и, встав на колени, приложил ухо к груди. Сердце не билось. Госсейн медленно поднялся на ноги. Губы его беззвучно шептали: “Но ведь ты ничего мне не сказал. Я все еще ничего не знаю”.

Постепенно он успокоился. Такова жизнь, и нельзя ожидать, что все в ней будет ясным и понятным. Наклонившись, он обыскал куртку и брюки старика, надеясь найти хоть какую-нибудь улику. Карманы были пусты. Он уже собирался встать, когда услышал:

—О боже, дай мне пистолет!

Госсейн замер, потрясенный до глубины души, и тут же понял, что не услышал ни звука, просто поймал мысль покойника. Сначала нерешительно, потом все увереннее, он начал осторожно тряссти его за плечо. Клетки человеческого мозга погибали не сразу после того, как сердце перестало биться. Если он услышал одну мысль, значит, есть и другие. Шли минуты. “Умирание—сложный процесс”,—подумал Госсейн. К тому же сходство между нами наверняка частично нарушено.

—*Поживи еще немного, Госсейн. Следующая партия тел—в возрасте восемнадцати лет. Подожди, пока им исполнится тридцать... да, тридцать...*

Мысль оборвалась, но Госсейн задрожал от возбуждения. Видимо, ему удалось стимулировать небольшую группу клеток. Прошло еще несколько минут, и вновь:

—*...Память обладает изумительными свойствами... Но между твоей и моей группами нарушилось непрерывность. Несчастный случай, со мной происшедший, не укладывался в рамки процесса. Жаль, конечно, но теперь к тебе пришел уже жизненный опыт, и ты сможешь завершить...*

На этот раз пауза была совсем недолгой, и снова в его мозгу зазвучал голос:

—*Раньше я задумывался—может, меня тоже кто-нибудь создал? Я отводил себе роль королевы в шахматной партии, а ты был пешкой в седьмом ряду, которой оставалась одна клеточка, чтобы прорваться в ферзи. Но ведь королева—всего лишь фигура, хоть и важная. Кто же тогда игрок? Когда все началось?... Опять... (неразборчиво)... круг замыкается, и мы продвинулись вперед не дальше...*

Госсейн напряг все силы, пытаясь удержать мысль, но она исчезла. Стоя на коленях, напряженно прислушиваясь, он внезапно понял, насколько фантастично то, что здесь происходит. И вновь контакт.

—...Госсейн, более чем пятьсот лет тому назад... я начал разрабатывать нуль-А теорию, выдвинутую не помню кем еще раньше. Я подыскал место, мне казалось, что не-Аристотелев человек... именно тот путь развития... Тайна бессмертия не должна попасть в руки таким, как Торсон, готовым использовать знания для достижения неограниченной власти...

Молчание. Становилось очевидно, что кора головного мозга погибает, клетки теряют однородность. Он поймал туманные обрывки фраз, потом:

—Я обнаружил галактическую базу, побывал во всей Вселенной. Я вернулся и разработал проект Машины... И это я выбрал Венеру, чтобы люди могли быть счастливы. А затем, несмотря на потерю памяти в результате несчастного случая, я начал выращивать тела, правда не своего поколе... ле...

Шли минуты, но умирающий мозг старика безмолвствовал. Госсейн поднялся на ноги. Его охватило радостное волнение человека, которому удалось восторжествовать над самой смертью. Внезапно он вспомнил слова, на которые раньше не обратил внимания: "Между твоей и моей группами нарушилась непрерывность".

Ну конечно же! Только ненависть к "Х" помешала ему понять, что между ними существует какая-то связь. Но непрерывность могла относиться только к... памяти. Да и кем еще он мог быть?

Он кинулся искать пасту для бритвы. Тюбик лежал на полке в ванной комнате. Дрожащими руками он выдавил содержимое на бороду покойного.

Волосы легко сошли в полотенце. Госсейн встал на колени и молча уставился на человека лет семидесяти пяти или восьмидесяти—старше, чем он думал. Больше ему никого не придется искать. Лицо было его собственным.

**Гордон Р. Диксон
ИНОЙ ПУТЬ**

**А. Е. Ван Вогт
МИР НУЛЬ-А**

*Американские фантастические
романы*

**Составители
Л. С. Рейфман, В. А. Симоновский**

**Ответственный редактор
Н. Н. Полищук**

**Технический редактор
Г. Л. Лапшова**

**Корректор
И. Б. Белова**

Сдано в набор 10.01.93. Подписано в печать 20.03.93. Формат 60х90 1/16.
Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л. 16. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 23

Издательство "Союзтеатр", Санкт-Петербургский филиал.
197101, С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, 44.

Набор, верстка на ПЭВМ выполнены МНТК "Принт".

Разработка высокоэффективных технологических систем очистки
и обезвреживания промышленных и бытовых сточных вод
Проектирование и строительство очистных сооружений
Изготовление и монтаж водоочистного оборудования
Пуск, наладка и сервисное обслуживание очистных станций

Внедряет разработанные фирмой и всесторонне
апробированные принципиально новые технологические
системы электрокаталитической очистки сточных вод от
трудноокисляемых химически стойких органических загрязнений

Технология и конструкция аппаратов защищены патентами
и авторскими свидетельствами

Сущность технологии заключается в последовательной обработке
стоков в электрохимическом реакторе с нерастворимыми
электродами и последующем окислении продуктов электро-
химической трансформации на гранулированном катализаторе
до простых и безвредных соединений.

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ

Электрокаталитическая очистка успешно применяется
на красильноотделочных фабриках, заводах бытовой химии,
прачечных, химчистках, а также для глубокой доочистки бытовых
сточных вод автономных коммунальных объектов (мотелей,
кемпингов, пансионатов, домов отдыха, вахтовых поселков
геологов и строителей и т. п.).

Преимущества разработанной технологии — высокая
эффективность очистки, возможность создания оборотных
систем водного хозяйства, отсутствие образования осадков,
простота автоматизации и управления, надежность установок
в работе, быстрый запуск и вывод их на рабочий режим
эксплуатации, компактность оборудования.

Кроме того, фирмой разработаны безотходные технологии
по извлечению и утилизации из сточных вод ионов металла: цин-
ка, хрома, меди, никеля, серебра, золота и др.

Адрес для корреспонденции 196070, Санкт-Петербург, а/я 128
Телефон (812) 114-20-99
Факс (812) 114-04-84

ТФ "СОЮЗТЕАТР"
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "ЧАС ПИК"